

Колдовские
МИРЫ

КОМУ ВЕРИТЬ: РАЗУМУ ИЛИ СЕРДЦУ?

Ольга
Романовская

**МНЕ НУЖНО
ТВОЕ «ДА»**

Annotation

Спасаясь от брака с соседским управляющим, Ефимия занимает место сестры на отборе невест императора. Но кто бы мог подумать, что во дворце девушка столкнется с Ленаром Горзеном! Он – первый министр, лучший друг императора. Она – дочь человека, семью которого Ленар некогда отправил в ссылку. Может ли их связать что-нибудь, кроме мести?

Новый роман популярного автора Ольги Романовской ожидается читателями. Автора всегда тепло принимают, а тема отбора невест очень популярна для ромфанта.

- [Ольга Романовская](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
-

Ольга Романовская
Мне нужно твое «да»

© Романовская О., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Топот ног сестры Ефимия услышала задолго до того, как Анна стремительно ворвалась в дом, едва не опрокинув ведро с водой. Старшая из девиц Брок с укором посмотрела на нее и, подоткнув юбку, продолжила мыть пол. Безусловно, это не дворянское занятие, а Броки как-никак бароны, но в некоторых случаях черную работу приходится делать самим. Особенно если отныне вы бедны, у служанки выходной, а ты принесла на ногах землю из сада. Не так уж это и сложно – наклониться и убрать за собой. После смазать кожу смесью меда и топленого курдючного жира. Тогда руки останутся гладкими, что бы там ни ворчала матушка.

Анна приплясывала на месте, явно пытаясь привлечь внимание сестры. Пришлось поднять голову.

– Ну?

– Я стану императрицей! – без предисловия выпалила девушка.

Ефимия опешила, даже тряпку отложила.

– С чего вдруг?

– Вот!

Анна с гордостью протянула конверт. Ефимии не доводилось видеть такие с двенадцати лет, когда они жили в столице и держали целый штат прислуги. Белоснежная плотная бумага, тисненый герб Рдожа. Внутри выведенное аккуратным писарским почерком приглашение явиться на некий отбор и факсимиле Его Императорского Величества Вардена Имериза. Имя получателя не значилось, но по какой-то причине Анна решила, будто письмо адресовано ей.

– Ничего не понимаю!

Ефимия, качая головой, вернула конверт сестре.

– Ну ты темная! – закатила глаза Анна и закружилась по прихожей. – Неужели ты ничего не слышала об императорском отборе?

– Нет, – честно призналась девушка.

Как-то не до того было. То надо съездить к ростовщику, заложить очередные драгоценности, то договориться о починке забора. Это Анна порхает. Мать ее избаловала. Может, чувствовала вину за то, что

лишила младшенькую беспечного детства? Она была совсем крохой, когда все случилось.

Анна тяжело вздохнула и, встав в позу, подсмотренную на представлении бродячего театра: чуть выставив вперед ногу и запрокинув голову – пояснила:

– Ну как же, Эффи, по указу императора сделали списки всех незамужних девиц и разослали приглашения. И вот двадцатого числа я должна явиться на заседание отборочной комиссии графства. Без обид, сестренка, но ты не подходишь. В приглашении четко сказано: до двадцати одного года. Там будет еще три сотни девиц, – беспечно добавила девушка, – но это сущие пустяки! Я выиграю.

Ефимия придирчиво осмотрела младшую сестру: вдруг действительно выиграет? Возраст подходящий – шестнадцать, кукольная внешность, которая так нравилась мужчинам: чуть тронутая румянцем кожа, шоколадные локоны, невинное личико, кармин-ные губы. Если в комиссии собрались не старые хрычи и взяточники, оценят. Насчет себя Ефимия не расстраивалась. В императрицы она не метила, излишним тщеславием тоже не страдала.

– Что там у тебя, Анна?

Привлеченная голосами, в прихожую вышла Мелания Брок с пачкой бумаг в руках – до возвращения дочери она вместе с золовкой проверяла счета. Сестра мужа маячила у нее за спиной.

Анна с гордостью протянула матери приглашение.

– Неожиданно! – пробежав бумагу глазами, покачала головой Мелания.

– Ты не рада? – состроила кислую мину девушка.

Ефимия только вздохнула. Совсем ребенок! Хотя такие уловки работали, вот и мать поспешила успокоить дочь, погладила по голове.

– Ну что ты, милая, конечно, я рада и не сомневаюсь, что святая Эрнестина, твоя небесная покровительница, направит руку выборщика к карточке с твоим именем. Я о другом. Странно, что император надумал жениться. Вдобавок не на очередной принцессе и через столько лет! Я полагала, он сохранит верность памяти невесты. Представляешь, – обернулась она к золовке, – нашу Анну вызвали на императорский свадебный отбор.

– Этого следовало ожидать! – фыркнула Анжела. Напрасно Анна ждала поздравлений, тетушка всегда была скупа на эмоции. – Стране

нужны наследники. Выбирать среди своих разумно: избежишь ссоры с соседями. Всегда найдутся недовольные, начнут требовать, чтобы предпочтение отдали их кандидатуре. Так и до войны недалеко.

– Но ведь принцесса Марианна забрала сердце императора, – не унималась Мелания. – Помнишь, мы целый год носили траур.

– Ты слишком романтична! – покачала головой золовка. – Императору скоро сорок, тут не до любви, особенно к покойницам. Не бастарду же трон оставлять! Их у Вардена хватает, но толку? Не удивлюсь, если мать попросила императора взяться за ум. Ее величество Алисия крайне практичная, приземленная особа, она всегда мне нравилась. Помнится, когда я...

Анжела не договорила. Ефимия догадывалась: речь об одном из эпизодов далекого прошлого, когда тетка входила в свиту тогда еще не вдовой императрицы. Не повезло ей! Если бы Анжела успела выйти замуж, пила бы сейчас чай или кофе в одной из великосветских гостиных. Но ее покойный отец искал идеального зятя, не желал мириться с любыми недостатками. В итоге к Анжеле перестали свататься, и она превратилась в компаньонку супруги брата.

– Ты права. Сорок – опасный возраст, лучше встретить его женатым.

Золовка хмыкнула. Конечно она права! Собственно, как всегда. Без нее Мелания давно бы пошла по миру. Доверять любому встречному, не считать денег – долго бы она прожила при таком подходе на скромную ренту?

– Смотрите, я императрица!

Анна собрала волосы в импровизированную ко-рону и закужилась по комнате. Даже Анжела растаяла, улыбнулась. Все принялись активно обсуждать предстоящий отбор, только Ефимия осталась в стороне. Откинув на спину косу цвета воронова крыла, она вернулась к прерванному занятию. Ей не терпелось закончить, чтобы открыть привезенный с воскресной ярмарки роман. Он продавался с хорошей скидкой, только поэтому Ефимия позволила себе его купить.

– Эффи, съездишь с ней? Да брось ты эту тряпку! – в сердцах добавила Мелания. – Не уподобляйся крестьянкам, вернется Труди и все сделает. Хватит того, что мы вынуждены на зиму закатывать варенье!

Девушка горько усмехнулась. Мать светилась так, будто помолвка Анны и императора – дело решенное. Между тем ей только предстояло бороться за право попасть во дворец.

– Кстати, тот молодой человек до сих пор к тебе ходит? – деловито поинтересовалась Мелания.

– О ком ты?

Вроде за Ефимией не водилось поклонников. Во всяком случае, с серьезными намерениями.

– Управляющий графини Малжбетен. Понимаю, он неподходящая партия, но лучше так, чем старой девой.

«Молодой человек»! Да он старше императора, к тому же лысый. Но мать напомнила о неприглядной истине: Ефимии почти двадцать четыре. Еще пара лет – и даже ясные, яркие, как сапфиры, глаза не спасут. Девичий век короток, а мужчины крайне разборчивы.

– Бывает иногда, – пожалала плечами девушка.

Возраст возрастом, но выходить за Льюиса Бара она не собиралась.

– То букетик, то корзину яблок принесет, – охотно продолжила за нее тетка. – Ты не дурочка, Эффи, сама понимаешь...

– Понимаю – что? – громче, чем следовало, огрызнулась Ефимия и в сердцах кинула тряпку на пол.

– Что мы не в том положении, чтобы разбрасываться женихами, – поддакнула золовке Мелания.

Какой же упрямой уродилась дочь! Баронесса пробовала сговорить ее за мелкого джентри и за младшего сына окружного судьи, но все без толку. Ефимия упорно твердила «нет». В итоге из потенциальных женихов остался только Льюис Бар. Пусть он из второго сословия, зато закончил частную школу в Хайте, главном городе графства, и целый курс проучился на факультете права. Состояние у Льюиса тоже имелось, не ахти, но они с Ефимией могли бы держать прислугу, раз или два в год ездить в театр и завести приличный выезд. Только старшая дочь во всем пошла в отца, даже ростом, слишком высоким для девушки. Какое счастье, что Анна другая! Однако Мелания надеялась, голос разума в Ефимии возобладает, и она не повторит ошибок отца.

– Я и не разбрасываюсь, просто ищу равного.

– Милая, – попыталась урезонить ее мать, – ты больше не дочь победоносного генерала Брока, пора умерить притязания.

– Отчего же, мама, я все помню, – сухо отозвалась Ефимия и оправила юбку. – Но даже в нынешнем положении сохранила крупницу гордости. Хорошо, я съезжу с Анной в город, заодно зайду к модистке. Нижнее белье сестры никуда не годится, если вы прочтите ее в невесты императору, придется раскошелиться.

– А как же господин Бар? Ты так ему нравишься.

– Нет, и даже не проси.

Анжела положила руку на плечо невестки. Мол, успокойся, не трогай ее пока.

– Все образуется! – шепнула она Мелании и громко, вернувшись к первоначальной теме разговора, заметила: – Боюсь, одним бельем Анна не отделается, потребуются платья, минимум два. Эффи, заложись мой гранатовый браслет.

Девушка кивнула. Все четверо понимали: украшение они больше не увидят.

– Возьми, что сочтешь нужным, из моего тайника, – добавила Мелания. – Не поскупись, но и не переплати.

Анна унеслась наверх, в общую спальню сестер. Наверное, вертится сейчас перед зеркалом, играет в императрицу. Порой Ефимия ей завидовала. Вот бы стать такой же беспечной! Только она не могла. Двенадцать лет назад жизнь разделилась на до и после, ровно пополам. Ефимия даже не знала, где похоронили отца и братьев. Все же девушке повезло, что она была ребенком, иначе не отделалась бы домашним арестом.

Мелания и Анжела шептались в гостиной. Ефимия не придавала этому особого значения. Вылив воду, она занялась цветами – чтобы как-то оживить их скромное жилище, девушка составляла букеты и украшала ими комнаты.

– Эффи, – донесся до нее голос матери, – твое коричневое платье чистое?

Речь шла о муслиновом кофейном платье в мелкий белый горошек.

– Да, – задумавшись, отозвалась девушка, продолжая ловко орудовать ножом на кухне – нужно подрезать и подровнять стебли.

Она ожидала, мать еще что-нибудь скажет, но та промолчала. Наверное, они с тетей хотели, чтобы во время поездки в Хайт обе сестры выглядели презентабельно. Хорошо, Ефимия наденет коричневое платье, ей несложно, заодно представится случай достать из сундука перчатки. В последний раз девушка натягивала их почти год назад, когда графиня любезно пригласила их на пикник.

Ну вот, букет для гостиниой готов.

Ефимия с гордостью осмотрела свое творение. После того как они перебрались в графство Орой, она увлеклась цветами и, по словам многих, обустроила чуть ли не самый лучший в округе камерный садик. Ничего особенного – пара кустов роз, пионы, мечтательные ирисы у пруда, откуда они черпали воду, и местные многолетники. Подхватив букет, девушка направилась в гостиную, чтобы поставить цветы в вазу. Тетя и матушка все еще что-то воодушевленно обсуждали. Ефимия нахмурилась, замерла на пороге, услышав обрывок фразы Анжелы:

– ...после ужина оставим их наедине.

Кого они намерены пригласить, кого и с кем оставить?

Девушка стремительно вошла в комнату, заставив заговорщиц замолчать. Судя по тому, как они дружно отвели глаза, обсуждали Ефимию.

– Мы ждем гостей? – беззаботно поинтересовалась девушка и расправила тяжелые шапки пионов. Они идеально гармонировали с потускневшими золотистыми обоями. – Не думаю, что это хорошая идея. Труды вернется только к вечеру.

– Как раз управится, – возразила Анжела. Она решила взять судьбу племянницы в свои руки. – Ничего особенного, так, посиделки в кругу друзей.

Ефимия насторожилась и потребовала:

– А ну-ка назовите имя гостя!

– Фи, где твои манеры, Эффи! – скривилась тетка. – Надеюсь, завтра вечером ты будешь куда любезнее.

Выходит, не сегодня, а завтра. Явно пригласят очередного жениха, того самого управляющего. Но это уже слишком! Ефимия с громким стуком поставила вазу на столик и, подбоченившись, обернулась к Анжеле.

– Что вы пообещали господину Бару?

– Ничего, – вмешалась в разговор Мелания. Ее невинному взгляду позавидовал бы ребенок. – Мы просто подумали, вам нужно лучше узнать друг друга.

– Насколько лучше? – усмехнулась девушка и предупредила: – Если он сделает предложение, я отвечу отказом.

– Глупая девчонка! – вспыхнула Анжела. От возмущения ее лицо пошло пятнами. – Ты собралась вечно камнем висеть у матери на шее? Хоть раз бы полюбобпытствовала, во сколько нам обходится дом, Труды, содержание вас с Анной!

– Перестань, Анжела! – попыталась урезонить ее невестка. – Девочки нам не в тягость.

– Сама перестань, Мелания! – отмахнулась золовка и, нервно заламывая руки, прошла по комнате. – Ефимии двадцать три, двадцать три, понимаешь! Анна юна и свежа, ее мы пристроим. Вдруг карта отбора сыграет? Словом, за нее я спокойна, под старость без дома и денег не останется, но Эффи... Ты желаешь ей участи старой девы, приживалки при той же графине Малжбетен? Сама знаешь, рента твоя, дочери не унаследуют ни медяка. Да уродись этот Льюис Бар хоть записным уродом, мы должны благодарить всех святых. И ты, Эффи, – стрельнула она глазами по племяннице. – Не воротить нос, а молчать и улыбаться. Я отнесу записку сама, скажу, ты лично просила господина Бара прийти.

Стукнула дверь – тетка отправилась выполнять угрозу.

Обессиленная Ефимия рухнула на диван и прижала ладони к вискам. Она не желала становиться госпожой Бар. Лучше пойти в гувернантки!

– Полно, милая! – Мелания присела рядом с дочерью, привлекла ее голову к груди. – Не так все плохо. Вовсе не обязательно любить мужа, главное, чтобы тебя любили, чтобы человек был хороший. Ты ведь знаешь, мы с отцом... Но разве кто-нибудь назвал бы нас плохой парой? Господин Бар надежный, без ума от тебя. Хорошенько подумай и соглашайся.

Ефимия резко выпрямилась. Глаза ее налились грозовой синевой, пальцы сжались.

– Можешь что угодно соврать господину Бару, но к ужину я завтра не выйду. Так и передай тетке!

Раскрасневшаяся девушка вылетела из гостиной прежде, чем мать успела ее остановить. Мелания сокрушенно вздохнула. Вот что прикажете с ней делать? Вся надежда на Льюиса. Если он правильно поведет себя с Эффи, склонит весы в свою пользу. Главное, заткнуть рот Анжеле. Будто она сама не видит, что, агрессивно подталкивая племянницу к замужеству, наоборот, его отдаляет.

Ефимия стремглав влетела в общую девичью спальню. К счастью, Анны здесь не оказалось, и девушка смогла дать выход своим чувствам. Она металась по комнате между кроватями, от покрытого вязаной салфеткой туалетного столика до шифоньера, потом взобралась на подоконник. Анна облюбовала его для чтения, натаскала подушек из гостиной. Ефимия же предпочитала празднично любоваться видом на графские яблоневые сады. Всегда, но не сегодня.

У нее всего сутки. Зная тетку, можно не сомневаться: она постарается, чтобы Льюис не уехал, пока не сделает предложения. Ефимия слишком хорошо понимала, чем обернется отказ. Обиженный управляющий настроит против них графиню, а та позаботится, чтобы перед семьей Броксов закрылись двери немногих приличных домов в округе. И если бы только это! Матушке перестанут отпускать товары в долг, кредиторы накинутся, словно стая ворон, а Анна вылетит с отбора прежде, чем переступит порог зала заседания комиссии. Только вот согласиться Ефимия тоже не могла. Она с трудом выдерживала пару минут в обществе господина Бара, а тут всю жизнь... Девушка оказалась между двух огней. Что бы она ни выбрала – все плохо.

Взгляд случайно зацепился за приглашение. Ефимия отвернулась, но уже через минуту встала и взяла в руки конверт. Она тщательно, медленно несколько раз перечитала письмо. В голове вспыхнула спасительная идея. А что, если?.. Тетка сама говорила, у Анны с замужеством проблем не возникнет, так пусть спасет сестру от незавидной доли.

– А не попытать ли мне счастья? Прихвачу письмо и займу место Анны. Тут ведь даже фамилия не указана, а возраст... – Ефимия бегло оценила отражение в зеркале. – Не так уж старо я выгляжу, сойду за двадцатилетнюю. Мне ведь только от Льюиса и матримониальных планов тетушки сбежать, а отбор... Кто ж меня возьмет? Максимум первый тур пройду, пока родословную чуть глубже не копнут. А пока

суд да дело, заведу знакомства с родовитыми девицами, найду место учительницы или гувернантки.

Воодушевленная девушка вытащила из-под кровати потрепанный чемодан, чтобы проверить замки. В последний раз их открывали во время вынужденного переезда на запад. А ведь император мог и на север, на рудники отправить – пожалел. Убедившись, что с чемоданом все в порядке, Ефимия с тоской осмотрела полки шифоньера. Из приличных платьев только одно, то самое, в горошек. Положим, она наденет его на заседание комиссии, но ведь и в остальные дни нужно в чем-то ходить, произвести благоприятное впечатление на потенциальных работодателей.

– Ничего, святой Верасий поможет, – понадеялась на помощь небесного покровителя девушка и захлопнула дверцы. – Да и чем скромнее, тем лучше. Гувернантке не положено притягивать взгляды.

Однако на всякий случай, вдруг авантюра удастся и Ефимия попадет в столицу, нужно прихватить кое-что из вещей тетки. Они примерно одного телосложения, да и Анжела всегда одевалась со вкусом, даже в ссылке. Шикарными ее платья не назовешь, но они хотя бы яркие, тогда как по настоянию матери Ефимия носила исключительно серое, голубое и коричневое.

А еще ей понадобится заглянуть в нижний ящик матушкиного комода. Там, на самом дне, в холщовом мешочке хранились семейные сбережения. Обкрадывать мать нехорошо, но Ефимия все вернет, да и возьмет немного, дюжину ассигнаций.

Заслышав шаги, девушка очнулась от грез и поспешила спрятать чемодан. Не хватало еще, чтобы Анна застала ее за сборами! Вопросов не оберешься. Лучше притвориться, что до сих пор дует на тетку. Вот и она, легка на помине, спешит по тропинке к землям Малжбетенов. Анжела упряма, но Ефимия ни в чем ей не уступит.

Глава 2

Столовая небольшого двухэтажного коттеджа была настолько мала, что в нее едва удалось втиснуть длинный тисовый стол. Прежний, скромный, всего на четыре персоны, Меланию не устраивал. «Как можно обедать за таким убожеством? – сразу после переезда в деревню Мелрой заявила она. – Может, я отныне бедна, но не собираюсь тереться локтями о бока дочерей». Буквально через неделю в коттедж привезли новый стол, и с тех пор семейство Брок трапезничало с достоинством, полагавшимся всем дворянам. Подумаешь, приходилось тискаться вдоль буфета и втягивать животы, чтобы отодвинуть стул, зато не стыдно принять гостей. Правда, они опальных аристократов не жаловали, даже графиня Малжбетен предпочитала звать Меланию, Анжелу и Ефимию к себе, в одну из роскошных гостиных, каждую из которых без потери комфорта можно было превратить в две полноценные комнаты. Разумеется, тактичная графиня никогда бы не призналась, что избегала тесноты коттеджа. Она всегда находила предлог, чтобы перенести чаепитие в свое имение. Зато сегодня тисовый стол пригодился: Броки принимали Льюиса Бара.

Над расписанной аляповатыми цветами фаянсовой супницей поднимался пар.

Замученная придирками хозяйки Труды в накрахмаленном чепце разливала кушанье. Все по-столичному, тарелка на тарелке, чтобы не запачкать скатерть. Рядом полный набор приборов, даже вилка для рыбы – на второе запекли радужную форель. Довершали картину искусно сложенные Анной салфетки и цветы в вазе. Последние принес Льюис вместе с коробкой конфет. Перевязанная алой лентой, она поблескивала на буфете. Ассорти с помадной начинкой. Куплены, несомненно, в Хайте, в их глуши такого не найдешь. В Мелрое продавали только булочки с заварным кремом и усыпанные сахаром рогалики. Однако виновница праздничного обеда щедрость управляющего не оценила. Ефимия с каменным лицом сидела напротив Льюиса и лениво помешивала ложкой наваристый суп. По настоянию матери она завила волосы. Прическа ей категорически не

нравилась. Такая подошла бы Анне, какая из Ефимии романтическая барышня? Но Мелания была непреклонна: дочери нужно добавить женственности. По той же причине она велела ей говорить только о безобидных вещах, вроде моды и погоды. «Например, книгу с ним обсуди, – наставляла вдова Брок. – Спроси совета, какая лента лучше подойдет к шляпке». Определенно, мать спутала ее с Анной. Ефимия лучше станет молчать, чем болтать всякие глупости.

К сожалению, спастись от ненавистного ужина не удалось: проходящий дилижанс остановится в Мелрое около полуночи. По-другому в Хайт не добраться, разве только в собственном экипаже.

Ефимия испробовала все, чтобы не оказаться за одним столом с Льюисом. Сначала закатила скандал, потом сказала больно. Когда же поняла, что мать и тетка настроены серьезно, попросту сбежала. Может, ей и удалось бы отсидеться в старом яблоневом саду, если бы не Анна. Сестру послали на поиски, и она обнаружила ее тайное укрытие. И вот Ефимия глотала суп, не чувствуя вкуса, пытаясь придумать, как безболезненно выпутаться из сложившейся ситуации. Анна ее терзаний не понимала. Еще бы, мысленно сестра уже в столице, блистает на балах. К тому же она всегда мечтала о замужестве: фате, красивом платье, свадебном торте – и не могла понять, почему Ефимия упорствовала. По мнению Анны, управляющий графини – отличная партия. Сама бы она за него не пошла: староват, но ведь и Ефимия в ее глазах чуть ли не столетняя старуха. Словом, на поддержку близких не приходилось рассчитывать.

Анжела с умным видом обсуждала с гостем виды на урожай. Ефимия догадывалась: тетка выбрала столь скучную тему только для того, чтобы Льюис блеснул красноречием. По той же причине ей вдруг понадобилось его мнение о недавней постановке, которую управляющему посчастливилось посетить. Прежде Анжела театром не интересовалась, считала его баловством.

– А вы любите театр, мистрис Брок?

Ефимия не сразу поняла, что вопрос предназначался ей. Ну да, теперь она «мистрис», а не «миледи». Мистрис Брок, потому что старшая из сестер. К младшей бы обращались «мистрис Анна». Но ведь их не лишили дворянства, Льюис мог бы в очередной раз не подчеркивать социальное падение семьи потенциальной невесты.

Девушка пожала плечами:

– Мне не доводилось там бывать.

Ни мать, ни тетя после не назовут ее букой, но и кокетства с потенциальным женихом не добьются.

– О, какое досадное упущение! – взмахнул руками Льюис. – Вам надо непременно увидеть настоящее представление, а не ту жалкую пародию, которую дают бродячие труппы.

По случаю ужина управляющий графини Малжбетен принарядился. Ефимия могла поклясться, что он забрал хрустящий сверток с новым костюмом только сегодня. На шейном платке сохранился неотрезанный ярлык. Он предательски мелькал из-под узла, когда Льюис двигался. Ефимии даже стало его жалко. Бедняга так старался, готовился! Но себя было жалче.

Ефимия честно пыталась. Закрывала глаза и представляла себя госпожой Бар в клетчатом платье и ночном капоре с оборками. Вот муж наклоняется и целует ее. Пусть все происходило только в ее воображении, всякий раз Ефимия в ужасе вздрагивала. Образ Льюиса в длинной ночной рубашке, его лысая макушка и несвежее дыхание вызывали отторжение. И не так уж он умен и образован, чтобы компенсировать остальные недостатки. О непомерном богатстве тоже речи не шло, – словом, девушка не находила ни единого аргумента в пользу замужества. Вовсе она не старая дева, чтобы поставить на себе крест и пойти за первого встречного.

– Осторожнее, Труды! – прикрикнула Мелания на прислугу.

Несчастливая женщина и так с трудом протискивалась между стенами и спинками стульев, не стоило волновать ее еще больше. Подумаешь, немного задела. Обычно леди Брок не была столь нервозной, но сегодня особенный день, все должно быть идеально.

Ефимия не знала, как дотерпела до десерта – традиционного яблочного пирога. Без него не обходились ни в одном оройском доме. Каждая семья бережно передавала семейный рецепт из поколения в поколение. Брокам достался рецепт Труды. Она добавляла к яблокам корицу и чуточку кардамона. Мелания не уставала повторять, как им повезло с прислугой. Сегодняшний вечер это только подтвердил. Любая другая в сердцах бы скинула передник и заявила: «Справляйтесь сами!» – но Труды стойко терпела все замечания.

Однако на сладкое в семье Броков подали не только пирог. Крепившаяся весь вечер Анна не сдержалась и поделилась с гостем

грандиозной новостью:

– Представляете, я стану невестой императора!

Льюис нахмурился, начал было:

– Боюсь, мистрис Анна, это невозможно...

На помощь пришла Анжела:

– Речь всего лишь о вызове в столицу графства. Но мы все надеемся, племянница продвинется чуточку дальше.

Однако недостаточно далеко, чтобы попасть в число финалисток. Клеймо дочери предателя никуда не делось. Пусть со временем вину барона Брока немного смягчили, его родные все равно оставались дворянами второго сорта, не для дворца императора.

– Жду не дождусь, когда предстану перед отборочной комиссией! – вновь восторженно защебетала Анна. – Господин Бар, вы, случайно, не знаете, кто туда входит?

– Боюсь, я недостаточно интересовался отбором, мистрис Анна.

– Жаль! – искренне расстроилась девушка. – Я надеялась, вы меня поддержите.

– Анна, – подмигнула Анжела, – тебе не кажется, что нужно помочь Трудю? Одна она не принесет столько бокалов.

– Да вот же они! – не желая понимать намеков тетушки, Анна указала на буфет.

– Другие бокалы, Анна, – начинала сердиться Анжела. – Те самые.

Она выразительно посмотрела на Ефимию, и младшая племянница наконец поняла.

– Конечно, тетушка! – подскочила она и с шумом задвинула стул.

– А я заварю чаю, – вслед за ней поднялась Мелания. – Это чрезвычайно важный процесс, нельзя доверить его прислуге.

Ефимия не удивилась, наоборот, едва не рассмеялась, когда и у тетушки нашлось важное дело: достать из погреба бутылку лафита. Будто не могла все подготовить заранее! Желание оставить Ефимию наедине с Льюисом было столь очевидным, родственники могли бы действовать чуточку тоньше.

Девушка нервничала. Ей предстояло подобрать верные слова для отказа. Впрочем, вдруг управляющий графини ограничится простыми ухаживаниями? Увы, первые же его действия вдребезги разбили надежды. Откашлявшись, Льюис поднялся и положил салфетку рядом с тарелкой. Ефимия стиснула пальцы, словно окаменела.

– Милая леди Брок, – торжественно начал управляющий, употребив прежнее уважительное обращение, – возможно, я покажусь вам излишне дерзким, но сегодня я приехал в ваш дом с одной-единственной целью.

– Какой же?

В горле пересохло, и девушка залпом выпила стакан воды. Она злилась на Льюиса. Решить, будто она согласится! И ведь еще обидится, получив отказ. Будто в их случае можно рассчитывать на иной исход! Дело даже не во внешности или возрасте, Ефимия никогда не делала авансов, вела себя с поклонником подчеркнуто холодно и отстраненно.

– Прекрасная мистрис Ефимия, – девушка отшатнулась, когда он, умудрившись протиснуться между стулом тети и стеной, остановился рядом с ней, – позвольте мне надеяться... Словом, осчастливьте меня, мистрис Ефимия, станьте моей...

– Нет! – не позволила ему закончить Ефимия.

Щеки ее покраснелись.

– Вы даже не выслушаете? – насупился Льюис. – Ничего предосудительного. Я уже говорил с вашей матушкой, она дала согласие...

– Вот на ней и женитесь! – в сердцах выпалила Ефимия.

Словно слон в посудной лавке, девушка проложила себе кружной путь к выходу. Святые свидетели, она пыталась, но не соглашаться же на брак из вежливости!

– Ефимия, – полетел в спину встревоженный голос Мелании, – что случилось?

Обернувшись, девушка убедилась: и матушка, и тетка, и Анна караулили на пороге кухни, ждали конца объяснения.

Бежать, прямо сейчас бежать!

Стуча каблуками по скрипучим ступенькам, Ефимия гадала, сколько времени у нее в запасе. Сначала родные успокоят гостя, проводят его и только потом примутся за нее. Выходит, в запасе от пары минут до четверти часа – в зависимости от степени обиды Льюиса. Ничего, она успеет. Вещи собраны, осталось взять деньги и прихватить синее платье тетки. Ефимия не забрала его раньше, так как опасалась, что Анжела наденет его на вечер.

– Ефимия!

Теперь голос матери звучал тверже, суровее.

Девушка стиснула кулаки, но не остановилась. Сзади послышались торопливые шаги. Леди Брок нагнала дочь у двери спальни и ухватила за плечо, заставив обернуться. Прежде мать так грубо себя не вела, выходит, она в ярости. Так и есть. На щеках Мелании расцвели два пурпурных пятна, губы подрагивали.

– Упрямая девчонка! – Тетка бы одарила Ефимию звучной оплеухой, но леди Брок просто повысила голос. – Ты сейчас же спустишься и извинишься перед господином Баром.

– Даже не подумаю.

Девушка скинула руку со своего плеча.

– Глупая! – сокрушенно покачала головой Мелания. – Для твоего же блага! Уж не знаю, что ты там сказала, но Анжеле едва удалось все уладить, перехватить гостя буквально на пороге. Скажи: переволновалась.

– Все нет. Я не собираюсь лгать.

– Милостивые святые, ну что мне с тобой делать? – всплеснула руками вдова Брок. – Пойми же, тебе нужно выйти замуж. Да, ты у меня красавица, при иных обстоятельствах разве я бы просватала тебя за управляющего? Но уж лучше он, чем приживалкой у той же сестры. Вдобавок господин Бар в фаворе у графини, ты ей тоже нравишься. Может, она тебя в завещании упомянет? У нее денег много, а из наследников – только непутевый сын-бретер.

– Матушка, я не выйду за господина Бара, – как можно спокойнее повторила Ефимия.

Когда же родные поймут эту простую вещь? Ни завещание графини Малжбетен, ни самое бедственное положение, ни общественное презрение к засидевшимся в невестах девушкам не заставят ее пойти за господина Бара. Льюис ей совсем не подходит. Разве мать не видит, как он глуп, не замечает его манер, лысины и прочих физических недостатков? Если уж продавать себя, то за большую цену. Господин Бар заплатить ее явно не мог.

– Так он сделал предложение? – не унималась Мелания.

– Почти. Я не позволила ему договорить.

– Ох, дура, упрямая дура!

Леди Брок обхватила голову руками. Перед ее глазами пронеслась безрадостная картина будущего. Существовать только на скромную

ренту, лишиться общества графини Малжбетен, привлекательных цен в лавках – и все по милости слишком гордой дочери!

– Хорошо, милая барышня, – чуть ли не впервые за всю жизнь Мелания решила проявить строгость, – тогда отправляйтесь к себе и хорошенько подумайте над своим поведением. Вы не выйдете из дома, пока не примете предложения Льюиса Бара.

– То есть никогда, – со смешком резюмировала Ефимия и скрылась за дверью.

Вот и решилась ее судьба. Матушка не оставила выбора. Убедившись, что она ушла, спеша вселить надежду в отверженного жениха, Ефимия вытащила чемодан и бесстрашно наведальась в комнату тетки, а затем в спальню матери. Помимо денег девушка прихватила бархатный мешочек со своими драгоценностями. Так, ничего особенного, никаких бриллиантов и вычурных ожерелий. Девочке-подростку полагались скромные и неброские камни вроде жемчуга и янтаря. В свое время Ефимии удалось их припрятать, забрать в ссылку. Девушка как раз заканчивала сборы, когда в комнату заглянула Анна. Спрятать чемодан Ефимия не успела, сестра все видела, но не выдала, чем заслужила мысленную благодарность.

– Сбежать решила?

Ефимия кивнула и, не глядя, закинула в чемодан немногочисленную косметику.

– Тебя не отпустят, тетка в дверях стоит, – предупредила Анна и шепотом призналась: – Я боялась, после твоего отказа мать меня ему в жены предложит. И это накануне отбора! Ах, Эффи, я бы умерла, слово даю, в тот же миг умерла бы, если бы меня просватали за господина Бара! Он такой старый и совсем никто. То ли дело император! – мечтательно добавила она и плюхнулась на кровать. – Закрываю глаза и вижу: я во дворце, в красивом платье танцую с его величеством, а все смотрят, разинув рты.

Улыбка против воли тронула губы Ефимии. Ей будет не хватать Анны. Сестра столь мила и непосредственна, лучик солнца в серости будней. Но ничего, как только Ефимия устроится на новом месте, непременно навестит родных.

– А ты куда собралась?

Старшая сестра помедлила с ответом. Не признаваться же, что украла приглашение и собралась занять чужое место, особенно после

фантазий Анны. Поэтому Ефимия ответила уклончиво:

– Попытаю счастья в городе.

– Правильно, – по-своему поняла ее сестра, – там женихи богаче, сто очков господину Бару дадут. Только ты, – Анна замешкалась и сглотнула, сдерживая накатившие вдруг слезы, – пиши, обязательно пиши, Эффи!

Она так на нее смотрела, что Ефимии пришлось кивнуть. Анна тут же успокоилась, повеселела. Воспользовавшись переменой ее настроения, Ефимия попросила сестру сбегать вниз, разведать обстановку. Увы, та принесла неутешительные вести: проводив гостя, Анжела заперла входную дверь и унесла ключ. Сейчас они с Меланией пили на кухне ромашковый чай, приходили в себя после сорванного званого ужина. Придется бежать через окно. Ефимия прикинула расстояние до земли: можно рискнуть. Да и лучше сломать ногу, чем стать госпожой Бар. Мать с теткой не успокоятся, пока не добьются своего.

Сначала девушка спустила на самодельной веревке из простыней чемодан. Убедившись, что узлы крепкие, а ткань не порвалась, решила лезть сама.

– Пожелай мне удачи, Анет!

Ефимия чмокнула сестру в щеку и перекинула ногу через подоконник. С непривычки она спускалась медленно, пару раз едва не сорвалась, но в итоге благополучно коснулась земли. Оставалось только порадоваться, что окна кухни выходили на юг, иначе родные давно бы заметили беглянку.

Ладони горели, на них появились ссадины. Дурно! Нужно купить заживляющей мази, а то решат, будто она не дворянка, украла приглашение.

Ефимия знаком попросила сестру втянуть самодельную веревку. Убедившись, что Анна ее поняла, послала ей воздушный поцелуй и, подхватив чемодан, зашагала прочь. Ефимия спиной ощущала взгляд сестры, но ни разу не обернулась. Она надеялась успеть на почтовый дилижанс и злилась на господина Бара. Не пригласи его тетка на ужин, не сделай он предложение, Ефимия спокойно закончила бы сборы и не гадала, опоздает или нет. Вдобавок стемнело, тут бы идти медленно, осторожно, а ей практически приходилось бежать. Мелрой не конечная

станция, в пути всякое случается, дилижанс мог как прийти раньше, так и задержаться.

Хвала небесам, Ефимия успела и ни разу не упала. И, спасибо святой Верасий, в дилижансе нашлось свободное место. Девушка отыскала кучера, протянула ему мятую ассигнацию и договорилась о багаже, после со спокойным сердцем забралась внутрь.

Лошадей поменяли, и дилижанс тронулся, унося беглянку прочь от мест, так и не сумевших стать ее домом.

Глава 3

Ефимия редко бывала в Хайте и теперь в растерянности замерла у почтовой станции. Как много людей после сонного Мелроя! Она слишком долго прожила в глуши и успела отвыкнуть от суеты. «Ну, чего встала? – мысленно встряхнула себя. – Станешь разевать рот, дальше кухни не попадешь. Или госпожой Бар стать хочешь? Так еще не поздно, можешь вернуться». Самобичевание помогло. Ефимия нацепила маску безразличия – она надежно избавляла от ненужных знакомств и глупых вопросов – и решительно зашагала к центру. Нужно отыскать Дом заседаний, где проходил отборочный тур, отметить и позаботиться о временном жилье.

Интересно, сколько дурочек слетелось на огонек, вообразив себя будущими императрицами? Наивная простота, за победу станет биться высшая аристократия. Они точно не опустятся до публичного смотра – развлечения для людей попроще. Ефимия дорого бы дала, чтобы познакомиться с кем-то из тех привилегированных девушек. Собственно, за этим она и приехала в Хайт. Но ничего, главное – примелькаться, показать образованность и хорошие манеры, тогда удача сама тебя найдет. В этом Ефимия не сомневалась. Уж хотя бы скромные мечты святые способны исполнить!

Самое западное графство империи никогда не входило в число богатейших, однако и тут нашлось место роскоши. Хайт пленял взор декорированными глазурованной плиткой фасадами особняков местной знати. Большинство их владельцев жили тут всего несколько месяцев в году, а то и вовсе не появлялись десятилетиями, ведь из Ороя до столицы много недель пути. Но те, кто остался, по разным причинам не удержались при дворе, стремились перещеголять друг друга. К примеру, стараниями герцога Ордоза в свое время в Хайте возвели не уступавшее столичному здание театра, а принц Хенрик Птицелов в конце прошлого столетия основал университет. Тот самый, который не закончил Льюис Бар. Его высокие, имитировавшие замковые башни хорошо просматривались в просвете бульвара Гроз. С ними на равных соперничала ратуша, возведенная из красного

кирпича. Туда Ефимия заглянула в первую очередь и в обмен на приглашение получила заветный адрес Дома заседаний.

Бедный служащий! Он наверняка проклял десятки девиц, толкавшихся и галдевших без умолку. Порой они не умели связать пары слов, однако тоже метили в императрицы.

– Как на ярмарке!

Ефимия с облегчением выбралась на площадь, мечтая лишь об одном – повалиться на постель. С непривычки болели руки. Ладони покраснели, чемодан то и дело чиркал по настилу тротуара. Вот она – бедность! Что толку в вуалетке и нарядах, если некому донести вещи? Однако Ефимия не сдавалась. Она не для того сбежала из дома, чтобы расхныкаться при первых же трудностях.

В очередной раз оглядевшись, девушка заметила вывеску гостиницы. Она выглядела презентабельно, хозяин не поскупился повесить у входа горшки с геранью, и Ефимия решилась. Лишь бы номер оказался по средствам, иначе... О всяких «иначе» дочь мятежного генерала предпочитала думать по мере их поступления.

Приободрившись, Ефимия одной рукой подхватила чемодан, другой – подол платья. До заветной цели оставалась всего пара шагов, когда справа послышался грозный окрик: «Берегись!» В следующий миг девушка ощутила сильный удар. Ее подбросило в воздух. Чемодан с глухим стуком отлетел на тротуар, завертелся волчком.

Застонав, Ефимия кое-как села посередине мостовой. Плечо ныло, на затылке стремительно наливалась шишка. Судя по тому, как болезненно пульсировала нога, она пострадала от удара. Вдобавок при падении у девушки задралась юбка, и теперь ротозеи пялились на ее штопаные чулки. Ефимия злобно зыркнула на них и поспешила одернуть подол.

Бедна не приходит одна – еще и туфля куда-то подевалась. Складывалось впечатление, будто мироздание вступило в заговор с родней, подталкивая Ефимию к замужеству с управляющим графини Малжбетен.

Однако что произошло? Девушка в недоумении покосилась на лошадиные морды в каком-то метре от себя. Картинка медленно складывалась в мозгу. Кони, карета, встревоженные люди, окрик... Воистину, хорошенькое начало – едва не угодить под экипаж! Последний, судя по позолоченной резьбе, принадлежал знатной особе.

Все равно это не повод давить людей. Кучер гнал как сумасшедший, не притормозил перед поворотом, иначе Ефимия бы вовремя заметила опасность.

– Эй, чего разлеглась?

У него еще хватало наглости дерзить!

Девушка одарила кучера испепеляющим взглядом. Препираться со слугами – унизительно для дворянки.

– Похоже, это ваша.

Какой-то паренек протянул Ефимии слетевшую туфлю. Она поблагодарила его кивком головы и обу-лась. Затем попыталась встать, но потерпела фиаско.

Голова гудела как колокол: бом-бом-бом. Лодыжка опухла, платье в грязи. На глаза навернулись злые слезы. Ефимия вытерла их тыльной стороной ладони. Хватит слюни на кулак наматывать, отец не этому ее учил. Посидит немного и встанет. Не со второй попытки, так с десятой.

– Что случилось, Марк, почему мы остановились?

Из окошка кареты высунулась недовольная женщина.

– Да разиня под колеса бросилась, – почтительно приподняв шляпу, ответил кучер и поторопил Ефимию: – Вставай уже, не видишь, миледи торопится!

– Я не простолюдинка, чтобы мне «тыкать»! – позабыв о воспитании, огрызнулась девушка.

Если у нее нет собственного экипажа, это ничего не значит. Можно подумать, она или ее мать виноваты, что очутились здесь? Если на то пошло, спрос с Ленара Горзена. Не будь его, отец и братья остались бы живы и верно служили короне.

Кучер отпустил в адрес Ефимии крепкое словцо и, устав ждать, взмахнул кнутом. Неужели ударит? Ефимия в ужасе прикрыла глаза и заслонила лицо рукой. К счастью, он только пугал – бич просвистел над головой.

Самоуправство слуги не понравилось владелице кареты. Она потребовала немедленно прекратить истязание несчастной и участливо поинтересовалась:

– С вами все в порядке, милая?

Ефимия прислушалась к собственным ощущениям и покачала головой.

Народ вокруг все прибывал. Люди норовили пролезть ближе, узнать, что случилось. Столь пристальное внимание смущало не только Ефимию. Аристократка велела усадить пострадавшую в экипаж, пообещав отвезти к лекарю.

– Чемодан! – спохватилась Ефимия.

Промедли она хоть миг, осталась бы без нехитрых пожитков. А так чемодан подняли, наскоро запихнули внутрь выпавшие вещи – вот стыд, нижнее белье! – и убрали в багажный ящик.

Снова щелкнул бич. Всхрапнули кони, разгоня зевак. Карета дернулась и покатила по улице.

Ефимия осторожно, чтобы не потревожить ушибленное плечо, откинулась на мягкое сиденье. Теперь она смогла лучше рассмотреть косвенную виновницу переполоха. Женщина оказалась ровесницей Мелании. Посеребренные легкой сединой волосы уложены волнами, открывая виски. Миниатюрная шляпка украшена бутафорскими фруктами. На ее фоне вуалетка Ефимии казалась едва ли не синонимом дурновкусия. Умеренно декольтированное по утреннему времени платье расшито серебряной нитью. Лицо приятное, с мягкими чертами. Возле глаз и в уголках рта залегли морщинки.

Владелица кареты тоже искоса посматривала на Ефимию, гадая, как с ней поступить. Агнешка опаздывала, лучше высадить девушку на ближайшем перекрестке. Она бы так и поступила, если бы не кольцо Ефимии. Последняя не носила перчаток, поэтому оно сразу бросалось в глаза. Купить подобное мещанка не могла, только украсть, выходит, незнакомка не так проста.

Пожевав губы, Агнешка решила все прояснить:

– Простите, если покажусь вам бестактной, но кто вы?

Ефимия ожидала подобного вопроса. Короткая передышка помогла собраться с мыслями и заготовить ответ.

– Кто я такая? – повторила девушка. – Всего лишь одна из соискательниц руки его императорского величества. Я недавно приехала и направлялась в гостиницу, когда ваш кучер меня сбил. Право, не знаю, сойдут ли синяки до отборочного тура!

Ефимия рассчитывала сыграть на совести Агнешки и не прогадала. Та смущенно отвернулась, сцепив руки на коленях.

– Мне ужасно жаль! – вздохнула владелица экипажа. – Вы одна, без слуг, на дороге...

– Не все дворянские семьи одинаково обеспечены, – гордо сверкнула глазами Ефимия, – однако все одинаково благородны. Слуга проводил меня до ратуши, а после в двуколке вернулся домой.

Ложь давалась легко. Может, потому, что Ефимия переплетала ее с правдой, на ходу сочиняя легенду для отбора. Она надеялась, добропорядочная аристократка оплатит врача и номер в гостинице, хотя бы на сутки, но та пошла гораздо дальше.

– Еще раз извините, я никоим образом не желала вас обидеть. Позвольте представиться: графиня Агнешка Лемар, леди Блеккуок. Не беспокойтесь, – широко улыбнувшись, женщина накрыла ладонью руку Ефимии, – вы попадете на отбор. Это самое малое, что я могу для вас сделать. Взамен, прошу, никому не рассказывайте о постигшей вас неприятности!

Девушка рассеянно кивнула, не в силах поверить в происходящее. Агнешка Блеккуок! Вряд ли это совпадение, вряд ли они однофамильцы. Граф Лемар, лорд Блеккуок – доверенное лицо императора в графстве Орой. Если все правда, Ефимия согласилась бы набить еще десяток шишек.

Предложение Агнешки ее более чем устраивало. Сообщать родным о постигшем ее несчастье она и так не планировала. Не в интересах Ефимии, чтобы разгневанная тетушка примчалась за ней в Хайт. Вдобавок, только услышав фамилию Брок, Агнешка заберет обратно обещание провести пострадавшую по ее вине леди сквозь сито первоначального отбора.

– Сын все устроит, я тоже замолвлю за вас словечко. Вдобавок вы такая красавица, император непременно должен вас увидеть, – воодушевленно щебетала графиня.

Выходит, она мать того самого лорда Блеккуока. Тоже неплохо. Главное, не торопиться, прямо сейчас не просить рекомендательных писем. Графиня сама предложит.

Экипаж подкатил к украшенной имперскими флагами гостинице. Помпезное здание с вычурной лепниной и ажурными решетками балконов разительно отличалось от скромного пансиона, в котором собиралась остановиться Ефимия. Поначалу девушка и вовсе приняла его за дворец, одну из многочисленных резиденций императора. К счастью, она оставила свои предположения при себе, а то бы угодила в неловкую ситуацию.

На отливавшей золотом табличке значилось: «-Андреш».

– Возьмите мою накидку. – Агнешка пошарила по сиденью и протянула девушке голубой пыльник. – Вам лучше временно сохранить инкогнито.

Ефимия кивнула. Их желания полностью совпадали.

Обеим женщинам учтиво помогли выйти из кареты. Ефимия мысленно поблагодарила мироздание: сама бы она вывалилась как куль. Девушка знала, графиня наблюдает за ней, поэтому, как бы ни было больно, нужно постараться скрыть хромоту. Зато можно сколько угодно корчить гримасы – капюшон надежно спрятал лицо от зевак. Стиснув зубы, Ефимия обставила все так, будто неудачно встала на подножку и подвернула голеностоп. Вроде сыграла убедительно, Агнешка осталась довольна.

– Поживете пока в моем номере. Я найду сына и обо всем позабочусь, – наклонившись к самому ее уху, вкрадчиво шепнула графиня.

Невысказанный намек повис между слов. Ефимия поспешила успокоить благодетельницу взглядом: договоренность остается в силе.

Предупредительные служащие гостиницы старательно отработывали свой хлеб, распахивали перед ними двери прежде, чем Агнешка успевала к ним подойти. Они с интересом посматривали на Ефимию, но вопросов не задавали.

Семейство Блеккуок занимало весь этаж, лучшие смежные номера, временно превратившиеся в огромные апартаменты. Ефимию устроили на условной половине Агнешки и сразу послали за доктором. Тот успокоил пострадавшую, толком ничего не выписал, но запросил баснословную сумму за визит. Графиня, не торгуясь, отсчитала ассигнации и, выпроводив лекаря, взялась за гостью.

– Вас нужно переодеть. Нечего и думать, чтобы показаться сыну в подобном виде.

Ефимия сглотнула. Все так быстро, сразу... Сначала Агнешка, потом сам маршал – так официально называли доверенных лиц императора. В случае военных действий они занимались сбором и организацией – войск вверенного им графства.

– Не переживайте, милая, – Агнешка уловила нервозность подопечной и постаралась ее успокоить, – Идрис прост в обращении.

А вот переодеть вас категорически нужно. Сейчас посмотрим, что у вас есть.

Показалось или графиня не желала, чтобы сын узнал о дорожном происшествии? Слишком уж она суежилась.

Незамысловатый гардероб Ефимии подвергся безжалостной критике. Агнешке понравилось лишь «милое скромное домашнее платье», которое тетка надевала по праздникам. Даже белый горошек на коричневом фоне признали слишком вульгарным и провинциальным.

– Придется всерьез заняться вашими нарядами, – качая головой, тяжело вздохнула графиня. – Все это не годится. Для сельской ярмарки – да, но для дворца недопустимо!

– Но у меня больше ничего нет, – растерянно развела руками Ефимия.

Она боялась подумать, во сколько обойдется приличное, по мнению графини, платье. Прихваченных из дома денег хватит только на оборки.

Агнешка отмахнулась от ее слов как от безделицы:

– Право, нашли из-за чего тревожиться! Я ведь обещала обставить все в самом лучшем виде.

Благодетельница придела Ефимию по собственному вкусу. Если бы не чернота волос и острота вызывающе голубых глаз, образ вышел бы чересчур приторным. Прежде Ефимия никогда не носила розового, но графиня заверяла, что будущая невеста императора должна походить на зефир. Сердобольная Агнешка одолжила ей свое платье, благо комплекцией походила на спасенную девушку. Из-за разницы в росте пришлось искусственно удлинить подол, но в целом вышло хорошо. Графиня дополнила получившийся образ жемчугами редкого оттенка. Ефимия недоумевала, зачем так стараться ради мимолетного знакомства. В ответ Агнешка закатила глаза:

– Сразу видно, что вы молоды и мало понимаете в жизни. Я мать, могу подтолкнуть в нужном направлении, но решать все равно Идрису. Он должен увидеть очаровательное создание, а не замухрышку. Не прячьте вашу красоту, позвольте ей расцвести!

Складывалось впечатление, будто графиня сватает Ефимию, а не записывает на отбор невест. Так и подмывало признаться, что в столицу ее никто не возьмет, даже если девушка наденет

императорские фамильные драгоценности, но девушка благоразумно промолчала.

– Вы куда-то торопились, миледи, – запоздало вспомнила Ефимия, пристально рассматривая новое отражение.

Совсем другая, чужая. Девушка пока не решила, нравился ли ей новый образ. Из зеркала на нее смотрела дочь барона Брока, такая, какой бы она стала, если бы отец оказался менее легковерным. Ефимия смутно помнила, как в прежние, казавшиеся сном времена, служанки так же суетились вокруг нее.

– А, – отмахнулась Агнешка, скрыв за улыбкой досаду, – я все равно опоздала!

Когда карета сбила Ефимию, она торопилась на второй завтрак к градоначальнику, планировала переодеться после посещения воспитательного дома, но не судьба. Не могла же она бросить несчастную девушку посреди дороги! И не только по доброте душевной: Агнешка не желала, чтобы по городу поползли порочащие ее фамилию слухи. Стоило графине лучше разглядеть Ефимию, как она и вовсе возблагодарила небеса за редкую удачу. Завтрак у градоначальника по всем статьям проигрывал перспективам, которые открывала перед Агнешкой эффектная брюнетка. У нее имелись все шансы завоевать сердце императора. Тогда бы Лемары сменили графскую корону на герцогскую. Словом, Ефимия – ценное вложение. Агнешка уже послала пространное письмо с извинениями. Мол, у нее разболелась голова, здоровье уже не то. Нечего градоначальнику знать о Ефимии, для всех она попадет на конкурс на общих основаниях.

Посвящать девушку в свои амбициозные планы Агнешка пока не собиралась: рано. Да и Ефимия не дурочка, должна понимать, ничего на свете не делается бесплатно.

– Замечательно! – оценила графиня проделанную работу. – Теперь ваша внешность соответствует внутреннему содержанию. Вы отобедаете с нами.

Ефимия и бровью не повела. Зато стало понятно, зачем так усердно хлопотали над ее образом. Мимолетная встреча – это одно, а совместная трапеза – совсем другое. Ничего, у Ефимии найдутся темы для разговора с маршалом. Некоторые и вовсе настолько острые, что лучше припасти их до вечернего аперитива. Осталась сушья безделица: назвать себя. Ефимия представилась настоящим именем, а

вот фамилию позаимствовала у прабабушки по материнской линии. Вряд ли кто-то изучал родословную Броков столь пристально, чтобы ее помнить. С протекцией графини и документов предъявлять не придется, поверят на слово.

Задумка удалась. Агнешка не пожелала признать, что семейство Феррир ей знакомо. Мало ли в графстве дворян, всех не упомнишь! Простых лордов – тем более.

* * *

Убедившись, что ее ставленница ни в чем не уступает фавориткам отбора, Агнешка поспешила на поиски сына. Нужно объяснить ему, зачем ей понадобилась девчонка, иначе Идрис подумает, будто мать приютила ее из-за красивой мордашки.

Агнешка ворвалась в кабинет сына во время беседы с управляющим и потребовала немедленно оставить их одних. На резонное замечание Идриса, что он еще не закончил, графиня сердито ответила:

– Поверь, мое дело гораздо важнее.

– Ну и?

Выпроводив управляющего, сын развернулся к ней.

– Проверь, не подслушивают ли, – не унималась Агнешка.

Пришлось Идрису встать и демонстративно распахнуть дверь, только тогда мать успокоилась и заговорила о Ефимии. Начала она издали:

– Ты и дальше собираешься мотаться между столицей и Ороем, жить в гостиницах и смиренно ждать, пока император заметит твое усердие? Смотри, как бы не пришлось перебраться в Хайт насовсем!

– К чему ты клонишь? – нахмурился граф.

– К тому, что должность маршала – это пшик. Можно подняться гораздо выше, нужно лишь совершить маленький подлог.

Идрис взглядом дал понять: продолжай!

– Все дело в женщине, сын мой. Я нашла самое настоящее сокровище. Она невысоких кровей, зато неглупа и необыкновенно красива. Нужно показать ее императору, а уж дальше...

– А дальше лишь твои фантазии, – нахмурился Идрис.

– Размазня! – припечатала Агнешка. – Хоть раз пошевелись, прояви инициативу! Пойми, девчонка – самый настоящий клад! Она не кисейная барышня, не кукла, такая точно понравится Вардену. Поверь мне, он не забудет того, кто обеспечил его такой девушкой. Любовницей или женой, не суть важно, главное, что она точно окажется в его постели, а ты утрешь нос Ленару. Ну хотя бы взгляни на нее, перед тем как отказаться!

– Хорошо, – нехотя согласился маршал, – посмотрю, что за сокровище ты откопала. Надеюсь, не мещанку?

– Что ты! – всплеснула руками его мать. – Кандидатура просто идеальная – худородная дворянка, к тому же бедная. Такая по гроб жизни станет целовать руки, если продвинется к сиятельной спальне. Уж ты поспособствуй, Идрис, – сменив тон, проворковала Агнешка. – Сделай так, чтобы девушка без проверок попала в столицу. А дальше – моя забота. Я дам все необходимые инструкции, девочка все сделает.

– Вечно ты со своими интригами! – укоризненно вздохнул Идрис, но согласился познакомиться с Ефимией.

Девушка ему понравилась. Мать не обманула, ее протеже оказалась умна, образованна и очаровательна – в самый раз для конкурса, поэтому Идрис без лишних слов на следующий день внес Ефимию в списки тех, кому предстояло отправиться в столицу. Фамилия Феррир ему тоже ни о чем не говорила, зато маршал слишком хорошо понимал: хорошенькая девица способна исполнить давнюю мечту – добыть ему должность первого министра. А это намного слаще тех взяток, которые предлагали отцы местных красоток.

Глава 4

Подобравшись, Ефимия стояла перед Агнешкой Блеккуок. Сначала она полагала, речь пойдет о грядущем отборочном туре, графиня хочет ее приободрить или что-то вроде того, однако одного взгляда на благодетельницу хватило, чтобы понять: разговор предстоял серьезный.

Ефимия нервно поправила розовый атласный пояс. Накрахмаленный, хрустящий, он напомнил о потраченных Агнешкой на наряды деньгах. Девушка мысленно прикинула их стоимость – много для обычной благодарности. Выходит, графине что-то нужно. Ефимия нахмурилась. Меньше всего на свете она хотела угодить из одной кабалы в другую.

– Садитесь! – сухо предложила благодетельница, указав на кресло перед вычурным, украшенным бронзовыми накладками столом.

Ефимия упрямо осталась стоять. Глаза ее потемнели, губы сжались в тонкую линию.

Агнешка удивленно подняла брови. Прежде спасенная красotka упрямства не выказывала. А она с характером! Ведет себя словно императрица. «Ничего, – мысленно успокоила себя графиня, – согласится. Куда ей деваться?»

– Садитесь, – чуть мягче повторила она и аккуратно опустилась в соседнее кресло. Учитывая множество пышных юбок, это было непросто.

Помедлив, Ефимия последовала ее примеру и сразу предупредила:

– Если ваша милость намерена предложить мне что-то постыдное, я откажусь.

Агнешка широко распахнула глаза и в недоумении переспросила:

– Постыдное?

А девчонка не глупа, поняла – речь пойдет о плате за сказку.

– Что вы, милая, – графиня расплылась в приторной улыбке, – ничего такого. Я всего лишь хотела попросить об одной крошечной услуге. Вы ведь не станете отрицать, что с моей помощью преобразились, стали похожи на человека?

Оскорбление больно хлестнуло по щекам. Ефимии только что указали на место. Так и подмывало с высоко поднятой головой сообщить свое истинное имя, перечислить заслуги отца, но здравый смысл взял верх над гордостью. Девушка стиснула кулаки и отвернулась. Ей нельзя ссориться с матерью маршала графства, никак нельзя. И очень нужно получить рекомендации, попасть на работу в хороший дом. Однако чего же хочет Агнешка? Перебирая в голове варианты, Ефимия не находила от себя особой пользы. Уж не видела ли благодетельница ее в роли любовницы сына? Слишком уж пристально граф рассматривал девушку, оценивал лицо, фигуру. Однако во время последующих ужинов – Ефимия неизменно сидела за одним столом с Блеккуоками – Идрис не проявлял к ней особого интереса, порой и вовсе не разговаривал. Зато графиня засыпала девушку вопросами. Ее интересовало все: от ее образования, до источника доходов родственников. Приходилось мешать правду с ложью и стараться не запутаться в получившемся клубке.

И вот теперь этот пренебрежительный тон в начале и намеки на благодарность потом. И без того нервная из-за предстоящей встречи с отборочной комиссией, Ефимия с трудом сохраняла спокойствие.

– Речь пойдет об императоре, – не стала томить Агнешка. Она пристально наблюдала за выражением лица собеседницы. – Вы ведь хотите стать его суп-ругой?

Под острым как бритва взглядом графини, казалось, невозможно было солгать, но Ефимия смогла.

– Да, – кивнула она.

Агнешка откинулась на спинку кресла и забарабанила пальцами по столу. Этот звук, равно как прямой недоверчивый взгляд, раздражал. Почему графиня тянет, не перейдет к условиям сделки? Девушка уже поняла, ее предмет – попадание во дворец. Осталось выяснить цену. Теперь она уже не понимала, святые или бесы толкнули ее под копыта лошадей леди Блеккуок. И ведь Ефимия уже ей обязана, нельзя просто так встать и уйти. Кто заплатит за кров, еду, наряды? Матушкиных ассигнаций явно не хватит.

– В таком случае мы поладим, – казалось, через целую вечность улыбнулась Агнешка и наконец перестала буравить девушку взглядом. – Мне нужно немного – чтобы вы привлекли внимание его

величества. О первичном отборе не беспокойтесь, сегодняшнее собеседование – формальность, ваше имя уже внесено в списки.

– Допустим, император выберет меня. Дальше что?

Ефимия положила ладони на подлокотники, готовая в любой момент подняться.

– Не многим идет злость, – неожиданно заметила графиня и посоветовала: – Но впредь старайтесь всегда улыбаться. Гордость, высокомерие – для аристократов, милая. Не в обиду, но девушке вашего происхождения они не по карману. А взамен я попрошу отплатить за проявленную доброту. Вы же не думали, – губы ее тронула едва заметная усмешка, – что очутились в сказке лишь потому, что поскользнулись на булыжной мостовой? Это прискорбно, привело бы к ненужным слухам, но не стоит потраченных на вас усилий.

– Так извольте выразиться конкретней, миледи! – не стерпела Ефимия.

Не по карману, значит? Бросая вызов могущественной собеседнице, девушка выпрямилась во весь рост, скрестила руки на груди. Она собиралась разразиться тирадой насчет равенства их сословного положения, когда Агнешка произнесла то, что заставило опуститься обратно в кресло.

– Мне нужно сместить Ленара Горзена с поста первого министра. Уверена, любой другой человек принесет гораздо больше пользы империи, хотя бы мой сын.

Яркая вспышка. Боль. Снова боль. И страх.

Ленар Горзен, граф Митас. Она не слышала и не произносила этого имени целых двенадцать лет, но ничего не изменилось, казалось, Ефимия ненавидела его так же, как прежде.

Девушка шумно вздохнула. Пальцы скрючились, как ножки паука. Прикрыв глаза, она отогнала призраки прошлого, но те упорно шептали голосами убитых отца и братьев: «Наша кровь на его ладонях».

– Что с вами? – забеспокоилась графиня и потянулась за колокольчиком для вызова слуг. – Вам плохо?

Ефимия вдруг резко побледнела, начала часто дышать.

– Нет, спасибо, все в порядке, – словно во сне, пробормотала она. – Выпью воды – и пройдет.

– Вы больны? – настойчиво повторила Агнешка, опасаясь, что зря поставила на красотку.

Если врачи обнаружат в ней изъян, даже протекция маршала графства не поможет Ефимии попасть в столицу.

– Тут душно, – виновато улыбнулась девушка, усилием воли взяв себя в руки, – а ваша горничная слишком туго зашнуровала корсет. Благодарю, миледи, уже прошло.

Двенадцать лет назад... Врут, время не лечит, всего лишь покрывает раны тонкой корочкой. Агнешка безжалостно ее сорвала, заставив Ефимию заново пережить жуткую ночь ареста. Страшнее было лишь сообщение о смерти отца и братьев. Если бы не Ленар... Если бы не Ленар, Алан и Ролан точно остались бы живы. Отец – кто знает, но ему хотя бы должным образом вынесли приговор, а не без суда и следствия закололи в пропахшем сыростью подземелье.

«Ненавижу!» – беззвучно прошептали губы.

– Я согласна, – деревянным голосом отчеканила Ефимия. – Обещаю сделать все, чтобы первый министр лишился поста.

«Это личное, миледи, – мысленно добавила девушка. – Мне плевать на вас и вашего сына, но граф Митас ответит за каждую слезинку Анны, за каждый седой волос матери, за каждую смерть».

Бледность ушла с ее лица, даже губы расслабились.

Агнешка тоже успокоилась. Она переживала насчет исхода разговора, приготовилась уламывать упрямую девушку, а та сразу же согласилась.

– Вот и славно! – просияла графиня и таки позвонила в колокольчик. – Пусть только утро, но нужно скрепить нашу сделку бокалом игристого. Никогда не забывайте, милая, кому вы обязаны своим возвышением.

– Не беспокойтесь, я не забуду, миледи, – с фальшивой улыбкой заверила Ефимия.

Мысли ее витали далеко от гостиницы. Отбор обрел новый смысл. Ефимия продвинется как можно дальше, в этом ее желания полностью совпадали с желаниями графини. Девушка надеялась, святой Верасий направит ее руку. Пока была лишь навязчивая идея отомстить, как именно, Ефимия не знала.

Слуга в белых перчатках при дамах откупорил игристое и разлил пьянящий напиток по высоким бокалам, затем положил бутылку в

ведерко со льдом. Агнешка отпустила его кивком головы и провозгласила тост:

– За наш будущий успех!

– За успех, – эхом отозвалась Ефимия.

Игривое щекотало горло.

В голове девушки царил полная сумятица. Чувства боролись с разумом и никак не могли прийти к согласию. Пришлось выпить еще бокал, чтобы хотя бы с помощью алкоголя обрести подобие спокойствия. Формальность формальностью, но перед комиссией Ефимия должна предстать максимально собранной.

Игривое все еще плескалось в крови, когда экипаж леди Блеккуок остановился у заднего входа Дома заседаний. Кучер проворно соскочил с козел и помог ей спуститься. А ведь не так давно он замахивался на нее кнутом. Напомнить? Не стоит, слишком мелко.

Поправив зацепившуюся за вуалетку сережку, Ефимия последовала за муниципальным служащим внутрь здания. Ей даже не пришлось представляться, все и так знали: приехала ставленница маршала.

– Прошу, миледи!

Служащий с легким поклоном распахнул неприметную боковую дверь и остался стоять в полутемном коридоре.

Ефимия вошла в небольшую комнату, судя по звукам, смежную с главным залом. Там сейчас мучилась, ожидая своей участи, первая партия девушек. Неприятно кольнула совесть. Если бы Ефимия не забрала приглашение, среди них была бы Анна. «Она простит, – успокоила себя девушка. – Я ей напишу и все объясню». Стараясь не думать о расстроенной сестре, Ефимия обернулась к покрытому узорчатой скатертью столу. За ним сидели пятеро. Графа Лемара девушка узнала сразу, но не подала виду, будто они знакомы: никто не должен заподозрить подвоха. Она почтительно поздоровалась со всеми и через секретаря передала свое приглашение.

Несмотря на то что отборочный тур только начался, члены комиссии успели устать. Один откровенно скучал, второй с тоской посматривал на собственную записную книжку. Остальные, к их чести, все же проявили к Ефимии вежливый интерес, задали пару стандартных вопросов. Девушка терпеливо ответила на все, слово в

слово повторив сочиненную для графини легенду. Не успевшая до конца зажить лодыжка ныла от долгого стояния, но Ефимия боялась попросить стул. Императорская невеста должна быть здорова.

– Итак, – взял слово маршал, – я полагаю, леди Феррир достойна войти в число претенденток от графства. Кто за?

Он поднял руку и требовательно обвел взглядом остальных членов комиссии. Одна за другой в воздух взмыли ладони – перечить графу никто не посмел.

У Ефимии отлегло от сердца. Она до последнего боялась, что все сорвется. Вдруг кто-то видел ее прежде или усомнится в существовании Ферриров? Но авторитет маршала сделал свое дело, никто не потребовал метрику или иных документов, подтверждающих личность претендентки.

– Готовьтесь! – покровительственно улыбнулся граф. – У вас целая неделя до отъезда. Поздравляю!

Ефимия толком не запомнила, что ответила: в голове стоял туман. Наверное, произнесла дежурные слова благодарности. Дворян учат им с раннего детства, и в случае необходимости память сама, без участия – разума, извлекает нужные слова.

Девушка покинула Дом заседаний тем же путем – через черный ход. Когда она садилась в карету, слух уловил знакомый голос. Тетка! Велев немного обождать, Ефимия обернулась на голос. Она не боялась быть узнанной: плотная вуаль скрывала лицо, а шикарное платье и карета с гербами никак не вязались с дочерью опального генерала.

Анжела стояла к ней спиной возле угла Дома заседаний и выговаривала Анне. Ее Ефимия не видела, только слышала всхлипы и робкие оправдания. Сердце сжималось, толкало открыться, успокоить сестру, но девушка мужественно терпела, лишь подошла чуточку ближе. Стоявшая в проулке карета надежно загораживала ее от цепкого взгляда тетки.

– Куда она могла податься, если не сюда? – не отставала от племянницы Анжела. – Ведь Эффи украла приглашение. Или ты его потеряла?

– Не зна-ю-у! – по-детски подвывала Анна.

– Да что ты вообще знаешь?! – в сердцах прикрикнула тетка и протянула племяннице платок. – На, утрись! Нечего и думать

показываться перед комиссией с таким лицом. Видела, какие тут красавицы?!

– Я не хуже, – обиделась младшая девица Брок.

Ефимия улыбнулась. Вот и слезы высохли. Все же тетя – умная женщина, нашла верный способ успокоить Анну.

– Посмотрим! – буркнула Анжела и неожиданно обернулась.

Ефимия вжалась в стенку экипажа. На мгновение ей показалось, что тетка догадалась, заметила. Сейчас подойдет и вцепится в руку! Но Анжела отвернулась, только ворчливо добавила:

– Сама понимаешь, куда нам до девиц под гербами!

Девушка с облегчением выдохнула и улыбнулась. Знала бы тетка, кого назвала девицей под гербом!

– Уж постарайся, – смягчившись, напутствовала Анжела племянницу. – Без приглашения сложно, но вдруг тебе улыбнется удача? Ты, главное, подольше копайся в сумочке, сделай вид, будто случайно обронила конверт, когда подкрашивала губы. И еще раз всех расспроси, не видели ли они Эффи. Тот служащий был чрезвычайно груб, не дал посмотреть списки. Ты лучше не фамилию ее назови, а внешность опиши. Эффи – девушка эффектная, ее бы запомнили. А я тут постою, покараулю. Некуда ей деваться, только на отбор.

Ефимия в который раз в молитве возблагодарила святого Верасия и забралась в экипаж. Какое счастье, что ее провели с черного хода! Члены комиссии с Анной откровенничать не станут. Войди она с парадного входа, точно бы угодила в цепкие руки тетки. Даже если бы они разминулись, швейцар за монетку или кто-нибудь из завистливых девиц бесплатно сдали бы родным, любезно подсказали, кто и откуда привез.

Кучер взмахнул кнутом. Лошади встрепенулись, и карета покатила прочь, оставив позади Дом заседаний и раздосадованную Анжелу Брок. Пусть они выехали с другой стороны проулка, Ефимия все равно на всякий случай забила в дальний угол, словно тетка могла неведомым образом разглядеть ее сквозь заднее окошко кареты.

«Удачи!» – послала девушка мысленное напутствие сестре. Она искренне желала Анне счастья.

Итак, с отборочным туром было покончено, однако волнение никуда не делось. С тех пор как Агнешка Блеккуок произнесла имя нынешнего первого министра, Ефимия не находила покоя. Ей снились

кошмары. Снова и снова раздавался стук в дверь посреди ночи, снова и снова шестнадцатилетний Ролан отталкивал солдат от матери, снова и снова брат исчезал в кровавом тумане, которым неизменно заканчивался каждый сон. Иногда Ефимия видела отца. Эван Брок молчаливо стоял на пороге гостиной. Девушка пыталась подойти к нему, обнять, но морок мгновенно рассеивался, оставляя после себя кислый привкус во рту. И Ефимия не выдержала. Пользуясь тем, что графиня предоставила в ее полное распоряжение второй, двухместный экипаж и выдала немного денег «на булавки», она направилась в аптеку. Девушка с утра жаловалась на головную боль, выглядела не лучшим образом, все казалось невинным и естественным. Вот и Агнешка не стала задавать вопросов, когда ей доложили о поездке протее. А зря! Вместо порошков и капель Ефимия приобрела вытяжку наперстянки, разыграв перед аптекарем целый спектакль. В малых дозах она спасала от сердечных недугов, а в больших приводила к смерти.

Глава 5

Строгое сито отбора от графства Орой прошли четверо. Отчего-то Ефимия полагала, претенденток будет гораздо больше. Воистину, ей повезло попасть под колеса кареты нужной женщины! Пусть Агнешка не так проста, лелеет собственные планы, но она помогла ей попасть во дворец, а дальше... Дальше девушка пока не загадывала. Да и разве можно думать об отборе или первом министре, когда за окном мелькают виды столицы!

Поддавшись общему порыву, Ефимия прильнула к окну, пыталась понять, изменился ли Йент за время ее отсутствия. Наверное. Маленькая Эффи смутно запомнила столицу. Еще бы, ведь ее выезды ограничивались визитами к родственникам и редкими пикниками, на которых допускали детей. Она вошла в «салонный», как его называли, возраст, когда звезда отца стремительно закатилась, и свое первое бальное платье, скромное, как и все остальные новые наряды, примерила в доме графини Малжбетен. Та проявила особое участие к обездоленной вдове и опекала ее дочерей. Если бы не она, ни Ефимия, ни Анна не преуспели бы в светских премудростях, не научились языку веера и искусству беседы с благородными кавалерами.

Спутницы девушки: две баронессы и одна маркиза – не обращали на нее внимания и наперебой спорили, чей наряд для бала Открытия лучше. Ефимия слушала их вполуха и улыбалась. Портнихи графства Орой заведомо проигрывали столичным мастерицам, если высокородным соседкам хотелось затмить конкуренток, следовало обратиться к местным кудесницам. За себя Ефимия не волновалась. Подобранные Агнешкой платья сидели безупречно. Внешность играла на руку девушке, не требовала сложного кроя или избытка украшений. На фоне других претенденток она смотрелась чужеродно – единственная брюнетка среди блондинок. То ли император предпочитал светловолосых девушек, то ли комиссия руководствовалась старинным эталоном красоты: льняные локоны и голубые глаза. Только вот у маркизы они были карими, а у обеих баронесс и вовсе зелеными, но разного оттенка.

Однако вскоре Ефимии стало не до болтовни соседок. Они проезжали мимо дома ее бывшей лучшей подруги. Интересно, где теперь Верити? Наверное, давно вышла замуж – дочь помощника военного министра не осталась бы старой девой. На мгновение промелькнуло и тут же пропало опасение. Исключено, не может Верити оказаться среди конкурсанток. Она ровесница Ефимии, значит, заведомо за бортом, не стоит бояться разоблачения. Все эти чванливые девицы никогда не видели ее и уж точно не помнили семейство Брок. Опять же Ефимии повезло, по лицу не скажешь, двадцать ей или чуточку больше. Ох, святой Верасий, в какую же авантюру она ввязалась!

Ефимия незаметно сжала кулаки. Только не мимо бывшего дома! Обошлось, карета свернула. Копыта лошадей застучали по Горбатому мосту. Здесь пахло морем, раскинувшим свои объятия за небольшой горной грядой – естественной защитой столицы от нападения с воды. Слишком далеко, чтобы запах рыбы перебил аппетит, и достаточно близко, чтобы остатки легкого бриза дарили свежесть душными летними вечерами. Именно потому здесь селились многие знатные семейства.

Судя по всему, они направлялись в загородную императорскую резиденцию. Двор не жаловал Старый дворец, слишком мрачный и сырой. Во времена его постройки больше заботились о безопасности, нежели о комфорте. Долгие столетия императоры терпели неудобства, пока дед нынешнего монарха не затеял стройку Нового дворца неподалеку от Йента. Он подошел к делу с размахом, привлек к работе лучших живописцев, архитекторов и декораторов. Именно такой дворец представляли девочки, грезя о принцах. Из окна кареты кандидатки могли разглядеть только плотные зеленые изгороди, однако и длины подъездной аллеи хватало, чтобы понять: впереди их ждет сказочное великолепие. Даже маркиза притихла, а ведь послушать ее еще пять минут назад, богаче их семейства нет в империи.

Аллея вела к двум широким корпусам в виде подковы, выходящим на площадь с фонтаном. Карета притормозила и после коротких переговоров со стражей покатила дальше, во внутренний двор.

– Добро пожаловать!

Не успел экипаж остановиться, как лакей в шитой серебряным галуном темной ливрее проворно опустил подножку. Другой мужчина, тоже одетый в черное, с вензелем императорской семьи на груди, помог девушкам сойти на мостовую.

Огромный двор походил на каменный мешок – со всех сторон только стены. Выбраться отсюда можно было через парные арочные проезды, каждый из которых охраняли часовые. Острые шпили башен пронзали небо; солнце играло бликами в стеклах. Ефимия никогда не видела столько разных окон: узких, сдвоенных, разделенных фигурными столбиками, а еще не думала, что камень может быть практически белым. Интересно, из чего возвели дворец?

– Добро пожаловать! – повторил мужчина в черном и представился: – Меня зовут Эммануэль Дидье. Я мажордом его величества. Мне поручено надзирать за отбором и обеспечить участниц всем необходимым.

– Очень приятно, – единственная из новоприбывших отозвалась Ефимия.

Она ощутила легкую неловкость из-за того, что, запрокинув голову, рассматривала стены дворца. Леди так не поступают, это невежливо по отношению к хозяину дома. В данном случае – к Эммануэлю. Однако остальные претендентки, похоже, и вовсе считали ниже своего достоинства общение с человеком без титула. Девушка мысленно их пожалела. С такими умственными способностями на отборе далеко не продвнешься. Во-первых, на столь высокий пост по определению назначали только дворян. Во-вторых, мажордом – это не вилки-ложки носить, от него многое зависит. Например, настроение императора.

Эммануэль не обратил внимания на чужие пробелы в воспитании. Ну или сделал вид. Ефимия не сомневалась: он и не такое в своей жизни повидал. Она осторожно наблюдала за ним, изучала. Опасный человек! Уже не молод, глаза умные, хитрые. С ним нужно быть настороже. Эммануэль вполне мог помнить генерала Брока, явно служил еще прошлому императору. И уж точно он встречался в дворцовых коридорах с Анжелой. Впервые Ефимия пожалела о своей броской внешности. Она Брок до кончиков ногтей, все фамильные черты в наличии. Тетка хотя бы не такая жгучая брюнетка и ростом

пониже. Ох, как бы не понял! Но поздно, придется играть до конца и стараться пореже попадаться мажордому на глаза.

– Я провожу вас в крыло претенденток и коротко введу в курс дела, – невозмутимо продолжил Эммануэль и попросил следовать за ним.

Ефимия едва не совершила фатальную ошибку, поинтересовавшись: «А как же вещи?» В мире аристократов все иначе, не стоит заботиться о чемоданах.

Вопреки ожиданиям, мажордом направился не к центральному входу, а свернул к левому боковому крыльцу. Девушки зароптали, маркиза даже намекнула на неподобающий прием:

– Мы не слуги, а лучшие девушки графства!

– Безусловно, – пряча саркастическую улыбку, учтиво согласился Эммануэль, – именно поэтому вам выделили особые покои, целое дворцовое крыло, где вам никто не помешает.

«Или вы никому не мешаете», – Ефимия мысленно озвучила читавшееся между строк. Странно, конечно, зачем затевать отбор, если тяготишься потенциальными невестами. Оставалось надеяться, что претенденток не запрут по комнатам, иначе придется срочно менять планы.

Однако стоило кандидаткам переступить порог, как волнение сменилось приглушенными вздохами восхищения. Дворец надлежало бы назвать Белоснежным – внутри преобладал именно этот цвет. По украшенной медальонами мраморной лестнице, слишком широкой для второстепенной, девушки поднялись на второй этаж. Оттуда через галерею с зимним садом они попали в крыло, образовавшее одну из боковых граней следующего внутреннего двора.

– Покои претенденток. – Эммануэль указал на запертые двери, возле которых, словно часовые, вытянулись во фронт лакеи.

Ефимия нахмурилась. Выходит, участниц превратили в птичек в клетке. Пусть себе прихорашиваются, щебечут и радуют глаз в установленные часы.

– Простите, – обратилась она к мажордому, – правильно ли я поняла, что нам запрещено свободно передвигаться по дворцу?

Спрятанная на груди бутылочка с наперстянкой обжигала, кожа под ней чесалась. Казалось, будто пробка потерялась, и часть

содержимого затекла под лиф, но Ефимия понимала: это всего лишь нервы.

– Отчего же, – удивленно глянул на нее Эммануэль. На мгновение девушка пожалела о своем вопросе, испугавшись узнавания, но обошлось. – Вы ни в чем не ограничены, миледи. Хотя, право, я не знаю, что вам может понадобиться.

То есть прямого запрета нет. Уже хорошо.

– Я люблю гулять перед сном, – взмахнула ресницами Ефимия, старательно пряча свою радость. – Так, немного пройтись по парку. Заверяю, я буду осторожна и никого не потревожу.

– Можете гулять, сколько вам вздумается, миледи, – милостиво разрешил Эммануэль.

Остальные девушки многозначительно переглянулись. Наверняка решили, будто Ефимия рассчитывает подкараулить императора.

Распахнув двустворчатые двери, мажордом провел их в большой зал, напоминавший гаремный дворик из романов. Декораторы постарались максимально точно воспроизвести заморский декор, не поскупившись даже на маленький фонтан. Струя воды вытекала из мраморной раковины и через другую, большую по диаметру, уходила обратно в трубу. Рядом поставили кадку с карликовой пальмой.

– Зал одалисок. – Эммануэль обвел рукой экзотическое помещение. – Место общего сбора участниц отбора. Здесь же объявляются имена выбывших кандидаток. В соответствии с расписанием, – мажордом зашелестел извлеченным из внутреннего кармана листом бумаги, – вы должны появляться в зале утром и вечером, в девять и в шесть часов соответственно.

– Зачем? – подала голос одна из зеленоглазых баронесс. – Разве каждый день станут отсылать по две девушки?

– Понятия не имею, миледи. Я всего лишь отвечаю за ваш комфорт.

Ефимия понимала: мужчина лукавит. Все Эммануэль прекрасно знал, но специально притворялся обычным исполнителем. Наверняка и оделся как обычный слуга, для того чтобы понаблюдать за девушками и поделиться выводами с императором. Явись мажордом в парадном камзоле, участницы принялись бы жеманничать, стремились выставить себя в лучшем свете.

– А кто проводит отбор? Неужели сам император? Или, может, первый министр? – не унималась баронесса.

– Со временем узнаете.

Эммануэль оказался тем еще лисом, мастером уклончивых ответов. Выходит, первоначальные выводы верны, и он не столько заботился об их комфорте, сколько наблюдал.

– А теперь, уважаемые леди, я готов выслушать ваши пожелания и по возможности их выполняю.

Пока остальные девушки подробно перечисляли свои требования, а мажордом их тщательно записывал, Ефимия отошла в сторонку. Какая разница, яблоки или груши подадут на завтрак, ей подойдет и то и другое.

Мозаичные панно на стенах чередовались со шкафами, наполненными разного рода диковинками. Ефимия рассмотрела каждую вазу, каждую статуэтку, не подозревая, что за ней следят. Не снизу – сверху. Как у любого, пусть даже стилизованного, восточного парадного помещения, у Зала одалисок имелся секрет: второй этаж. Попасть туда можно было из крохотной каморки без окон. Четырнадцать ступеней, и ты беспрепятственно наблюдаешь с узкого балкона за тем, что творится внизу.

За выступом полуколонны притаился мужчина лет сорока. Разделенные косым пробором каштановые волосы были чуть короче с одной стороны и длиннее, прикрывая мочку уха, с другой. Глаза цвета предрассветного неба пристально следили за мажордомом и за претендентками из графства Орой: Ленар Горзен, граф Митас, не привык упускать ни единой детали. Однако сейчас он оделся так, чтобы никто не заподозрил в нем первого министра. Черный – беспроегрывный цвет. В нем тебя принимают за слугу и не замечают. Впрочем, лицо Ленара не вязалось с выбранным образом. Слишком много власти в острой линии подбородка, слишком много силы в тонких, но одновременно чувственных губах. Высокие скулы, едва тронутая загаром кожа и утонченные, вытянутые пропорции тела выдавали аристократа. Но черный на то и черный, что не станешь рассматривать выбравшего его человека.

Императорский дворец – нечто большее, чем просто набор комнат. На самом деле их и вовсе два. Второй прячется внутри первого, опутывает залы потайными ходами, секретными комнатами.

Претенденткам на руку монарха предстояло выдержать гораздо больше испытаний, нежели они полагали. Ленар, как никто другой, знал, что только наедине с собой человек сбрасывает маску. Он намеревался заглянуть в душу каждой девушки.

– А вы, миледи?

Ефимия вздрогнула, не сразу сообразив, что обращаются к ней. Палец замер на выпуклости керамической плитки. Какой яркий мак! Красный как... кровь.

– Она какая-то деревенщина! – не удосужившись перейти на шепот, отпустила едкий комментарий маркиза. – Еще и без титула, всего лишь Феррир.

Молчать Ефимия не собиралась:

– Все мы когда-то были «всего лишь». Ваши предки тоже не родились с серебряной ложкой во рту.

– Род Торней насчитывает двенадцать поколений, – высокомерно заметила маркиза.

Обе баронессы притихли, с интересом наблюдая за перепалкой. Мажордом пока не вмешивался. Складывалось впечатление, что Ефимия, сама того не желая, участвовала в первом испытании.

– Всего двенадцать? – усмехнулась она, с удовольствием нанеся удар оружием соперницы. – В моем их четырнадцать.

– Боюсь, вам это не поможет, – не желая признавать поражение, пробурчала маркиза. – Император не опустится до бесприданницы, он выберет девушку из хорошей семьи.

Ефимия невозмутимо пожала плечами:

– Каждая из нас способна стать первой дамой империи.

Соперница испепелила ее взглядом и, отвернувшись, попросила Эммануэля:

– Если это возможно, поселите ее как можно дальше от меня.

– Конечно возможно, – эхом разнесся по Залу одалисок голос сверху. – Причем так далеко, что вы больше никогда не встретитесь.

Ленар вышел из тени полуколонны и оперся ладонями об оградительный барьер. Точно так же с балкона взирал бы на подданных император: идеально прямая спина, негибкая воля в глазах, нескончаемая уверенность в каждом жесте. Неудивительно, что девушки взволнованно зашептались: «Его величество!» Все, кроме Ефимии.

Память – занятная штука. Мы можем забыть имена предков, но до смерти не расстанемся с мимолетным запахом духов. Ефимия Брок и Ленар Горзен виделись лишь однажды, но у девушки не возникло и тени сомнений, кто перед ней.

Тот день у Ефимии ассоциировался с запахом пролитого чая на пальцах. Стоило недавно назначенному первому министру войти, он наполнился полынной горечью.

Соболезнования Ленара резали слух. Ложь от первого до последнего слова! Как у него хватило наглости открыть рот?! Всем известно, благодаря кому мертв генерал Брок и его сыновья. Близким даже не позволили попрощаться с ними, на следующий день после трагической попытки освобождения отправили в ссылку.

Почему Ленар не уродлив? Душа обязана накладывать отпечаток на тело. Где бородавки, глаза-бусинки, заплывшее жиром тело? Ефимия старалась, но не находила в первом министре изъянов. Слишком красивый, слишком притягательный для врага.

Девушка порадовалась, что Ленар высоко и не заметил смятения чувств в ее глазах. Сверху она казалась такой же чуточку смущенной и воодушевленной, как остальные. На самом деле в ушах стоял шум, Ефимия смутно понимала, что происходит. Кажется, маркизе не повезло. Спесь и длинный язык отправляли красотку домой. Ленар недвусмысленно намекнул, что высокомерие среди конкурсанток не поощряется.

– Во дворец прислали лучших. Здесь нет случайных девушек, все они избранные, равные. Эммануэль, – мажордом почтительно склонил голову в ожидании указаний, – пожалуйста, распорядитесь, чтобы завтра утром девушку отправили домой. Чванливой аристократке никогда не стать императрицей.

– Но, ваше величество... – опешила маркиза и с мольбой обернулась к Эммануэлю.

Тот и не думал ей помогать, замер каменной статуей.

– Ваше величество неправильно все поняли! – Девушка отчаянно пыталась остаться во дворце. Запрокинув голову, она присела в реверансе и нацепила на лицо виноватую улыбку. – Мы всего лишь обсуждали родословные друг друга. Я ни в коей мере...

– Я все прекрасно понял, – оборвал ее Ленар и озвучил окончательный приговор: – Готовьтесь к отъезду, миледи. В отборе вы

больше не участвуете.

Второй этаж опустел – первый министр скрылся за потайной дверью.

Опозоренная маркиза в досаде кусала губы. Спутницы искоса посматривали на нее, но не решались открыто торжествовать: вдруг им тоже прикажут паковать вещи?

– Такое случается, – флегматично прокомментировал мажордом. – Отбор – дело серьезное, а его сиятельство – глаза и уши его величества.

– Так это был не император? – разочарованно ахнули претендентки.

Больше всех расстроилась маркиза. Еще бы, унижалась, строила глазки – и не Вардену.

Ефимия отвернулась, пряча презрительную ухмылку. На что надеялись эти курицы, если спутали монарха с министром? Остальные наверняка подготовились, изучили распорядок дня его величества, подкупили слуг, чтобы оказаться рядом с Варденом во время прогулок.

– Нет, с вами говорил его сиятельство первый министр Рдожа граф Митас.

Поникшие девицы воспрянули духом. Они явно надеялись очаровать Ленара и с его помощью заполучить благосклонность императора. Их план играл на руку Ефимии: все решат, что ее интерес к первому министру вызван теми же причинами. На самом деле она хотела разрешить терзавшие ее противоречия. Ефимия поймала себя на мысли, что окончательно запуталась. Раз так, жизненно необходимо выяснить подноготную Ленара, прочитать бумаги по делу отца.

Глава 6

– Ну, как они тебе?

Откинувшись на спинку обтянутого кожей кресла, на Ленара в упор уставился его ровесник. Тоже шатен, сероглазый, с едва намеченной линией усов и крохотной бородкой. Первый министр устал просить его императорское величество избавиться от сомнительного «плевка» на подбородке. Увы, монарх не желал ничего слушать и старательно прятал за сомнительной растительностью ямочку, по его мнению, не вязавшуюся с квадратным подбородком. Якобы с ней Варден превращался в мягкотелого юношу. Ленару оставалось только смиренно пожимать плечами. При всем желании высокий, с хорошо развитой мускулатурой император не сошел бы за сопливого поэта, особенно когда хмурился. Тогда и без того низко посаженные брови придавали ему сходство с медведем.

Они росли вместе, давние товарищи по играм, и теперь вместе же стояли у руля власти.

– Да так... – Состроив кислую мину, Ленар отправил в рот очередной кусок куропатки. – Вы же знаете, мне не по душе эта затея.

Ужинать в присутствии императора – великая честь. Ужинать в его покоях без свидетелей – признак безграничного доверия. Граф порой шутил, что превратился в одну из фавориток Вардена. Он видел императора в неформальной обстановке гораздо чаще, чем любая из них.

– Брось, мы одни, к чему условности? Или боишься, что из-за шкафа вылезет моя матушка?

Варден рассмеялся и указал на массивный книжный стеллаж.

– Вряд ли. – Ленар тоже улыбнулся. – Мне известны все дворцовые ходы. Тут их нет.

– Ой ли? – лукаво покачал головой император. – Тебе следует внимательнее изучить старые планы.

Он позволял себе дурачиться только в обществе графа, с удовольствием на время забывал о тяжести короны и ответственности, которую она накладывала.

– Вторгаться в покои императора? Как можно?! Строители бы не посмели.

Плечи Ленара расслабились. Он устало потянулся, сбрасывая напряжение минувшего дня.

Судьба свела будущих друзей детьми, когда обоим было по девять лет. Отец Ленара пристроил его пажом к наследнику престола. Он единственный из погодков, таких же мальчишек из благородных семейств, сумел задержаться у трона и сделал блестящую карьеру.

– Оставим в покое тайные ходы, давай о девушках, – вернулся к прежней теме император и налил себе еще немного вина. – Матушке следовало самой ими заняться, это ее затея. Сущий фарс! Если ей так хотелось меня женить, посватались бы к той же принцессе Флафской. Поговаривают, она чудо как хороша. Мне без разницы, жена и жена, лишь бы не дура и не уродина.

– Отбор укрепит твою власть.

Ленар сделал паузу и, убедившись, что его «ты» принято благосклонно, продолжил:

– Не забывай, после восстания осталось много недовольных. Кое-кто считает, ты допустил nepозволительную жестокость, казнил невиновных...

– Хватит! – Кулак императора с силой ударил по столу. Звякнула посуда. – Не желаю слушать! И не пытайся сделать вид, будто ты к этому не причастен, – язвительно добавил Варден. – Под каждым именем и твоя подпись.

Ленар повинно склонил голову. Он понимал, сейчас надо промолчать.

– Ладно, – все еще злясь, буркнул Варден и пригубил вино, – я понял. Девица – символ примирения с собственным народом. Но если уж я приношу жертву во имя бес знает чего, то имею право знать, что получу взамен.

– Есть парочка хорошеньких. – Движение челюстей возобновилось, но первый министр держался настороженно, пристально следил за собеседником. – Особенно мне понравилась одна брюнетка.

– Ну? – Варден оперся подбородком о сложенные «домиком» ладони и взглядом велел графу продолжать. – Не томи! Комплимент из твоих уст – неслыханная роскошь. Или девушка украла твое сердце?

Ну, – будто над кабинетом недавно не разразилась буря, лукаво подмигнул император, – признавайся! Когда наконец появится женщина, которая тебя утихомирит?

– Увы! – в притворном сожалении развел руками Ленар. – В моей постели достаточно женщин, обременение в виде жены мне не требуется. Толку с нее! Одни расходы и головная боль. Любовь и вовсе самая опасная из болезней.

– Ленар, Ленар! – укоризненно покачал головой монарх и налил приятелю вина, окончательно стерев неприятное послевкусие ссоры. – Когда нам было восемнадцать, ты говорил иное.

– В восемнадцать я был глупым юнцом. Ничего в кармане, ничего в голове, одни идеалы. А жизнь, знаешь ли, ничего общего с книжками не имеет. Дай сюда! – Он отобрал у Вардена бутылку. – Я пока твой подданный, мне и разливать.

– Ты мой друг, – поправил император. – А твой идеал звали Дианой. Не отвергни она тебя, давно бы обзавелся детьми.

– И хвала небу! – отсалютовал венценосному приятелю Ленар. – Как представляю, что женился бы на ней, вздрогну. Любовница приятнее жены. Она всегда ласкова и предупредительна, рада любому вниманию. И от нее просто избавиться, когда надоест. А теперь представь жену. Вечно болит голова, вечно не хватает денег. То новый выезд, то цвет лент на шляпке не тот. А дети? Сморщенные, вечно вопящие! Хорошо, если сразу мальчик, иначе придется раз за разом вливать в себя галлон вина, чтобы навестить давно опостылевшую супругу. Так что прости, но я предпочитаю умереть холостым.

– Счастливец! – Тень набежала на лицо Вардена. – А мне, увы, скоро предстоит целовать супруге руку по утрам и слушать рассказы об очередных недомоганиях.

– Девушки не так плохи, – поспешил успокоить приятеля граф, – уверен, какая-нибудь да приглянется.

Немного помолчав, он признался:

– Я позволил себе вмешаться и выставил одну чванливую дуру. Надеюсь, ты не в обиде?

Маркиза Торней наделала шуму. В прямом смысле этого слова. После ухода Ленара она закатила жуткий скандал, требовала встречи с императором. Пришлось увезти ее силой. Императрице-матери

доложили, что девушка серьезно больна. Таким образом вопрос о возможном возвращении был закрыт.

– Я полностью доверяю твоему чутью. Но, – Варден поднял указательный палец, – необходимо подстраховаться. Ты говорил о восстании... Я не хочу неприятных сюрпризов.

– Придворный маг завтра же осмотрит претенденток. Должен же он отрабатывать деньги, которые ты ему платишь?

Мужчины дружно рассмеялись и чокнулись бокалами.

Магия – вещь редкая, даже штучная, но отрицать ее наличие глупо. Кто-то из недругов императора мог подослать носителя смертоносного дара или снабдить его проклятой вещью.

– Как думаешь, – Ленар вспомнил о более низменных, но эффективных способах убийства, – никто отравленный кинжал не припас? Женщин обыскивать не принято...

– Кто сказал? – хмыкнул Варден, рассматривая на просвет бокал. – Мне все можно, и я собираюсь это сделать.

– Поднимется скандал, – цокнул языком граф. – Императрице-матери это не понравится.

Он обязан предупредить, хотя целиком и полностью разделял принципы венценосного друга. Женщины – вовсе не всегда эфемерные, падающие в обморок создания, среди них полно отравительниц и наемных убийц. Первичный отбор проводили тщательно, но вдруг кому-то из родственников монарха не терпится занять трон? Императорская фамилия – это не только Варден и его мать, а множество двоюродных и троюродных кузенов и кузин, которые при удачном стечении обстоятельств могут на законных основаниях примерить корону.

– А мне не нравится конкурс, – буркнул император, – поэтому матушке придется проглотить недовольство. Обычная разумная предосторожность.

– Полагаю, сразу после проверки можно провести официальную церемонию знакомства, – предложил Ленар.

Варден скорчил рот в скорбной гримасе.

– Двадцать девять чопорных девиц, я и матушка. Брр!

– И половина двора. – Первый министр без-жалостно разрушил ореол мученика у собеседника. – Это больше испытание для девушек, нежели для вас.

– Вот как? – поднял брови монарх. – Двадцать девять раз выслушать имя, двадцать девять раз поцеловать руку, пожелать удачи. Хочешь, поделюсь счастьем? Отдам половину.

– Уволь! – протестующе замахал руками Ленар. Он едва не поперхнулся от нахлынувших эмоций. – Мне хватает развлечений.

– Ужели? – Варден отодвинул тарелку с горкой птичьих косточек. – Что-то не припомню, когда ты в последний раз веселился!

– Не время, – тяжело вздохнул граф и тоже покончил с трапезой. Сработало впитанное с ударами тростью гувернера правило: нельзя есть, когда старшие, в данном случае монарх, встали из-за стола. – Нужно всех и вся контролировать.

– Решено! – Император поднялся, с шумом отодвинув кресло. Ленар тенью повторил его движение. – Ты танцуешь с моими невестами.

– Но...

Граф с трудом скрыл досаду. Он строил совсем другие планы на бал Открытия.

– Именно так, – повысил голос монарх. – И не спорь! Это дело государственной важности, потом потискаешь Катарину. Пригласишь парочку девушек, понаблюдаешь. Начнешь... А хоть с той брюнетки, которую мне сватал. Кстати, почему?

Ленар напряг память. Брюнетка... Ах да, из графства Орой. Красивая, неглупая, интересуется искусством. Но что-то в ней смущало. Дело во взгляде, которым она его одарила. Там не было привычного обожания или страха, так смотрел бы мужчина, оценивая соперника, решая, как с ним поступить. Потом она спохватилась, превратилась в обычную смущенную провинциалку, но Ленар запомнил ее мимолетную суровость.

– Как угодно вашему величеству.

Граф склонился в глубоком поклоне. Его терзали сомнения, не собирался ли Варден приударить за Катариной, пока Ленар обхаживает участниц отбора. Маркиза Плее слишком эффектна, чтобы не привлечь внимания монарха. Катарина, в свою очередь, вряд ли откажет императору.

– Что-то ты не рад! – поджал губы Варден. – Не любишь танцы? Давно ли?

Ленар предпочел промолчать. Может, Варден и друг, но прежде всего он император.

Позвонив в колокольчик, монарх велел неслышно возникшему слуге убрать со стола. Когда он удалился, Варден предложил приятелю выпить немного горького ликера:

– Он улучшает пищеварение.

– В твоём возрасте? – Ленар скептически поднял бровь.

Тень ревности никуда не делась, но граф старательно гнал ее от себя, не желая портить вечер.

– Особенно в нашем возрасте, мой друг. – Варден, посмеиваясь, похлопал его по плечу. – Когда еще много ешь и пьешь. Так почему ты вдруг невзлюбил танцы?

– Отчего же, я не люблю совсем другого – развлекать по приказу.

Император нахмурился, а потом понимающе кивнул.

– А, все дело в малышке Катарине, – сладко растянул ее имя Варден, не оставив сомнений в своих намерениях. – Стареешь! Прежде ты не боялся потерять женщину. Так недолго лишиться должности.

– Кого же ты назначишь на мое место? – Первый министр стойко воспринял намек на отставку, наоборот, будто желая ее ускорить, сел, заложив ногу на ногу. – Дай угадаю!

Он задумчиво почесал подбородок.

– Кто засахарил твои уши лестью? Граф Корби? Нет, стой! Конечно, какой я дурак – лорд Марлоу! Недаром его сестра столь усердно трудилась в постели.

– Ты играешь с огнем! – насупив брови, предупредил император. – Я стерплю многое, но все же...

– Прости, – развел руками Ленар и принял подобающую позу, – ты даже не первый в списке охотников за моей головой. Не переживай, я никогда не забуду, что ты император. Именно поэтому я буду танцевать с твоими женщинами, улыбаться и осыпать их комплиментами.

– Давай уже выпьем, Ленар! – со вздохом покачал головой Варден. – Иначе договоримся до синих звездочек.

Он отпер скрытый деревянной панелью тайник и, поколебавшись, извлек пузатую зеленую бутылку.

– Порой ты несносен! – признался монарх, звякнув фужерами. – Мне действительно хочется отправить тебя в отставку, но потом я вспоминаю, что другого такого первого министра не найти, и прощаю.

Больше опасных тем в императорском кабинете не поднимали. Приятели расположились у камина и, потягивая зеленую, напоминавшую колдовское зелье жидкость из хрустальных фужеров, сплетничали о дамах.

* * *

На половине претенденток тоже не спали. Кто-то грезил о короне, кто-то скучал по дому, кто-то радовался возможности хотя бы одним глазком взглянуть на дворец.

К Ефимии тоже не шел сон. Прильнув лбом к стеклу, она смотрела на тонущий в темноте парк, вход в который освещали мигавшие на легком ветерке – факелы.

На крышке секретера лежало начатое письмо. Ефимия не могла продвинуться дальше первой строчки. «Дорогая Анна...» Как объяснить сестре, почему Ефимия так поступила? Что можно написать, а о чем лучше умолчать? И как быть с Ленаром Горзеном? Даже в отсвете факелов виделся его силуэт. Казалось, протяни руку – и коснешься плеча. А еще лучше шеи, чтобы одним движением... Но девушка слишком хорошо понимала, что не сможет, не сделает.

Зачем он здесь? Зачем она подняла голову, увидела его? Гораздо проще бороться с абстрактным первым министром. Агнешка Блеккуок только спасибо скажет за отравленный чай. Можно ведь и не убивать, всего лишь сорвать какое-нибудь важное заседание... Или таки до смерти?

Ефимия стиснула виски и обернулась к секретеру. Нужно закончить письмо. Анна грезил дворцом и не простит, если сестра хотя бы не опишет свои покои. Ефимия усмехнулась. О, это целый дворец во дворце! Только ванная комната размером с их спальню. Помимо нее имелась скромная гардеробная без окон, спальня и гостиная. Везде шелк, благородные породы дерева.

Девушка обмакнула перо в чернила и, задумавшись, поставила на бумаге жирную кляксу. Ну вот, придется переписывать! Хотя о чем

тревожиться, о двух словах?

– Все, хватит! – Скомкав испорченный лист, Ефимия отправила его в корзину. – Само провидение пытается помешать тебе сделать глупость. Забыла, что все письма просматривают? Или, думаешь, адресом не заинтересуются? Довольно с тебя придворного мага!

Девушке не давал покоя прокатившийся по крылу претенденток слух. От него сосало под ложечкой. Проверка! А у нее наперстянка... Как ее объяснить? Соврать, будто страдает сердечным недугом? Нет, это верный способ очутиться по ту сторону дворцовых ворот. Эх, знать бы, способны ли маги проникать в мысли!..

Но если бы проблемы ограничивались волшебством – Ефимия едва не опозорилась, когда служанка готовила ее ко сну. Девушка понятия не имела, что слуги обращались с аристократками как с куклами, не позволяли самой надеть ночную рубашку. Сестры Брок привыкли мыться и шнуроваться самостоятельно, и отказ Ефимии вызвал у горничной недоумение. Той удалось списать все на усталость и позволить себя раздеть, иначе бы прислуга активно судачила о странной претендентке. Спасибо, Ефимия успела спрятать бутылочку под подушку. Нужно поискать более надежный тайник.

Убедившись, что ее секрет цел, девушка вернулась к окну, уставилась на темный парк. Она и не заметила, как на запотевшем от дыхания стекле возникли две упрямые буквы – «ЛГ».

Серые глаза, бросавшая вызов устоям прическа, умение сразу ухватить суть вещей, как в случае с маркизой.

Ефимия в сердцах стерла инициалы первого министра и, потушив свечу, забралась в постель.

Святые угодники, зачем она думает о нем как о мужчине? Без разницы, красив он или уродлив, низок его голос или высок, Ленар – враг. Слово ища поддержки, девушка стиснула в пальцах бутылочку с ядом. Не помогло, граф упорно не желал превращаться в безликий образ.

– Интересно, – Ефимия перекатилась на спину, – сколько у него женщин? Наверное, много. Он стоял там, наверху, такой уверенный, неотразимый. Привык, что все его слушаются, смотрят на него с обожанием. Ничего, – неизвестно кому пообещала девушка, – я собью с него спесь!

Воображение живо нарисовало картину: Ефимия в той же ночной рубашке лежит на огромной кровати и, подперев щеку ладонью, смотрит на Ленара. Полуобнаженный, он разметался на простынях. Пот стекает по тяжело вздымающейся груди. Ефимия улыбается, любит его гладкой кожей, рельефными мышцами. Девушка нахмурилась и рывком села на кровати. Дворец дурно влиял на нее, прежде Ефимия за собой подобных фантазий не замечала.

– Что же это такое! – Девушка в сердцах ударила рукой по одеялу. – Везде проклятый Ленар! Если он начнет соблазнять меня во снах, видят святые и Создатель, я придушу его на балу!

Ефимия пару раз вдохнула и выдохнула. Отпустило. Она переволновалась, не рассчитывала сразу же встретить первого министра, только и всего. А постель, мужчина... Так ведь Ефимию собирались выдать замуж, вот в голове и смешалось.

– Интересно, каков император? – Девушка снова улеглась на спину. – Такой же, как на ассигнациях? Говорят, он был помолвлен, но принцесса Марианна скончалась от чахотки. Наверное, император очень ее любил, раз женится только спустя семь лет. Даже матушка по отцу столько траур не носила.

Первая помолвка Вардена состоялась вскоре после того, как в Рдоже погасили последние очаги восстания. Принцесса Марианна только-только вошла в брачный возраст, но императрицей не стала, скончалась в том же году. Шептались, будто родные скрывали ее недуг, надеялись успеть породниться с могущественными соседями.

– Главное, не упасть в обморок: корсеты при дворе шнуруют туго. С остальным справлюсь. Реверанс у меня практически идеальный, танцюю неплохо. Спасибо графине Малжбетен, она не поскупилась на учителей. Наверное, потому, что Создатель не послал ей дочерей. Графиня не раз повторяла, как хотела бы родить девочку, но увы, она и сына-то выносила с трудом.

Хм, Ефимия, кажется, придумала, куда спрятать наперстянку. Вон та декоративная ваза отлично подойдет. Девушка еще вечером убедилась: служанки не утруждали себя, проходились метелкой только снаружи, а внутри скопилось достаточно пыли. На первое время сойдет, а потом Ефимия что-нибудь придумает.

Глава 7

Гостиная наполнилась ароматом женских духов. Еще бы, в ней собрались все двадцать девять соискательниц руки императора! Обмахиваясь веерами, они сетовали на слуг, не желавших отворить окно.

– Простудимся мы, как же! – скорчила гримасу одна из девушек злобно зыркнув на ливрейного лакея в дверях. – Сказали бы прямо: боятся, что сбежим.

– Как думаете, – обратилась к ней миниатюрная шатенка с пятнами смущения на щеках, – среди нас действительно ведьма?

– Вряд ли! – усмехнулась блондинка и обратилась к сидевшей напротив Ефимии: – Если бесов маг не объявится через полчаса, я выброшусь в окно. А вы?

Девушка Брок улыбнулась:

– Пожалуй. Но я бы на вашем месте говорила тише. Нас слишком много, а место невесты – всего одно.

– Полагаете, самоубийство превратится в убийство? – Судя по лукаво сверкнувшим глазам, собеседница оценила ее шутку.

– Я бы не стала рисковать. Уверена, все девушки идеально воспитаны...

– ...но хорошее воспитание мгновенно испаряется, когда дело касается мужчины, – закончила за нее блондинка. – Однако шутки шутками, а это настоящая душегубка!

Ефимия согласно кивнула. Гостиная подходила для камерных чаепитий на пять-шесть человек. Оставалось только гадать, почему участниц отбора собрали здесь, а не в том же Зале одалисок. Позабыв об этикете, девушки уселись вплотную друг к другу, однако места все равно не хватало, многим приходилось стоять. Ефимии повезло. Она пришла в первых рядах и в качестве приза получила кресло.

– Может, это тоже испытание? – продолжила словоохотливая блондинка. – Мы жалуемся, бурчим, а через дырку в ковре за нами пристально наблюдают.

Сидевшие рядом Ефимия и стеснительная шатенка дружно обернулись к шпалере со сценой из рыцарского романа. Показалось,

или дама на ней моргнула?

– Элизабет Сомерсби, – представилась блондинка и по-мужски протянула Ефимии руку. – Единственная дочь графа Экта. Сорвиголова, негодная наследница и прочее.

Она рассмеялась и задорно подмигнула девушкам.

Сорвиголова? А по виду и не скажешь – голубой шелк, чуть тронутые розовой помадой губы, романтические локоны. Но стоило Элизабет открыть рот, как истинная натура брала свое. Ефимия сразу прониклась к ней симпатией. Она догадывалась, что Элизабет участвует в отборе не по собственной воле. Наверняка настоял отец.

– Мирабель Арно, – в свою очередь представилась шатенка и, покраснев еще больше, хотя, казалось, куда уже, добавила: – У меня титулов нет, мой отец – простой лорд.

– Сколько же вам, милое создание?

Элизабет заподозрила, что стеснение девушки продиктовано не только волнением и воспитанием.

– Шестнадцать, – чуть слышно призналась Ми-рабель.

Нижний порог допустимого возраста. Видимо, отец очень сильно хотел видеть дочь императрицей. Но вела себя Мирабель и вовсе на четырнадцать, та же Анна не стушевдалась бы. Ефимия на минутку представила сестру на месте новой знакомой. Анна наверняка бы велела сделать локоны-пружинки и начесать волосы на затылке, чтобы казаться взрослее. Она подсмотрела прическу на одном из приемов леди Малжбетен и с тех пор копировала для каждого бала, куда их приглашали. И уж точно бы Анна не краснела, наоборот, без умолку болтала и перезнакомилась со всеми соперницами. Ну и раз сто повторила, кто станет императрицей.

Кивнув собственным мыслям, Элизабет озвучила собственный возраст:

– Мне восемнадцать. А вы? – обратилась она к Ефимии. – Как вас зовут, откуда вы? Придется развлекаться светской беседой, раз маг задерживается. Не узоры ковра же рассматривать!

Девушка на краткий миг замялась, но тут же улыбнулась, прогоняя тревогу. Вздор, Броки не знали с Сомерсби, уж точно не настолько, чтобы изучать их родословную. Когда Элизабет вошла в брачный возраст, тела обоих братьев давно истлели в могиле, поводов для пристального интереса нет, опасаться нечего.

– Ефимия Феррир. Боюсь, – вздохнула она, – на вашем фоне я старая дева. Мне целых двадцать лет!

– О, это вовсе не недостаток! – заверила Элизабет и придирчиво осмотрела собеседницу.

На миг показалось: узнала! Сердце подпрыгнуло к горлу, на щеках едва не расцвели предательские пятна, такие же, как у Мирабель. Но наследницу графа волновала внешность, а не происхождение.

– С такими глазами у вас наверняка отбоя от женихов нет. Правильно, не торопитесь. Брак – дело серьезное. Вот так потеряешь голову, поверишь сладким речам, влюбишься в линию подбородка, а он уже обобрал до нитки и развлекается в супружеской постели с любовницей.

Ефимия отвела глаза. Невольно Элизабет попала в точку, с одной лишь разницей – они с тем мужчиной никогда не принадлежали друг другу.

Пальцы цепко сжали веер. Перед глазами на мгновение возник шатен на втором этаже Зала одалисок. Моргнув, Ефимия прогнала видение и сосредоточилась на другом: заплаканном, осунувшемся лице матери. Помогло.

– О, похоже, кто-то успел украсть ваше сердце! – Элизабет оказалась проницательной.

– Дело прошлое. – Девушка поставила жирную точку в обсуждении своей личной жизни. – Но вы правы, я не тороплюсь связывать себя узами брака, хотя претенденты были.

Ефимия порадовалась, что собеседница не стала расспрашивать о родителях. Хотя и так понятно, если не хвастаются титулами, то их нет.

– Ох, неужели к вам сватались, а вы отказали? – осмелилась спросить робкая Мирабель.

Она смотрела на Ефимию с таким восхищением, что стало смешно. Подумаешь, смелый поступок – не согласиться стать чьей-то женой! Оставалось надеяться, что и Анне хватит духу отказать Льюису Бару, если тот вздумает переключиться на младшую сестру. Может, они дочери предателя, бесприданницы, но не потеряли чувства собственного достоинства. Если бы Льюис хотел жениться на Анне, сразу бы ее и обхаживал. Там уж дело сестры, Ефимия бы не вмешивалась.

– Да, и не единожды.

– Я тоже, – призналась Элизабет. – Отбор спас от очередного навязчивого жениха. Как вспомню о Жаке, вздрогну. Брр!

Она передернула плечами.

– А я бы не смогла, – вздохнула Мирабель. – Если бы отец сказал, пошла.

По рядам кандидаток пробежала волна оживления, заставив троицу дружно вытянуть шеи. Неужели начинается? Стоявшие ближе к дверям кандидатки зашептались, дружно поправляя прически. Повинуясь всеобщему порыву, Ефимия тоже потянулась к волосам, но вовремя отдернула руку. Это не привычная коса, вряд ли она без посторонней помощи сможет заново соорудить конструкцию из локонов и шпилек, увенчанную малой диадемой. Их полагалось носить всем участницам отбора. А еще яркие ленты через плечо разных цветов. Ефимии досталась зеленая. Она догадывалась: ленты придумали для удобства императора. Так он мог легко различать девушек, не утруждаясь запоминанием имен.

Слуги почтительно распахнули двери, впустив в гостиную низенького пухлого мужчину. Ефимия не сдержала вдоха разочарования: она представляла мага другим, высоким, сухопарым. Одевался мужчина тоже как смазливый фаворит какой-нибудь принцессы, этакая райская птичка, отъевшаяся на имперских харчах. За магом тенью следовали двое: Эммануэль и незнакомый мужчина с блокнотом в руках, наверное, секретарь.

– Доброго утра, дамы! – поздоровался волшебник. – Позвольте представиться: Клод Варнус, придворный маг его величества. С нашим любезным мажордомом вы уже знакомы. Помимо него нам помогает господин Эрнест Хомос, секретарь вдовствующей императрицы.

Клод выбрал не лучшее обращение, о чем ему не преминули напомнить несколько острых взглядов. Маг смахнул их, словно крошки со стола, и объяснил дальнейшие действия:

– Я стану по очереди вызывать вас в соседнюю комнату. Господин Хомос, – секретарь поклонился, – все тщательно запротоколирует, а господин Дидье проводит успешно прошедших проверку девушек в парк, к ее императорскому величеству. Она изъявила желание на день принять вас в штат своих фрейлин.

Вот и первое испытание.

Ефимия быстро составила план действий: не спорить, улыбаться, предупредительно исполнять поручения. Не так уж сложно для той, которая терпела насмешки деревенских мальчишек в первые годы ссылки.

– Вопросы, барышни?

Клод обвел взглядом собравшихся и, удовлетворенно кивнув, в сопровождении секретаря удалился в соседнюю комнату. Что там, разглядеть не удалось: дверь быстро закрыли. Возле нее стражем замер Эммануэль. Напрасно любопытные просили приоткрыть тайну, мажордом упрямо молчал. Дождавшись, пока претендентки успокоятся, он извлек из внутреннего кармана список и начал вызывать по одной девушке в алфавитном порядке. Мудро: все равны, никаких обид. Мирабель отправилась первой, Ефимия оказалась последней. Чем меньше кандидаток оставалось в гостиной, тем больше она нервничала. Когда и Элизабет скрылась за дверью, в горле и вовсе резко пересохло. Что там? Как все происходит? Обратного никто не возвращался, значит, комната проходная.

И вот она осталась одна...

Ефимия в волнении смяла юбку. В голову лезли мрачные мысли. Вдруг горничные таки заглянули в вазу и нашли бутылочку с наперстянкой? Тогда никакой проверки нет, девушек сразу проводили в парк, а вот Ефимию дожидался конвой. Очень удобно – приказать назвать ее фамилию последней, чтобы без шума арестовать.

Ну вот, она уже наматывает локон на палец. Если дальше так пойдет, начнет кусать ногти. Нужно срочно отвлечься, перестать столь явно нервничать.

Наконец прозвучало:

– Леди Ефимия Феррир.

Девушка поднялась и нарочито спокойно направилась к почтительно распахнутой двери. За ней оказался не портал в преисподнюю, даже не магическая лаборатория, а самый обычный кабинет. Мирно тикали часы, кокетничали пастушка и пастух на каминной полке, сдержанно улыбались со стен дамы и кавалеры в старинных нарядах. Никаких солдат, разгневанного императора и пыточных тисков. Ефимия окинула быстрым взглядом стол и с облегчением выдохнула. Если бы наперстянку нашли, то выставили бы на всеобщее обозрение как главный пункт обвинения.

Клод Варнус расслабленно устроился в кресле в левой части комнаты. Справа, на небольшом подиуме, зажатом между полками с книгами, что-то усердно писал господин Хомос. При появлении Ефимии он на краткий миг поднял голову и снова углубился в работу.

– Присаживайтесь, пожалуйста!

Клод указал девушке на свободное кресло. Его развернули так, чтобы сидевший оказался лицом к придворному магу. Придерживая юбки, Ефимия осторожно опустилась на предложенное место, поборов желание сложить руки на коленях.

– Все достаточно просто. – Маг не сводил пристального взгляда с ее лица. – Вам нужно молчать и не двигаться до моей команды.

И только? Ефимия была чуточку разочарована. Она полагала, Клод проколет ей палец, станет изучать под лупой ее кровь.

Ефимия кивнула:

– Я готова.

На самом деле она до дрожи боялась грядущей проверки.

Когда Клод зашел ей за спину, девушка намертво вцепилась в подлокотники кресла. Ефимия даже зажмурилась от страха, но прошла минута, другая, а страшные слова не прозвучали. Казалось, вообще ничего не происходит. Ефимия осторожно скосила глаза и удивленно нахмурилась. Клод водил руками возле ее головы. Вряд ли он дурачился – зрителей нет, выходит, действительно колдовал. Испугавшись, что маг прочитает ее мысли, Ефимия принялась мысленно считать: некогда она то ли слышала, то ли читала о подобном способе сбить с толку ментала. Когда все закончилось, девушка успела дойти до ста. Клод вернулся в кресло и велел секретарю поставить возле фамилии Ефимии «птичку».

– Все в порядке, миледи, – заверил он. – Проверка – сущая формальность. Не в обиду, но я еще не встречал ни одной женщины-мага. А если бы Создатель вдруг наделил представительницу слабого пола даром, она бы не прошла отбор строгой комиссии.

– Безусловно. – Губы одеревенели, но Ефимия сумела раздвинуть их в слабой улыбке. – Я не в обиде. Безопасность империи превыше всего, вы лишь выполняли свою работу.

Шаблонная фраза упала на благодатную почву. Еще недавно отстраненный, Клод засиял, обрадованный уважением к своему ремеслу.

– Будете смеяться, но вы первая, кто понял суть процедуры, – пожаловался он. – Остальные леди посчитали ее чуть ли не личным оскорблением.

Даже Мирабель? Она скорее умерла бы от смущения, нежели посмела конфликтовать с придворным магом.

– Прискорбно! – охотно включилась в беседу Ефимия. Увы, не по доброте душевной, а из корыстных побуждений – заручиться поддержкой Клода. – Им следовало бы больше думать об императоре, нежели о себе.

Ах, майстер Варнус, – окончательно вошла в роль девушка, даже руками всплеснула, – вы бы слышали их разговоры! Сплошное самолюбование! Такое впечатление, будто они родились с короной на голове. Ох, простите, – уже искренне спохватилась она, – прежде я не встречала магов и не знаю, как к ним обращаться.

Вдруг Клод дворянин, тогда ее «майстер» оскорбительно.

– Все в порядке, – заверил маг. – Я тоже не состою в родстве с императорской фамилией.

Поболтав немного с Клодом о тяжелой доле обычного, пусть и наделенного даром человека при дворе, Ефимия благополучно покинула комнату. Никто не спешил ее арестовывать. Истинное происхождение девушки пока тоже оставалось тайной за семью печатями. Впереди ждало испытание императрицей-матерью.

Итак, отбор начался. Интересно, все девушки доживут до бала Открытия? Седьмое чувство подсказывало, что ее величество Алисия окажется строже всех судей, вместе взятых.

Попасть в парк из отведенного претенденткам крыла было легко – достаточно спуститься по очередной лестнице. Она оказалась не столь широка, как виденная в первый день, без скульптур и вазонов, но тоже мраморная. Сосредоточенные девушки покорно следовали за Эммануэлем, словно птенцы за уткой, ведущей их к водоему. Кто-то заучивал слова приветствия, кто-то репетировал правильное выражение лица. Пара минут – и претендентки уже стояли возле увитой плющом арки. Ефимия видела ее из окна спальни.

– Ее величество уже там? – велел девушкам обождать, важно осведомился у стражников Эммануэль.

– Да, милорд, – почтительно ответил старший по званию. – Пару минут как.

– Кто с ней сегодня?

– Леди Амальфина и барон Марлоу.

Мажордом довольно кивнул и обернулся к подопечным.

– Правила общения с ее величеством просты: доброжелательность и честность. Вам повезло с дежурной фрейлиной, леди Амальфина точно не устроит каверз. Барон Марлоу вне игры, у него нет ставленниц на отборе.

Ефимия не ошиблась, Эммануэль – важная фигура при дворе. Она не удивилась бы, если бы он подстроил так, чтобы во время знакомства с императрицей подле нее оказались нужные люди.

Ее величество мерила шагами песчаные дорожки в цветнике. Он простирался на несколько сот метров, поражая воображение причудливыми красками и затейливыми композициями. Сама императрица тоже блистала, смело сочетала лимонный цвет с одним из темных оттенков зеленого. Волосы Алисии поредели до срока, и она много лет носила шиньон. Высокая, почти как Ефимия, императрица умело балансировала на грани грузности. Бриллиантовая брошь в виде звезды на груди и бриллиантовая же диадема в волосах красноречиво обозначали статус женщины.

Позади императрицы, практически шаг в шаг, ступали сопровождающие: та самая леди Амальфина, худощавая дама средних лет, и барон Марлоу, ровесник покойного генерала Брока. Чуть дальше, чтобы не мешать, семенила служанка, готовая в любую минуту подать складное кресло или стакан лимонада.

– Эммануэль, друг мой! – Алисия просияла при виде мажордома и раздраженно махнула спутникам. – Оставьте нас!

Леди Амальфина и барон Марлоу покорно удалились, но не потеряли императрицу из виду.

– Ваше величество!

Выказывая свое почтение, Эммануэль чуть ли не пополам согнулся и облобызал ладонь в лайковой перчатке. Императрица чуть повела глазами, и он выпрямился, взял ее под руку.

Девушки переглянулись. Многие сделали выводы, к которым чуть ранее пришла Ефимия.

Вот тебе и простая одежда, черная униформа слуг! На них, маркиз и графинь, императрица взглянула холодно, мельком, а к Эммануэлю явно благоволила.

Странная парочка удалилась к идеально ровному боскету. Они о чем-то совещались, периодически посматривая на участниц отбора. Но вот императрица кивнула, и Эммануэль вернулся к подопечным. Девушки полагали, он что-то им скажет, но мажордом без лишних слов бросил их на растерзание матушке потенциального жениха.

Участницы отбора, все как одна, замерли в почтительном реверансе. Императрица не спешила их поднимать. Обмахиваясь веером, будто на улице царила невообразимая жара, она вглядывалась в опущенные лица. Сложно сказать, удовлетворили ли ее отобранные комиссиями кандидатки. В равной степени императрица могла счесть их никуда не годными либо похвалить. Хотя нет, губы таки разочарованно дрогнули. Как всякая мать, она искала сыну идеальную супругу. Таковых, естественно, в природе не существовало.

– Надеюсь, вы понимаете, – зашелестел гравий, в такт ему ударялся о ладонь сложенный веер, – где и для чего вы находитесь, осознаете свои права и обязанности.

Вопрос не требовал ответа, и императрица продолжила, прохаживаясь перед участницами отбора:

– Попасть сюда – большая удача, но вы должны приложить вдвое больше усилий, чтобы остаться. Я решила взглянуть на вас прежде сына, чтобы исправить возможные ошибки отборочных комиссий графств. Красоты или происхождения мало, вы должны доказать, что достойны высокого статуса. Те, кого я сочту перспективными, позавтракают завтра с императором.

Алисия велела служанке принести стул и с комфортом устроилась посреди дорожки. Позади нее, словно стража, замерли леди Амальфина и барон Марлоу.

Девушки по-прежнему балансировали в неудобной позе: самовольно выпрямиться они не могли.

– Довольно! – смилостивилась императрица, когда ноги бедняжек начали дрожать от напряжения. – Настоящая леди способна не двигаться минутами. Теперь подходите по одной – пришло время знакомиться.

В рядах девушек наметилось замешательство. В итоге первой вышла Эрнестина Ласси – единственная герцогиня в сонме графинь, маркиз, баронесс и обычных леди. Она непринужденно склонилась в

столь низком реверансе, что едва не подмела волосами песок. Затем выпрямилась и скромно потупила взор.

– Представьтесь, милочка, расскажите, что сочтете нужным, и пройдите отсюда... – Императрица ненадолго задумалась. – Вон до той клумбы. Косолапая невестка мне не нужна.

Кто бы сомневался, герцогиня ходила так, что не расплескала бы кувшин с водой на голове. Говорила она тоже только то, что от нее хотели услышать. Она-де счастлива оказаться здесь и надеется привлечь внимание его величества.

Пример герцогини подхватили остальные. Они наперебой пели, как грезили об императоре, сколько хорошего слышали о его матушке. Ефимии хотелось нарушить сладостный хор, но, следуя заготовленному плану, она тоже притворилась влюбленной соискательницей. Девушка не забыла подчеркнуть, что такой шанс выпадает раз в жизни, и ей, обычной леди, даже не приходилось о нем мечтать.

– Вы очень высокая.

Опять по выражению лица не поймешь, упрек это или комплимент.

– Я пошла в отца, ваше величество.

Опасная, скользкая тема, но в некоторых случаях лучше сказать правду.

– Женщине лучше быть ниже мужчины, однако вы неплохо бы смотрелись рядом с Варденом. Мой сын высокий, обычные партнерши ему по плечо.

Ефимия ушам своим не поверила. Ее только что выделили! Взгляды заклятых подруг по отбору прожигали спину. Если бы могли, они укоротили бы Ефимию на голову.

Императрица кивком головы отпустила девушку и занялась следующей. Пока все шло хорошо. Ее величество приятно удивило то, что не пришлось никого выбраковать.

– Надо же, – обратилась она к леди Амальфине, – умеют, когда захотят! Тут можно выбрать приличную невестку. А вы как считаете?

Фрейлина чиркнула взглядом по напряженным лицам и кивнула:

– Хорошие девушки, ваше величество.

– А вы как считаете, барон?

– На месте его величества я бы женился на всех сразу, – пошутил Марлоу.

– Тогда допустим всех, пусть готовятся к протокольному завтраку. Запомните, первое впечатление можно произвести лишь единожды, – напутствовала кандидаток императрица. – На вас станут смотреть, оценивать. Надеюсь, – строго добавила она, – танцевать все умеют?

– Да, ваше величество, – дружно ответили девушки.

Алисия холодно улыбнулась и вскользь обронила:

– Кому-то из вас со временем предстоит называть меня «матушкой». Возможно.

И все, ее величество, потеряв всякий интерес к участницам отбора, повернулась к ним спиной

Ефимия испытала легкое разочарование. Она готовилась терпеть вздорную старуху весь день, а та ограничилась от силы часом. Слишком легкое испытание! С другой стороны, встреча с императрицей – всего лишь разминка, впереди ждал бал и прочие испытания.

Глава 8

– Я себе его совсем другим представляла, – чуть слышно прошептала Мирабель.

Громче нельзя, в огромной, сияющей серебром столовой с важными ливрейными лакеями за спинками стульев непременно кто-то услышит. А если услышит, то порадует: одной соперницей меньше. Неуважение к его величеству – весомое основание немедленно отправиться паковать вещи.

– Каким же?

Ефимия покосилась на императора, старательно не замечая другого мужчину, сидевшего по правую руку от Вардена. Получалось... Да ничего не получалось, по правде говоря. Ефимия остро ощущала его присутствие, злилась и смущалась одновременно. Пожалуй, впервые в жизни она ратовала за строгое соблюдение дворцового этикета. Как можно позволить какому-то графу занять почетное место рядом с монархом! С одной стороны мать, с другой – он. Спокойно ест, о чем-то беседует с герцогиней Ласси. Похоже, они давно знакомы. Если так, место императрицы уже занято: Ефимия не сомневалась, Ленар продвинет свою протезе. Не удержавшись, она мазнула взглядом по точеному профилю и сразу отвернулась.

– Эффи, ты так вилку ломаешь! – охнула Ми-рабель.

Девушка моргнула. Она не заметила, как стиснула пальцы. Улыбнувшись, Ефимия расслабила мышцы. На коже остались вмятины, в точности повторявшие узоры столового прибора.

– Нервничаю, – смущенно улыбнулась Ефимия.

Еще бы, не каждый день завтракаешь с тем, кого собираешься убить!

– Так что там с императором? – поспешила она вернуть беседу в безопасное русло. – Признавайся!

Участницы отбора в силу естественных причин разбились на группки. Ефимия оказалась в тройке с Мирабель и Элизабет. Обе ей нравились, поэтому в общении с ними она с легкостью перешла на «ТЫ».

– Я полагала, он старше. Надеюсь, – кон-чики ушей Мирабель порозовели, – это не очень глупо?

Вместо ответа сидевшая по другую руку Элизабет ободряюще похлопала ее по плечу и взялась за Ефимию. Та едва не подавилась, когда дочь графа Экта лукаво заметила:

– Меня тревожит наша Эффи. Интересно, о чем или о ком она задумалась? Ест как птичка, вилки – ломает.

– Об императоре, конечно. В отличие от вас, я видела его только на гравюрах. Страшно до жути!

Как хорошо, что можно всегда прикрыться именем Вардена. И ведь чистая правда, будущее представление его величеству отзывалось дрожью в коленях.

– Ох, и мне так страшно! – подхватила Мирабель. – Что, если я опозорюсь? Он подойдет, заговорит, а у меня слова из головы вылетят. Куда мне до светских львиц! Я глупая, отец всегда повторял, что из достоинств – одно личико.

– Меньше об этом думай, – посоветовала Элизабет и отправила в рот очередной кусочек творожной запеканки с ягодами.

Из всей троицы только она держалась так, словно завтракает в семейном кругу, а не под перекрестным огнем глаз всего двора во главе с императрицей-матерью.

– Тебе-то хорошо, – накинулась на нее Мирабель, – тебе замуж ни капельки не хочется.

– Не хочется, – подтвердила Элизабет. – Зато отец спит и видит меня императрицей. Сами понимаете, происхождение накладывает некоторые обязательства.

Ефимия, помрачнев, отвернулась. Она знала. Ее обязательство – не появляться в аристократическом кругу.

Скорей бы все закончилось!

Взгляд сам собой вновь обратился к первому министру. Как высоко он вознесся! Обошел родню Вардена, задвинул на второй план тех же герцогов Парских. У него наверняка полно недоброжелателей, никто не удивился бы, если бы после вон той чашки кофе Ленар закашлялся и больше не встал. Мечты, мечты! Ничего с первым министром не случится.

Как же она боялась и одновременно желала его видеть! Ефимия не сумеет убить Ленара. Пора признаться в постыдной слабости и

придумать другой план мести. Например, раздобыть компрометирующие графа документы и положить на стол императора. Для этого придется постараться, стать фавориткой отбора.

И тут он посмотрел на нее.

Ефимию обожгло холодом преисподней, стало трудно дышать. Гулко сглотнув, она склонилась над тарелкой, сделав вид, будто увлечена изысками местной кухни. Ленар все не отводил взгляда. Неужели что-то почувствовал?

«Что, если он узнает? Если уже знает?» – молоточками билось в голове. Тогда конец. Ее не просто выставят с отбора, это пустяк, граф окончательно разрушит жизнь матери, тети, Анны. И самой Ефимии. Вдруг ее отправят на эшафот?

Девушка практически задыхалась от страха. Помог глоток крепкого ароматного кофе.

– Ты покраснела, а потом побледнела. – Все эта Элизабет подмечала! – Он действительно симпатичный, вдобавок холостяк.

– Недостаточно симпатичный, если не носит короны, – отшутилась Ефимия. – Напоминаю, для всех нас существует всего один мужчина – император.

Да отвернись ты, отвернись! Неужели герцогиня недостаточно хороша? Или та блондинка в лиловом? На месте Ленара Ефимия бы с нее глаз не спускала.

Девушку разобрала злость. Хорошо, не хочет сам, отвернется она. И хватит гадать, знает он или нет. Соус к яйцу пашот бесподобен, даже если Ленар намерен ее казнить, Ефимия съест все до последней капли.

– Он идет сюда! – взволнованным шепотом сообщила Мирабель.

Ефимия только чудом не поставила на платье жирное пятно. Внутри образовался снежный ком. Какого труда ей стоило сохранять внешнее спокойствие, когда сердце колоколом ухало в груди!

Все ближе и ближе. Несомненно, первый министр направлялся именно к ним.

Как же не хотелось в тюрьму! «Я не попаду туда, не попаду! – мысленно горячечно шептала Ефимия. – Святой Верасий, защити, отведи руку преступника!»

Девушка спиной ощутила: он здесь. Все это время она старательно изображала, будто не замечает Ленара. Сейчас это стало неприличным, пришлось отложить приборы и изобразить приветливый

интерес: не каждый день рядом с твоим стулом стоит первый министр империи!

– Дамы, позвольте заглядить оплошность слуг и вручить вам карточки.

От близости Ленара по коже разбегались мурашки. Ефимия слышала его ровное дыхание, слишком спокойное для человека с нечистой совестью. Тонкий аромат одеколona дурманом проникал в ноздри. Казалось, еще немного – и она задохнется.

– Вам плохо? – Граф обратил внимание на странный цвет ее лица и напряженный, словно перекошенный спазмом рот.

– Душно. – Ефимия с трудом расслабила окаменевшие мышцы. – А еще так волнительно. Я из провинции, милорд, буквально ослеплена блеском дворца, боюсь допустить какую-нибудь оплошность.

Ленар велел слуге открыть окно и заверил, что девушке нечего бояться:

– Никто не упрекнет вас за естественное в подобных случаях смятение. Пока я не вижу никаких оснований для страхов.

– Благодарю, милорд. – Должна же она была что-то ответить?

Ефимия осторожно покосилась на графа и убедилась: он ничего не заподозрил. Раз так, можно выдохнуть и послушать, зачем понадобились таинственные карточки. На поверку они оказались разлинованными листами плотной бумаги с императорским вензелем. Цвет карточек повторял цвет лент девушек. Если Ефимия все правильно поняла, они сродни журналу успеваемости, только записи в них заносил не учитель, а император. Разумеется, он не ставил отметок. Если претендентка нравилась монарху или он хотел оставить ей какое-то послание, то просил предъявить карточку. В финале отбора количество записей подсчитают и начислят дополнительные очки.

– Также каждая из вас получит шанс провести вечер с его величеством. Как минимум один. – Какое счастье, что Ленар обращался к Элизабет, на время оставив Ефимию в покое. – Очередность встреч определяется императором. Он может самостоятельно высказать желание увидеться с вами или передать приглашение через слугу.

Графа тяготила навязанная ему роль. Из политика он превратился в сваху. Однако Ленар не мог бросить друга детства на растерзание

претенденток, поэтому терпеливо раз за разом объяснял правила, отвечал на вопросы.

Стоило первому министру отойти, как Элизабет обратила внимание подруг на герцогиню Ласси:

– Первая счастливица уже определилась. Видите перстень поверх карточки Эрнестины? Сомневаюсь, что это ее собственный.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнула Мирабель. – Не хотела бы я оказаться в первых рядах!

– Тогда сразу поезжай домой. Надо мечтать о перстнях, платках и прочих знаках внимания, а не отсидеться в уголке. У тех, кого позовут в последнюю очередь, шансов на корону с гулькин нос. Ясное дело, начали с Эрнестины, недаром ей выпал белый цвет.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась Ефимия.

Выходит, присвоенные участницам цвета не случайны и что-то обозначали.

Элизабет со вздохом закатила глаза.

– Эффи, да она своей лентой и карточкой в тон в общей гостиной хвасталась. Мол, самый благородный цвет и всякое такое. Я еще возмутилась, что всем карточки выдали, а о нас забыли. А ты где была?

– Гуляла, – простодушно призналась Ефимия.

Ну не нравился ей устроенный в одной из комнат салон, лучше бродить в одиночестве, чем соревноваться в ядовитых уколах с улыбкой на устах. Мирабель туда тоже не заглядывала, читала у себя. Она привезла пару любовных романов. Видимо, училась у героинь искусству обольщения.

– Надеялась повстречать его величество? Или графа Митаса? – добродушно уколола Элизабет. – Не красней, на отборе есть не только главный приз, но и утешительные.

– Для меня существует только один жених – император, – немного резче, чем следовало, возразила Ефимия.

Аппетит окончательно пропал, она лениво ковырялась в тарелке. Впрочем, не только Ефимию тяготил парадный завтрак. Тут царили смертельная скука и поразительная тишина, нарушаемая лишь редкими шепотками. Даже Ленар общался с герцогиней Ласси вполголоса. Ястребиный взгляд императрицы-матери блуждал по

лицам соискательниц, выискивая малейшие изъяны. Изредка она или ее сын обращались к девушкам с каким-нибудь вопросом.

Но вот наконец попытка закончилась. Как полагается, ровно тогда, когда император промокнул губы салфеткой. Дружно заскрипели стулья. Монарх еще раз холодно выразил удовольствие от знакомства с девушками и удалился. В следующий раз, совсем скоро, им предстояло увидеться на балу Открытия.

– Наконец-то можно выплюнуть палку, а то у меня уже спина разболелась, – пожаловалась Мирабель, когда императорская семья со свитой удалились.

– А у меня от улыбки сводит скулы, – подхватила Ефимия.

Девушки дружно прыснули. Пара конкуренток осуждающе покосилась на них. Пускай, они ничего не нарушили.

Ефимии остро не хватало Анны. Она бы отвлекла от мыслей о грядущем бале. Девушка жутко переживала. Вдруг она наделает ошибок? Нужно быть идеальной, чтобы получить приглашение на randevу с императором.

Мирабель неуловимо напоминала сестру, поэтому они сдружились. Элизабет, в свою очередь, практически близнец самой Ефимии. Той, которой бы она выросла, если бы отец не связался с мятежниками.

– Ты не против, если мы заглянем в библиотеку? – предложила Мирабель и, смутившись, пояснила: – Я без книги заснуть не могу, а свои уже прочитала.

– Лучше бы прогулялись, – покачала головой Элизабет.

Ефимия подошла к окну и осторожно отодвинула занавеску.

– Пожалуй, сейчас я солидарна с Миррой. Я не горю желанием ходить с постной миной – ее величество как раз отправилась на прогулку. Отсидимся в библиотеке и пойдем после императрицы.

Путь к знаниям оказался тернист: когда девушки добрались до цели, они раз десять прокляли каблуки. Мучения того стоили. У Ефимии разбежались глаза от обилия книг. Вот бы Анну сюда! Она, как и Мирабель, обожала читать, только вот с доходами Броков больше одного томика в год не купишь. Для императора книги, безусловно, не роскошь, он скупал их десятками, если не сотнями.

Декорированный под старину сводчатый зал библиотеки казался бесконечным. Повсюду расставили удобные диванчики. Приставные

лесенки помогали без труда достать фолианты с верхних полок. Пока Миранбель с помощью Элизабет выбирала романтическое успокоительное, Ефимия гуляла между рядами дубовых шкафов. Она пыталась вспомнить, какой была библиотека в их прежнем доме. В голове всплывала только лампа с зеленым абажуром. По иронии судьбы на отборе ей выдали именно зеленую ленту.

Жаль, в императорской библиотеке нет книг об отборах, зато найдется кое-что другое. Девушка воровато огляделась. Подруги далеко, спорят о художественной ценности очередной поэмы, других читателей нет, можно попробовать. Безусловно, имя отца могли вымарать, но Ефимия надеялась, где-то оно сохранилось.

– Никто не любит историю! – усмехнулась девушка, отыскав нужные стеллажи в самом дальнем углу библиотеки. – Люди предпочитают набивать собственные шишки, а не учиться на чужих ошибках.

Ефимия пробежалась глазами по корешкам. Все не то, общие труды. Она обходила шкаф за шкафом, пока наконец не остановилась. Там за стеклом хранились одинаковые простенькие коричневые тома. Воспользовавшись приставной лестницей, девушка извлекла с полки хронику за нужный год. Пальцы ее дрожали. К глазам подступили слезы. Пару раз шмыгнув носом, Ефимия отогнала призраки прошлого и углубилась в чтение. Вот она, та самая война. Тогда генерала Брока провозгласили героем, чтобы потом сделать предателем.

Сражения, потери, политика – и ничего о людях. Хотя нет, вот. Ефимия улыбнулась. Таки не вымарали, не хватило духу. «После взял Амарф, заставив вражескую армию капитулировать», – прочитала последнюю строчку девушка. Прикрыв глаза, она воскресила в памяти лицо отца. Как жестоко время! Скоро оно полностью сотрет образ Эвана Брока. Он ведь не сидел дома, большую часть года проводил в казармах, спорах с министрами или на поле брани.

Погруженная в далекое прошлое, Ефимия не сразу расслышала чужие шаги, а когда поняла, что сюда идут, убирать книгу на место было поздно, пришлось засунуть поверх других на первую попавшуюся полку.

– Вы? – Ленар и Ефимия задали один и тот же вопрос практически одновременно.

Девушка негодовала на графа. Хотелось взять его за грудки и прошипеть: «Убирайся! Хватит отравлять то небольшое, что мне осталось!» Но Ефимия не могла, оставалось надеяться причинить врагу вред силой мысли.

Ленар нахмурился. От него не укрылась нервозность претендентки, вдобавок сложно не заметить открытый книжный шкаф. Взгляд быстро скользнул по полкам. Граф едва заметно улыбнулся. Вот оно! Корешок книги предательски торчал поверх стройного ряда собратьев. Не сводя взгляда с Ефимии, словно опасаясь, что она сбежит, Ленар вытащил один из томов «Хроник Рдожа». Удивление и подозрение только усилились.

– Не любовный роман. – Граф констатировал очевидное.

Ефимия напряженно молчала. Интересно, смогла бы она задушить его голыми руками? Умер бы первый министр, если бы девушка обрушила на него книги с полок? Вряд ли. Все хорошо в мечтах, в реальности он отделается синяками.

– И что же вас заинтересовало?

Ленар пролистал книгу и сунул под мышку.

– А вас? – сверкнула глазами Ефимия.

Застигнутая врасплох, обескураженная, она с трудом контролировала себя. Первому министру полагалось вершить государственные дела, а не таскаться по библиотекам. Или он заподозрил неладное, следил за ней?

– Не слишком-то вы дружелюбны! – укоризненно заметил Ленар.

Отчаянно пытаюсь спасти ситуацию, исправить собственную оплошность, девушка ляпнула первое попавшееся:

– Я ждала другого, милорд.

Святые угодники, лучше бы она промолчала! Теперь он решит, будто у нее есть любовник.

Ефимия незаметно вытерла вспотевшие ладони о юбку. Нужно как-то выкручиваться и впредь держать эмоции в узде.

– Кого же?

Судя по широкой улыбке объевшегося сливками кота, граф горел желанием сократить список претенденток еще на одну фамилию.

– Императора. Мне сказали, он направлялся сюда. Видимо, солгали, – сокрушенно развела руками Ефимия. – Слуги такие обманщики, напрасно перевела деньги.

Вроде сыграла идеально, убедительно.

– И вы надумали сразить его величество познаниями в истории?

Взгляд Ленара смягчился, и девушка мысленно выдохнула. Пронесло, он не связал ее с Броками.

– Хотела выделиться на фоне подруг. – Ефимия покосилась в сторону стеллажей с любовными романами.

Странно, Элизабет и Мирабель до сих пор спорят. Выходит, графа они не видели. Раз так, он попал в библиотеку через потайной ход. Неприятное открытие! Не хотелось бы постоянно быть начеку.

– Так или иначе, вас дезориентировали, император сейчас совсем в другом месте.

Ленар повернулся спиной к Ефимии, сделал пару шагов, позволив жертве перевести дух, и нанес удар:

– И все же вам понадобилась именно эта книга. Вы могли взять любую с нижней полки, но зачем-то полезли на верхнюю.

Да, недаром он вознесся. Первый министр – опасный противник.

Ефимия мысленно досчитала до десяти и только тогда ответила.

– Совершенно верно, милорд. – Голос ее звучал спокойно, словно у невиновной. – Я хотела найти сведения о принцессе Марианне, никак не могла вспомнить, в каком году та прибыла в Рдож. Она нравилась его величеству, возможно, почитай я о ней, смогла бы найти ключ к сердцу императора.

– Напрасно! – Поверил. – Его величеству не нужна копия принцессы. Но вы совсем сбили меня с толку! Я ведь искал вас.

– Искали? Зачем?

Сердце пропустило удар.

– Чтобы уведомить о желании его величества. Вы танцуете с ним второй, после герцогини Ласси.

– Почему? – глупо переспросила девушка.

– Вы ему понравились.

Странная она. И жутко нервничает, хотя всячески пытается это скрыть.

– Я рада, – хрипло отозвалась Ефимия.

В горле вдруг пересохло, пришлось смочить его слюной.

– И вы даже не спросите, кому отдадите первый танец? – лукаво поинтересовался Ленар.

– То есть они все заранее расписаны? – предчувствуя беду, нахмурилась Ефимия.

– Именно. Честь идти следом за императором в паре с вами выпала мне, – граф нанес собеседнице очередной удар. – Собственно, поэтому я сообщил обо всем вам лично, а не послал слугу.

– Благодарю, милорд, – с натянутой улыбкой выдавила из себя Ефимия. – Это большая честь.

Определенно, судьба над ней потешалась. Сначала встреча в Зале одалисок, потом завтрак и, наконец, танец.

– Что-то вы не рады!

Воистину, неординарная особа! То львица, то трепетная лань. Грядущий бал уже не виделся Ленару тяжелой обязанностью. Он нашел себе увлекательное занятие – наблюдать за Ефимией Феррир. Откуда только она взялась! Без титулов, связей, но уверенная в себе, с хорошими манерами, явно образованная. Не девушка, а загадка!

– Милорд смутил меня. Прежде мне не доводилось общаться со столь высокопоставленными особами. В нашей глуши обычный лорд считался почетным гостем.

Небеса все же смилостивились над Ефимией, оборвав мучительный разговор. Ее позвала Элизабет, и девушка радостно сбежала. Ленар проводил ее задумчивым взглядом и, на время выкинув из головы странности претендентки на руку его величества, вернулся к делам.

Глава 9

Худошавая шатенка сладко потянулась, выгнув обнаженное тело, и откинула на спину вьющиеся волосы. Как любая женщина, Катарина была вечно недовольна собственной внешностью и мечтала избавиться от кудрей. А еще изменить форму груди, которая плохо смотрелась в декольте модной сейчас формы. Однако Ленар ее претензий не разделял. Более того, именно декольте маркизы подвигло познакомиться с ней поближе. Настолько близко, насколько это вообще возможно.

Катарина лениво дрыгнула ножкой, скинув мешавшее одеяло, и, подставив тело солнечным лучам, ловко подцепила пальцами кисть винограда. Лежавший на спине граф удовлетворенно наблюдал за ней. Он напоминал сытого льва. Еще бы, сегодня Катарина отдалась ему. Ему, а не императору. Варден сколько угодно мог соблазнять ее на предстоящем балу, Ленар все равно останется первым. Истинное место в ряду любовников хорошенькой маркизы Плее его не волновало. Первый министр перерос мальчишеский романтический возраст и не требовал чистоты и невинности.

– Никогда еще не занималась этим днем! – призналась Катарина и отправила в рот мясистую ягоду.

Проследив за ее пальцами, за тем, как она высасывает мякоть, Ленар всерьез засомневался, успеет ли на заседание комиссии по землепользованию. С другой стороны, он там особо не нужен, а вот на чаепитие к императрице-матери опоздать нельзя. Ничего, у него в запасе целых три часа – вдоволь для постельных утех.

Любовники устроились в покоях Катарина. Она числилась в свите Алисии и свила чудесное гнездышко с видом на парк. Ленар настоял на том, чтобы не задергивать гардины, и получил двойное удовольствие: чувственное и эстетическое. Потом, уже в постели, Катарина в шутку заметила, что он хотел похвастаться ей перед святыми. Она была недалеко от истины: граф предпочел бы, чтобы все узнали, кому отныне принадлежит маркиза Плее. Ценный трофей! Катарина чрезвычайно капризна и разборчива, водила Ленара за нос

несколько месяцев, не позволяя ничего, кроме поцелуев и мимолетных ласк за портьерой.

– Очень удобно иметь исполнительного секретаря.

Граф перекатился на бок и по-хозяйски провел ладонью по нижним выпуклостям любовницы. Та шутливо пригрозила ему пальчиком и скормила пару виноградин.

– Послушай, у меня к тебе просьба...

Как бы хорошо ни было с Катариной, пора вставать. Он и так надолго скрылся от всех, работал с бумагами – как важно говорил всем секретарь. На самом деле Ленар заглянул в библиотеку, чтобы переговорить с Ефимией Феррир, и сразу поспешил к Катарине. Оставалось только гадать, под каким предлогом она улизнула от императрицы. Наверное, сказалась больной. Ленар усмехнулся. Щеки любовницы горели, она часто дышала, вспотела – симптомы лихорадки налицо.

– Какая? – живо обернулась к нему Катарина.

Граф на мгновение задумался, как она воспримет упоминание другой женщины, но быстро отбросил сомнения. Император поручил ему надзирать за отбором, Ленар всего лишь выполнял его приказ.

– Да так... – Граф сел и начал одеваться. – Императрице наверняка интересны потенциальные невесты сына.

Катарина закатила глаза и отправила в рот еще одну виноградину. Одеваться она не торопилась, еще успеет втиснуть себя в корсет. Лучше принять ароматическую ванну, а после с толком, с расстановкой придать лицу болезненную бледность. Императрица полагала, будто бедняжка мается животом, нужно соответствовать.

– Ох, не говори! Столько разговоров об этих девицах! Ее величество требует постоянных отчетов, велит отслеживать каждый их вздох. Даже не знаю, кто из двоих женится: она или император, – по секрету поделилась Катарина.

Ленар довольно улыбнулся. Бдительность императрицы ему только на руку.

– И как успехи?

– Скука! – скривилась молодая женщина. – Девицы спорят, музицируют и страдают от праздности. Отняли лучшие покои! Многим из них я не доверила бы заправлять собственную постель.

– Как ты строга! – рассмеялся граф и застегнул рубашку. – Ревнуешь?

Катарина не удостоила его ответом, и внутри Ленера вновь заворочалось беспокойство. Он спросил в шутку, но поведение любовницы заставляло задуматься, не метит ли она в фаворитки императора. Может, граф напрасно торжествовал и первая ночь окажется последней? На балу все козыри в руках Вардена.

– Мне нужно, чтобы ты подружилась с претендентками.

Голос Ленера изменился, стал суше, прохладнее. Катарина зябко повела плечами и завернулась в простыню.

– Ничего особенного, – продолжал граф. – Обычная вежливость, желание скрасить их одиночество. Они как зверушки в ярмарочном балагане – вдали от семьи, всем чужие. Так, пару раз загляни, предложи показать самые красивые уголки парка.

– А на самом деле?

Нега окончательно улетучилась, и Катарина накинула нижнюю рубашку.

– Ну вот, – пробурчала она, свесив ноги с постели, – ты и меня используешь!

– Как всех, дорогая, как всех, – углубившись в свои мысли, улыбнулся Ленар.

– Так что же я должна узнать? Если тебя волнует мое мнение...

– Прости, но нет, – взмахом руки оборвал ее граф. – Мне нужно разговорить одну девушку. Очень осторожно выпытай насчет ее семьи и прочего. Сдается, ей есть что скрывать. Претендентку зовут Ефимия Феррир.

Катарина шумно выдохнула воздух через нос. Она прекрасно помнила брюнетку с косой – невиданной при дворе прической. Так получилось, что они столкнулись в парке. Девушка сразу вызвала у маркизы подсознательную неприязнь. Ее спутниц она мельком оценила и не сочла стоящими внимания, а вот Ефимия... Слишком яркая и самоуверенная для провинциалки.

– Хорошо, – кивнула Катарина, – я постараюсь. Как раз повод подходящий – придут подгонять бальные платья. Во время примерки в крыло претенденток наверняка заглянет ее величество. Даже если нет, она обязательно пошлет парочку фрейлин надзирать за процессом. Одной из них стану я.

– Ты умница! – Ленар запечатлел на ее губах поцелуй. – Обещаю щедро отблагодарить за помощь империи.

– Я не отказалась бы от новых драгоценностей. Сам понимаешь, появляться в одних и тех же на каждом балу – дурной тон.

Первый министр кивнул. Не такая высокая плата за возможность проникнуть в тайны Ефимии. Безусловно, он не станет полагаться только на Катарину. Заседание комитета подождет, вместо него Ленар пошлет за одним человеком. Его нюху мог позавидовать любой охотничий пес. Если бы хотел, он давно бы озолотился, но Анри Жерар предпочитал оставаться скромным егерем.

Однако император слишком щедр – заказать тридцать бальных нарядов, по начальному числу участниц отбора. Интересно, кому достанется тот, который предназначался выбывшей маркизе? Ленар не удивился бы, увидев его на очередной любовнице Вардена. Или платье – роскошный подарок императрицы? Нужно переговорить с Эммануэлем, он точно знает. Графа неприятно кольнуло собственное неведение. Оставалось надеяться, это действительно тайная инициатива ее величества.

* * *

Ефимия ничего не подозревала ни о планах первого министра, ни о грядущей примерке. Стук в дверь застал ее перед зеркалом. Девушка расправляла кружевные оборки на голубом платье – одном из тех, которыми снабдила ее Агнешка Блеккуок. Ефимия битый час поворачивалась то так, то этак, пытаясь понять, достаточно ли празднично оно выглядит, сочетается ли наряд с ее жемчугами. Именно ее, а не леди Блеккуок. Увы, украшения смотрелись слишком скромно, но Ефимия надеялась на собственную броскую внешность.

– Войдите! – не раздумывая, ответила девушка.

Наверное, горничная. Ефимия послала ее раздобыть розовой воды.

Однако вместо служанки на пороге возник Эммануэль Дидье. Увидев его в зеркале, Ефимия встревоженно обернулась. Сердце забилось чаще. Взгляд едва не выдал, не метнулся к вазе. Пора уже

вылить наперстянку! Неважно куда, хоть в чай первого министра, хоть в мраморную раковину, лишь бы скорее от нее избавиться.

– Добрый день!

Ефимия надеялась спрятать за улыбкой волнение. Плохая из нее вышла заговорщица!

– Добрый, – эхом отозвался Эммануэль.

Он заметил промелькнувший в глазах девушки страх, но не придал ему особого значения. Бедняжка наверняка решила, будто ее отчислили по итогам протокольного завтрака. Эммануэль втайне жалел претенденток. Им приходилось жить в атмосфере неведения, постоянного напряжения и подковерной борьбы. Он не пожелал бы такого своей дочери и искренне радовался, что она с мужем жила вдали от двора.

– Осмелюсь заметить, – кашлянул Эммануэль, – миледи крайне идет этот наряд.

– Я собираюсь надеть его на бал, – смущенно добавила Ефимия. – Не слишком просто?

На самом деле ничего такого спрашивать она не собиралась, просто визит мажордома сбил ее с толку.

– Не тревожьтесь, вам подобрали другой наряд. Ее величество настаивает, чтобы все соискательницы облачились в различные оттенки розового. Как, – видя замешательство Ефимии, нахмурился Эммануэль, – вы не знаете о примерке? Она обозначена в программке.

Он указал на сложенный пополам лист бумаги на чайном столике.

Девушка промолчала. Очевидно, его принесли, когда она с подругами прогуливалась по парку.

– Также прошу вас впредь выяснять у меня удобные часы для посещения библиотеки, – назидательно продолжил Эммануэль. – Вы могли помешать занятиям его величества. Лучше наведываться туда после шести вечера и уж точно не гурьбой.

– Простите. – Что еще скажешь?

Несколько смягчившись, мажордом протянул девушке письмо:

– Доставлено на ваше имя.

– От кого оно? – нахмурилась Ефимия.

Сначала, всего на краткий миг, она испугалась, но быстро сообразила: ни мать, ни тетка не осмелятся посылать письма во дворец. Да и вряд ли Анжела при всей ее напористости заполучила

списки участниц отборочного тура, а без них отыскать Ефимию невозможно. Ее имя не такое редкое, среди прибывших в Хайт девушек нашелся бы десяток тезок.

– Вам лучше знать.

Ефимии не понравился тон мажордома. Он будто предостерегал от необдуманных поступков. Так и есть, уже уходя, мужчина дал еще один совет:

– Если хотите задержаться, откажитесь от интриг.

Задремавшая было тревога снова подняла голову. Ефимия порадовалась, что Эммануэль не видел ее лица. Неужели он знает? Стоило захлопнуться двери, как девушка бросила письмо рядом с программкой и метнулась к самодельному тайнику. Слава святым, бутылочка на месте!

– Хватит, Ефимия!

Она прошла в ванную комнату и плеснула на лицо холодной водой. Немного постояв над мраморным умывальником, девушка вернулась в комнату и вспомнила о письме с красной сургучной печатью. Оно оказалось от Агнешки Блеккуок.

– Интересно, что ей понадобилось?

Ефимия, недоумевая, вскрыла конверт и извлекла идеально белый лист с монограммой гостиницы «Андреш». На первый взгляд благотельница не писала ничего такого – понимала, корреспонденцию могут просматривать. Графиня участливо интересовалась, как девушка устроилась, спрашивала, встречалась ли уже с императором. Не случайная знакомая, а заботливая тетушка! Но Ефимия понимала, подобным образом Агнешка напоминала об их уговоре.

«Спешу вас порадовать, – значилось в конце, – на днях в столицу прибудет мой сын. Надеюсь, вы сумеете встретиться, хотя я прекрасно понимаю, как это сложно. Ваш день расписан буквально по минутам, но я не теряю надежды. Сделайте милость, передайте ответ через Идриса. Он известит вас по прибытии».

Еще раз перечитав письмо, Ефимия тяжело вздохнула и потянулась за программкой. Проблемы росли как снежный ком. Сначала жених, потом леди Блеккуок, граф Митас, бал... Сбежать бы, но куда?

– Ладно, – сделав глубокой вдох, решила Ефимия, – стану разбираться с проблемами по мере их поступления.

В заботливо положенной в комнату каждой претендентки программке значились не только примерка и бал Открытия, но также расписание испытаний. Суть их пока не разглашалась, вместо этого проставили лишь порядковые номера: один, два и так далее. Чтобы конкурсантки не скучали, для них организовали занятия по дворцовому протоколу, краткой истории дипломатии и прочему. Все коротко, обзорным курсом, не больше пары часов в день.

– Представляю, что тут начнется! – еще раз пробежав взглядом расписание, усмехнулась Ефимия. – Как это так, меня маркизу, графиню отправляют за парту! Я пирожных, бриллиантов и замуж за императора хочу.

Ефимия состроила потешную рожицу, не подозревая, что за ней наблюдают. Зеркало, перед которым она примеряла наряд, оказалось с секретом, и теперь неведомый соглядатай видел и слышал все. Правда, он задержался всего на пару минут и неслышно удалился.

* * *

К пяти часам вечера Зал одалисок бурлил. Девушки сгорали от нетерпения, активно перешептывались. Но вот распахнулись двери, и на половину претенденток ступила самая настоящая процессия. Во главе модного отряда деловито шествовала личная портниха ее величества с мерной лентой на плече. Следом помощницы несли шкатулки с булавками, ножницами, образцами лент и кружев. Замыкали процессию слуги, пыхтевшие под тяжестью манекенов. Заготовки платьев до поры скрыли под плотными чехлами, оставалось только гадать, какой фасон выбрала императрица.

Последним явился неизменный Эммануэль.

Портниха скомандовала опустить манекены на некотором удалении друг от друга и напустилась на мажордома:

– Где подиумы? Как мне работать без подиумов?

Эммануэль стойко выдержал ее натиск и заверил: все сейчас принесут.

– Не могли подготовиться заранее! – не унималась женщина. – Мое время на вес золота!

Облик портнихи разительно не соответствовал занимаемой ею должности. Если бы не императорский вензель и атласная ткань платья, Ефимия приняла бы эту полную, без грамма косметики женщину с небрежным пучком на голове за кухарку. Однако, судя по шепоткам остальных участниц отбора, портниху знали и уважали. Кое-кто и вовсе назвал ее «святой иглой империи».

Мажордом кивнул слугам, и те опрометью кинулись прочь. Портниха между тем прошлась между девушками, критически оценивая их фигуры. За ней тенью следовала одна из помощниц с блокнотом. Эммануэль называл имена участниц, и императорская модистка указывала, какие недостатки и каким образом надлежит скрыть.

Наконец принесли табуреты, призванные заменить подиумы. Портниха скривила губы, но промолчала. Примерка началась.

С чужой помощью забравшись на табурет, Ефимия стоически терпела то, что по ошибке называли приятным занятием. Вокруг нее суетились девицы с булавками. Громко переговариваясь, они подгоняли платье по фигуре, спорили, подойдет ли отделка или лучше выбрать другую. По мнению самой Ефимии, лучше бы они заменили ткань. Атлас всегда остается атласом, но его цвет наводил на мысли о зефирных пирожных. Ничего общего с Ефимией. Вдобавок ей сделали глубокое декольте: главная портниха посчитала, что кружевную перемычку лучше убрать. Она с видом мatriарха надзирала за работой подчиненных, строго отчитывая за любую небрежность.

Краем глаза Ефимия заметила оживление справа. Оказалось, в крыло претенденток пожаловали фрейлины императрицы. Они свысока посматривали на девушек, хотя вслух говорили другое. У ее величества-де прекрасный вкус, участницы в розовом напоминают нежные цветы. Одна из придворных дам остановилась подле Ефимии и долго рассматривала едва заметный рисунок на ее распашной юбке.

– Ах, – вздохнула она, – само совершенство! Вы созданы для розового! Ваши родители, наверное, наряжали вас в него с ног до головы.

– Вовсе нет. – Девушку насторожило столь пристальное внимание. – Мне ближе голубой и серый.

– Серый? – нахмурила брови фрейлина. – Что же в нем красивого?

– Зато немарко. Я из сельской местности, миледи, у нас небольшое имение. Сами понимаете, полгода грязь, даже из экипажа порой, не замарав юбок, не выйдешь.

Она должна быть осторожна, максимально осторожна. Ни слова о коттедже и Анне!

– Неужели у ваших родителей нет городского дома? Это ужасно! – Катарина старательно играла глупышку. – Я люблю природу, но осенью неизменно уезжаю в город. Там столько интересного! Например, балы. Вы ведь любите балы?

– Да.

– И, несомненно, сами даете. Обещайте, что, если я буду в ваших краях, вы меня пригласите. Как называется ваше имение?

Катарина ловко захлопнула ловушку, Ефимии оставалось только соврать:

– Феррир Холл.

– Я запомню, – лучезарно улыбнулась фрейлина. – Не подскажите, кто ваш отец, братья? Я могу ошибаться, но мой двоюродный кузен служил в одном полку с капитаном Ферриром.

Девушка похолодела. Сама того не зная, маркиза Плее вплотную подобралась к правде. Каким-то чудом Ефимия не упала, не покачнулась и каменным голосом ответила:

– Боюсь, вы ошиблись. Мой отец и вся наша родня – скромные землевладельцы и никогда не покидали пределы графства Орой.

– Тогда вам вдвойне приятно оказаться здесь.

К облегчению Ефимии, Катарина оставила ее в покое и отошла к другой участнице. Только вот после беседы с фрейлиной и без того нелюбимый розовый цвет стал и вовсе омерзительным.

Глава 10

Ефимия жевала губы. Вредная привычка, но все лучше, чем кусать ногти. Она жутко волновалась, прокручивая в голове схемы танцев. Как бы не ошибиться! Вдруг все сразу поймут, что у Ефимии не доставало практики? Балы в Малжбетен-манор давали три-четыре раза в год. Графиня приглашала сестер Брок на каждый, но у родовитых красоток, безусловно, больше практики. И учителя наверняка именитые – ну кого наймешь даже в Хайте?

Проклятие! Ефимии хотелось ударить кулаком по стене. Почему они оказались изгоями! Дураку понятно, отец не предавал корону. Его ввели в заблуждение, воспользовались легковерием генерала, его высокими идеалами. Эван Брок привык делить мир на белое и черное, не допускал полутонов. Армия приучила его выполнять приказы, а не разбираться в хитросплетении интриг. Результат оказался закономерен: арест и обвинение в государственной измене. Но Эван до суда не дожил. О, сколько проклятий в минуты отчаяния посылая Ефимия на головы своих братцев! Это надо додуматься – пробраться в тюрьму с целью освободить отца! В одиночку, без должных умений, в героическом порыве. Мальчишки! Алану едва минуло девятнадцать, Ролану и того меньше.

Ефимия моргнула, отгоняя призраки прошлого. Нужно сосредоточиться на балу, на его величестве. Если уж она попала сюда, следует извлечь максимальную выгоду из каждого проведенного на отборе дня.

Девушка старалась не думать ни о Ленаре, ни о графе Лемаре. Она не заговорщица, пусть Агнешка сама хлопочет о сыне. А первый министр... Мечь подается холодной. Ефимия не желала повторять ошибку отца, вылила наперстянку, а бутылочку выкинула в кусты. Она справится без нее. Когда восторжествует справедливость, а Брокам вернут честное имя, падение Ленара станет само собой разумеющимся.

Ефимия напряженно наблюдала за залитым светом бальным залом из-за колонны. Другие претендентки на руку императора давно упорхнули, даже Мирабель. В розовом воздушном платье, с волосами,

зачесанными наверх и украшенными живыми цветами, Ефимия походила на куклу. Она в который раз поправила зеленую ленту, повязанную поверх кружевной перчатки. Ее поставили во вторую пару. Если Ефимия не появится, разразится большой скандал. Ничего, время еще есть, музыканты только настраивают инструменты. Главное, не думать, с кем танцуешь, сосредоточиться на императоре, хотя от него брала не меньшая оторопь. Ох, как жалко, что рядом нет стола с напитками! Пара фужеров уняла бы дрожь в ногах.

Мимо, смеясь, пропорхнули две розовощекие девушки, по виду немногим старше Анны. Однако в зал они ступили чинно, мигом превратившись в опытных придворных дам. Ефимия проследила за ними взглядом и, расправив плечи, шагнула в неизвестность.

Императорский бальный зал не шел ни в какое сравнение с залом в Малжбетен-маноре. Сколько же здесь зеркал! Казалось, не осталось уголка, где бы ты не отражался десятки раз. Позабыв о тревожных мыслях, Ефимия восторженно рассматривала каждую деталь. Пусть над ней посмеются, назовут провинциалкой, она не собиралась упускать случая насладиться пышным великолепием. Девушка не питала иллюзий, до финала она не дойдет, зато будет, что рассказать Анне. Ефимия ощущала вину перед сестрой и пообещала себе найти ей хорошего жениха. В конце концов, у той же Элизабет может найтись скромный дальний родственник.

Как же красиво! Высокий потолок расписан цветочными гирляндами и изображениями гербов важнейших родов империи. Щиты держали практически обнаженные красавицы, посылавшие зрителям лукавые полуулыбки. Повсюду позолота и аметистовое стекло – императорская семья не пожалела денег на оформление своей резиденции.

С хоров лились меланхоличные звуки скрипки. Нетерпеливые парочки вальсировали между праздно прогуливающимися гостей. Среди них розовыми облаками выделялись участницы отбора. Их пристально изучали, оценивали. Ефимию тоже. Девушка старалась не замечать скользивших по обнаженным плечам взглядов, держалась отстраненно, словно уже примерила бриллиантовую диадему.

Император задерживался, и в зале царил атмосфера расслабленности. Увы, она не передалась Ефимии. Она бы предпочла, чтобы все скорее началось. Нет ничего хуже ожидания!

На глаза девушки попался поднос с напитками. Вот оно, то что надо!

Бокал холодного игристого немного привел ее в чувство. Ефимия пристроилась в уголке, наблюдая. Все казалось новым, непонятым. Чужой мир. Мир, который отнял Ленар Горзен. Стоило мысленно произнести его имя, как сердце забилося быстрее. И если бы только от боли и ненависти! Ленар действовал на нее магнетически. Она снова и снова вспоминала его глаза, линию профиля, голос, страшилась и желала увидеть первого министра. Сглотнув ком в горле, Ефимия прогнала романтический образ Ленера и воскресила в памяти осенний день, когда он возник у них на пороге. Вот так, должна остаться только ненависть.

– Миледи?

Позади нее неслышно возник Эммануэль. По случаю бала он изменил традиционному черному, разбавив его серебристым кантом наглухо застегнутого сюртука и ярким шейным платком. Судя по выражению лица мажордома, он опять собирался ее отчитать. Ефимия тяжело вздохнула и неохотно поставила полупустой бокал игристого на поднос проходившего мимо слуги. Может, причина в этом, участницам отбора не положено пить?

– Вам надлежит находиться в другой части зала.

Эммануэль указал на помост, попасть на который можно было через увитую цветами арку. Конструкция напоминала ярмарочный балаган, не хватало только зазывал.

– Простите, я сейчас.

Все верно, они не полноправные гости, а зверушки, выставленные на потеху публике. Гости ожидали занятного представления: битвы за императора.

– Где ты была? Мы тебя потеряли!

Мирабель усадила Ефимию подле себя и с гордостью продемонстрировала бальную книжку:

– Меня пригласили уже двое! А у тебя как дела?

– Полно, Мирра! – напустилась на подругу Элизабет. – Будто ты не в курсе, что у Эффи все шансы получить первую запись в карточку! Граф Митас – давний друг императора, его рекомендация дорого стоит.

Ефимия равнодушно кивнула и покосилась на Эрнестину, которой предстояло открывать бал. Герцогиня заняла одно из кресел в первом

ряду. Возле нее хлопотали лакеи. Родственники тоже не отставали. Герцог давал последние наставления сестре, не сомневаясь, что именно она станет следующей императрицей.

– Ничего еще не решено, – перехватив взгляд Ефимии, шепотом заметила Элизабет.

– Ты сама в это веришь? – вздохнула Мирабель. – Именно поэтому я заполняю бальную карточку. Нужно оправдать ожидания родителей и выскочить замуж.

Ефимии тоже не помешало бы озаботиться парой новых знакомств. Не для себя – ради Анны. Сестра из другого теста, в чем-то циничнее ее. Ефимия не смогла бы выйти замуж без любви, хотя бы уважения, дружеской привязанности – Анна вполне. Ей важен статус, красивые платья и большой дом, тогда как старшая сестра предпочитала независимость. Если уж продавать себя, то предложение должно быть щедрым. «Например, титул императрицы», – ехидничал внутренний голос. «Ну отчего же сразу, – парировала девушка. – Сойдет и барон, лишь бы он не походил на Льюиса Бара и хоть чуточку меня ценил». Даже ценил... Как низко она пала! Этак к двадцати четырем годам Ефимия и вовсе перестанет думать о любви.

– Ты такая серьезная...

Девушка моргнула. На миг показалось, будто Элизабет проникла в ее душу.

– Просто волнуюсь, – через силу улыбнулась Ефимия.

Ее слова потонули в звуке фанфар.

Вальсирующие пары распались, словно застигнутые за чем-то предосудительным. Дававшие наставления соискательницам родственники быстро покинули помост. Разговоры смолкли. Не сговариваясь, гости вытянули шеи, устремили взор на парадные двери. Там уже стоял Эммануэль, готовый объявить венценосные имена.

– Его императорское величество, господин и защитник Рдожа Варден Первый. Вдовствующая госпожа, ее императорское величество Алисия Рдожская.

По залу прокатилась живая волна. Женщины приседали в глубоких реверансах, мужчины почтительно склоняли головы.

Мать и сын шествовали под руку, нарочито медленно, давая возможность каждому выразить почтение правящему роду. Варден предпочел золотое шитье, удачно дополнявшее наряд в теплой гамме,

тогда как Алисия благоволила к серебру. Особенно эффектно оно смотрелось на фиолетовом бархате лифа. Вышивка драгоценными нитями, бриллианты, самые дорогие ткани – мастера постарались сделать выход правителей Рдожа незабываемым. Ефимия жалела, что вместе с подругами очутилась в последнем ряду и толком не разобрала деталей. Ничего, вскоре каждую претендентку официально представят императору, еще насмотрится.

* * *

Пажи ловко подхватили шлейф императрицы, и Варден помог ей занять малый трон. Алисия давно не танцевала, наблюдала за весельем со стороны. Убедившись, что мать окружена заботой фрейлин, император взглядом подозвал Ленара. Он отчаянно тянул время, не торопился объявить бал открытым.

– Смешно, но я боюсь, – отойдя на достаточное расстояние, чтобы не слышала мать, признался Варден. – Эти зубастые девицы готовы меня съесть, уже дыру во мне прожгли.

Он покосился на помост, но и так было понятно, кого имел в виду император.

Из глубины души вновь поднялось раздражение. Зачем мать устроила этот фарс? Лучше бы поступила по старинке, доверив выбор невесты специально назначенным сановникам. Варден одобрил бы любую девицу, после Марианны ему все равно, на ком жениться. Так нет же, нужно улыбаться, ухаживать, устраивать нелепые конкурсы! К счастью, последние он целиком отдал на откуп матушки и первого министра.

Ленар ободряюще подмигнул и в свою очередь обернулся к претенденткам. Они мгновенно приняли смиренный вид, почтительно опустили глаза.

– Согласен, те еще гарпии! Но они всего лишь женщины. Вы правите целой империей, неужели не совладаете с двадцатью девятью девицами?

– Двадцатью девятью – тут и кроется подвох, – в сомнении покачал головой император.

– Полно! В вашей постели побывало куда большее количество, – сделав вид, словно они обсуждали дела государственной важности, шепнул Ленар. – И всем вы благополучно дали отставку. Справитесь!

– Тогда начнем пытку, – вздохнул монарх и пригрозил: – Только попробуй улизнуть!

Кислая мина приятеля немного взбодрила Вардена. Не ему одному испортили вечер. Ничего, место графа подле трона, а не на мягкой груди красавицы. Император с трудом сдержал плотоядную улыбку. Во вкусе Ленару не откажешь, он всегда выбирал лучшее. Вскоре и Варден опробует прелести малышки Катарины. Он уже видел ее – великолепна и соблазнительна. Так и хочется высвободить пышную грудь из оков лифа-сердечка и зацеловать до синяков. Маркиза целомудренно прикрыла тело между лепестками ткани кружевом, но оно лишь распаляло воображение.

– Сын мой!

Варден неохотно вынырнул из сладких фантазий и обернулся к матери.

– Пора начинать, – с укором напомнила Алисия. – Мы и так задержались.

«Да куда тут торопиться! – раздраженно подумал монарх. – К алтарю? Матушка умудрилась лишить меня предпоследнего удовольствия, хотя, уверен, она и до охоты доберется».

Разумеется, император промолчал, лишь согласно кивнул. Определенно, балы утратили былую сладость. Вместо того чтобы кружить голову хорошенькой фрейлине, склонять прелестную дебютантку к приватному осмотру картинной галереи, ему предстояло терпеть двадцать девять жеманных девиц, навевавших только скуку.

Варден задержал взгляд на помосте, оценивая претенденток. Кого из них он уложил бы в постель? Пожалуй, вон ту, может, еще парочку, остальные годились только для исполнения супружеского долга.

Но делать нечего, пора вспомнить об императорских обязанностях.

Варден взмахнул платком и громогласно объявил:

– Объявляю бал открытым!

С хоров полились звуки музыки. Прячась за веерами, дамы стреляли глазами в поисках кавалеров. Придворные делали ставки, кто встанет в пару с Варденом после герцогини Ласси. Некоторые и вовсе

утверждали, будто Эрнестина заранее выиграла отбор и никого к императору не подпустит. Ну разве только из милости отдаст пару танцев.

Еще раз помянув идею матушки недобрым словом, Варден направился к помосту.

Эрнестина отложила веер и приготовилась встать: она прекрасно знала, к кому он направлялся. Однако некоторые девушки не догадывались, что выбор уже сделан, и всячески пытались привлечь внимание Вардена. Кто застенчиво улыбался, кто наматывал на палец нитки жемчуга, кто оправлял вырез лифа.

Император склонился в полупоклоне перед герцогиней.

Ефимия окаменела. Она следующая.

– Ты такая бледная! – шепнула Мирабель, проводив глазами первую пару вечера.

Девушка промолчала. Пальцы стиснули веер, как матрос рею во время шторма.

Мирабель что-то говорила, наверное, успокаивала, но внимание Ефимии целиком и полностью занимал Ленар Горзен. Он уже поравнялся с аркой, рыскал глазами по лицам, непростительно привлекательный в муаровом жилете и расшитом серебром бледно-лиловом сюртуке, черной рубашке и таких же зауженных брюках. Радовало одно: не только Ефимия пожирала глазами первого министра. Поклонниц у него хватало. Поговаривали, Ленар – тот еще сердцеед!

– Миледи?

При звуке его голоса Ефимия перестала дышать. Она хотела и не могла ответить. Пальцы заледенели, а сердце, вырвавшись из грудной клетки, билось в горле.

Все сплелось в один плотный клубок: отец, братья, серые глаза, запах мужского одеколona, собственная слабость.

Однако как он спокоен! Будто совесть его чиста.

– Я крайне польщена, милорд, – невпопад ответила Ефимия и поднялась с кресла.

Когда она вложила ладонь в руку Ленера, пальцы ее дрожали.

– Вы столь стеснительны, миледи! – усмехнулся граф.

Безусловно, он заметил, глупо было надеяться скрыть очевидное.

– Я... я переволновалась, милорд, – смочив горло слюной, пробормотала Ефимия.

Ну почему у нее такие ватные ноги, как с такими танцевать? Она обязана если не стать лучшей, то приблизиться к идеалу.

– Напрасно. Я не кусаюсь.

Ленар рассмеялся собственной шутке. Ефимия предпочла промолчать. Она полностью сосредоточилась на своих чувствах и кое-как смогла привести их в порядок.

– Чем сейчас заняты ваши мысли? – не унимался граф.

– Исключительно вами, милорд. – Девушка добавила в голос немного жеманства. Ну вот, руки больше не дрожат, она готова принять бой. – Не каждый день выпадает шанс встать в пару с первым министром!

Ленар склонил голову набок, принимая комплимент. Но Ефимия чувствовала: он ей не поверил. Дурно! Нужно усыпить его бдительность, играть достовернее.

Граф и его партнерша встали позади императора и герцогини. Чуть помедлив, их примеру последовали остальные.

Мужчины и женщины образовали две практически идеально ровные линии.

Напрасно Ефимия переживала, тело сделало все само. Присесть в реверансе, вытянуть руку, положить ее на ладонь партнера. Шаг, непременно с левой ноги. Остановка. Снова шаг. Ускорение. Ефимия практически расслабилась, увлеклась танцем, когда Ленар неожиданно прошептал:

– Вы врете, миледи.

От неожиданности девушка сбилась с ритма, но сумела сориентироваться, изобразила, будто подвернула ногу.

– Эти туфли такие неудобные! Я совершила большую ошибку, не разносив их перед балом, – с притворным стыдом пожаловалась она.

Граф хмыкнул и описал дугу вокруг партнерши, как того требовал танец. В итоге он оказался у нее за спиной, так близко, что по коже Ефимии пробежали мурашки. Она боялась пошевелиться, чтобы ненароком не коснуться его тела.

– Я не ваша матушка, можете говорить честно.

– Я абсолютно честна с милордом. Туфли...

Девушка охнула, когда Ленар оторвал ее от пола. Пальцы графа обожгли огнем. У Ефимии на миг перехватило дыхание. Страх разоблачения боролся с возмущением и желанием, чтобы он не убирал

руки. Святой Верасий, определенно она сошла с ума, если думает о тепле его тела! Но вот под ее ногами снова оказался пол. Краем глаза Ефимия заметила, как остальные кавалеры, кто раньше, кто с небольшим опозданием, тоже опустили партнерш. Ну конечно, это предусматривал танец! Глупо, безумно глупо думать, будто Ленар приставал к ней посреди бального зала.

– Вы врунья, миледи, с вашими ногами все в порядке.

Глаза Ленара задорно сверкали. Ефимия нахмурилась, а потом сообразила: он решил, будто она с ним заигрывала.

– Сомневаюсь, – девушка окатила его волной холода, – что его величество одобрит подобное поведение. Я будущая императрица, милорд, а не ваша любовница.

– Возможная императрица, – поправил ее граф.

Танец закончился, но Ленар не спешил отпускать Ефимию. Взгляд его мрачнел с каждой минутой.

– Кто вы на самом деле, леди Феррир?

– Что за странные вопросы, милорд?

Запаниковав, Ефимия попыталась избавиться от опасного общества:

– Я хочу пить! И вообще, сейчас начнется церемония знакомства, а я стою тут, безумно далеко от императора.

– И как же близко вам хотелось бы к нему оказаться?

Взяв спутницу под руку, Ленар отвел ее к ближайшему столику с напитками. Девушку не покидало ощущение, будто она под конвоем. Дорого бы она дала, чтобы заглянуть в голову первого министра!

Ефимия искала и не находила ошибок в собственном поведении. Волнение естественно, как и реакция на вольность Ленара. Она могла бы и вовсе влечь ему пощечину, ославить перед императором. Неужели он догадался?.. Как, откуда?! Ефимия давно не та одиннадцатилетняя девочка, узнать ее тяжело. Только тогда к чему вопрос про Вардена? Ефимия кожей чувствовала подвох.

– Его величеству ничего не угрожает, милорд. Вы ведь вбили себе в голову, будто я или кто-то еще из девушек хочет причинить ему вред?

Она, не мигая, смотрела Ленару в глаза. Ни один мускул не дрогнул, только пальцы чуть сильнее сжали веер.

Первый министр промолчал и отпустил ее руку. Ефимия мысленно посмеялась над былыми страхами. Да нет, вздор, конечно!

Она попала на отбор по протекции, прошлое таких девушек не подвергалось сомнению. Опять же не станет граф Митас ночами копаться в архивах, составляя собственное досье на претенденток. Их проверил придворный маг, после они позволили осмотреть свой багаж – достаточно, чтобы усыпить любую бдительность.

– Надеюсь, вы не откажете мне еще в одном танце? – неожиданно попросил Ленар.

– Чтобы вы продолжили допрос? – усмехнулась Ефимия и глотнула игристого. – Ему подвергнутся все претендентки? Порадуйте меня, скажите, что остальным тоже придется страдать.

Ее терзали противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось скорее вернуться на помост, очутиться как можно дальше от Ленара. С другой, Ефимия знала, что все равно поневоле станет искать его глазами.

– Возможно, – уклончиво ответил граф и обратил внимание на ее пальцы: – Вы опять дрожите.

Разве? Ефимия в недоумении уставилась на свои руки. Они действительно подрагивали.

– Это все вино. – Девушка вымучила улыбку. – Оно слишком холодное.

– Много не пейте! – заботливо предупредил Ленар. – Игристое – коварный напиток.

Ефимия кивнула. Она и не собиралась. Опозориться во время официального представления – верный путь обратно в графство Орой.

– Знаете, – граф не спешил уходить, – сначала я воспринял приказ его величества танцевать с вами как наказание, а теперь, похоже, обязан поблагодарить императора.

Кончики ушей Ефимии покраснели.

– Скольким женщинам вы это уже говорили?

– А я вам пока еще ничего не говорил, миледи, – ловко подловил ее первый министр и пожурил: – Будущие императрицы должны думать только о женихе.

– Заверяю, я о вас ни капельки не думаю, – запальчиво ответила Ефимия и, невежливо повернувшись к графу спиной, поставила опустевший бокал на столик.

– Жаль!

Девушка так и не поняла, что скрывалось за его словами. Возможности выяснить не представилось: ровный гул разговоров прорезал истошный женский визг.

Глава 11

Стиснув руку Ефимии, Ленар решительно пробирался сквозь гудящую толпу туда, откуда раздался крик. Напрасно девушка пыталась вырваться, пальцы первого министра будто вросли в ее кожу. А ведь она почти успела уйти. Почти...

– Да отпустите же! – в сердцах выкрикнула Ефимия и поискала глазами императора.

Только он избавит от бульдожьей хватки графа. Вот как, скажите, Ленар мог ей понравиться?! Ефимия удивлялась самой себе. Вздохнуть о мерзавце и грубияне! Вот и проявилась его сущность, теперь совсем несложно его ненавидеть.

Однако кто и почему кричал? И отчего возле помоста так пустынно? Отдыхавшие после танца девушки вскочили со своих мест и в ужасе смотрели на свободное пространство перед аркой. Даже императрица привстала, опершись о руку одной из фрейлин. В душе Ефимии заворочалось дурное предчувствие.

Этот высокий звук...

Сердце забилось чаще, снова норовя подпрыгнуть к горлу.

– Отпустите меня, милорд, – строго повторила Ефимия, когда Ленар проигнорировал ее первую просьбу. – Ваше поведение недопустимо и позорит не только вас, но и императора. Напоминаю, я участница отбора, а мы на балу.

– Я помню, – не глядя на нее, соизволил ответить граф.

Вытянув шею, он пытался рассмотреть что-то за спинами гостей. Немного помедлив, с видимым сожалением Ленар разжал пальцы. Воспользовавшись дарованной свободой, Ефимия поспешила отойти и одарила графа убийственным взглядом. Нет смысла больше изображать кокетку, они друг друга терпеть не могут.

Избавившись от балласта, Ленар активно заработал локтями и за считанные минуты оказался на месте происшествия.

Варден склонился над смертельно бледной Эрнестиной. Герцогиня лежала на спине, широко раскинув руки. При падении она ударилась головой об основание декоративной арки, и теперь на виске расцвел отвратительный синяк. Однако он не шел ни в какое сравнение

с губами девушки. Казалось, из них высосали цвет, наполнили зимней изморозью.

– Она жива?

Ленар опустился на корточки подле императора и коснулся запястья Эрнестины. Пульс едва прощупался.

– Лекаря! – крикнул первый министр и, обернувшись к притихшей, застывшей в ужасе толпе, гаркнул: – Быстро!

Слуги пришли в движение. Под командованием Эммануэля они подхватили несчастную герцогиню на руки. По стечению обстоятельств Эрнестины пронесли мимо Ефимии. Девушка посторожилась и проводила соперницу тревожным взглядом. Герцогиня казалась... такой мертвой, словно восковая кукла.

– Какой кошмар!

Ефимия вздрогнула, когда ее руки кто-то коснулся. Она испугалась, что вернулся Ленар, но тот был занят императором. Мрачные мужчины отошли в сторонку и что-то обсуждали. За спиной Ефимии стояла Элизабет. Случившееся произвело на нее впечатление, стерло привычную самоуверенность. Она нервничала, то открывала, то закрывала веер, и все оглядывалась туда, где пару минут назад лежала Эрнестины.

– Что произошло? Ей стало плохо?

– Наверное. – Элизабет потянула подругу к столику с напитками. Им обоим требовалось выпить. – Все шло хорошо, обычно. Эрнестины танцевала с императором, ты – с первым министром. Она казалась здоровой, улыбалась, чуточку жеманничала, – словом, пыталась очаровать его величество. И преуспела, раз Варден сопровождал ее на место, а не бросил посреди зала. Только вот до кресла Эрнестины не дошла. У самого помоста она покачнулась, резко побледнела и рухнула как подкошенная.

По коже Ефимии пробежал холодок. Она сомневалась, будто родные герцогини скрывали ее недуг, выходит... Но это казалось невероятным, гораздо легче поверить в падучую болезнь.

– Уверена, доктора справятся.

Ефимия успокаивала не только подругу, но и саму себя. Смерть на отборе!.. Создатель не допустит, герцогиня поправится.

«Как же хорошо, что я все вылила!» – пронеслась в голове трусливая мысль. Нетрудно догадаться, подозрение прежде всего падет

на соперниц герцогини. Ефимия не удивилась бы, если бы некоторые не погнушались ради короны отравить Эрнестину. Только... Девушка по-прежнему отказывалась верить, что стала свидетельницей покушения.

– Это Эрнестина взвизгнула?

От холодного игристого желудок окончательно превратился в комок льда. Ефимия дрожала и против воли нервно поглядывала на Ленера. Мог ли он знать? К чему странные вопросы во время танца? «Ты все вылила, – повторила себе девушка. – Ты ставленница Блеккуоков. Одной их фамилии хватит, чтобы отвести от тебя подозрения».

Как все просто казалось тогда, в гостинице, и как тяжело оказалось на практике! Тут не до мести, самой бы удержаться на плаву. Лучше бы Ефимия попросила рекомендации у Агнешки и устроилась гувернанткой в благопристойный дом.

– У тебя лихорадка? – Элизабет обратила внимание на ее пальцы. Они с трудом удерживали бокал.

– Страшно! – не покривив душой, призналась Ефимия. – Не то чтобы я любила Эрнестину... Так это она?

– Кричала? Нет, конечно. Бедняжка даже охнуть не успела. Это Валерия. До чего вульгарная девица! Ни капли воспитания. Ведет себя как базарная торговка, и это перед императором!

Речь шла о Валерии Гивед, баронессе Орсе, одной из четырех отобранных от графства Орой девушек.

– Вот ты – совсем другое дело, – продолжала Элизабет. – Хоть и не баронесса, тоже из Ороя, но день и ночь!

– Спасибо.

Ефимия сделала очередной глоток и закашлялась: игристое попало не в то горло.

Музыканты на хорах притихли, тогда как зал, наоборот, бурлил. Интересно, император объявит бал закрытым? Наверное. Как обидно! Ефимия надеялась хотя бы на пару минут заполучить внимание Вардена, а так и рассказать по возвращении нечего.

– Как тебе первый министр? – Элизабет невольно наступила на большую мозоль.

Девушка пожала плечами:

– Никак. Дурно воспитан, как и Валерия. А еще мнит о себе!

– Что у вас произошло? – насторожилась подруга.

Ефимия поражалась ее чутью. Но придется ответить, иначе Элизабет не отстанет.

– Да так... – Бокал пришелся кстати, чтобы чем-то занять руки. – Граф сыпал глупыми подозрениями. Наверное, узнал о письме моей дальней родственницы. Они давние враги.

Говорить об Агнешке не хотелось, но новости по крылу претенденток разлетались быстро. Девушки наверняка обсуждали, по какой такой надобности Эммануэль заходил к одной из них, что за письмо он принес.

– Родственницы? – удивленно подняла брови Элизабет.

– Да, она очень сильно помогла мне в свое время и теперь тревожится, все ли в порядке. А граф выдумал, будто мы заговорщицы.

Ефимия гордилась собой. Ей удалось одновременно не соврать и не выдать благодетельницу. Судя по лицу подруги, объяснение ее удовлетворило. Гора с плеч!

– Выкини из головы! – посоветовала Элизабет. – Первый министр всех подозревает, иначе бы не копались в вещах, не устраивали бы встречу с магом, надеясь найти неизвестно что.

– Уже выкинула, – натянуто улыбнулась девушка. – Я об Эрнестине думаю.

– Чтобы она осталась жива, но на отбор не вернулась? – Глаза собеседницы лукаво блеснули.

Ефимия промолчала. Пусть думает, что хочет.

Между тем император с первым министром закончили совещаться. Варден направился к матери, а Ленар подозвал Эммануэля.

– Дамы и господа, – мажордом взял на себя печальную обязанность, – с прискорбием сообщаю, что его величество приказал считать бал закрытым. Мы рады были видеть вас во дворце.

– Ну вот! – разочарованно протянула Элизабет и, оставив бокал, направилась на поиски Мирабель.

Троице найдется, о чем посудачить перед сном.

Однако ни одну из участниц отбора из зала не выпустили. Стража, ссылаясь на приказ первого министра, загородила проход алебардами. Возмущенные девушки пробовали спорить, выскользнуть вместе с другими гостями – бесполезно. Тогда самые догадливые из них

решили обратиться за помощью к императрице. Увы, Алисия уже покинула бальный зал через другие двери. Вардена и Ленера тоже не было видно. Претендентки остались одни посреди огромного помещения.

Одна за другой гасли свечи, погружая бальный зал во тьму.

Не сговариваясь, девушки сгрудились у тронного возвышения. Они робко перешептывались, гадали, что с ними будет.

– Не могут же они продержат нас здесь до утра! – возмущалась одна из претенденток. – По какому праву? Мы не преступницы и хотим спать.

И не только, но о подобных потребностях леди вслух не говорят.

Ефимия стояла вместе со всеми, стараясь держаться подальше от того места, где упала герцогиня. Тень от декоративной арки злоево распростерлась у ее ног.

Почему их задержали? Почему не отпускают? Одна мрачная мысль сменяла другую.

Рядом тряслась Мирабель. Элизабет обняла ее за плечи и что-то вкрадчиво нашептывала на ухо.

Сколько прошло времени? Полчаса? Час? Два? Ефимии казалось, целая вечность. Но вот наконец боковые двери распахнулись, и в зал с канделябром в руке вошел Эммануэль. Девушки дружно обернулись к нему, переминаясь с ноги на ногу.

– Прошу прощения за доставленные неудобства. – Мажордом опустил канделябр на помост и знаком подозвал слугу, дежурившего за дверьми. – Вышло небольшое недоразумение. Его величество разрешил вам вернуться в спальни. Он чрезвычайно сожалеет о случившемся и в качестве компенсации завтра предлагает совместную прогулку в три часа пополудни. О ней вас оповестят дополнительно.

Ефимия выдохнула. Обошлось! Единственное, что ее тревожило, – стража. Отчего-то солдаты не спешили уходить, хотя им больше не требовалось никого охранять. Но вдруг так положено? Девушка не знала дворцовых порядков, будущие уроки придутся кстати.

Претендентки одна за другой, бросая уничижительные взгляды на невозмутимого Эммануэля, покидали зал. Однако когда Ефимия вслед за подругами направилась к дверям, мажордом задержал ее:

– Первый министр просил немедленно проводить вас к нему.

Краем глаза девушка уловила, как приблизились стражники. Выходит, отказаться нельзя, придется прогуляться к Ленару.

– Хорошо, – кивнула Ефимия.

Она предпочитала идти сама, а не под конвоем.

Эммануэль одобрительно кивнул. Он опасался сопротивления.

Увы, избавиться от почетного эскорта не удалось. Двое стражников следовали за Ефимией по пятам, бдительно следили за каждым шагом. Девушку вели по темным коридорам в незнакомую часть дворца. Они пару раз спускались и поднимались по лестницам, словно задавшись целью дезориентировать Ефимию в пространстве. Но вот наконец остановились перед непримечательной дверью, из-под которой пробивалась узкая полоска света. Велев Ефимии подождать, мажордом постучался и, получив разрешение, вошел. Его не было пару минут. Все это время девушка переминалась с ноги на ногу между алебардчиками. Что ее ждет: обычный разговор или тюрьма? В желудке противным комом шевелилось дурное предчувствие. Но вот дверь отворилась, и Эммануэль попросил Ефимию войти.

Девушка оказалась в камерном кабинете. При других обстоятельствах он показался бы ей уютным. Напольные часы с боем, книжные шкафы, мягкие кресла с подушками и диван в тон, занимавший всю стену, камин с парой фарфоровых безделушек. Только вот за заваленным бумагами столом сидел Ленар Горзен и в упор смотрел на Ефимию. Девушке казалось, он видит ее насквозь, все ее тайные помыслы. Она смиренно замерла у входа, не решаясь присесть без разрешения. По оголенным плечам бегали мурашки.

Ленар продолжал молчать и пристально изучал девушку, словно бабочку под увеличительным стеклом. Чем дольше длилась неуютная пауза, тем холоднее становилось Ефимии. Не выдержав, она обхватила себя руками и таки опустилась в одно из кресел. Граф лишь приподнял бровь. Да чего же он хочет?! Ефимия начинала сердиться. И вот, когда она уже собиралась спросить о причине, по которой ее сюда привели, первый министр заговорил. Вернее, сначала он с победоносной улыбкой извлек из кармана жилета бутылочку из-под лекарства, поставил ее на стол, а потом уже поинтересовался:

– Узнаете?

Девушку прошиб холодный пот. Разумеется, она ее узнала. Именно эту бутылочку Ефимия приобрела в Хайте, а затем прятала в

декоративной вазе, но она не собиралась так просто сдаваться.

– Не понимаю, о чем вы.

Девушка напустила на себя невозмутимый надменный вид.

– Хорошо, – кивнул Ленар и вышел из-за стола, – я охотно объясню. Герцогиню Ласси пытались отравить.

– Ну а я здесь при чем? – фыркнула Ефимия.

Она достойно выдержала пытку, не отвела взгляда.

– Внутри, – граф постучал по стеклу, – нашли вытяжку наперстянки. А саму бутылочку обнаружили в вашей комнате.

Ефимия нахмурилась.

– Ничего не понимаю!

Она же вылила наперстянку и выбросила бутылочку. Каким образом она оказалась у Ленара, каким образом он догадался о былом содержимом? Да и вообще, с чего он взял, будто вытяжка принадлежала Ефимии?

– При желании нет ничего невозможного. – Продолжая торжествовать, граф покачал бутылочкой перед глазами девушки и поставил ее обратно на стол. – Вы показались мне подозрительной, и я навел справки. Одна ниточка потянула за собой другую, и вот я уже знал, где вы прятали свой секрет. В вазе на каминной полке, верно?

У Ефимии на миг остановилось сердце. Она побледнела и лихорадочно вцепилась в подлокотники кресла.

От Ленара не укрылось смятение жертвы. Граф отдавал ей должное. Другая девица закатила бы истерику, сбивчиво все отрицала, а Ефимия молчала. Ефимия... Пожалуй, только имя и не было ложью. Анри постарался, за короткий срок раскопал очень много. Да и сам Ленар затем вспомнил, где прежде видел эти пронзительные глаза. Со временем менялось многое, но яркая, контрастная внешность никуда не делась.

– Советую сознаться, мистрис Брок.

Ефимия вздрогнула. Ненавистное «мистрис» стало катализатором, напрасно граф его употребил. Девушка расправила плечи и гордо подняла подбородок. Ленар тут же уловил случившуюся в ней перемену, но пока не догадывался, во что она выльется.

– Сознаться? – с горькой усмешкой переспросила Ефимия и обожгла графа полным ненависти взглядом. – Моя совесть чиста, чего не скажешь о вашей.

Ленар опешил. Он планировал потешить себя разоблачением одной из участниц отбора, но внезапно сам очутился на месте жертвы.

Ефимия поднялась. Она почти не уступала графу в росте и лишила его преимущества смотреть на нее сверху вниз. Однако Ленар не собирался отдавать инициативу. Быстро оправившись, он бесцветным тоном продолжил:

– То есть вы признаете, что присвоили чужую фамилию и обманом проникли во дворец?

– Чужую фамилию?

Губы Ефимии передернула судорога. Схватив бутылочку из-под наперстянки, она швырнула ее в обидчика. Ленар увернулся лишь чудом. Брызги стекла разлетелись в разные стороны.

– Вы! – Палец девушки уперся в грудь собеседника, омуты ее глаз почернели. – Вы лишили меня всего, убили моего отца, братьев и еще смее в чем-то обвинять? Ненавижу!

О, как ей хотелось вцепиться в это холеное лицо, выцарапать ненавистные серые глаза! Взгляд Ефимии заметался в поисках чего-то тяжелого. Она тысячи раз пожалела о былой слабости. Первый министр не заслуживал жалости.

– Кто бы ни отравил Эрнестину, он ошибся. Умереть должны были вы. Давно, еще двенадцать лет назад. Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Девушка накинулась на него, но теперь Ленар уже ждал нападения. Он ловко перехватил ее руки и тяжестью собственного тела придавил к столу. Ефимия билась под ним птичкой в силке, выкрикивала проклятия. И опять она поразила графа. Так повел бы себя мужчина, но не женщина. Слабый пол, осознав свое поражение, принялся бы торговаться, вымалить прощение – не Ефимия. Она напоминала ему воина на поле боя, приходилось прикладывать нешуточные усилия, чтобы не получить локтем в живот. Первый министр даже проникся к девушке уважением, хотя на ее месте попытался бы оглушить себя чем-нибудь тяжелым. Но Ефимия только брыкалась, зря тратила силы.

– Ну, выпустили пар?

Ленар отважился отпустить девушку. Она тяжело дышала, но больше не предпринимала попыток напасть. В пылу борьбы лиф платья съехал, оголив чуть больше положенного. «В постели она

наверняка не уступит Катарине», – подумалось графу. Он не собирался тактично отводить взгляд, наоборот, внимательно изучал открывшийся взору участок тела. Громко засопев, Ефимия подтянула лиф и бросила очередное обвинение:

– Вы не только мерзавец, вы еще и дурно воспитаны!

– Однако! – всплеснул руками Ленар. – По-моему, это вы только что пытались меня убить.

– А вы пялились на мою грудь. Как, нравится? – Ефимия бросила на него дерзкий, полный вызова взгляд. – Только я лучше взойду на плаху, чем позволю к себе прикоснуться.

Девушка сдула падавшую на глаза прядь и, отвернувшись, окончательно привела платье в порядок.

– Наперстянка предназначалась вам. – Нет смысла больше отрицать. – Эрнестину Ласси я не трогала. Феррир – фамилия моей прабабки, а мой отец – Эван Брок.

Ефимия приготовилась к тому, что он ударит ее, хотя бы вызовет стражу, но граф лишь задумчиво поглаживал колокольчик. Ей ничего не оставалось, как терпеливо ждать своей участи. Теперь, когда эмоции унялись, она поняла: первый министр блефовал, шантажировал ее подложной бутылочкой, но девушке надоела ложь, хотелось разом со всем покончить.

Ленар колебался. Вызывая сюда Ефимию, он ожидал чего угодно, только не ошеломительного признания. Оно выбило из колеи, спутало планы. Если бы Ефимия только знала, какое смятение произвела в его душе!

Склонив голову набок, не спуская цепкого взгляда с чересчур спокойной девушки, граф нарочито небрежно поинтересовался:

– Ну и куда делась наперстянка? Перепутали бокалы?

Бутылочку в тайнике не нашли. Слуги перерыли всю комнату Ефимии – ничего. Пришлось срочно найти подходящую по цвету и размеру.

– Струсила и вылила в раковину. – Она удостоила его очередным дерзким взглядом. – Я не могу убить человека. Думала, что смогу, но...

Ефимия развела руками и отвернулась. Какой жалкой, никчемной она себе казалась! Оставалось только расплакаться, но такого удовольствия девушка противнику не доставит.

Ленар безмолвствовал. Лучше бы кричал! Она ведь призналась в страшном преступлении, неужели ему плевать на собственную жизнь? Девушка тайком следила за колокольчиком. Вот сейчас граф поднимет его – и все, кончено.

– Все, милорд, больше никаких вопросов? – Не выдержав, Ефимия поторопила час расплаты. Она сильная, но не настолько, чтобы выдержать еще пару минут пытки ожиданием. – Можете звать стражу.

Первый министр убрал руку от колокольчика. Девушка не переставала его удивлять. Ни тени раскаяния, ни капельки страха! Ефимия бросала вызов, и Ленар не был бы Ленаром, если бы его не принял.

– Нет, еще не все. – Граф досадливо поморщился, случайно задев одну из оставленных ногтями девушки царапин. – Для начала я предлагаю вам успокоиться.

– Зачем? Я дочь предателя, у меня нашли яд – улики достаточно.

Ленар потер кровоточащую щеку и отплатил откровенностью за откровенность:

– Бутылочка фальшивая. Я не смогу доказать, что та жидкость, которую я отлил из настоящего флакона и передал придворному лекарю для анализа, принадлежала вам.

– Зато у вас есть мое признание. Я хотела вас убить, жаждала, мечтала! Казните преступницу, порауйте императора. Вам ведь не впервой осуждать невиновных.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – покачал головой граф. – Я не причастен к трагедии Броков, наоборот, сделал все возможное, чтобы ее предотвратить.

Он, наверное, извращенец, раз сейчас думал о Ефимии Брок как о женщине. В гневе она казалась демонически соблазнительной. Да на фоне метавшей грома и молнии брюнетки половина участниц отбора – записные уродины! Налившиеся кровью полные губы манили, требовали впитаться в них страстным поцелуем. Девушка не замечала, как в порыве чувств покусывала нижнюю губу, словно специально дразня, распаяя. При других обстоятельствах Ленар бы привлек Ефимию к себе и овладел бы крепостью, но она запретный плод и принадлежит Вардену. А еще дочь того самого генерала Брока. Нужно

выяснить, с какой целью девица пробралась на отбор, а не плавать в любовных фантазиях.

Ефимия ответила скептическим фырканьем:

– Вы не верите мне, а я – вам. Мы квиты, милорд!

Девушка немного успокоилась и гадала, какую участь ей уготовили. Собственно, варианта всего два: тюрьма или позорное возвращение домой. Но граф сумел удивить:

– Докажите свою невиновность, и я забуду о вашем признании, ни словом не обмолвлюсь о вашем прошлом. Кроме меня, о нем никто не знает.

Анри Жерар не в счет.

– Как, – удивилась Ефимия, – разве вы первым делом не...

– Нет. – Ленар потянулся за носовым платком, чтобы промокнуть кровь. – Это наша маленькая тайна. Так как, мистрис?

– Миледи, – поправила его девушка. – Мистрис я только вашими стараниями. И, знаете, – по губам ее скользнула лукавая улыбка, – мне тоже есть о чем поведать свету. Уверена, врагов у вас хватает, они уцепятся за возможность лишить вас поста.

Первый министр нахмурился:

– Вы мне угрожаете?

Однако какова! Угораздило же выборщикам прислать сюда одну из девиц Брок! Хотя он их понимал, Ефимия невероятно хороша, пусть и старше положенного возраста. Но это тот случай, когда годы не портят девушку.

– Предупреждаю.

Ефимия играла с огнем, но в этот раз вышла победительницей.

– Хорошо, – неохотно заключил перемирие граф, – я вам поверю, однако впредь стану следить за каждым вашим шагом. Если в ходе расследования выяснится, что герцогиню Ласси отравили наперстянкой, пощады не ждите! – предупредил он и вызвал стражу.

Оказавшись в собственной спальне, девушка с облегчением выдохнула. Первый раунд остался за ней.

Ноги подкосились, и Ефимия ничком рухнула на кровать. Только Создатель знал, каких трудов ей стоило выдержать бой с Ленаром! Ненавидеть и в то же время чуточку любить его.

Глава 12

– Ты в порядке?

Элизабет присела подле Ефимии и взяла ее за руку. Девушка и не заметила. Ее трясло, зубы стучали друг о друга.

Вернувшись к себе в расстроенных чувствах, Ефимия рассчитывала застать кого угодно, только не подруг. Однако они терпеливо дождались ее и теперь пытались привести в чувство.

– Что случилось? О чем он говорил с тобой?

Мирабель протянула Ефимии стакан воды. Она благодарно кивнула, но пить отказалась. Однако леди Арно проявила небывалую настойчивость. Откуда что взялось! Еще больше походившая на ребенка в своей розовой ночной рубашке и пеньюаре со множеством лент, Мирабель заставила подругу выпить все до последней капли.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнула Элизабет, проследив за тем, как юная леди поставила стакан на столик, – теперь рассказывай. Сдается, беседа выдалась не из легких.

Ефимия промолчала. Она до сих пор не могла понять, почему Ленар отпустил ее – девушка ведь созналась. Выходит, граф преследовал какие-то собственные цели. Роль пешки в чужих руках Ефимию категорически не устраивала. Слепой мышке в цепких лапах первого министра – тем более.

– Ты нам не доверяешь? – Элизабет по-своему поняла ее молчание.

Ефимия с трудом сложила губы в улыбку.

– Если я кому-то и могу доверять, то только вам.

– Тогда в чем дело? – наседала наследница графа Экта.

Она тоже успела переодеться для сна, заплела косу и выглядела такой домашней. Однако характер остался прежним.

Ефимия крепко задумалась. Она понимала, играть в молчанку нельзя, осталось решить, что можно поведать.

– Ему стало известно о Блеккуоках. – Девушка выбрала меньшее из зол. – То, что они мне покровительствуют. Помните, я вам рассказывала? Блеккуоки – мои дальние родственники и враждуют с Горзенами.

– И что с того? – нахмурилась Элизабет. – Как это связано с бедной Эрнестиной?

– Никак. Это я и пыталась донести до первого министра. Он почему-то решил, будто я ее отравила! Вдобавок по поручению Блеккуоков. Вздор! – Ефимия фыркнула, старательно следуя выбранной линии.

Ложь давалась тяжело, хотелось выпроводить подруг, забраться под одеяло и попытаться заснуть. Только они не уйдут, а Ефимия не сомкнет глаз.

– Вздор! – повторила она. – Леди Агнешка помогала мне, не отрицаю, но только по доброте душевной.

Девушка искоса наблюдала за Элизабет: она казалась особенно опасной. Вроде поверила. Какое счастье! У Ефимии болела голова, она не выдержала бы боя с Элизабет.

– Но ведь все разрешилось, верно? – с надеждой спросила Мирабель.

– Как видишь! Но я по-прежнему главная подозреваемая, граф обещал глаз с меня не спускать.

Претендентки немного помолчали, вслушиваясь в ночную тишину. Она казалась неестественной, навевала мысли о затаившемся зле. И ведь оно действительно пряталось где-то неподалеку...

– Выходит, герцогиню отравили? – шепотом вновь заговорила Мирабель.

Все трое, обнявшись, устроились на кровати Ефимии, напряженные и серьезные.

– Ничего еще не известно, – парировала Элизабет. – Я подкупила кое-кого и получаю самые последние новости. Ну а что, – неожиданно потупилась она под перекрестными взглядами подруг, – это конкурс, а Эрнестина – соперница. Пусть я не горю желанием стать императрицей, это вовсе не означает, будто мне неинтересна расстановка сил.

– И как она? – робко поинтересовалась Ефимия.

В горле резко пересохло, и она порадовалась стараниям Мирабель, распорядившейся принести целый графин воды.

– Получше. Сейчас спит. Но вот об императоре бедняжке, похоже, придется забыть.

То-то порадуются другие участницы отбора! Конкурсы еще не начались, а двоих уже списали со счетов. И если маркиза – так, статистка, то герцогиня числилась фавориткой.

– Но что мы все об Эрнестине? Вокруг нее целый дворец хлопочет, даже императрица заходила. Меня ты волнуешь. Давай тебя разденем и уложим спать. А завтра я потребую аудиенции у императора и поговорю насчет домыслов графа Митаса.

Притупившаяся тревога вспыхнула с новой силой. Стиснув запястье Элизабет, Ефимия принялась горячечно убеждать ее никуда не ходить и ни с кем не говорить. Мол, она сама разберется.

Как же тяжело врать близким людям! Не по крови – по духу. Но у девушки не было выхода. Как только Элизабет и Мирабель узнают ее настоящую фамилию, тут же отвернутся. «Ничего, я все равно здесь не задержусь, – успокоила себя Ефимия. – А после мы никогда не увидимся».

Подруги окружили девушку заботой. Элизабет раздобыла пирожных, Мирабель помогла раздеться и расчесать волосы. Они наперебой щебетали о разных пустяках, пытаясь отвлечь Ефимию и себя заодно от страшного происшествия. В итоге подружки заснули вместе, окруженные пустыми тарелками и сдобными крошками.

* * *

Если крыло претенденток к утру погрузилось в сон, то Варден встретил рассвет на ногах. Он расхаживал по кабинету, дожидаясь последних вестей о состоянии герцогини. Ей сделали промывание и дали универсальное противоядие. Лекарь утверждал, что опасности для жизни нет, но император все равно не мог смежить век.

– Мне с самого начала не нравилась эта идея! – Устав ходить, Варден грузно опустился в кресло, потянулся к бутылке, но пить не стал. – Теперь мы пожинаем плоды матушкиного упрямства.

– Полагаешь, кто-то кровью прокладывает дорогу к трону?

Сидевший тут же Ленар потер гудящие виски. Он мог бы рассказать о Ефимии Брок, но пока держал слово. Девчонка слишком благородна, чтобы пойти на такое. Тот, кто отравил Эрнестину, не погнушался бы проломить графу череп пресс-папье. Ефимия кричала,

бросалась истеричными обвинениями, но ее попытки причинить вред были столь неумелы. Именно поэтому он отпустил ее.

– Или мстит мне, – мрачно добавил Варден, обратив лицо к первым рассветным лучам. – Хотел испортить праздник, напомнить о своем существовании.

– Исключено! – покачал головой Ленар и расстегнул еще парочку пуговиц на рубашке. Снятый сюртук валялся неподалеку, на диванчике. – Восстание подавлено, все его участники уничтожены.

– А вдруг нет? – не унимался монарх. – Не подвергаем ли мы девушек опасности, не лучше ли отменить отбор? Преступника ведь так и не нашли...

Только сейчас он обратил внимание на царапины на лице графа и удивленно присвистнул:

– Дружище, кто тебя так?

– Да... – нахмурился Ленар. – Одна дама.

– Дама? – Градус любопытства только возрос. – Когда только успел!

– Ничего такого, напрасно ты намекаешь на очередную интрижку. У нее случилась истерика, я попытался ее успокоить, и вот...

Сам факт, что женщина смогла оставить на нем отметины не в порыве страсти, больно ранил самолюбие. Даже если бы не данное Ефимии слово, граф не признался бы в подобном позоре.

– Кто-нибудь из претенденток? – догадался монарх. – Ты здорово потрепал им нервы, обращался как с преступницами. Хотя бы оправданно?

Император обратил на Ленара тяжелый взгляд. Он с честью его выдержал, но ответил уклончиво:

– Отчасти. Кое-что интересное я выяснил, но, увы, оно не имело отношение к герцогине.

– Поделишься?

Варден настойчив, но и граф упрям. Если он не желал говорить, то не скажет.

– Это личное, – сухо заметил Ленар, пресекая дальнейшие расспросы.

Ответ императору не понравился, однако настаивать он не стал, вернулся к более важным делам. Варден боялся признаться в этом даже самому себе, но его порадовало несчастье Эрнестины. Нет, вовсе

не потому, что герцогиня была ему неприятна. Покушение пришлось так кстати, отличный повод отменить отбор – то, чего император страстно желал с самой первой минуты.

– Ты заходил к императрице? – Варден начал издали.

Ленар кивнул и на мгновение прикрыл глаза.

Заветная должность, лакомый кусочек! Как много проблем прилагалось к ней в нагрузку!

– Да. Твоя матушка крайне взволнована, пришлось дать ей капли. Она окружила герцогиню такой заботой...

– Странная женщина! – криво усмехнулся император и вновь поднялся на ноги. – Если ей так хотелось породниться с Ласси, зачем устраивать этот фарс?

Он в сердцах ударил по спинке кресла, в котором сидел приятель. Ленар даже не шелохнулся.

– Я не желаю подвергать девушек опасности. Точка!

Варден сам до конца не верил. Он это сказал! Неужели больше не придется подсчитывать баллы, делать записи в дурацких карточках? После выздоровления Эрнестины Ласси император женится на ней, если уж таково желание матушки.

– Многоточие, Варден, – вздохнул Ленар и тоже поднялся, подошел к окну.

Что или кого он надеялся там увидеть, граф и сам не знал. Может, ту странную девицу Брок. Граф обратил на нее внимание с первого дня и в глубине души сожалел о событиях многолетней давности. Ефимия полагала, будто он радостно вызвался поглумиться над баронессой Брок. Это не так. В некоторых случаях выбора нет, положение обязывает сообщать дурные вести. Да, изначально император планировал поступить иначе, послать обычного офицера. Там и речи не шло о какой-либо деликатности, и Ленар вызвался чуть смягчить удар из уважения к заслугам Броков перед короной. Вардену его затея не понравилась, да и сам граф предпочел бы не видеть полных слез глаз Мелании Брок, сомкнутых побелевших губ Анжелы Брок и двух испуганных девчонок. Одна из них выросла и теперь ненавидела его...

– Ты бежишь от проблемы, а не решаешь ее, – не отрывая взгляда от тонувшего в сером мраке парка, продолжил Ленар. – Допустим, ты прав, абигонцы вернулись и жаждут новой междоусобицы. Тогда они

добились своего: ты проявил слабость, испугался. Отбор нужно продолжать. Мы усилим меры безопасности...

Монарх за его спиной издал короткий смешок.

Граф сжал кулаки, сдерживая раздражение. Он видел Вардена насквозь и прекрасно понимал, почему тот упорно требовал прекращения отбора. Однако этого не будет. Нравится императору или нет, ему придется дойти до конца. Победы одерживают не только на полях сражения, а популярность среди народа – это именно то, что необходимо Вардену. Хорошо бы он выбрал не слишком знатную девушку, тогда виконт Ор, если он еще жив, лишился бы последнего козыря. Абигонцы твердили, будто правители Рдожа возгордились и мнили себя равными святым, а тут императрица из провинции.

– Тебе по-прежнему двадцать или ты повзрослел?

Ленар выбрал рискованный тон, но не собирался потворствовать чужим страхам. Императора нужно было встряхнуть, привести в чувство.

– Хорошо, ты победил, – неохотно признал Варден.

В качестве компенсации за поражение он таки плеснул себе крепленого вина и, не поморщившись, залпом выпил.

Граф немного расслабился. Самое сложное позади. Он готовился к затяжной битве, даже к отставке, но не позволил бы приятелю совершить необдуманный поступок.

Прихватив вино и пару подушек с дивана, император подошел к другу.

– Будешь?

Бутылка ткнулась в локоть Ленера. Тот кивнул и приложился к крепкому напитку. Алисия пришла бы в ужас от его манер, но императрицы рядом не было, а они с Варденом распили подобным образом не одну бутылку. Правда, в молодости, далекой молодости, когда еще правил предыдущий монарх.

Когда бутылка наполовину опустела, а рассвет робкими, бледными лучами окрасил воздух, они снова заговорили.

– На твоём месте я добавил бы конкурсу публичности. Проведи ряд испытаний на открытом воздухе, в парке. Обещаю присматривать за твоими девочками.

Ленар намеренно уколол Вардена, назвав претенденток «его девочками». Императора нужно встряхнуть, отвлечь от покушения на

Эрнестину Ласси. Графу не хотелось говорить, но он подозревал: целью была не она. Яд подмешали в шампанское. Не наперстянку, Ефимия Брок могла выдохнуть. Только вот бокал с подноса взял император... Вывод напрашивался сам собой. Даже самый прозорливый убийца не мог предвидеть, что Варден отдаст шампанское Эрнестине.

– У тебя тени под глазами. – Оказалось, все это время монарх пристально наблюдал за приятелем. – И чуть подергивается рот. О чем ты говорил с Ефимией Феррир?

Брови Ленара поползли вверх. Вот как, Вардену уже доложили? С другой стороны, ничего удивительного. Он император, обязан все знать.

– Расспрашивал о врагах герцогини. Леди Феррир явно не из числа завистливых, наблюдательна...

– Так это она? – Варден со смешком указал на следы от ногтей на лице приятеля. Глаза его ожили – пусть таким способом, но граф вытащил друга из пучины апатии и самокопания. – Боюсь представить, что ты вытворял с одной из моих невест!

Нет, никакой угрозы. Император верил в порядочность друга.

– Допросил, и ей это не понравилось. Так что уволь меня от общения с остальными!

– И все же я опасаясь виконта. – Блеск в глазах Вардена потух, он отвернулся, пару раз сжал и расцепил пальцы. – Абигонский мятеж... Мы с таким трудом его подавили, с такими жертвами...

Граф кивнул и мысленно обратился в прошлое. Он до сих пор не мог понять, как один мерзавец умудрился сбить с толку тысячи людей, залить Рдож кровью. Вот кого бы Ленар жаждал видеть на плахе! Увы, виконт Гилмор Ор ускользнул от правосудия. По официальной версии, он утонул, переправляясь через недавно вскрывшуюся ото льда реку. Мог ли виконт вернуться? Тогда придется снова собирать армию. Как бы тут пригодился генерал Брок!

«Вы лишили меня всего, убили моего отца!» – эхом пронеслось в голове.

Ефимия не права, Ленар, наоборот, пробовал остановить Эвана Брока, но тот ничего не желал слушать. Как же, мальчишка, прихвостень у трона, подлиза, думающий только о собственной выгоде!

После войны страна голодала. Многие тогда роптали, считали, что конфликт можно было предотвратить, если бы правящая династия поступилась своими интересами. Так на руинах великих побед расцвела идеология абигонцев. Их движение назвали в честь монастыря, где проводились тайные собрания.

Эван Брок всегда ратовал за справедливость и ничего не понимал в интригах, заманить его оказалось несложно. Он свято верил, будто абигонцы не выступали против императора, только вот виконт Ор видел себя в качестве основателя новой династии. Формально имел право: Гилмор вел свой род от брата первого правителя Рдожа.

– Я докажу вам, что это неправда, – обращаясь к невидимой собеседнице, пообещал Ленар.

– С кем ты там говоришь? – встрепнулся Варден.

Граф отругал себя за nepозволительную оплошность и направился к дивану за сюртуком и жилетом. Нужно переодеться, праздник давно закончен.

– Ни с кем. Не обращай внимания. Я пушу Анри Жерара по следу. Если Гилмор Ор не в могиле, он обязательно его найдет. Отдыхай! Для государственных дел требуется много сил. И не пей больше. Бутылку я от соблазна заберу.

Стукнула дверь императорского кабинета. Однако Ленар отправился не к себе. Что-то упорно толкало его в противоположном направлении. Выросший во дворце, граф прекрасно в нем ориентировался. Он быстро шагал по пустынным анфиладам мимо замерших на посту часовых, затем спустился по неприметной лестнице и с облегчением вдохнул чистый рассветный воздух. Солнце не успело его нагреть, он приятно охлаждал кожу, прогонял лишние мысли.

Гравийная дорожка зашуршала под ногами первого министра. Ленар брел без особой цели, ему просто хотелось немного отдохнуть, насладиться тишиной перед очередным суматошным днем. Заметив впереди беседку, граф направился к ней, но, нахмурившись, замер на полпути. Показалось или там кто-то есть? Определенно тень в длинной шали метнулась за розовую шпалеру. Ленару не составило труда опередить беглянку, преградив ей выход на основную аллею.

– Вы? – изумленно выдохнул граф.

Он ожидал встретить одну из фрейлин ее величества, но никак не Ефимию, да еще в столь фривольном наряде. Девушка не удосужилась надеть утреннее платье, бродила по парку чуть ли не в одной ночной рубашке, с распущенными волосами! В мягком рассветном свете они казались диковинным шелком – и не черные, и не синие. Волосы укрывали плечи Ефимии, заканчивались где-то между талией и лопатками. Многие придворные дамы убили бы за такие: не только императрица носила шиньоны.

Ефимия метнула на него быстрый гневный взгляд и отвернулась, ясно дав понять: беседовать с Ленаром она не намерена.

– Что вы здесь делаете?

Однако граф и не думал уходить, наоборот, подошел ближе.

– То же я могу спросить у вас, – дерзко ответила девушка и пронзила его кристальной голубизной глаз. – Жаль, царапины неглубокие, я надеялась нанести вам более серьезные раны.

– Любите играть с огнем? – прищурился Ленар.

Не многие отваживались говорить с ним в подобном тоне.

– Я дочь барона Брока. Полагаю, этим все сказано. Доброго утра и прощайте, милорд!

Гордо удалиться не получилось. Стоило ей сделать шаг, как рука первого министра властно легла на ее плечо, понуждая остановиться. Ефимия с видимым неудовольствием обернулась и в упор уставилась на Ленара. Она хотела, чтобы он сказал какую-нибудь гадость, сделал что угодно, только не стоял так близко от нее. Когда граф просто задумчиво смотрел, когда его пальцы обжигали сквозь шаль и ткань ночной рубашки, Ефимия забывала, кто перед ней. Сердце начинало биться чаще, предательский румянец проступал на щеках.

– Вы замерзнете. Возвращайтесь в спальню.

Девушка моргнула. Он не собирался ее наказывать?

– Герцогине лучше? – Требовалось что-то ответить, и Ефимия не придумала ничего иного.

– Да, – кивнул Ленар и убрал руку. – Можете спать спокойно, ее отравили не наперстянкой.

Нужно было ее помучить, держать на коротком поводке, но граф слишком устал. Какая разница, Ефимия все равно никуда не денется.

– Рада это слышать. – Однако радости в голосе не прозвучало. – Хотя вы, полагаю, чрезвычайно расстроились.

– Напротив. Я не палач, миледи.

Не дав ей возможности возразить, Ленар развернулся и оставил девушку одну. Снова в смятенных чувствах. Похоже, это становилось традицией.

Но граф прав, Ефимии лучше вернуться. Хотя бы для того, чтобы не напугать подруг, когда они проснутся и не застанут ее в кровати. Что поделаешь, пирожных и пустых разговоров не хватило, чтобы беззаботно проспать до утра.

Глава 13

Ленар Горзен не любил императрицу-мать. Всякий раз, когда он бывал в ее покоях или сопровождал Алисию на прогулке, он испытывал смутную неприязнь, непонятное напряжение. А ведь матушка Вардена никогда открыто не выступала против него. И вместе с тем при случае не заступилась бы, не уставал напоминать себе граф. Бывший паж, ставший первым министром! Наверняка Алисия видела на этом посту кого-то из рода Парских. Семейные узы крепче дружеских, клановую поруку никто не отменял. Однако Варден выбрал его, Ленара.

Сколько шума в свое время наделал этот указ! Совсем мальчишка, выскочка, выслужился на попойках – каких только слухов не ходило! Ленар воспринимал их стоически. Он понимал: любой, кто чего-то добился, становится объектом жестоких насмешек. Оставшиеся не у дел стремились его уязвить, принизить, смешать с грязью – это помогало свыкнуться с горечью поражения. Согласитесь, гораздо проще считать себя жертвой обстоятельств, чужого сговора, продажности и лизоблюдства, чем принять факт собственного несовершенства. Но одно Ленар знал точно, и оно мучило его спустя годы: назначение столь юного первого министра подлило масла в огонь бунта.

Все началось сразу после оглашения указа. Тот же барон Брок открыто обвинял его... Граф прикрыл глаза и помассировал виски, словно их сковал обруч мигрени. Он слишком много думал о Броках! Но как иначе, если рядом появилась Она. Именно так, с заглавной буквы.

Той ночью, в парке, Ефимия Брок будто сошла с пожелтевших книжных страниц. Она с одинаковым успехом могла оказаться ангелом возмездия или таинственной феяри, по легенде, приходившими в мир людей по ночам. Белое и черное – девушка будто специально делала все, чтобы ее образ запечатлелся в памяти. Эта ее растрепавшаяся коса, небрежно переброшенная через плечо, пронзительные глаза... Ленар мог поспорить, они ярче сапфиров сидевшей напротив него императрицы-матери. А еще в глазах Ефимии читался характер. Она

могла быть мягкой, женственной, но в его присутствии снимала маску. Ефимия Брок неплохо бы смотрелась на коне в образе воительницы. Граф живо представил ее на полотне в старинной картинной галерее: наручи поверх невесомого, для контраста, атласа, возможно, нагрудник, металлический венец в распущенных волосах. Пожалуй, перед тем как отправить домой, он попросит Ефимию попозировать для оформления новых дворцовых залов. Пусть на гостей с потолка взирает ее суровый лик. Хотя Ленар подозревал, Ефимия откажется. Он сам бы отказался.

– Что вы обо всем этом думаете, граф?

Ленар с трудом сфокусировался на императрице-матери. Она задала вопрос? Так, нужно сосредоточиться и вспомнить. Наверняка речь об отравлении герцогини.

Скрыв раздражение в уголках губ, граф размешал сахар. Демоны преисподней, зачем было приглашать его на этот дурацкий кофе, усаживать за столик для двоих? Определенно, Алисия получала извращенное удовольствие от происходящего.

– Ничего нового, ваше величество, – учтиво ответил он и сделал небольшой глоток из белоснежной чашки с императорским вензелем.

Хотя бы кофе хорош! Хм, Алисия хотела подлизаться, велела добавить туда пару капель ликера. Его любимого ликера. Странно, очень странно! Нужно держать ухо востро. Или в чашке цианид? Миндальный привкус мгновенно перестал казаться притягательным.

Вздор, Алисия не стала бы! Она старомодна, действует напрямую.

– Сын подозревает заговор, но я склонна полагать, все гораздо проще, – продолжала императрица. – Успех иногда кружит голову, верно, граф?

А вот и укол. Ленар сделал вид, будто не заметил его.

– Пока ничего достоверно не известно, ведется расследование.

Алисия кивнула и, перехватив в зеркале взгляд дежурной фрейлины, качнула головой. Граф успел заметить в руках придворной дамы конверт. Все интереснее и интереснее!

– Так вы на стороне сына? – напрямик спросила императрица. – Против отбора?

– Я против скоропалительных решений. Кто бы ни покушался на жизнь герцогини Ласси, он намеревался посеять панику.

По лицу Алисии скользнула тень облегчения. Первый министр поддержал ее. Неожиданно! Сам того не желая, Ленар Горзен вознесся в глазах императрицы. Пододвинув кресло чуть ближе к гостю, Алисия покосилась на дверь камерной гостиной, не подслушивает ли кто, и шепнула:

– Можете быть со мной откровенным, я не трепетная девица. Опять абигонцы?

– Вряд ли, – пожевав губы, качнул головой Ленар. – Их нельзя сбрасывать со счетов, однако вот уже много лет все тихо.

– Но ведь покушались на моего сына, – не унималась императрица. – Яд был в бокале Вардена. Лишь по счастливой случайности его выпила герцогиня.

Граф мысленно усмехнулся. Счастливой случайности! Бедняжка чудом не умерла, неизвестно, когда встанет, а императрица радуется. Однако он оставил свои мысли при себе и, повинувшись чутью, отодвинул чашку с кофе. Алисия явно собиралась о чем-то попросить. Ленар не ошибся.

– Я уже говорила с Эммануэлем, теперь хочу с вами.

Что: усилить охрану, не отходить от Вардена, лично возглавить следствие?

– Присмотритесь к претендентам. Возможно, кто-то из них замешан в преступлении. Отбор продолжится, – выпрямившись, в полный голос, твердо добавила императрица. – Даже если мой сын против. Я рассчитываю на вас.

Ленар кивнул и покосился на чашку кофе. Похоже, аудиенция закончена.

– Ну что вы, – Алисия перехватила его взгляд и улыбнулась, – я не настолько жестока! Никто вас не гонит.

Граф бы поспорил. Он знал императрицу достаточно долго, чтобы помнить ее неблагоприятные поступки. По сравнению с ними недопитая чашка кофе – пустяк.

– Я предпочитаю вишневый. – Алисия сменила тему, беззаботно заговорила о ликерах. – А у вас необычный для мужчины вкус. Обычно сладость для дам. Вам не хватает нежности и заботы.

Ленар напрягся. Императрица-мать начала издалека, но стремительно двигалась к цели: она задумала его женить.

– Я решила, что справедливо, после того как сын сделает выбор, показать остальных девушек вам.

– Показать? – коротко усмехнулся граф. – Они не товары на ярмарке, ваше величество, а живые люди.

– Ах, не придирайтесь к словам! – отмахнулась Алисия. – Вы прекрасно поняли. Тут собраны лучшие девушки империи. Или вы считаете, будто никто из них не достоин фамилии Горзен?

Вопрос опасный, крайне опасный, с двойным дном. Ленар ответил максимально осторожно:

– Безусловно, каждая бы осчастливила меня, ведь они отобраны для самого императора, но, к сожалению, я еще не созрел для брака.

– Напрасно! Вы ровесник Вардена, пора. Наличие жены не мешает заводить любовниц. Это гораздо лучше, чем заводить любовниц, но не иметь жены.

– Боюсь, в данном вопросе я не солидарен с вашим величеством. Супружество предполагает верность.

Последний глоток сделан, можно закончить неприятный разговор.

Граф внимательно прислушивался к своим ощу-щениям. Вроде ничего необычного, яд, подсыпь его слуги по приказу Алисии в чашку, давно бы начал действовать.

Однако не стоило говорить о верности. Судя по набежавшей на лицо императрицы тени, она вспомнила о похождениях супруга. За свое пятнадцатилетнее правление Деймон Первый умудрился завести около сотни романов и мелких интрижек. В результате по просторам империи бегали десятки монарших отпрысков. Ни одного покойный император не признал, поэтому сосчитать их не представлялось возможным. И кто-то в свое время мог примкнуть к абигонцам.

Ленар тряхнул головой, отгоняя призраки прошлого, и снова бессознательно прижал пальцы к вискам. Сквозь отделанные в мармеладных, бледно-розовых и бледно-зеленых тонах стены проступили картины сожженных деревень и виселицы, много виселиц. Граф ехал мимо них, всматриваясь в лица, а за ним следили. Он кожей ощущал неприязненные, настороженные взгляды, но знал, стоит обернуться, невидимые наблюдатели исчезнут. Столько лет прошло, а Ленар помнил запах гари, ржавые подтеки крови, искаженные мукой лица.

– Вам нехорошо?

Встревоженная Алисия потянулась к колокольчику для вызова слуг.

– Простите, ваше величество.

Граф не желал ничего объяснять. Он мог бы сослаться на бессонную ночь, но предпочел сдержанно попрощаться и покинуть пропахшие нафталином комнаты. Ему требовалось встряхнуться и наконец заняться делами.

Итак, где сейчас может быть Катарина? Женские ласки действеннее любых настоев.

«Она пыталась меня убить».

Ленар остановился, будто споткнулся о внезапно всплывшую в мозгу мысль.

– Почему ты пожалел ее? – Граф не заметил, как спросил это вслух. – Хотя она так и так попадется, Эммануэль докопается.

– До чего? И кто эта таинственная «она»? – послышался рядом звонкий голосок.

Ленар улыбнулся. Создатель о нем позаботился, послал навстречу Катарину. Маркиза держала одну из левреток императрицы. На редкость глупые и визгливые создания!

– Боюсь, я не смогу удовлетворить ваше любопытство. – Поравнявшись с Катариной, граф ухитрился поцеловать ей руку. Это оказалось нелегко: противная собака норвила его укусить. – Дела государственной важности.

И без экивоков, понизив голос, предложил:

– Прогуляемся? Я соскучился.

– Не могу, – с тоской вздохнула Катарина. – Мне нужно выгулять Персиваля.

Ленара передернуло. Персиваля! Только им-пе-рат-ри-ца-мать могла дать псу столь пафосное имя. И какому – жалкому подобию собаки, дрожавшему от каждого чиха.

– Разве только... – Маркиза кокетливо провела языком по нижней губе и прикусила ее. – Составьте мне компанию, ваше сиятельство.

Граф улыбнулся. Приятно, когда настрой дамы созвучен твоему. В парке достаточно укромных уголков. Ему хватит четверти часа, ничего с проклятой собачонкой не случится.

Катарина тяжело дышала посреди облака поднятых юбок в одной из беседок. Глаза все еще туманились от страсти, тело содрогалось в отголосках сладостных конвульсий.

Ленар оправил брюки и мельком глянул на карманные часы. Первый час. Малышка Катарина вернула его к жизни, теперь граф без труда справится с потоком просителей.

– Я уже заказал колье, – застегивая рубашку, вскользь обмолвился он. – Как ты хотела, с бриллиантами и рубинами. В среду сможешь примерить.

– Ты прелесть! – Катарина лениво поднялась и поцеловала его в щеку. – И будешь еще большей прелестью, если поможешь с корсетом. Не желаю, чтобы обо мне шептались. Сам знаешь, как императрица относится к внебрачным связям, а я рассчитываю занять место старшей фрейлины.

Расстегивать крючки гораздо проще, чем застегивать. Вдобавок казалось несправедливым прятать соблазнительную грудь Катарины. В итоге Ленар провозился с корсетом дольше положенного, попутно успев приласкать любовницу. Она не возражала, охотно выгибалась в его руках.

– Надо было уступить вам раньше, граф. – Взбив подпорченную прическу, маркиза приняла серьезный вид, будто всего пару минут назад не развлекалась с любовником. – Вы открыли для меня прежде незнакомое наслаждение. Я ведь никогда еще...

– Катарина! – укоризненно покачал головой Ленар.

Он не верил в ее невинность.

– Хорошо, – быстро сдалась маркиза, – я люблю парковые беседки. Как и вы, впрочем. Однако мы совсем забыли о Персивале. Я бы с удовольствием придушила мерзкую псину, но императрица в ней души не чает, придется искать. И раз уж вы заговорили о драгоценностях, вдобавок к колье я хотела бы серьги. Взамен обещаю и впредь оправдывать все ваши ожидания.

Ленар от души расхохотался. Катарина дорого себя ценила! Но он готов платить, она стоила каждого камушка.

Довольный, расслабленный граф возвращался во дворец. Ночной морок улетучился, даже грядущая встреча с вечно недовольным дворянством не испортит ему настроения. И все благодаря Катарине.

Прикрыв глаза, Ленар воскресил в памяти ее рваное дыхание, запах тела и по неосторожности зацепил кого-то плечом.

– Простите! – дежурно извинился он, неохотно мысленно вынырнув из пропитавшейся страстью беседки.

Ленар бы так и прошел мимо, не взглянул на задетого им человека, если бы он, точнее, она не подала голос:

– Вы меня преследуете?

Граф нахмурился и перевел взгляд на дерзкую девицу. Он извинился, разве этого недостаточно? Однако там, где полагалось находиться лицу, обнаружилась шея. Пришлось поднять взгляд выше, чтобы встретиться сначала с бледно-розовыми, без следа помады губами, а затем метавшими молнии глазами Ефимии Брок.

– Скорее, наоборот. Что вы здесь делаете? Помнится, по расписанию у вас рисование на пленэре.

Посоветовавшись, они с Варденом позволили отбору идти своим чередом, то есть с утра занятия, ближе к вечеру – испытания.

– Вот ваш пленэр, – Ефимия обвела рукой парк.

Только сейчас граф заметил, что под мышкой у нее мольберт. В ходе столкновения Ефимия выронила кисти. Ленар наклонился и поднял их.

– Благодарю! – пробормотала девушка и нервно оглянулась на подруг.

Почему они не спешили подходить, переглядывались, шушукались? Предательницы, бросили ее одну!

Пальцы Ефимии крепче вцепились в мольберт. Она сильная, она выдержит. Не так уж это тяжело – пару минут поговорить с Ленаром о погоде, достаточно просто не смотреть ему в глаза. Потому что когда она смотрела, то терялась. Девушка переставала понимать, ненавидит или любит первого министра, мечтала одновременно наброситься на него с кулаками и, зардевшись, сбежать. Вот и сейчас Ефимия чувствовала, как на щеках стремительно расцветали яркие пятна.

Как же жарко! И пуговицу на воротничке не расстегнешь...

Ленар с интересом наблюдал за ее смятением. Он ошибочно приписал его недавним откровениям в кабинете и назидательно заметил:

– Похвально, что вас мучает совесть. Выходит, я не ошибся, проявив милосердие.

Ефимия плотно сжала губы и перевела взгляд на царапины на его лице. Они напоминали след от лапы хищного зверя.

– Я не могу понять, что вы за человек, милорд, – покачала она головой. – Вы вечно меняетесь и ускользаете.

– А в жизни нет ничего однозначного, миледи, – на мгновение помрачнев, заметил Ленар.

Девушка дорого бы дала, чтобы узнать, о чем он сейчас думал.

– Я хочу видеть бумаги по делу отца, – твердым голосом не попросила, потребовала Ефимия. – Вы так кичились своей невиновностью, так докажите ее.

– Доказать? Вам?

Граф от души рассмеялся. Наглость девушки переходила все мыслимые границы!

– Но вам нечего бояться, верно? – напирала Ефимия. – Я в вашей власти, вы в любой момент можете вышвырнуть меня с отбора. Так ли сложно сфабриковать результаты испытаний?

– Кто привел вас сюда? – ответил вопросом на вопрос Ленар и увлек девушку прочь от любопытных слушательниц.

Мельком он видел Катарину. Та отыскивала Персиваля и с недовольным выражением лица наблюдала за ним. А, пустое! Ленар мгновенно выкинул любовницу из головы. При виде колье Катарина снова станет ласковой кошечкой, а серьги обеспечат ему долгие минуты блаженства.

Ефимия недоуменно посмотрела на графа и вырвала руку с таким видом, словно коснулась чего-то мерзкого. От неосторожного резкого движения мольберт полетел на землю. Листы бумаги посыпались под ноги девушке.

– Все из-за вас! – со злостью прошипела она и присела на корточки.

Ну вот, на бумаге пятна, на мольберте трещина. А ведь рисунок – это один из этапов конкурса. Матушка императора решила, что его избраннице не должно быть чуждо прекрасное. Никто не ждал от претенденток шедевров, однако знание композиции и колорита приветствовалось.

– Вам принесут новый, – раздраженно процедил граф. Хорошее настроение испарилось. – Так кто пропихнул вас на конкурс?

– Спросите у мажордома! – огрызнулась Ефимия. – Он наверняка вам все докладывает.

С каждой минутой она волновалась все больше, не знала, за что хвататься. То мольберт, то бумага, то юбки. Порядочная леди всегда аккуратна и грациозна, а Ефимия... Мало того что поза ее далека от идеала, так еще и сквозь кружево нижней юбки мелькнула полоска чулка.

– Хватит! – выдохнув через нос, приказал Ленар и уже спокойно продолжил: – Я уже понял, вы меня ненавидите. Но мои вопросы не пустое любопытство, я выполняю поручение ее величества. Мы оба понимаем, обычным путем вы сюда бы не попали. Значит, за вас кто-то поручился. Кто?

Однако Ефимия вздумала торговаться.

– Я скажу взамен на допуск в архив, – дерзко ответила она и кое-как, прижимая к груди пострадавший мольберт, поднялась.

Первым желанием было развернуться и немедленно доложить императору об обманщице, но граф подавил его. Девушка не представляла опасности. Ее слова о вылитой наперстянке подтвердились. Под ее окнами отыскивали запутавшуюся в ветвях кустарника бутылочку.

– Хорошо.

Ефимия не поверила своим ушам. Он согласился?!

– Вы получите доступ к делу барону Брока, – повторил Ленар, – взамен на всестороннюю помощь. Мне нужно знать, чем дышат, о чем говорят претендентки, кто из них злоумышлял против Эрнестины Ласси. И, разумеется, имя того или той, кто подкупил отборочную комиссию. В свою очередь обещаю, что сегодняшнее испытание вы пройдете и не покинете дворец еще минимум неделю.

Глава 14

– Они должны были предупредить! Это нечестно! – едва не плача, шептала Мирабель.

Губы бедняжки дрожали, равно как и руки. Если дальше так пойдет, она привлечет внимание его величества. Только, увы, вызовет вовсе не те эмоции, о которых мечтали собравшиеся в картинной галерее девушки. Со стен на них смотрели полотна признанных мастеров: портреты, пейзажи, жанровые сценки. Все развешано со вкусом, по строгой системе, так, чтобы падавший из широких окон и прозрачного потолка свет позволял рассмотреть каждую деталь. Двадцать восемь мольбертов, занявших половину свободного пространства между стен, казались чужеродными элементами. Стоявшие за ними девушки заметно нервничали, но ни одна так, как Мирабель. Ефимия искренне переживала за подругу, но ничем не могла ей помочь. Эммануэль расставил претендентов в шахматном порядке, чтобы они не заслоняли друг друга. В итоге Ефимию и Мирабель разделяли четыре метра паркета и Альбина Хаскейн. Никакой возможности утешить. Оставалось надеяться, что результат работы на пленэре не так плох и Мирабель не отправят домой.

Ефимия покосилась на собственное полотно. Прежде она никогда не писала маслом, поэтому схитрила, выполнила рисунок карандашом, лишь в паре мест разбавив его цветом. Мазня – если называть вещи своими именами. Только стараниями первого министра девушка задержалась бы на конкурсе. Но его здесь нет, зато есть император и пара напыщенных индюков. Их не представили, но Ефимия подозревала, они важные птицы, раз сопровождали Вардена.

Участницы отбора замерли у мольбертов, словно часовые. Некоторые кокетливо улыбались, некоторые молились. Заступничество высших сил никому бы не помешало. Ефимия мельком видела работы соперниц – ни одну не повесили бы в галерее.

Эх, понять бы, зачем их заставили рисовать! Вряд ли будущая императрица станет дарить иностранным послам собственные работы.

Одно радовало: Алисия отсутствовала.

Варден со скучающим видом в сопровождении свитских переходил от мольберта к мольберту. Он делал вид, что внимательно изучает полотна, а на самом деле мечтал скорее вытянуть ноги на любимом диване, потрепать за ухом пса Бонго. Матушка запрещала выпускать его за пределы внутреннего садика: он-де пугал ее левреток.

Как же все надоело! И тупые министры, и вечно недовольный казначей, и жеманные девицы! Варден с трудом поборол желание сделать запись в карточке первой попавшейся кандидатки. Чем плоха эта? Сероглазая блондинка с точеным носиком. Она переминалась с ноги на ногу и тихо хихикала.

Взгляд императора переместился на лист бумаги. Клякса. Он не разбирался в искусстве, это епархия матушки, но не стал бы смешивать коричневый и зеленый.

– Как вам нравится мое дерево? – ободренная вниманием, с надеждой поинтересовалась блондинка.

– А, так это дерево?

Варден пристальнее взгляделся в кляксу. Теперь хотя бы понятно, что это – дерево.

– Недурно, совсем недурно! – соврал он.

Окрыленная девушка расплылась в широкой улыбке и прощбетала:

– Его величество так добр ко мне!

«Лучше бы я разогнал этот балаган!» – с тоской подумал император и с важным видом направился к следующему мольберту. Он должен осмотреть все и только потом вынести вердикт.

Одну надо выгнать. Только не брюнетку с голубыми глазами. Варден осторожно отыскал глазами Ефимию. Красивая. Ленар просил ее не трогать. Интересно почему? Хотел продвинуть свою фаворитку? Император качнул головой. Нет уж, он тоже оценит ее мазню. Если друг вступил в сговор с матушкой, Варден не обязан прислушиваться к его просьбам. В конце концов, речь о его судьбе. Если девица нравится Ленару, пусть женится сам, император возражать не станет. Хоть на всех сразу!

Ефимия вздрогнула, перехватив короткий взгляд Вардена. Щеки ее побледнели, пульс сильнее забился под кожей. Почему он обратил на нее внимание? Ком подступил к горлу. Прежде Ефимия не задумывалась, что случится, если обнаружится обман, а теперь

испугалась. Не сочтут ли ее виновной в покушении на герцогиню просто из-за фамилии? По дворцу витали слухи, что отравить хотели вовсе не Эрнестину. Тогда дело плохо. Мол, отец не сумел свергнуть императора, и дочь предприняла вторую попытку.

Незаметно стиснув пальцы, Ефимия сделала пару глубоких вздохов. Она ни в чем не виновата, бояться нечего. Если даже первый министр простил... Ну да, кто он, а кто она! Всего лишь глупая девчонка, которая способна ненавидеть только на словах.

«Ничего, – Ефимия один за другим расцепила пальцы и поправила бантик на лифе, – мы еще поиграем».

Предвкушение мести так же сладко, как и сама месть. По губам девушки гуляла улыбка. Она почти полностью расслабилась и спокойно дожидалась его величества. Право, какая мелочь, понравится ли ему картина!

Ефимия заметно выделялась на общем фоне, чем вызвала интерес со стороны Вардена. Она не дрожала и не пыталась кокетничать. Создавалось впечатление, будто девушка и вовсе не замечала императора в каком-то полуметре от себя. Естественные движения, интонации. Посторонившись, Ефимия смотрела поверх его головы, пока Варден изучал конкурсную работу – карандашную зарисовку куста роз. Сделано нетвердой рукой, по-детски, часть лепестков не раскрашена. Не бесформенное пятно, но и не шедевр.

– Вам неинтересен мой вердикт? – Монарха задело небрежение к своей особе.

– Я всего лишь не хочу мешать его величеству, влиять на его решение.

Ефимия мысленно пожурила себя. Увлеклась мыслями о другом и рассердила императора! Вроде обошлось, морщинка на переносице разгладилась, но впредь нужно думать о Ленаре Горзене ночью, а не посреди испытания. Если Ефимия сегодня вылетит... Она первой назовет себя жалкой неудачницей.

Варден хмыкнул. Ну вот, знакомый тон! Не такая уж она необычная, хотя хороша! Он оценил ее линию скул и кивнул секретарю:

– Занесите вечерний чай с миледи в список моих дел на сегодня.

Ефимия ахнула, во все глаза уставилась на императора. Какая бы леди сохранила спокойствие, когда монарх ни с того ни с сего назначил

ей свидание?

– Вашу карточку, пожалуйста, – с важным видом попросил секретарь.

Все еще не веря в собственную удачу, – стать второй после Эрнестины! – Ефимия протянула зеленый формуляр. Секретарь с поклоном передал его Вардену.

– Я сделаю запись вечером, после беседы, – пообещал император и, убрав карточку в карман, проследовал к мольберту Альбины.

Во рту Ефимии пересохло. Она поймала себя на том, что тербит нитку бус на шее.

А вдруг?.. Девушка отказывалась верить, но она могла стать императрицей. И это после перспективы всю жизнь обсуждать с Льюисом Баром виды на урожай.

«Все будет хорошо», – несколько раз мысленно повторила Ефимия и, дрожащей рукой придерживаясь за мольберт, прислушалась к разговору Вардена с Альбиной. Похоже, младшая дочь виконта Прове единственная из всех преуспела в живописи. Поглощенная переживаниями за Мирабель, девушка только сейчас обратила внимание на пейзаж соперницы. Идеальные линии, гармоничные тона – сразу видно, Альбина не первый год держит в руке кисти. На ее фоне шансы несчастной Мирабель стремились к нулю. И ведь никак ей не поможешь, поздно якобы нечаянно задеть ножку мольберта.

– Великолепно! – донеслись до Ефимии слова императора. – Матушке понравится.

– Рада буду доставить ей несколько приятных минут, – зарделась Альбина. – Надеюсь, моя скромная мазня понравилась и вашему величеству.

– Увы, я не большой знаток, миледи, – развел руками Варден.

– Как и все мы, – стрельнула глазами леди Хаскейн и неожиданно посмотрела на Ефимию. Может, ты и получила приглашение, но конкурс выиграю я. – Однако необязательно обладать специальными знаниями, чтобы оценить предметы искусства, достаточно врожденного хорошего вкуса.

– Безусловно, – кивнул император. – И вы наделены им в полной мере.

Альбина застенчиво опустила взгляд. Она торжествовала.

И вот осталась только Мирабель. Последняя. Затем Варден подумает немного и вынесет вердикт. Сегодня кто-то отправится домой.

Ефимия мысленно сжала кулаки. Ей не хотелось терять подругу. Но все в руках императора.

– Хм... Оригинально! – требовалось что-то сказать, чтобы поддержать насмерть перепуганную кандидатку.

Склонив голову набок, Варден гадал, что перед ним: кусты, небо или просто клякса.

– Я старалась, ваше величество, – едва размыкая губы, выдавила белая как полотно Мирабель.

Несомненно, она не справилась, но что-то мешало императору исключить девушку из отбора. Если на то пошло, пятно-дерево ничуть не лучше. Сложный предстоит выбор!

Почесывая подбородок, Варден встал так, чтобы видеть все полотна. Ему не нравилось ни одно, даже творение Альбины Хаскейн. Император предпочитал натюрморты и марины.

– Ну? – он обратился за помощью к секретарю.

Чужое мнение не помешает. Да и Моран смыслил в искусстве больше его.

– Я бы посоветовал вашему величеству выбирать сердцем. – Секретарь ловко ушел от ответа.

Варден нахмурился. Опять ответственность переложили на его плечи! Хорошо, тогда он оценит самих девушек, а не их мазню. Вон та из кожи вон лезла, чтобы ему понравиться. У другой противный голос. Третья... Святые угодники, так он выгонит половину претенденток!

– Блондинка с кляксой цвета детской неожиданности, – наконец определился монарх. – С розовой лентой.

Секретарь кивнул:

– А наградить?..

– Синюю ленту, разумеется. Тут и спорить не о чем.

Моран от лица императора огласил результаты и сделал запись в карточке сиявшей от гордости Альбины.

Варден поморщился и отвернулся.

Ну конечно, блондинка расплакалась! Такая жена ему точно не нужна: монарх не терпел истерик.

– Значит, не ошибся, – пробормотал он и быстрым шагом покинул галерею.

Стоило императору со свитой удалиться, как картинная галерея превратилась в пчелиный улей. Девушки разбились на группки, активно обсуждая первый конкурс. Никто не спешил утешить проигравшую, наоборот, все радовались, что не оказались на ее месте. Бедняжка в одиночестве рыдала в уголке. Глаза ее опухли, помада размазалась по лицу.

– Я думала – умру! – по секрету призналась подругам Мирабель. – По взгляду поняла: дела мои плохи.

– Ты хорошенькая. – Элизабет оглянулась, бросила короткий оценивающий взгляд на проигравшую блондинку. – А Стелла вульгарна, как ее мазня. Только глянь на ее лицо! Разве ей дашь восемнадцать? Все двадцать пять!

Мирабель промолчала. Она не желала глумиться над неудачницей.

– Не повезло Альбине! – Глаза Элизабет отыскивали победительницу испытания. – На ужин позвали не ее.

– Не на ужин, а на чай, – поправила Ефимия.

Ей внезапно пришло в голову, что Варден выделил ее из-за Ленара. Если так, не станет ли первый министр вечером третьим лишним?

Девушка тряхнула головой, отгоняя видение серых глаз. Графу ее не запугать. Он мог сколько угодно следить за ней, подстергать в парке, Ефимия не отступится.

Наследница генерала Брока улыбнулась. А ведь Ленар не сможет проверить, правдивы ли ее доклады. Если он расспрашивает о настроениях среди участниц, у него нет шпионов на конкурсе. Раз так, Ефимия состряпает пару сказок и получит доступ к архивам. Если граф обманет и заберет слово, не обидно.

– У тебя такой загадочный вид!

Ефимия моргнула и сфокусировала взгляд на неслышно подошедшей Альбине. Она выглядела чуточку раздосадованной. Ну да, несмотря на запись в карточке и чистую победу в испытании, Варден предпочел другую.

– Решаю, что надеть для вечера, – солгала Ефимия.

Альбина промолчала, лишь окинула ее скептическим взглядом. Ефимия не сомневалась, что бы она ни надела, леди Хаскейн ее

раскритикует.

Появление Эммануэля положило конец разговорам. Все, не сговариваясь, усталились на Стеллу.

– Леди, прошу вас.

Мажордом без лишних слов увел несчастную. Через пару часов она покинула дворец, увозя полные нарядов чемоданы и разбитые надежды.

В покоях Ефимию поджидал еще один сюрприз – записка от графа Лемара. За всей этой суетой она успела забыть о приезде сына Агнешки. Идрис сообщал, что завтра наведается во дворец, и выражал надежду встретиться с леди Феррир. Он именно так и написал – надежду, хотя между строк читалось совсем другое.

Спрятав послание в декольте, Ефимия крепко задумалась. С одной стороны, соблазнительно обсудить с Идрисом план по смещению Лемара, с другой, – не слишком ли она рискует? Особенно теперь, когда первый министр раскрыл ее инкогнито, а император в кои-то веки обратил свое внимание. Вдобавок Эммануэль наверняка прочитал записку. Интересно, кому он о ней доложил?

Ефимия с ногами забралась в кресло и устала на часы. До вечернего чая целых три часа – достаточно, чтобы принять решение.

На каминной полке лежал рисунок – тот самый, который недавно оценивал Варден. Взгляд снова и снова утыкался в него, и Ефимия придумала. Отыскав карандаш, она нацарапала поверх рисунка цифру «девять». Оставалось надеяться, Идрис догадается, придет в нужное время в нужное место. Увы, назначить свидание другим способом Ефимия не могла, пригласить его в свои апартаменты – тем более. А так, подумаешь, рисунок! Чтобы Эммануэлю или кому-нибудь еще не пришло в голову с пристрастием изучать ее розовый боскет, девушка сочинила коротенькое письмо. Она похвасталась приглашением на аудиенцию к его величеству и в качестве благодарности дарила Агнешке Блеккуок принесший удачу этюд.

* * *

Чем ближе стрелка часов подползала к заветной цифре, тем сильнее нервничала Ефимия. Она перемерила все свои платья, но так и

не смогла определиться. К императору надлежало явиться одновременно скромно и подчеркнув достоинства – есть над чем поломать голову. Досталось и служанке. Ефимия сорвалась на нее, когда несчастная, по мнению претендентки, сделала два разных локона.

– Что со мной происходит? – Запершись в ванной комнате, девушка уставилась на собственное отражение. – Я приехала сюда, чтобы получить место гувернантки, а теперь вместе с остальными грызусь за внимание императора.

Зеркальная Ефимия промолчала. Глаза ее лихорадочно блестели, на коже безо всякой косметики проступил румянец. Плеснуть бы на лицо холодной воды!.. Ефимия пожалела старания горничной и не стала.

Совсем другая, совсем чужая. Прежняя Ефимия Брок заплетала волосы в косу и носила закрытые серые домашние платья. Новая облачилась в зеленое платье со сложным воротником, сколотым брошью, и зачесала наверх завитые волосы.

Стук в дверь и робкое: «Пора, миледи!» – возвестили о том, что время вышло.

Выйдя из ванной комнаты, Ефимия оторопела. Она не ожидала застать целую свиту. Неужели нельзя было просто прислать слугу, на худой конец, Эммануэля? Последний здесь тоже присутствовал, командовал эскортом. Наличие среди сопровождающих стражника Ефимии не понравилось, но она спрятала тревогу за улыбкой.

– Миледи обворожительна! – выдал дежурный комплимент Эммануэль. – Вы готовы?

Девушка кивнула и бросила последний взгляд в зеркало туалетного столика. Короткий вздох, и вот она уже шагает рядом с мажордомом по анфиладам и переходам дворца.

– Существуют какие-то особые правила, запретные темы при общении с его величеством? – Лучше узнать о таком заранее.

– Только ваш здравый смысл. Вам повезло, его величество в хорошем настроении.

Ефимия заломила бровь, но промолчала. Так и подмывало спросить, что делать тем, кому не повезет. Наверное, молчать, чтобы не раздражать императора звуком своего голоса. Но вскоре девушке

стало не до смеха. Оказавшись перед дверьми императорского кабинета, она дышала через раз. Куда только делась былая смелость!

– Ну же! – сказал Эммануэль. Ефимия не ожидала от него ободрительной улыбки. – Миледи обязательно понравится его величеству.

Помоги, святой Верасий!

Постучав и получив дозволение войти, Ефимия переступила порог.

Варден поднял голову на звук шагов и, отложив письмо, встал из-за стола.

– Простите, не успел управиться с делами. Подождете немного? Я закончу, и мы выпьем чаю.

Ефимия кивнула и, помедлив, опустилась на диван. Не стоять же посреди комнаты, словно монумент на площади! Император не возражал, наверное, даже не заметил. Он снова склонился над сукном и что-то быстро писал.

– Ну вот! – Варден довольно отложил перо. – Теперь я в полном вашем распоряжении.

Промокнув, монарх убрал бумаги в ящик стола и поднялся. Следом, словно тень, встала Ефимия. Пульс ее участился до предела, сердце билось где-то в ушах. Когда пальцы Вардена коснулись ее локтя, у девушки на миг перехватило дыхание. Император так близко! Но она держала лицо, словно каждый день общалась с ему подобными, а не провела полжизни в провинциальной глуши.

Чайный столик сервировали в небольшой гостиной, выходящей окнами на парк, так, чтобы любоваться закатом. Ефимия оценила выбор места для свидания. Отбор отбором, а вышло романтично. Последние лучи уходящего дня золотистыми полосами ложились на пол, подсвечивали гардины. Варден предложил взять чашки и за терпким напитком проводить солнце.

Они стояли рядом. Захоти Ефимия – без труда коснулась бы императора. Он смотрел на парк. Девушка – тоже, не решаясь прервать чужую задумчивость.

– Возможно, я покажусь вам банальным, – Варден наконец оторвал взгляд от ровных линий аллей, – но не расскажете ли вы о себе? Все, что посчитаете нужным, любые факты, пусть даже смешные и незначительные.

Девушка крепко задумалась и сделала глоток чая.

– Боюсь, я самое невзрачное существо на свете, ваше величество, – пошутила она. – Никаких тайн, никаких редких увлечений – все как у всех. Я из графства Орой. Род наш древний, но бедный. Зато каждый верой и правдой служил короне. У меня есть младшая сестра. Она очень жалела, что не сможет увидеть ваше величество. Я обещала ей в деталях описать каждую мелочь. Она еще маленькая, ваша величество.

Сложно было начать, потом слова полились рекой. Ефимия говорила обо всем и ни о чем, не называла имен, но практически не лгала. Голос ее звучал ровно, спокойно. Девушка словно мысленно обратилась к далекому дому. Она действительно думала о матери, Анне, тете и ради них старалась сыграть максимально правдоподобно.

– А о чем мечтаете вы?

Варден поставил чашку на консольный столик и теперь в упор смотрел на Ефимию.

– Если скажу, что о вас, то солгу. Если скажу, что выигрыш мне безразличен, – тоже. Я думаю о том, как произвести благоприятное впечатление, но вместе с тем остаться собой.

– Вам это удалось, – улыбнулся император. – Не думайте о моей короне, считайте меня... Скажем, обычным графом.

Ефимия вернула улыбку:

– Постараюсь, ваше величество. В таком случае можно мне попробовать пирожные? Они кажутся такими вкусными.

Монарх рассмеялся и отодвинул девушке кресло.

Общаться с Варденом оказалось проще, чем изначально предполагала Ефимия. И одновременно опаснее. Она и не заметила, как разболтала ряд своих секретов. Например, название любимой книги и имя сестры. Последнее волновало девушку больше всего. Она успокаивала себя тем, что Анна – имя распространенное, и Варден не подумает связать его с бароном Броком. Вдобавок Ефимия ни словом не обмолвилась о наличии братьев и смерти отца. Но все равно нельзя притуплять бдительность. Она слишком увлеклась пирожными.

Поболтав с ней о всяких мелочах три четверти часа, Варден проводил девушку до дверей.

– Рад буду увидеть вас снова, – на прощание произнес он и поцеловал Ефимию руку.

После вызвал слуг.

Оставалось только гадать, что все это значило. Или прочитать комментарий в карточке – император ее вернул. «В любом случае я не опозорилась и не подвергла себя опасности», – подумала девушка. Вроде она понравилась императору. Или он вежлив со всеми?

Глава 15

Пальцы Ленара Горзена ловко перебирали бумаги, не хуже клерка в банке. Глаза хаотично выхватывали обрывки фраз. По ним он пытался угадать, стоит документ внимания или нет. Прошения, докладные, жалобы... Принять, рассмотреть, отклонить – и так по кругу.

Сегодня Ленар выдержал сложный бой. До хрипа, почти как бойцовский пес, вцепляясь в горло, бился с министрами за каждую букву. И ведь выиграл. Закон приняли именно с его поправками.

«А ведь потом скажут!..» – с непонятной мрачной тоской промелькнуло в голове. Чем выше ты забрался, тем меньше тебе прощают. И дружба с императором – не благо, а наказание.

– Я заработался. – Ленар сцепил пальцы в замок над головой и откинулся на спинку кресла. – Вот и лезет в голову всякая дребедень.

Прошений накопилось много. Лишь десятая часть желающих могла попасть к графу в приемный день, остальные оставляли просьбы и предложения в письменном виде у секретаря. Не обошлось без помоев. Ленар привык к ненависти и упрекам. Складывалось впечатление, что он лично повинен в лишениях всех дворянских семей Рдожа. Единственный грабил торговцев и банкиров, присваивал средства, выделенные на ремонт дорог и мостов. Но, отбросив эмоции авторов, с их бедами надлежало разобраться, передать записки в соответствующие ведомства.

– Вардену еще хуже! – усмехнулся Ленар. – Народ считает императора этакой проекцией Создателя на земле. У нас же как заведено: если жаловаться, то на самый верх, даже если речь о сломанной калитке.

Граф мельком глянул на часы: одиннадцать. Дворец медленно засыпал, а он все никак не мог потушить свечу.

Ухо уловило странный звук. Сначала Ленар принял его за мышь и мысленно отчитал прислугу. Однако вскоре звук повторился. Он исходил от двери. Заинтригованный граф отложил стопку с неразобранными письмами. Его взяло любопытство: что за робкий посетитель пожаловал на ночь глядя? Секретаря он отпустил, еду и

напитки не заказывал, поэтому слуги исключаются. Если бы Ленар понадобился Вардену, постучались бы, а не скреблись. Разве только маркиза Плее явилась вызволить его из бумажного плена и увести в гнездышко любви. Чрезвычайно заботливо с ее стороны!

– Катарина?

Он с улыбкой распахнул дверь, уверенный, что увидит любовницу, и оторопело уставился совсем на другую девушку.

– Вы?

Ефимия отступила на шаг и потупила взор.

– Ну проходите! – Ленар посторонился, искоса наблюдая за гостьей. – В чем на этот раз хотите признаться? Или решились довести месть до конца?

За усмешкой притаилась тревога. Ефимия Брок не из тех, кто приходит пожелать доброй ночи, она вполне могла спрятать кинжал в складках юбки. Но граф не привык скрываться от опасности. Вдобавок утомленный работой мозг нуждался во встряске, всплеск адреналина мгновенно привел его в чувства. Словно и не было долгих часов, проведенных за столом! Ленар ощущал звенящее напряжение в мышцах. С глаз спала пелена; он превратился в охотника. Или таки дикого зверя – кто на кого собирался охотиться?

– Я буквально на минутку, милорд, – оправившись от первоначального смятения, деловито заверила Ефимия. – Хотела поблагодарить и передать вам вот это.

Она протянула сложенный вчетверо лист бумаги.

Ленар испытал легкое разочарование. Не кинжал, а очередная бумажка!

– Что это? – Он взглядом указал на лист в ее руке.

– Моя часть договора.

Поколебавшись, Ефимия вошла: не обсуждать же подобные вопросы на пороге! Она гулко сглотнула, услышав звук захлопнувшейся двери. Теперь девушка отрезана от мира. Что ее ждет в обители врага? Но чем сильнее страх сжимал горло, тем выше поднимался подбородок Ефимии. Она не позволит графу торжествовать, не выкажет слабости.

– Присядьте.

Ленар развернул кресло для посетителей боком к столу и, не глядя, сгреб остатки прошений в нижний ящик стола. Хватит! У него

окончательно пропало желание разбираться с чужими проблемами, зато безумно хотелось выслушать Ефимию Брок. Граф изнывал от нетерпения. Давненько ему не преподносили сюрпризов!

Чуть помедлив, Ефимия опустила на предложенное место и положила бумагу на стол.

– Помнится, вы обязали меня докладывать о каждом вздохе участниц отбора. К сожалению, пока мне не удалось подслушать ничего серьезного...

– И вы ради этого ночью пришли ко мне? – изумился Ленар.

По лицу Ефимии пробежала тень. А еще мимолетное чувство иного рода, которое он не успел уловить.

Девушка стиснула пальцы на коленях и, глядя в стену прямо перед собой, ответила:

– Ночью безопаснее. Не хочу, чтобы меня видели...

Она запнулась и с легкой ноткой презрения продолжила:

– Здесь.

Ленар покачал головой:

– Боюсь, так вы привлекли еще больше внимания.

Глаза Ефимии вспыхнули. Она резко вскочила и подалась вперед, заставив графа инстинктивно отшатнуться. Пальцы Ефимии сжались в кулаки. Ленару показалось, сейчас она его ударит, вцепится в лицо, как тогда, в первый раз, но девушка пересилила себя. В последний раз испепелив врага небесным огнем глаз, она отступила. Пальцы неохотно разжались, руки скользнули вдоль тела.

– Только если милорд станет распространять гнусные слухи. – Голос Ефимии звучал глухо – сказывались сдерживаемые эмоции. – Никто другой в здравой памяти не поверит, будто я могла прийти к вам на свидание. Особенно после чаепития у его величества.

Именно так, нужно говорить спокойно, с позиции равного. И сделать все, чтобы Ленар Горзен поверил, будто на том листке бумаги есть что-то стоящее, подписал заветный допуск.

– Чаепития? – Ленар сложил губы буквой «о» и одобрительно кивнул. – Что ж, поздравляю!

Ефимия нахмурилась и изумленно уточнила:

– Как, это не вы? Вы не знали?

До последнего момента она была убеждена, что именно первый министр все подстроил, однако его удивление выглядело искренним.

Ленар даже языком цокнул. Выходит, император выбрал ее сам. Подумать только! Поневоле вспомнишь о злобном шипении тетки, утверждавшей, будто в Ефимии все слишком: и рост, и глаза, и волосы. И задумаешься о словах императрицы-матери при первом знакомстве. Может, это ее рук дело?

– Нет. Увы, сегодня мне не до отбора. Так вот за что вы жаждали меня поблагодарить! – вдруг осенило его.

– За что же еще! – вновь сверкнула глазами девушка и медленно опустилась в кресло. – Явно не за прочие ваши поступки.

В кабинете ненадолго воцарилось молчание.

– Да, этак мы ни до чего не договоримся! – сокрушенно вздохнул граф и, обойдя Ефимию, устроился за столом.

Взгляд его упал на одинокий белый прямоугольник – донесение Ефимии. Ленар задумчиво поднял его, развернул. Девушка затаила дыхание, напряглась и невольно подалась вперед, прожигая глазами пальцы графа. Разумеется, он заметил и все понял. Губы Ленара тронула легкая усмешка. Он разгладил лист и в упор посмотрел на Ефимию:

– Мне это читать?

– Нет.

Раздосадованная девушка отвернулась. Ее план провалился. Ожидаемо. Глупо было надеяться, что накопившаяся за день усталость и напор ночной гостьи сломят первого министра. В итоге Ефимия сделала только хуже. На месте Ленара она позвала бы слугу и с позором водворила ее обратно в крыло претенденток, а наутро вышвырнула из дворца. Для снятия с конкурса и предлога бы искать не пришлось: девушка сама наведальась к мужчине ночью. Как, с какими целями, уже неважно. Однако у Ленара были иные планы на ее счет, иначе почему колокольчик до сих пор молчал?

– Блеф и интриги не для новичков, миледи. – Да, безусловно, он мог ее наказать, только не понимал прелести победы над слабым. – Чем вы хотели заниматься, какие планы строили до того, как начали меня ненавидеть? Или уже в детстве сшили куклу, назвали ее моим именем и щедро пичкали иголками?

Ефимия виском ощущала его тяжелый взгляд, но не могла заставить себя обернуться. Внезапно стало стыдно, до слез.

– Нет, – только и смогла выдавить она.

Как ему все объяснить, да и стоит ли? Ленару не понять противоречивых чувств, раздиравших ее душу. Она не ненавидела его. О, тут было все гораздо сложнее! Ефимия мечтала поквитаться за родных и одновременно страшилась минуты, когда сердце графа перестанет биться. Вовсе не из-за неизбежной расплаты – из-за того, что больше никогда его не увидит. Она презирала себя, но и сегодня, рискуя репутацией, пришла не только ради глупого блефа – чтобы в последний раз посмотреть на него и выкинуть из головы. Убедиться, что он мерзкое, корыстное существо. Одним словом, первый министр. И вот Ефимия пришла... Стало только хуже.

Ефимия уронила голову на руки. От резкого движения наспех заколотые волосы рассыпались по плечам. Плечи дрогнули и поникли. Однако девушка не плакала. Стиснув ткань домашнего платья, она гадала, как исправить и без того патовую ситуацию.

– Ну, и кто вас науськал? Мать?

Ленар в упор смотрел на гостью, не зная, как с ней поступить. Падавшая на бровь, щекотавшая губы прядь мозолила взгляд. До зуда в пальцах хотелось встать и поправить ее. И граф не стал отказывать себе в маленьком удовольствии. Памятуя прошлый опыт, он действовал максимально медленно и осторожно, однако Ефимия все равно отшатнулась. Спасибо, не ударила.

– Милорд?

В глазах ее застыл страх. И что-то еще.

Ленар нахмурился, замер над ней. Девушка испугалась не его самого – его прикосновения. Возможно, дело не только в ненависти. Мысль пришла и ушла, смятенная насущными делами.

– Определитесь с ролью, миледи, и думайте об отборе, – посоветовал граф.

Он порядком устал от Ефимии Брок, мечтал принять ванну и наконец выспаться. Последнего не случилось с ним... Ленар задумался, подсчитывал. Две недели. Пора разорвать порочный круг. Ясность ума идет под руку со сном.

– Ладно, положим, вы меня убили: закололи или отравили. Что дальше?

Граф уперся поясницей о стол. «При благородной даме он бы не посмел», – промелькнуло колкое замечание в голове Ефимии.

– Дальше? – недоуменно переспросила она. – Боюсь, я не понимаю вас, милорд.

– Что и требовалось доказать, – развел руками Ленар. – Никакого плана, одни эмоции.

Ефимия в который раз отвела взгляд.

О, если бы он знал, сколько эмоций! Сегодня она точно не заснет. Хватило бы императора, а теперь еще Ленар Горзен станет вторгаться в ее мысли. У него усталый вид и покраснели глаза. В приемной тишина, свет потушен, а граф по-прежнему на посту. Нельзя столько работать!

Ефимия охнула. Она только что пожалела врага!

– Вы как на иголках.

Ленар прошел в опасной близости от нее и открыл неприметный шкафчик. Девушка ожидала чего угодно, но не того, что он нальет ей выпить.

– Нет.

Ефимия решительно отстранила протянутый – фужер.

В серых глазах блеснули искорки.

– Боитесь, что отравлю? – усмехнулся Ленар. – Полно, есть куча более простых способов избавиться от вас. Или вы страшитесь другого, мистрис?

Это «мистрис» стало холодным душем, привело Ефимию в чувство. Смущение и неловкость исчезли, девушка вспомнила, зачем она здесь.

Ефимия поднялась и указала на письменный – прибор:

– Архив, милорд. Больше мне ничего не нужно. Вы же невиновны.

Она хотела задеть, вложила в последнюю фразу достаточную долю скепсиса и добилась своего. Со стуком поставив бокал на край стола, Ленар вытащил чистый лист бумаги. Он написал половину фразы и резко остановился, поднял взгляд на Ефимию. Она снова бросила ему вызов и снова выиграла. Как такое возможно?

– Не вам ставить условия.

Черновик записки полетел в корзину для мусора.

Губы Ефимии дрогнули в усмешке.

– Даже не сомневалась. Милорд – трус.

Этого Ленар уже не смог стерпеть. В мгновение ока выбравшись из-за стола, он стиснул плечи Ефимии, прижал ее к стене, едва оставив

свободное пространство для дыхания. Пальцы впились в кожу, лицо разгневанного графа оказалось в считанных сантиметрах от лица дерзкой кандидатки. Однако она не испугалась, разве только сначала, от неожиданности.

– Милорд – трус, – словно издеваясь, повторила Ефимия и, дернув плечом, потребовала: – Немедленно отпустите меня!

Ленар широко улыбнулся:

– И не подумаю.

Наоборот, он еще сильнее вжал ее в стену.

Казалось, сердце Ефимии билось в нем самом, такое горячее, быстрое. Внешне девушка сохраняла былое спокойствие, но жилка на ее шее подрагивала, билась часто-часто. Его бедра касались ее бедер, его грудь – ее груди. Если бы граф только знал, в какое смятение привел противницу! Прежде ни один мужчина не был столь близко, и Ефимию накрыло море противоречивых ощущений. Стыд, страх, возмущение, желание – все смешалось в одном котле, порождая гремучую смесь.

Девичьи колени дрожали. Позвоночник окаменел. Она смотрела Ленару в глаза, хотя безумно хотела опустить глаза ниже. Скольких он целовал? Каковы его губы на вкус? Был бы он груб или смягчился?

События минувшего вылетели из головы, Ефимия жила одним моментом, здесь и сейчас.

Вот он наклонился, оказался еще ближе...

Девушка затаила дыхание и облизала губы.

Думать только об императоре. Она понравилась Вардену, он сделал запись в ее карточке. Не помогло, и Ефимия закрыла глаза, чтобы хотя бы так обрести спокойствие.

Из-под пальцев Ленара по телу разбегались волны дрожи. Кровь отлила от лица Ефимии, сосредоточилась где-то внизу живота.

Почему, почему он такой? Зло обязано быть уродливым, обязано!

– Хм!

Дыхание графа подняло волоски на ее теле. Она так остро ощущала его и совсем утратила возможность мыслить. Ефимия сдавленно ахнула, когда, удерживая на месте одной рукой, другой Ленар откинул волосы с ее лица.

– Хм! – глубокомысленно повторил он уже без прежнего раздражения.

Взгляд первого министра тоже изменился: оттаял, подернулся дымкой. Уловив перемену его настроения, Ефимия отважилась приоткрыть один глаз и предприняла еще одну попытку сбежать.

– Отпустите меня, милорд!

Ленар только улыбнулся. Он играл с ней как кот с мышкой. И держал уже не так крепко, но не позволял шелохнуться.

– Какая ж вы все-таки лгунья! – наконец произнес граф.

Его палец коснулся ее нижней губы. Сердце Ефимии мгновенно подпрыгнуло к горлу и в следующий миг сорвалось с обрыва: он поцеловал ее. Без тени сомнения, легко, будто проделывал это с ней сотни раз.

У Ефимии словно выбили пол из-под ног. Вроде она сопротивлялась, а Ленар не брал с боем, но губы в итоге разомкнулись, неловко, робко.

Горячо, сладко и горько.

Только бы не отпускал, только бы целовал вечно!

– Вы получите пропуск, – оторвавшись от ее губ, пообещал граф. – Только больше никогда так не делайте.

– Как? – надтреснутым голосом переспросила Ефимия.

Мир по-прежнему напоминал расстроенный калейдоскоп. Рваное дыхание толчками поднимало грудь.

– Не играйте со своей репутацией. Я не намерен наказывать вас за наперстянку, не собираюсь разглашать вашу настоящую фамилию, поэтому это вот все, – взгляд Ленера многозначительно остановился на ее губах, – без надобности.

Девушка вспыхнула и толкнула Ленера в грудь. Тот покорно отступил.

– Вы решили, будто я явилась вас соблазнить? – прошипела Ефимия.

Сейчас она снова походила на дикую кошку, ту самую, которая в ночь бала клялась ему в вечной ненависти.

Да, он так подумал, но уже понял, что ошибся.

– Вы!..

У Ефимии не хватало слов, чтобы выразить свое возмущение. Она наклонилась, чтобы подобрать шпильки, и быстрым шагом направилась к выходу. Однако Ленар перехватил ее ладонь на ручке двери.

– Простите, миледи.

Он тут же убрал пальцы, но Ефимия осталась, готовая выслушать.

– Я повел себя сомнительным образом. Ваш визит... Если позволите, я провожу вас: все-таки ночь.

Девушка молчала. Ленар слышал ее шумное дыхание, видел румянец щек и недоумевал, как мог так опростоволоситься. Ефимия Брок не опустилась бы до соблазна. Она особенная. И это портило весь расклад. Граф банально не знал, как с ней поступить, чего от нее ожидать.

– Спасибо, я дойду сама.

Только не смотреть, только не смотреть на него!

Со стороны Ефимия казалась нелепой, всячески избегала Ленара, но какого еще поведения он ожидал? Благодарности за поцелуй? Надо было дать ему пощечину, добавить новых царапин на лице, но время упущено.

– Почему вы простили это?

Ефимия указала на щеку графа. В нужные минуты она умела брать себя в руки. Голос обрел былую твердость, в него закрались нотки сомнения. В самом деле, мягкость первого министра слишком подозрительна.

Ленар пожал плечами:

– Не привык воевать с женщинами. Поздно уже, – напомнил он и распахнул дверь. – Если не желаете, чтобы я проводил вас, я попрошу караульного.

– Вот уж нет! – фыркнула Ефимия. – Я ведь не арестована, милорд?

Граф покачал головой.

– Прекрасно, тогда доберусь сама. В качестве извинений жду завтра подписанный вами пропуск.

Вот бесовка, она таки выиграла очередной бой! Как только удалось? Еще пару минут назад Ленар поставил ей шах, а теперь получил сокрушительный мат.

– Я подумаю, – уклончиво ответил он.

Дверь за Ефимией захлопнулась, а ее запах остался.

Девушка напомнила Ленару о временах его юности, прекрасной Диане, которую он так и не отважился поцеловать. А если бы сумел, ее губы наверняка походили бы на губы Ефимии.

– Розовая глупая молодость! – потрянул головой граф, переносясь в настоящее.

Он подошел к столу, достал просмотренные бумаги, однако возвращаться к письмам не хотелось. А чего хотелось? Ленар и сам не знал. Впервые он толком не мог сформулировать свои мысли.

Для порядка просмотрев имена отправителей, первый министр наткнулся на конверт без подписи. Черный конверт. Заинтригованный, он вскрыл его. На стол выпал плотный лист с лаконичной надписью посередине: «В следующий раз я не ошибусь. Считаю Эрнестину Ласси предупреждением».

Глава 16

Покусывая губы, Ефимия нервно прохаживалась вдоль боскета. За прошедшие полчаса она успела досконально изучить каждый бутон, каждый пожухлый листик. Если Идрис задержится еще немного, девушка пересчитает песчинки.

Какого труда ей стоило вырваться на прогулку одной, не попасться никому на глаза! Если кто-то застанет ее возле боскета, сразу поймет, Ефимия не просто дышит воздухом, а ждет кого-то.

А вдруг граф Лемар не придет? Вдруг он не разгадал посланный ему ребус?

Ефимия остановилась и вытерла вспотевшие ладони о юбку. Она сама не своя, с прошлого вечера не способна сосредоточиться. Вот и сегодня на занятиях позорно перепутала персону «грата» и «нон грата».

Тот поцелуй... Зачем, зачем Ленар ее поцеловал? Создатель, из Ефимии словно душу высосали! Его губы, его дыхание – способна ли она думать о чем-нибудь другом? Тогда, вырвавшись из кабинета, Ефимия всю дорогу бежала. Она задыхалась до рези в ребрах. А после... После мечтала о нем.

Серые глаза, теплые губы, линия подбородка, скулы – все по отдельности вызывало душевный трепет, заставляло сердце биться чаще, разливая по телу живительное тепло, но все вместе... Ленар Горзен по-прежнему оставался первым министром, возможным виновником гибели отца. Ефимия горько усмехнулась. Возможным! Ну вот, она поддалась чарам Ленара и начала сомневаться.

Первый министр не обманул, через Эммануэля передал ей пропуск в секретный архив. К нему прилагалась записка со строгими правилами поведения. Во-первых, Ефимия могла бывать там исключительно в свободное от занятий и испытаний время, но не задерживаться позже одиннадцати вечера. Во-вторых, ей запрещалось посещать другие секции архива. Выходит, к ней приставят соглядатая. Плевать, ведь скоро так и так ее тайна перестанет быть таковой. Если Ефимия дойдет до финальной части отбора, император в обязательном порядке затребует ее родословную, наведет подробные справки о

семье, даже об истории болезни дедушки. Никакая Агнешка Блеккуок не поможет: слишком многих людей придется подкупить, слишком много документов сфабриковать. Вдобавок придется нанять актеров, чтобы они сыграли роль родственников Ефимии. Графиня на это не пойдет, не станет рисковать.

Девушка в очередной раз пригладила волосы и бросила короткий взгляд на яркий огненный шар. Перед закатом солнце слепило необыкновенно, напомидало глаз неведомого зверя.

– Давно ждете?

Ефимия подпрыгнула на месте и обернулась на голос. Идрис Блеккуок, граф Лемар, стоял прямо у нее за спиной. Сняв одну из перчаток для верховой езды, он сжимал в пальцах рисунок. Крайне неосмотрительно! С другой стороны, как еще Идрис мог отыскать нужное место?

– Добрый вечер, милорд. – Ефимия приветствовала его легким реверансом. – Спасибо, не очень.

Она намеренно соврала. Какая разница, сколько ждать, главное, дожждаться.

– Я опасалась, вы не поймете...

Ефимия двинулась вперед по дорожке, надеясь, что Идрис последует за ней. Густые бордово-лиловые тени ложились ей под ноги, делили фигуру ровно пополам, на свет и тьму.

– Напрасно! – с саркастическим смешком ответил граф. – Если я стал тем, кем я стал, то не могу оказаться глупее девицы на выданье.

Ефимия проглотила оскорбление. Он ведь понятия не имел, кто перед ним, полагал, мать пригрела дочку худородного дворянина.

– Итак, к делу!

Идрис перехватил инициативу в разговоре и заодно завладел рукой девушки. Она не возражала и покорно свернула вслед за ним на одну из боковых дорожек. Закат закатом, но аллеи хорошо просматривались, а репутация претендентки на сердце императора должна остаться безупречной.

– Я слышал о вашем успехе, – сдержанно похвалил Идрис. – Приятно слышать, что матушка не ошиблась.

Вскоре Ефимия убедилась: они не просто прогуливались, а двигались к некой цели. Оказалось, к фонтану. Его не успели отключить на ночь, и звуки падающей воды удачно заглушали голоса.

– Ну вот! – удовлетворенно кивнул Идрис, убедившись, что их не подслушивают, и отпустил девичью руку. – Теперь можем спокойно поговорить. Надеюсь, вы понимаете, что я пришел не засвидетельствовать свое почтение.

Ефимия кивнула и рассеянно опустила ладонь в чашу фонтана. Прохладная вода мельчайшими струями щекотала пальцы.

– Все идет по плану, милорд. Сами знаете, быстро такие дела не делаются.

– Но их можно ускорить.

Девушка улыбнулась:

– Увы, маршал! Одного благосклонного взгляда мало, чтобы нарушить старую дружбу. Но нам повезло, возможно, я нашла кое-что в прошлом нашего общего знакомого. Что-то, что изменит настроение императора.

– Деньги? – Идрис потянулся к кошельку на поясе.

Ефимия покачала головой. За свою месть она не возьмет ни медяка, особенно теперь, когда сомневалась, что та вообще свершится.

– А после, милорд?

Не вынимая руки из воды, девушка обошла фонтан и остановилась позади собеседника. Того явно нервировало ее поведение, но Ефимия не собиралась быть просто безмолвной пешкой. Пусть тревожится, пусть воспринимает ее как равную. Нельзя забраться на сук и не ободрать ладоней.

– О чем вы? – Идрис сделал вид, будто не понимает.

– Что со мной, милорд? Или вы полагали, мне достаточно яркого праздника, возможности попасть во дворец?

Маршал замер с открытым ртом. Он не ожидал подобной смелости от серой мышки. Мать обещала покорное орудие. Мол, бедняжка тиха и скромна, а тут вдруг условия.

– Не ожидали, милорд? – усмехнулась Ефимия.

Она по-прежнему стояла у него за спиной. Идрису приходилось оборачиваться, искать ее взглядом, отныне девушка стала главной в их беседе.

– Признаться, да, – неохотно признался маршал. – Я запомнил вас другой.

– Ну так мне очень хотелось попасть на отбор.

Ефимия звонко рассмеялась. Она немного расслабилась, почувствовав слабость противника. Ей нужно воспользоваться, выторговать выгодные условия для себя и родных.

– Чего вы хотите? – нахмурившись, напрямик спросил Идрис.

Девушка нарочито задумалась, даже запрокинула голову, закатила глаза. На самом деле она все решила пару минут назад, пока обходила фонтан.

– Сразу нескольких вещей. Согласитесь, услуга слишком весомая, чтобы довольствоваться мелочами.

Несмотря на уединенность места, Ефимия предпочитала обходиться недомолвками. Она понимала, за любыми кустами могут притаиться любопытные глаза и уши. Девушка и так рисковала, встречаясь с Идрисом Блеккуоком, но хотя бы избежит обвинения в измене.

– Во-первых, – она начала загибать пальцы, – удачного замужества для младшей сестры. Во-вторых, единовременной крупной выплаты моей семье. Размер мы обговорим после. И, наконец, исполнения одного моего желания. Увы, я не могу огласить его прямо сейчас, но, заверяю, оно вам по силам и по средствам. Жениться на себе я вас точно не заставлю, выдохните, – поспешила успокоить собеседника Ефимия, уловив промелькнувшую по его лицу тень.

Идрис не любил условий от нижестоящих. Еще меньше ему нравилось давать обещания, заранее не зная их сути, поэтому маршал не спешил соглашаться. Он поравнялся с Ефимией и заглянул в ее глаза. В них отражалась решимость и отсветы заходящего солнца. Идрис пожалел, что доверился матери, не присмотрелся к Ефимии в Хайте. Орудие? Ха, эта женщина иного толка!

– Мистрис, – чеканя каждое слово, маршал – попытался восстановить нарушенную дистанцию между ними, – я не собираюсь давать никаких обещаний.

– Прекрасно! – пожала плечами Ефимия. – Я тоже.

Челюсти Идриса сжались, желваки под кожей пришли в движение.

Да как она смеет! Безродная выскочка, которой повезло упасть под колеса кареты его матери!

– Вот как? – Маршал дал ей последний шанс одуматься и нанес удар: – В таком случае я требую возместить понесенные нашей семьей

расходы и немедленно покинуть дворец.

– С чего вдруг?

Ефимия ощутила небывалый прилив смелости. Адреналин бурлил в ее крови, пьянил не хуже выдержанного виски. Она ни капельки не боялась, набросься на нее Идрис с кулаками, дала бы отпор. Куда только подевались остатки волнения! С тем же чувством Ефимия некогда покидала родной дом.

Идрис опешил от подобной наглости и не нашелся что ответить. Зато Ефимия молчать не собиралась. Окрыленная промежуточной победой, она продолжала:

– Наоборот, вам нужно остеречься, милорд, и не дразнить меня. Что, если мне вздумается разоткровенничаться? И ладно, если в кругу претенденток, я ведь могу нечаянно проболтаться перед его величеством, а то и первым министром. Обиженной женщине нечего терять, покидая дворец, я точно молчать не стану.

– Вы не выйдете сухой из воды, – покачал головой маршал и усилием воли расслабил челюстные мышцы.

Он проклинал мать, тот день, когда послушал ее. Женщина к беде не только на корабле, нельзя подпускать слабый пол к политике. Но Идрис так хотел получить вожделенную должность, так тяготился своим положением, что хватался за любую соломинку.

– Но вы пострадаете больше, – парировала – Ефимия.

Огонь в крови постепенно гас, она начинала понимать, в какую опасную игру ввязалась. Но отступить поздно, собеседник не должен видеть ее смятения, почувствовать ее слабость.

– Что я? – вновь пустившись в прогулку вокруг фонтана, вслух рассуждала Ефимия. – У меня ничего нет, сослать дальше Ороя тяжело. Для рудников преступление слишком мало, поэтому меня просто отправят домой. А вот вы... Ваша участь незавидна, милорд. Граф Митас вас уничтожит.

Она ждала и не дождалась сокрушительного контрудара. «Он ничего не знает, не проверил фамилию Феррир!» – с облегчением пронеслось в голове. Раз так, Ефимия победила.

– Вот дрянь! – выругался Идрис.

Девушка улыбнулась, словно услышала комплимент. Маршал признал поражение. Подумать только, она сломила доверенное лицо императора! Отец бы ею гордился. «Я делаю это ради тебя», – шепнула

Ефимия и на пару мгновений воскресила в памяти образ Эвана Брока. Пусть он практически не появлялся дома, не уделял должного внимания детям, предпочитая целыми днями пропадать в казарме или ночевать под открытым небом в очередном походе, старшая дочь его любила.

– Хорошо, я даю вам слово! – не сказал, выплюнул маршал и пригрозил: – Но просто так, за красивые глаза вы ничего не получите.

Крутнувшись на каблуках, он стремительно скрылся из виду.

Ефимия выдохнула и, обессиленная, опустилась на бортик фонтана. Мелкая водная взвесь мгновенно пропитала влагой одежду, но девушке как раз требовался холодный душ. Она выдержала бой и чувствовала себя опустошенной.

Быстрым движением Ефимия ополоснула лицо водой и задержала ладони на коже. Создатель, во что же она ввязалась?! Но отступить уже поздно.

– Занятно! Сначала один мужчина, затем другой. Надеюсь, его величество не поджидает большой сюрприз? – ехидно осведомился незнакомый голос.

Ефимия могла поклясться, еще мгновение назад женщины здесь не было, и вот она уже стоит рядом, насмешливо приподняв уголки губ.

– О чем вы? – сдвинула брови леди Брок, упрямо отгоняя дурные предчувствия.

Она надеялась, незнакомка приняла Идриса за ее любовника. Или женщина все слышала? Сколько она пряталась за живой изгородью? Пару минут, четверть часа? Неверный закатный свет не давал ее толком рассмотреть, но теперь Ефимии казалось, будто она уже где-то видела эту худощавую женщину. Волосы на затылке явно не собственные, шиньон. Свои, вот они, вились мелким бесом.

Катарина в свою очередь тоже пристально рассматривала Ефимию, пытаясь понять, что в ней нашел Ленар. Его интерес слишком очевиден. Сначала граф попросил последить за голубоглазой кандидаткой, потом беседовал с ней в парке, наконец принял у себя в кабинете. Напрасно Ленар полагал, будто Катарина не в курсе его передвижений. Она знала все и не собиралась мириться с ролью одной из многих. Несмотря на то, что Катарина не любила Ленара, она относилась к нему как своей полноправной собственности. Пусть

сначала оплатит оказанную ему благосклонность, а лишь потом отправляется в чужую постель. И, разумеется, Катарина бросит Ленара сама. Когда сочтет нужным.

– Не прикидывайся невинной овечкой! Или заранее подкупила врача? Учти, освидетельствование будущей императрицы пройдет прилюдно, за ширмой. Вдруг его величество тоже захочет посмотреть?

Нападение стало излюбленным приемом Катарины. Она не скупилась на злые слова, не чуралась лжи – на войне все средства хороши. Увы, кроме титула отец оставил ей кучу долгов. Чтобы вести подобающий образ жизни, приходилось крутиться, жалованье фрейлины не покрывало расходов. А тут такая удача – сам Ленар Горзен! Катарина боялась его спугнуть, переборщить с холодностью, и вот, когда рыбка заглотила крючок, появилась какая-то леди Феррир. Маркиза ее даже в гербовнике не нашла, наткнулась только на других Ферриров, род которых по мужской линии пресекался два поколения назад. Дальше Катарина копать не стала, захлопнула толстый талмуд.

Щеки Ефимии стали ровного карминового оттенка, но голос ее не дрогнул:

– Не равняйте всех по себе, миледи. Мне интересно сердце его величества, а не тела всех встречаемых мужчин.

Туше! Сама о том не подозревая, девушка угодила в больное место Катарины.

Маркиза шумно втянула воздух.

– Тогда кто этот мужчина, с которым вы разговаривали?

Однако Ефимию было не так-то просто сломить.

– А кто вы такая, чтобы спрашивать? Подобные вопросы смеет задавать только ее величество вдовствующая императрица. И я охотно ей отвечу, даже в присутствии моего так называемого любовника.

«Дерзка! Ленар любит таких», – пронеслось в голове Катарины. Дурно, перед ней не обычная простушка. И маркиза сменила тактику.

– Пожалейте милорда Горзена! – Она на мгновение доверительно коснулась локотка Ефимии. – Не разрушайте его жизнь.

Девушка нахмурилась. О чем это она? Холодок паутиной оплел сердце. Увы, сумеречное освещение не позволяло разглядеть, что притаилось в глубине зрачков Катарины. Знала ли она или тоже была наугад?

– Не понимаю, о чем вы, – тряхнув головой, повторила Ефимия.

Маркиза напрасно рассчитывала на признание, ей придется изрядно попотеть, доказывая чужую вину.

– Понимаю, – Катарина опустила на бортик чаши фонтана в паре шагов от собеседницы, – Ленар красив, обаятелен. Я сама пала под его чарами. Но я всего лишь фрейлина ее величества, тогда как вы участвуете в отборе. Представляете, как разгневается император, когда услышит о ваших особых отношениях!

– Особых отношениях? – начиная прозревать, переспросила Ефимия.

Ей хотелось расхохотаться в лицо маркизе. Решить, будто они с Ленаром!.. Хотя не так уж она не права, сердце Ефимии действительно билось чаще в присутствии первого министра. Только вот он не выказывал ей никаких знаков внимания, не считая того злосчастного поцелуя, дикого, случайного, нарушавшего все законы логики.

– Заверяю, – испытав облегчение оттого, что снова прошла по острию ножа, продолжила Ефимия, – между нами ничего нет.

– Но вы были у него ночью, – наседала Катарина.

Ленар должен ей серьги – много чего еще, близость с маркизой стоит дороже какого-то кольца!

– Поздно вечером, – бессознательно поправила ее Ефимия.

Тревога вернулась, снова щупальцами оплела горло. Хотя на что рассчитывала Ефимия, разумеется, ее видели, те же часовые, слуги.

– То есть вы не отрицаете? – клещами уцепилась за ее слова Катарина.

– Нет. – Зачем, если десятки человек опровергнут ее ложь. – Признаю, время не самое лучшее, но милорд был занят весь день, я не желала его прерывать. Оставался только поздний вечер. Мне нужен был пропуск в архив, его мог выписать только милорд.

– И все? – не веря, уточнила маркиза. – Мне не семнадцать, чтобы верить в сказки.

– Зато мне двадцать, и я все еще в них верю, – парировала Ефимия и встала. – Спросите у милорда, раз уж вы с ним в близких отношениях. Спокойной ночи, миледи. Мне нужно выспаться перед очередным конкурсным днем.

Вот так, уйти, не оглядываясь, оставив Катарину Плее вариться в котле собственных сомнений. Завтра действительно предстоял

трудный день, нужно успокоиться и попытаться уснуть.

Колкий взгляд Катарини долго сверлил спину. Шестое чувство подсказывало: с маркизой еще возникнут проблемы.

Глава 17

Герцогиня Ласси покинула дворец. Окончательно и бесповоротно. Ее вынесли на носилках, бледную, но в сознании. По такому случаю обитательницы крыла претенденток высыпали на лестницу и, перешептываясь, провожали бывшую соперницу.

– Вот тебе и фаворитка! – Элизабет нервно поправила оранжевую ленту на запястье, повязанную на манер браслета. – Кто бы мог подумать...

Не договорив, она отвернулась, пряча набежавшую на лицо тень.

Зато та же Оливия Дакен сожаления не испытывала. И не одна она – многие провожали Эрнестину победоносными взглядами. Она упустила свой шанс, ей уже не стать императрицей. Зато они, красивые и здоровые, приложат все усилия, чтобы вознестись на самый верх.

– Так и не выяснили, кто ее отравил?

Мирабель предпочиталась держаться во втором ряду, тогда как Элизабет и Ефимия прильнули грудью к перилам, перегнулись через них, чтобы лучше видеть холл.

– В любом случае нам не скажут, – задумчиво пробормотала леди Брок.

Мысленно она обратилась к балу Открытия, снова вспомнила истощный крик Валерии, оборвавший томительное общение с Ленаром. А ведь, увлеченная прошлым, Ефимия едва не забыла о настоящем. Это не несчастный случай, кто-то хотел убить герцогиню. Зачем? Пытался ли он помешать отбору, тогда опасность угрожала абсолютно всем участницам, или метил в семейство Ласси? Ефимия склонялась ко второму. Усиление герцогов Ласси многим бы не понравилось. Может, она и выросла в провинциальной глуши, но понимала, какую опасность для прежней верхушки представляет императрица с могущественной родней.

– Яд подмешали в шампанское уже на балу. Почему бы не Ленар Горзен? – сама того не осознавая, последнюю фразу Ефимия произнесла вслух.

Разумеется, Элизабет услышала.

– О чем ты, Эффи? – нахмурилась она.

– Да так... – Ефимия провела пальцем по гладкой, отполированной мраморной поверхности. – Пытаюсь найти виновного. Но это все чепуха, бред! – улыбнулась она.

– Может быть, – с тем же сумрачным выражением лица согласилась Элизабет, – только очень не хочется стать следующей. Но раз уж ты заговорила о первом министре, надеюсь, ты пожаловалась на него императору?

Ефимия покачала головой.

– Хотя бы написала? – не унималась подруга. – Нельзя же так, Эффи! Он угрожал тебе, обвинял неизвестно в чем...

Поведение Элизабет начинало раздражать, и девушка поспешила поставить точку:

– Граф извинился. Хватит!

Резко развернувшись, она протиснулась сквозь толпу любопытных и зашагала к дверям Зала одалисок. Движения слишком порывисты – Элизабет вывела ее из себя. Подруга лезла не в свое дело. Ей не следовало клеветать на Ленара. Он принадлежал только Ефимии.

Девушка резко остановилась, осознав, что недавно мысленно произнесла:

«Он только ее».

Стоило повторить эту фразу, как по телу разлилась волна горячего блаженства. Она растеклась от горла до кончиков пальцев, искушая, напоминая запретный вкус губ. Поцелуй Ленара сделал Ефимию слабой, заставил забыть об отце, братьях – о себе самой. Хотелось, осмелев, коснуться его кожи, провести ладонью по щеке, по следам, оставленным ее ногтями. А потом прикрыть глаза и позволить Ленару снова заставить сердце пульсировать огненным шаром.

Ефимия мотнула головой, отгоняя морок. Она должна как можно скорее наведаться в архив и как можно меньше встречаться с Ленаром Горзеном. Он сводил ее с ума. С каждым разом Ефимия все меньше думала о мести, все больше верила врагу. Первый министр воистину обладал каким-то демоническим обаянием. Наверное, с помощью него он втирался в доверие, заманивал людей вроде Эвана Брока в ловушку. Только существовала одна маленькая проблема: имперский архив находился в Йенте, неподалеку от Старого дворца. Как добраться туда, не вызывая вопросов? Опять же занятия, конкурсы... Если Ефимия

пропустит хотя бы один, вылетит с отбора. Тогда она точно ничего не добьется.

– Придется идти к Эммануэлю, – озвучила девушка единственное решение. – Попрошу его дать карету.

Она старалась не думать о том, что мажордом может затеять расследование, начать выпытывать, зачем кандидатке вместо занятий потребовалось съездить в город. Скажет, по важному и неотложному делу. Ефимия сознавала, что кучер доложит Эммануэлю об архиве, но уже после поездки, когда она, как надеялась, добудет нужные сведения. Выходит, в столицу нужно наведаться на целый день – второго шанса ей не предоставят.

Как бы сейчасгодились карманные часики! Ефимия видела такие у некоторых придворных дам. Они прикалывали их к лифу платья, соревновались в богатстве отделки цепочек и циферблата. Ефимии же, чтобы узнать время, пришлось добежать до собственных покоев.

Мозг лихорадочно работал.

Общий сбор через час с четвертью. Поговаривали, на этот раз судить испытание станет императрица. Опаздывать категорически нельзя, выходит, у Ефимии от силы сорок минут, чтобы разыскать Эммануэля и убедить его предоставить экипаж. Потом нужно спешно вернуться и нарядиться для конкурса.

– Ты куда?

В общем коридоре Ефимия едва не столкнулась с Элизабет. Сзади тенью маячила Мирабель.

– Ты какая-то странная, Эффи! – Не позволив пройти, подруга ухватила ее за руку. – Признавайся, что ты скрываешь.

– Брось! – Девушка выдавила из себя беззаботную улыбку. – Просто нервничаю и не хочу неприятностей. Легко тебе грозить первому министру, когда твой отец тоже граф! А я девушка безродная, мне не до раздутой гордости. Извинился, и на том спасибо. А теперь прости, я очень спешу.

С трудом вырвавшись из хватки Элизабет, Ефимия заметалась взглядом в поисках слуг: нечего и думать бегать по дворцу, разыскивая мажордома. Комнат здесь столько, что за полжизни не обойдешь. Больше всего она боялась, что Эммануэль отбыл куда-нибудь по служебной надобности или вовсе взял выходной. Однако святой

Верасий не оставил неподпечную – лакей посоветовал поискать мажордома в Розовом зале.

– Только не выдавайте меня, миледи! – помедлив и оглянувшись по сторонам, попросил он. – Нам категорически запрещено говорить о конкурсе с миледи-невестами.

Ефимия удивленно подняла брови, но пообещала молчать.

Вооруженная подробными объяснениями, как отыскать тот самый Розовый зал, девушка отправилась договариваться об экипаже.

К испытанию готовились с размахом. В зале накрыли фуршетный стол. Суетившиеся слуги наводили последний лоск: расставляли цветы по вазам, натирали хрустальные подвески канделябров, спешно расстилали красную ковровую дорожку. Всем этим руководил Эммануэль. Его спина в неизменном черном сюртуке мелькала то там, то тут.

Замерев на пороге, Ефимия гадала, какое испытание им предстоит. Со стороны походило на прием. Вероятно, ее величество разыграет костюмированную сценку по приему гостей. Полезный конкурс – нужно сразу отсеять тех, кто способен только нервно хихикать и строить глазки.

– Что вы здесь делаете? – прошипел Эммануэль.

Увлеченная разглядыванием пирамидок канапе, Ефимия пропустила момент, когда мажордом заметил ее и, временно оставив пост главнокомандующего тарелками и тряпками, поспешил выдворить кандидатку. Однако девушка не ступевалась:

– Ищу вас.

Эммануэль моргнул. Судя по всему, он не мог взять в толк, зачем вдруг понадобился Ефимии за час до испытания.

– Вам запрещено тут находиться. – Мажордом настойчиво, но аккуратно попытался вытолкнуть девушку вон. – Запрещено заранее знать условия испытаний.

– О, вы неправильно поняли! – Леди Брок по-старалась вложить в улыбку все свое обаяние. – Я хотела с вами переговорить, где – совершенно не важно.

На мгновение показалось – откажет, но Эммануэль милостиво кивнул и предложил обосноваться в Восточном кабинете:

– Там вы точно не попадете на глаза кому-нибудь из свиты ее величества. Чудо, что вы разминулись с леди Сомной и бароном

Орсом! Сами понимаете, нарушение правил чревато.

Ефимия понимала. Застань ее кто-нибудь мило болтающей с мажордомом на фоне декораций будущего конкурса, записали бы пару штрафных очков и при первой возможности отправили домой.

Восточный кабинет на время лишил девушку дара речи. Позабыв о времени, она восхищенно рассматривала лаковые панели, непонятные иероглифы, странных дам и кавалеров, нарисованных тушью на обоях.

– Подарок его величеству Деймону Первому от господаря Тайбея в честь заключения торгового договора, – коротко пояснил Эммануэль. – Красное и черное дерево, фарфор, роспись по шелку.

– Красиво!

Ефимия робко коснулась стены. Действительно, шелк!

– Двадцать минут, – вернул ее к реальности голос мажордома. – Вам нужно успеть переодеться, миледи. Так и быть, нарушу правила и посоветую вам выбрать строгий, но парадный наряд.

Девушка поблагодарила за помощь и пару раз вздохнула, не зная, как подступиться к просьбе. Лучше бы обмолвиться невзначай, к слову, но в связи с чем? Не заходить же совсем издалека – с природы и погоды!

– Майстер Дидье, не могли бы вы попросить выделить мне экипаж? – Придется сразу перейти к сути. – Мне нужно в Йент.

– Зачем? – сразу насупился, превратился в «господина Подозрение» мажордом.

Она предвидела этот вопрос и заготовила обтекаемый ответ:

– Возникли срочные обстоятельства. Они связаны с моей семьей. Я осмелилась потревожить его сиятельство графа Митаса, он разрешил.

Эммануэль мог не поверить на слово – да много чего еще, но он кивнул.

– Хорошо. Когда вам нужно ехать?

У Ефимии отлегло от сердца. Все оказалось проще, нежели она полагала.

– Завтра. Я пропущу занятия, уведомите, пожалуйста, преподавателей. Хотя, может, меня сегодня отчислят. Тогда кучеру не придется меня дожидаться.

– Сомневаюсь, что миледи покинет конкурс столь скоро.

Однако не успела Ефимия порадоваться словам мажордома, как он добавил ложку дегтя:

– Разумеется, если не станете впредь вести себя подозрительно. Это, безусловно, не мое дело, но вами интересовался Анри Жерар. Сомневаюсь, будто по собственной инициативе. Я пока никому не говорил о ваших письмах и прогулках, но мне придется это сделать, если спросят.

Сердце пропустило удар, но голос девушки не дрогнул:

– Я не совершила ничего предосудительного, докладывайте смело, мастер Дидье. Раз кандидатки не пленницы, я и впредь стану принимать гостей и гулять по парку. Миледи стоит умерить свою ревность и поискать настоящих соперниц.

Она не сомневалась, именно маркиза Плее наняла того самого Анри Жерара. Для остальных Ефимия – фигура слишком незначительная, чтобы уделять ей столько внимания.

На время отринув условности, Эммануэль усадил девушку на диван и потребовал:

– Рассказывайте!

Ефимия молчала, и он усилил напор, попытался воззвать к ее разуму:

– Поймите, невинные вещи могут привести к плачевным последствиям. Я не только цербер, миледи, я забочусь о вашей безопасности. Кто и к кому вас приревновал? Вам угрожали?

Девушка не собиралась ябедничать, поэтому перевела взгляд на декоративную вазу в виде дракона. Интересно, каким образом стеклодуву удалось сделать подобную вещицу, вдобавок пустить внутри тончайшую золотую нить?

– Так, у его величества официальных любовниц нет, – отчаявшись добиться ответа, Эммануэль принялся размышлять вслух. – Неофициальных...

– Дело не в императоре, – сжалилась Ефимия. – Я имела неосторожность беседовать наедине с первым министром, чтобы получить дозволение отлучиться в столицу, и одна особа решила, будто...

Леди Брок усмехнулась и покачала головой. Знала бы та особа, насколько нелепо ее предположение! Как же маркиза удивится, услышав об истинной причине интереса Ефимии к Ленару! Однако

мажордом не разделял ее легкомысленного отношения к проблеме. На его лице отразилась усиленная работа мысли, но делиться сделанными выводами он не собирался, ограничился лишь сухим обещанием выделить Ефимии провожатого.

– Карету подадут к десяти утра. А теперь, миледи Феррир, вернитесь к себе. И постарайтесь временно ограничить общение с его сиятельством. Я не сомневаюсь в вашей порядочности, но лучше не заводить врагов в свите ее величества.

Ефимии не требовалось называть имя Катарины Плее, чтобы мажордом понял, о ком шла речь. В силу должности Эммануэль первым узнавал многие сплетни. Во дворце шептались о новых рубинах маркизы, о томных взглядах, которые Катарина украдкой бросала на первого министра. Мажордом не сомневался, на ближайшем приеме Ленар официально представит фрейлину императрицы как свою спутницу – так вежливо в свете именовали любовниц. Согласитесь, граф Митас со спутницей звучит не так пошло, как граф Митас с любовницей, такого в приглашении не напишешь.

Просияв, Ефимия рассыпалась в словах благодарности.

– Полноте! – смущенно пробормотал мажордом. – Это мои обязанности.

Окрыленная близостью разгадки прошлого, девушка даже пообещала благодетелю титул, если вдруг станет императрицей. Эммануэль хмыкнул и оправдал ее давние предположения:

– Благодарю, но таковой у меня имеется. Я достаточно долго служу императорской фамилии. Однако не стану обижаться, если вы и впредь станете называть меня просто майстером Дидье. Я привык к подобному обращению, оно напоминает о годах молодости.

В спальне Ефимию встретила встревоженная горничная.

– Скоро уже выходить, миледи, а вас все нет! – укоризненно попеняла она и принялась за работу.

Ефимии оставалось только терпеть и надеяться, что служанка не изменит ее до неузнаваемости. В итоге в Зал одалисок она вошла одной из последних. Ефимия проигнорировала насупившуюся Элизабет и встала рядом с Мирабель, сжимая свою карточку. Появится ли в ней сегодня новая запись?

Убедившись, что все кандидатки в сборе, Эммануэль, традиционно исполнявший роль курицы-наседки, повел девушек к Розовому залу. Вопреки предположениям Ефимии, там устроили самый настоящий прием иностранных послов. Вот они, стоят подле фуршетного стола, беседуют с министрами. Тут же император и императрица в неформальной обстановке решают государственные дела. У Ефимии подогнулись колени, в горле пересохло. Тут нет права на ошибку! Покосившись на Мирабель, она убедилась, подруге еще хуже. Несчастливая позеленела и только чудом передвигала ноги.

Зачем их привели не к началу приема, заставили опоздать, привлечь к себе всеобщее внимание? Это часть испытания? Нужно срочно успокоиться, улыбаясь, включиться в игру.

– Их милости участницы отбора! – громогласно представил девичью стайку Эммануэль и бросил на растерзание львам.

Перстни, кольца, надменные, оценивающие взгляды – иностранцы явно занимали самые высокие места в иерархии своих стран. Ефимия без труда определила самых главных: они держались обособленно, со скучающим видом пили шампанское.

– Прошу извинить моих милых невест за опоздание, – с легким кивком, как к равным, обратился к тем двум нелюдимым типам император. – Но вы ведь знаете женщин! Они обожают наряжаться и совершенно не следят за временем.

Шутка Вардена нашла отклик в чужих сердцах. Иноземцы улыбнулись, растаяли.

– О да у вас целый гарем! – пошутил один из них, смуглый и темноволосый. Он говорил с легким акцентом, округляя окончания. – И, несомненно, каждая достойна стать императрицей. Вы не представите нас?

– Его королевское высочество Ианим Рейган, наследный принц Гестфола, – мгновенно отозвался крутившийся неподалеку Эммануэль. – Справа его брат, его светлость Генрих Рейган, Великий герцог Пантено.

Гестфол... Шестеренки в голове Ефимии усиленно закрутились. Ну да, это одна из держав, выступавших против Рдожа в ходе последней военной кампании. Прошло двенадцать лет, и теперь они союзники.

Тяжело улыбаться тому, чьи поданные убивали солдат твоего отца, но Ефимия сумеет. Настоящей императрице пришлось бы радушно принимать любых людей, если их расположение выгодно короне.

– Надеюсь, вы немного поможете мне? – в заданной собеседником шутливой манере продолжил Варден. – Двадцать семь девушек на меня одного – слишком много, предлагаю их поделить.

– Охотно, – кивнул Ианим, мазнув сальным взглядом по прелестям Валерии Орсе. – Нет ничего приятнее женского общества после утомительных переговоров.

Переговоров? В крыле претенденток ничего о них не слышали. Оказалось, той ночью, когда Ефимия отважилась прийти в кабинет Ленара, тот готовился к прибытию высочайшей делегации. Переговоры длились полтора дня. Сколько копий было сломано за то время! И вот теперь хозяева и гости отдыхали, отмечая достигнутый компромисс.

Варден отошел к матери. Испытание началось.

Ефимия старалась держаться раскованно. Памятуя о правилах, она не начала беседу первой, отвечала на вопросы охотно, но максимально коротко, шаблонными фразами. Ефимия польщена, рада знакомству, ей очень нравится во дворце и непременно хотелось бы побывать в Гестфоле, ведь это такая чудесная страна. Не забывала и о вопросах, вроде банального: «А что вам понравилось в Рдоже?» Попутно Ефимия опекала Мирабель, молчаливо подбадривала, подсказывала ответы. Девушку терзали смутные подозрения, что подруга не пройдет испытание. Она чересчур зажата, слишком смущается, нервничает. Ефимия тоже чувствовала себя не в своей тарелке подле иностранного принца, но усилием воли приклеила к губам улыбку. А вот Мирабель... Она напоминала серую мышку, неудивительно, что на нее не обращали внимания, так, из вежливости, перебросились парой слов. В итоге бедняжка затерялась в толпе.

Зато Элизабет пользовалась успехом. Ей удалось обаять половину гестфольцев, взмахом ресниц отправлять их то за бокалом шампанского, то за нанизанной на шпажку закуской. При этом Элизабет не кокетничала, вела себя максимально естественно. Достойную конкуренцию ей составляла Оливия Дакен. Как ни старалась та же Альбина, эффектная внешность соперницы переманивала внимание гестфольцев. Оливия умело подчеркнула

рыжие блики в каштановых волосах, подвела глаза так, что они казались бездонными, огромными и выразительными, как у лани.

Впрочем, Ефимия тоже не жаловалась на одиночество. Природные данные неизменно обеспечивали ей успех. Подумать только, а ведь тетка считала племянницу недостаточно привлекательной!

Наследный принц Ефимии не понравился: «липкий», неприятный, и она с облегчением выдохнула, когда он отправился обхаживать очередную красотку. Создавалось впечатление, будто гестфолец спутал леди с представительницами древнейшей профессии и искал спутницу на ночь.

– Неплохо справляетесь!

От неожиданности Ефимия едва не разлила шампанское. Нельзя же так подкрадываться! Она практически не пила, просто, чтобы меньше нервничать, заняла руки бокалом.

– Добрый вечер, милорд.

Ефимия даже неглубокий реверанс сделала – не подкопаешься. Она искоса посматривала на сопровождавшего Ленара герцога Пантено, гадая, зачем первый министр его притащил. Разве мало испытания принцем, нужно обязательно поговорить с его братом? Этот и вовсе мрачный тип. Казалось, герцога не волновало ничего, кроме собственного перстня. Зато приставать не станет.

– Какой интересный камень! – Надо же о чем-то говорить, раз Ленар не желал подкинуть тему. – Очень редкая огранка.

В глазах герцога Пантено мелькнул интерес. Ефимия угодила в яблочко – он оказался геммологом и битый час рассказывал ей о разновидностях бриллиантов, способах их шлифовки и огранки. Девушка кивала, поддакивала и кожей ощущала присутствие Ленара. Он ловил каждое ее слово, малейшее движение, чтобы потом вынести строгую оценку.

– Впереди чайная церемония, – вполголоса обмолвился Ленар. – Каждая из вас получит шанс блеснуть в роли хозяйки.

«И пролить чай на брюки высокого гостя», – мрачно мысленно добавила Ефимия.

Первый министр наконец-то отошел, а герцог остался. Не выдержав утомительной лекции, она поручила его заботам другой девушки и сбежала в дамскую комнату якобы припудрить носик. На

самом деле – передохнуть и морально подготовиться к финальному испытанию.

Войдя в уборную, Ефимия сразу поняла, что она не одна. Сначала намеревалась тихо удалиться, чтобы не нарушать чужой покой в столь интимном месте, но что-то заставило ее остаться, замереть на пороге. И не зря – краем уха она уловила обрывок чрезвычайно интересного разговора. Его заглушал плеск воды. Ефимия догадывалась, вентиль повернули специально.

– Я потом рассчитаюсь, – произнес низкий голос. – Напоминаю, все должно пройти без сучка и без задоринки.

– Не беспокойтесь, мой чай понравится его высочеству, – заверила женщина. Голос показался Ефимии знакомым, но каким-то не таким. Эх, выключить бы воду! – Императрица столь удачно облегчила нам задачу.

Внутри желудка образовался плотный комок и ледяной глыбой рухнул в ноги.

Они планировали отравить принца Ианима!

Взгляд Ефимии отчаянно заметался по сторонам. Уйти или остаться? Но что она могла против двоих? Если они действительно намечали злодейство, не погнушались бы расправиться с Ефимией. А то и вовсе обратили бы все в шутку: мол, она не так поняла – и изменили план, нанесли удар в другое время и в другом месте. Крутнувшись на каблуках, девушка решила тихонько вернуться в Розовый зал. Она могла ненавидеть Ленара Горзена, но сейчас ей требовалась его помощь.

Глава 18

Толкнув потаенную дверь – уборные на то и уборные, чтобы скрывать их от посторонних глаз фальшивыми стенами, – Ефимия нервно осмотрелась. Взгляд сразу уперся в сервировочную тележку с пустой посудой, которую катил лакей. Ее дребезжание раздражало. Хотелось подойти и скинуть тарелки на пол.

– С вами все хорошо, миледи? – почтительно обратился к ней слуга.

– Да, спасибо, – пробормотала Ефимия и покосилась на дверь за спиной.

Может, ей показалось, ничего такого в уборной не обсуждалось. Право, кто станет злоумышлять против принца Ианима, да еще так открыто! И уж точно ни один мужчина не посмеет зайти в уборную вместе с дамой. Теперь, немного успокоившись, девушка убедилась: второй голос принадлежал представителю сильного пола. Вода заглушала слова, беседовали максимально тихо, но тембры голосов различались. Ну вот, она вернулась к тому, с чего начала, – к заговору.

Спохватившись, Ефимия отошла от фальшивой стены. Не хватало еще, чтобы преступники ее увидели! Они должны объявиться с минуты на минуту, нужно поспешить.

Зеркала в проходной комнате не оказалось, пришлось позаимствовать натертый до блеска серебряный поднос с той самой тележки. Лакей подал его без лишних вопросов, будто вышедшие из уборной дамы каждый день прихорашивались над посудой.

Вроде не слишком бледная, только глаза лихорадочно блестят. А, спишут на шампанское!

И Ефимия ринулась в бой.

В Розовом зале ничего не изменилось, разве только блюда на банкетном столе. Услужливые официанты разливали напитки, кандидатки развлекали беседой гестфольцев, императрица в кругу фрейлин благостно за всем наблюдала. Ефимия успела позабыть, что участвует в испытании. Впрочем, теперь ее перестала волновать оценка Алисии. Собственное будущее померкло перед угрозой

очередной войны. Ефимия боялась даже представить, чем обернется отравление наследного принца соседней державы.

Девушка поискала глазами Ленара. Сейчас бы пригодился веер: за ним так удобно прятать выражение лица. Из груди Ефимии едва не вырвался стон – первый министр беседовал с императором! Девушка в отчаянии кусала губы. Как же к нему подступиться, как вмешаться в разговор? Это казалось невыполнимой задачей, но ноги уже несли Ефимию к высокородным приятелям. С каждым шагом сердце ухало все громче, резкими толчками разгоняя кровь по венам. Оно напоминало мяч, который, отталкиваясь от дна желудка, подпрыгивал к горлу и камнем падал обратно.

Ефимия приблизилась к императору со спины и замерла, не решаясь преодолеть последние пару шагов. Беседа шла о политике, о результатах недавних переговоров. Шансы вмешаться в нее без последствий таяли с каждой минутой. Оставалось надеяться, Ленар ее заметит, иначе Ефимии придется отойти. Задержись она, подумают, будто подслушивает.

В горле пересохло.

Ну же, ну!

Никогда еще Ефимия так не жаждала внимания врага. Она молилась всем святым, чтобы взгляд графа отвратился от лица Вардена, но небеса будто издевались, направляя его куда угодно: на наследного принца Гестфола, бокал с шампанским в руке, императрицу, но не на леди Брок.

Увлеченная наблюдением за Ленаром, Ефимия пропустила возвращение заговорщиков. Она слишком поздно спохватилась, они давно затерялись в толпе. А ведь, прояви девушка немного находчивости, узнала бы имена обоих. Ну, хотя бы вероломной участницы отбора – слова женщины из уборной недвусмысленно указывали на ее статус.

Варден обернулся внезапно. Ефимия не успела вовремя отступить, сделать вид, будто погружена в собственные мысли или увлечена шутками гестфольского посла. Он собрал вокруг себя девичий кружок и развлекал кандидаток забавными историями.

– Миледи?

Ефимия стремительно залилась краской и зачем-то присела в реверансе. Выполнив его наполовину, она опомнилась и поднялась. Ну

вот, нелепее не придумаешь!

– Миледи интересуется дипломатией?

Сложно понять, гневался ли монарх. Голос его звучал спокойно, доброжелательно.

– Скорее, его сиятельством, – смело ответила девушка. – С вашего позволения, я хотела бы похитить графа Митаса. Ненадолго, буквально на несколько минут.

По губам императора скользнула лукавая улыбка. Обернувшись к Ленару, он со смешком обронил:

– Всегда завидовал твоему умению нравиться женщинам! Ты умудрился очаровать даже участницу моего отбора.

– Боюсь, ваше величество неправильно все понял, – рискнула возразить Ефимия. – Я равнодушна к чарам графа.

Варден промолчал, только, прищурившись, ненадолго задержал взгляд на дерзкой претендентке. Она держалась как королева, без должного почтения и раболепия: горделиво поднятый подбородок, суровый блеск глаз, чуть поджатые губы. И все – в ответ на безобидную шутку. Император и мысли не допускал об интрижке друга с кем-нибудь из участниц, но поведение Ефимии заставило к ней присмотреться. Показалось или та что-то скрывала? И вовсе не тайный роман. Покачав головой, Варден отмахнулся от неясного шепота интуиции и в прежней шутливой манере заметил:

– Боюсь, миледи, тогда я не смогу отпустить с вами графа. Вдруг вы его заморозите?

Ефимия напряглась. Неужели придется уйти ни с чем? Она искала и не могла найти благовидного предлога, чтобы переговорить с Ленаром наедине. Однако он сам поспешил ей помочь. Сжалившись над бедняжкой, Ленар обратился к императору:

– Уверен, леди Феррир хочет сообщить что-то важное. Я покину вас ненадолго?

Получив молчаливое разрешение правителя, граф подхватил Ефимию под локоток и увел в сторону, подальше от монаршей семьи и гостей.

– Ну? – нетерпеливо спросил он. – Вы получили все, что хотели. Или надумали вылить на меня очередной ушат обвинений?

– Царапины уже зажили, – густо покраснев, невпопад ответила девушка.

Стиснув пальцы в кулак, она уставилась на мочку уха Ленара – отчего-то стало безумно сложно смотреть ему в глаза. А ведь всего минуту назад... Ефимия толком не понимала, что с ней происходит. Вместо того чтобы сообщить о заговоре, она оправдывается и сгорает со стыда.

– Да, к счастью, – кивнул Ленар и отпустил руку девушки. Наконец-то! – Иначе пришлось бы маскировать. Успех переговоров зависит даже от подобных мелочей.

Он провел пальцами по щеке, ощутив едва заметные рубцы от следов ногтей. Ефимия заворуженно проследила за его движением. Она пару раз глубоко вздохнула и избавилась от странного наваждения. Ленар снова стал врагом и первым министром.

– Насколько я слышала, они прошли успешно. – Ефимия начала издали.

– Вполне, – уклончиво ответил граф.

– Тогда вдвойне обидно будет пустить все насмарку.

– О чем вы? – нахмурился Ленар.

Его пальцы вновь стиснули руку Ефимии, той даже пришлось попросить ослабить хватку:

– Вы наставите мне синяков, милорд!

Граф проигнорировал ее замечание, но хватку ослабил, пусть и не выпустил девичьей кисти.

– Говорите прямо, без экивоков! – потребовал он.

От былой мягкости и вежливости не осталось и следа. Ефимия верила: если понадобится, Ленар выбьет из нее признание. Такого графа Митаса ненавидеть проще, тогда как прежнего – практически невозможно. «Он двуличен! – Девушка горько посмеялась над своей былой наивностью. – Провел тебя, будто Анну!» Но что-то внутри упорно продолжало тянуться к Ленару, даже когда его взгляд обжигал холодом, а руки причиняли боль.

– Не позволяйте его высочеству наследному принцу Ианиму прикасаться к чаю. – Ефимия вырвала руку и отступила на шаг. После подняла подбородок еще выше, чтобы напомнить себе о гордости, окончательно успокоить глупое сердце. – Имя исполнительницы я не знаю, но это кто-то из конкурсанток. Хотя милорд наверняка выставит отравительницей меня. Так проще, верно?

Голос ее сорвался, почти скатился до истерики.

Ефимия стиснула ладонями щеки. Что с ней творится? С каких пор ей важно мнение Ленара Горзена? И почему вдруг она потеряла самообладание?

Лицо графа окончательно помрачнело, губы сложились в тонкую линию. Несмотря на минимальную разницу в росте, Ефимии казалось, будто Ленар нависал над ней, давил всей массой тела.

– Неудачная шутка!

Первый министр собирался уйти, но девушка, презрев условности, повисла на его руке. Пусть ее с позором выгонят, пусть кинут в тюрьму – лишь бы Рдож не погрузился в пучину очередной войны!

– Миледи, ведите себя прилично! – прошипел Ленар и попытался высвободиться.

Бесполезно. Ефимия как клешнями в него вцепилась.

Девичье сердце билось где-то в глотке. Там же застыл безмолвный крик: «Да поверь же мне, идиот!»

– Миледи. – Досчитав до десяти, чтобы не сорваться, граф сменил тактику, заговорил вкрадчиво: – Может, вам нехорошо? Уверен, придворный лекарь...

– Я не сумасшедшая! – резко оборвала его девушка и, к облегчению Ленара, отпустила. – Не желаете мне верить – не надо. Убеждена, господин Дидье отнесется к моим словам иначе, не сочтет их выдумкой или бредом.

У Ефимии тряслись пальцы. Надо же, она не замечала... И вид, наверное, безумный.

Повернувшись к безмолвному графу спиной, девушка поплелась к фуршетному столу. Ей требовалось выпить, вернуть былую решимость и довести начатое до конца. Испытание все равно провалено, можно не обращать внимания на гестфольцев, временно стать глухой. Да, именно так, немного шампанского, и Эммануэль.

Ленар нагнал Ефимию на половине пути и, придерживав за руку, с натянутой улыбкой объяснил недовольным гостям:

– Все в порядке, леди получила неприятное известие. Я постараюсь ее успокоить и убедить остаться.

Состряпанная на ходу ложь казалась неубедительной, но требовалось хоть что-то сказать. Ефимия игнорировала вопросы, понуро брела к фуршетному столу, не замечая никого вокруг, даже

кого-то нечаянно толкнула – тут до жалоб на дурное воспитание недалеко. К счастью, гестфольцы поверили, успокоились и позабыли о девушке.

– Так, – Ленар перешел на шепот и взглядом попросил императора: «Обожди!» – Поклянитесь, что вы все не выдумали!

Однако Ефимия ни в чем клясться не собиралась.

– Я предлагаю милорду самому решить, правда это или ложь. Но не посреди же зала!

Граф кивнул и, бросив взгляд через плечо, досадливо засопел:

– Поздно! Сюда направляется дежурная фрейлина ее величества. Вы допрыгались, барышня, при-влекли внимание императрицы драматичным спектаклем.

Посмотрев туда же, что и собеседник, Ефимия убедилась, что попалась на крючок Алисии. Поджатые губы и сузившиеся глаза вдовствующей императрицы не оставляли сомнений: она собиралась отчитать невоспитанную девицу.

– Ладно, – неохотно пришел ей на выручку Ленар, – я вас спасу. Хотя, учитывая ваше отношение ко мне, должен первым ратовать за ваше исключение из конкурса.

– Спасибо!

Граф часто заморгал. Ему наверняка послышалось, не могла Ефимия Брок сердечно поблагодарить его.

Чтобы владеть ситуацией, нужно с самого начала брать ее в свои руки.

– В чем дело? – сухо поинтересовался Ленар у виконтессы Монрек, не позволив дежурной фрейлине раскрыть рта. – Потрудились бы открыть окна, а то претендентки едва в обморок от духоты не падают. Или прикажете каждую приводить в чувства?

Виконтесса замерла с открытым ртом. Поручение императрицы едва не вылетело у нее из головы. Опомившись, она прокашлялась и с важным видом произнесла:

– Ее величество просит леди Феррир подойти и напоминает о недопустимости нарушения этикета.

– Леди Феррир ничего не нарушала, – отрезал Ленар и тайком стиснул пальцы Ефимии, словно убеждая: все будет хорошо. – Повторяю, здесь слишком душно. Леди стало нехорошо. Или этикет требует, чтобы она упала под ноги иностранным дипломатам, лишь бы

продолжала вежливо отвечать на их вопросы? Да если бы я не заметил, вовремя не подоспел!..

Он не договорил и грозно глянул на фрейлину. Та потупилась, едва пятнами не пошла.

– Но ее величество...

– Леди подойдет, когда будет в состоянии. Точка!

Для убедительности граф слегка повысил голос. Придворная дама не посмела спорить и покорно вернулась к императрице.

– Не стоило вам! – с тревогой искоса наблюдая за Алисией, покачала головой Ефимия. – Из-за меня вы навлекли на себя гнев вдовствующей императрицы.

– Вам-то что? – усмехнулся Ленар. – Наоборот, порадовались бы приближению моего падения.

– Я не хочу... так...

Ефимия отвела взор и прикусила нижнюю губу.

– А как вы хотите? И чего вы вообще хотите, леди Брок?

Девушка вздрогнула и испуганно широко распахнула глаза. Он назвал ее настоящую фамилию! Графа могли услышать, по дворцу поползли бы слухи...

– Не беспокойтесь, – пальцы Ленара легли на ее локоть, – для большинства ваша фамилия – всего лишь набор звуков. Идемте! И не забудьте изобразить дурноту, чтобы притупить бдительность ее величества. А ведь есть еще его величество, – мрачно пробормотал он, уверенно прокладывая обоим путь к дверям. – Придется и с ним объясняться.

Странно, оставшись с графом наедине, Ефимия вздохнула спокойнее. Она начала говорить не сразу, сначала немного посидела на обитом золотистой парчой диванчике, вслушиваясь в мерное движение минутной стрелки часов. Ленар не торопил ее. Он стоял рядом, положив руку на каминную полку.

– Я всего лишь хотела справедливости.

Ефимия смотрела прямо перед собой и обращалась к пространству: так легче. Она ощутила острую потребность высказаться, объясниться здесь и сейчас. Лишь бы только Ленар не перебивал ее, не задавал вопросов! И продолжал недвижно стоять, где стоял.

– Хотела вернуть ту боль, которую когда-то испытала. Чтобы и вам стало чуточку плохо, ведь мы с мамой, тетей и сестрой страдали долгие двенадцать лет. От нас все отвернулись, у меня не нашлось денег на первое бальное платье... Если бы не милосердие соседки, я даже танцевать бы не умела. – Слова лились сплошным потоком. Ефимия ощущала во рту полынную горечь, заново переживала каждый год в ссылке. – Я не видела могилы отца, братьев! По сравнению с этим тряпки – чепуха. Глотать слезы, терпеть – и так по кругу.

Не выдержав, она уронила голову на руки. Плечи тряслись от молчаливых рыданий.

Создатель, зачем Ефимия все это говорит?! Ленар только посмеется, глупо надеяться на его сочувствие. Мол, барон Брок сам виноват, а император сжалился над вдовой, хотя мог бы отправить их на рудники, вовсе лишит дворянства.

Девушка ощутила прикосновение теплых рук, сначала робкое, затем, не встретив сопротивления, уверенное. Присев рядом на диван, Ленар привлек Ефимию к себе. Он молчал, понимал, любое его слово покажется жалким оправданием.

– Я хотела мести, но я никогда, слышите, никогда не смогла бы убить! – замотала головой девушка и буравчиком вывернулась из объятий Ленара, чтобы вскочить, отойти на безопасное расстояние. – Мечтала, много раз представляла, желала смерти, но не смогла бы!

– Я верю. И не сомневаюсь, – граф сделал короткую паузу, чтобы вдохнуть, – архивные записи уймут ваши терзания. К сожалению, барон выбрал свою судьбу сам. В тот день я приехал к вам вовсе не поглумиться, а защитить, спасти то, что еще можно было спасти. Не повторяйте ошибок отца, Ефимия. Я не глуп и догадываюсь, что попасть на отбор вам помогли мои завистники. Я не требую назвать их имена, просто предостерегаю. Можно закрыть глаза однажды, не более. Но давайте вернемся к наследному принцу.

Ефимия стиснула пальцы так, что побелели костяшки, но ничего не ответила. Хватит на сегодня откровений! А Блеккуоки... Она сама решит, по пути ли ей с ними.

Девушка усмехнулась. Ну вот, теперь она достаточно бледна, чтобы изобразить нездоровье. Пришло время пересказать Ленару беседу в уборной и отыскать Мирабель. За душевными терзаниями Ефимия совсем забыла о подруге.

– Чай разливать будете вы, – выслушав девушку, ошарашил ее граф.

– Что?! – Ефимия едва не перешла на крик. – Решили с чистой совестью от меня избавиться?

Ленар закатил глаза, сделал пару вдохов и выдохов, с трудом поборов желание хорошенько встряхнуть собеседницу. Вроде умная, но, когда дело касается его, становится непроходимой дурой. Еще бы, ведь матушка столько лет взращивала в ней ненависть и предубеждение – Ленар не сомневался, именно бывшая баронесса натравила на него дочь.

– Я прошу вас налить чай его высочеству, герцогу Пантено, императору и его матери только потому, что больше никому не доверяю, – терпеливо объяснил первый министр.

– Доверяете мне?

Она не настолько наивна, чтобы поверить.

– Именно. После ваших признаний... Вы женщина не того типа, чтобы лгать.

Ефимия спрятала улыбку. Ленар ее идеализировал.

– Хорошо, – кивнула она, – я разолью чай ради Рдожа, но не могу гарантировать, что не пролью его на брюки его высочества.

Шутка осталась без ответа. Граф погрузился в размышления и, казалось, вовсе ее не слышал.

Они вернулись в Розовый зал вместе, но дальше пути их разошлись. Ленар оставил Ефимию подле наследного принца, а сам быстрым шагом направился к императору.

За внимание Ианима боролись двое: Валерия и Оливия. Остальным претенденткам досталась роль статисток. Они сгрудились подле гестфольца и, растеряв былое смущение, пытались вставить хоть слово.

Герцог Пантено перебрался к императрице. Ефимия только порадовалась: чем дольше иностранный гость развлекал Алисию, тем вероятнее она не вспомнит о провинившейся претендентке.

– Ваше высочество, – Валерия едва ли из платья не вылезала, купала принца в томных взглядах, – раньше я и представить себе не могла, что охота – это так увлекательно!

Оливия действовала чуть тоньше. Она таинственно улыбалась, накручивала локон на палец, а затем подносила его к губам, поневоле

заставляя проследить за своим движением. Валерия в ответ усиливала поток лести. Ее послушать, так никто из мужчин не годился принцу в подметки. Какой-то мифический герой: и прекрасный, и умный, и смелый. Гестфольцу ее слова нравились. И еще больше понравилось бы развлечься с баронессой в постели. Ефимия надеялась, та не настолько глупа, чтобы согласиться на прогулку по зимнему саду или что-нибудь подобное. Хотя у каждого свои цели. Может, отчаявшись стать императрицей, Валерия согласилась бы на место любовницы наследника чужого престола.

А вот это уже интересно! Ефимия разглядела запись в карточке Оливии. И ленточка с ее руки пропала... Выходит, пока девушка убеждала Ленара в своей правоте, император успел найти новую фаворитку. Неприятно, но не смертельно. Глупо надеяться остаться единственной, кого он обласкает вниманием. Оливия эффектна, сегодня и вовсе обворожительна, непринужденно держится в обществе, Ефимия не удивилась бы, если бы она выиграла испытание. Может, Ианим и собирался уложить Валерию в постель, но, когда прозвучало приглашение к чаю, подал руку Оливии.

И тут случился конфуз. Ефимия толком не поняла, как все произошло. Вот Мирабель спокойно стоит возле фуршетного стола. И вдруг следующая картина: на пол с предательским звоном падают тарелки. И если бы только это – остатки пищи умудрились запачкать мундир одного из гестфольцев!

Красная как рак Мирабель испуганно пролепетала:

– Я нечаянно!

И, спрятавшись за спины подоспевших подруг, шепотом призналась:

– Я на край скатерти наступила, не заметила.

– Тут нет твоей вины, – безапелляционно заявила Элизабет. – Пусть спросят слуг. Концы скатерти не должны свисать до пола.

Инцидент удалось замять. Пострадавший гестфонец не обиделся, перевел все в шутку и даже изъявил желание проводить смущенную Мирабель в сто-ловую.

Ефимия с облегчением выдохнула. Хотя бы тут обошлось! Взгляд ее obeжал Розовый зал и остановился на Ленаре. Тот едва заметно кивнул и с легким поклоном предложил руку императрице, опередив

герцога Пантено. Вряд ли случайно. «Ничего, справлюсь!» – мысленно встряхнулась Ефимия. По крайней мере, никого не отравят.

Но кто же сообщница преступника? Девушка пристально изучала участниц отбора, вслушивалась в голоса. Ответ вертелся на кончике языка, но неизменно ускользал. Слишком громко лилась вода, слишком спокойно вели себя кандидатки. Никто не прожигал взглядом чайник, не попытался вырвать его у Ефимии, когда императрица – вот зачем Ленар отбил Алисию у гестфольца – велела ей первой взяться за чашки.

Руки девушки чуть подрагивали, однако она достойно справилась с задачей и уступила место следующей. Тревога не отпускала. Ефимия со страхом ждала, стараясь лишней раз не смотреть ни на наследного принца Гестфола, ни на первого министра Рдожа. Тело будто одеревенело. Минуты текли мучительно медленно. И еще медленнее стучало ее сердце. Вот сейчас... Но за огромным столом велись обычные светские разговоры. Никто не спешил упасть замертво или забиться в конвульсиях.

Ефимия не ошиблась в предположениях, новой фавориткой стала Оливия. Она вошла в столовую под руку с императором и теперь устроилась ближе всех к венценосным особам. Итак, победительница испытания известна. Осталось определить проигравшую. Ефимия молилась, чтобы ею не стала Мирабель, и искренне радовалась, что планы злоумышленников удалось сорвать. Хотя бы на этот раз. Но дальше уже не ее забота, пусть Ленар Горзен займется своими прямыми обязанностями.

Глава 19

– Ну и как это понимать? Что ты учудил вчера?

Варден расстегнул еще одну пуговицу и с нескрываемым удовольствием швырнул шейный платок на стол. Матери подобное поведение не понравилось, но он давно не мальчик, хватит согласия принимать участие в дурацком отборе.

Звякнула крышка хрустального графина, жидкость цвета жженой карамели заструилась в стакан.

– С этим чаем и леди Феррир...

Император неопределенно повел рукой и сделал глоток. Тепло заструилось по венам, сметая тревоги и тяготы минувшего дня.

– Ты слишком много пьешь, – укоризненно заметила сидевшая неподалеку Алисия.

Монарх проигнорировал ее слова и, блаженно вытянув ноги, устроился на диване. Испытание закончилось, переговоры завершились успешно, все довольны, пора и ему доставить себе немного радостей. Матушка настаивала, чтобы они прямо сегодня, по горячим следам, обсудили девушек. Пускай! Ей все равно не испортить ему вечер.

– Если ты о вчерашнем крохотном инциденте, то граф уже извинился и все объяснил. Или я чего-то не знаю?

Цепкий взгляд императрицы скользнул по лицам мужчин. Ленар ответил матери друга почтительным полупоклоном. Его сложно было пронять подобными вещами.

– Похоже, из нас троих ничего не знаю именно я, – усмехнулся Варден и поставил бокал на пол. – Может, вы меня просветите? И заодно, Ленар, что такого интересного ты увидел в парке?

– Ничего, абсолютно ничего.

Граф отпустил край гардины и отошел от окна.

Там, в парке, была она. Ленару не требовалось видеть лица, он просто знал, чувствовал, тот светлый неясный силуэт, издали напоминавший привидение, принадлежал Ефимии. Она единственная из всех кандидаток любила одинокие прогулки. Наверное, нервничала.

Еще бы, ведь каждая из оставшихся участниц отбора с трепещущим сердцем ожидала общего сбора в Зале одалисок.

– Твои мысли витают где-то далеко, – покачал головой император и сделал очередной глоток терпкого напитка. – Влюбился?

Ленар одарил его коротким взглядом из-под насупленных бровей. Остальное он выскажет наедине, хотя Варден и сам должен понять, подобные шуточки при Алисии недопустимы. Как в воду глядел! Императрица мгновенно ухватилась за неосторожные слова сына и изъявила желание взглянуть на ту, которая наставила графа на путь истинный.

Зашуршали многочисленные оборки пеньюара – Алисия успела переодеться, избавиться от оков корсета. Ленар давно стал своим, поэтому чопорная императрица не стеснялась представлять перед ним в домашнем виде, чего не позволила бы себе при любом другом мужчине. Она выступала категорически против «постельных аудиенций», любимых ее покойной свекровью. «Недопустимо являться перед подданными в чепце, папильотках и ночной рубашке», – повторяла Алисия и неизменно выходила в будуар в домашнем платье. А вот Ленару приходилось терпеть. Он тоже с удовольствием избавился бы от душающего воротника, но этикет не позволял даже ослабить узел шейного платка.

Первый министр почтительно посторонился, подпуская вдовствующую императрицу к окну. Она в нетерпении отодвинула штору. Ленар незаметно улыбнулся. Напрасно, крохотная фигурка давно скрылась из виду.

– Ничего! – раздосадованно пробормотала Алисия. – Если мысли графа и занимала женщина, боюсь, ее здесь нет.

– Увы, ваше величество, – развел руками Ленар, – я думал исключительно о Рдоже.

– Напрасно, совершенно напрасно! – Императрица вернулась в кресло и, позвонив, потребовала чаю с медом. – Варден, повлией на него! Граф обязан обзавестись женой и детьми. Это противоестественно, наконец, умереть холостяком.

Первый министр пропустил ее слова мимо ушей. Да, Алисия раздражала, но вряд ли осмелится женить его против воли, хотя невесту на смотрины подослать может. Но ведь существуют тысячи

способов вежливо отказаться от высокой чести. Раз так, Ленару ничего не угрожало.

– Гестфольцы довольны? – Он вернул беседу в прежнее русло.

– Вполне, – кивнул Варден. Он продолжал лежать на диване, заложив ногу за ногу. – Я говорил с принцем Ианимом перед отходом ко сну. Знаешь, кандидатки его очаровали. Он даже пошутил, что с превеликим удовольствием забрал бы их в Гестфол.

– Сколько от них хлопот! – поморщилась императрица и поправила ленты чепца.

Она носила его даже в присутствии сына: не желала, чтобы он видел ее поредевшие волосы.

– Ты о ком: о гестфольцах или девушках? – уточнил монарх.

– О тех и о других. Почему так долго не несут чай? – посетовала Алисия. – К сожалению, я не разделяю мнения принца Ианима. Немудрено, ведь его мысли заняты лишь величиной их бюста! Между тем поведение многих кандидаток отвратительно. Мне казалось, будто я очутилась в публичном доме!

– Вы слишком придирчивы, ваше величество, – встал на защиту участниц Ленар. – Они всего лишь хотели понравиться принцу, смущались, поэтому допускали ошибки.

– Ошибкой было привезти их во дворец, – отрезала императрица и напустилась на принесшую поднос служанку: – Наконец-то! Вы оглохли, милочка, или и вовсе спали?

Несчастливая пошла пятнами и, дрожащими руками расставляя посуду, пробормотала:

– Простите, ваше величество!

Алисия раздраженно отмахнулась. Обрадованная, что так легко отделалась, служанка поспешила скрыться.

Дождавшись, пока вновь закроется дверь, Варден с надеждой предложил:

– Тогда распустим их по домам?

– И наберем новых, – со смешком чуть слышно продолжил Ленар.

Он не питал иллюзий. Если Алисия задалась целью женить сына и выбрать невестку «из народа», она не отступит.

– Но я всего лишь глупая старуха, – императрица мгновенно сменила тактику, отрезав сыну пути к отступлению, – что с меня

взять? Важно твое мнение. И ваше, Ленар, – обернулась она к графу. – Кому, как не мужчине, лучше всего судить о женщинах!

Варден помрачнел, даже сел.

– Разумеется, матушка, – процедил он сквозь зубы.

Алисия хитра, этого у нее не отнимешь. Да что там, из нее вышла бы лучшая правительница, чем из покойного супруга. В детстве Варден боялся матери и, даже повзрослев, частенько уступал ей.

– Ну так как? – не унималась императрица.

– Я сделал запись в карточке леди Дакен и завтра пригласил ее на прогулку, чего вам еще?! – взорвался монарх и, наклонившись, поднял бокал, чтобы осушить его одним большим глотком.

Алисия обладала воистину уникальным талантом – мгновенно портить настроение. Варден рассчитывал на приятный вечер, хоть какую-то передышку, но, вместо того чтобы лечь спать, матушка устроила в собственной гостиной очередной раунд переговоров. Это еще хуже гестфольцев! Их хотя бы можно задобрить, уговорить на взаимные уступки, тогда как императрица пленных не брала.

– Очень хорошо, – кивнула Алисия. – То есть тебе больше понравилась леди Дакен?

– Мне никто не понравился! – излишне резко ответил Варден и, ища поддержки у друга, обернулся к Ленару.

– Сын мой! – укоризненно вздохнула императрица.

– Ну чего вам еще?!

Обхватив голову руками, император заходил по гостиной и остановился против невозмутимой матери. Оттопырив мизинец, она невозмутимо пила чай.

– Ты! – Палец Вардена ткнул в грудь Алисии. – Ты до сих пор считаешь меня мальчишкой! Жалеешь, что не сумела побывать регентшей?

– Варден! – Императрица осуждающе поджала губы. – Вспомни о воспитании: мы не одни.

Ее взгляд обратился к первому министру.

– Ты еще назови Ленара посторонним! Да он ближе мне, чем ты, родная мать!

Выговорившись, император немного успокоился и, вернувшись на диван, буркнул:

– Ладно, поговорим об участницах отбора. Ваш ход, матушка! Я приберегу свое мнение на потом.

Алисия одобрительно улыбнулась. При всей вспыльчивости сын никогда не забывал о возложенной на него ответственности.

Императрица выдержала паузу, припоминая детали приема. Пальцы замерли на ручке чайной пары из костяного фарфора.

– Как я уже говорила, ни одна из девушек не произвела на меня должного впечатления. Однако граф прав, я слишком строга. Но надо же кому-то говорить о недостатках, если все вокруг поют оды достоинствам? Поэтому я упомяну тех, кто менее всего достоин титула императрицы. Надеюсь, оба вы не станете спорить о необходимости грации, чувства такта и собственного достоинства.

– Вы о баронессе Орсе? – догадался Ленар.

Воистину, груди баронессы были детально видны даже в другом углу зала! Валерии требовалось приложить совсем немного усилий, чтобы окончательно вывалить их на всеобщее обозрение. Графу такие не нравились, зато принц оценил.

– Не знаю ее имени, – поморщилась Алисия. – У нее красная лента, очень яркая. Надеюсь, ей объяснили, кто она и где находится.

– Эммануэль ждет ваших указаний.

Ленар мужественно взял на себя ведение беседы с императрицей. Пусть Варден немного остынет, ведь впереди его ждут не самые приятные новости. Граф планировал доложить о заговоре после ухода Алисии: женщин, каким бы умом и хваткой они ни обладали, государственные дела не касались. Конфликт с Ефимией и виконтессой Монрек он тоже уладил, недаром вовремя перехватил императрицу в конце приема. Безусловно, фрейлина побоялась дословно передать его резкие слова, но Алисия все равно гневалась. Пара комплиментов, повинно опущенная голова, и она уже милостиво улыбалась, согласилась, что бедняжка Ефимия пострадала незаслуженно, а горячность графа – всего лишь мимолетные эмоции. Ленар сумел внушить императрице, что девушка жутко переживает, нужно приободрить ее, показать: никто на нее не сердится. В итоге именно леди Брок разливала чай под одобрительным взглядом Алисии.

– Однако она не единственная. Девушка с голубой лентой чрезвычайно неуклюжа. Она едва не спровоцировала международный скандал! И вся какая-то угловатая, тихая.

– Зато заинтересовала его светлость герцога Пантено, – вступился за Мирабель граф.

Собственно, ему было все равно, кого выгнать, лишь бы не Ефимию.

– О, вытерпеть герцога дольше пяти минут дорого стоит! – хохотнул монарх.

Тучи рассеялись, к нему вернулось прежнее расположение духа.

– Напрасно ты так! – Мнения матери и сына опять не совпали. – Генрих чрезвычайно умный и серьезный человек, приятный собеседник.

– Итак, двое уже есть. Кто еще вызвал ваше неудовольствие, матушка?

Император ловко, в движении, подхватил бокал и снова взялся за горлышко графина.

Алисия крепко задумалась.

– Пожалуй, больше никто. Девушки обучены манерам и сумели занять гостей. Пора переходить к похвалам и определить лучшую, а затем вернуться к худшей. Я советовала бы обратить взор на Альбину Хаскейн и Элизабет Сомерсби. Твоя леди Дакен очаровательна, но ее происхождение и связи не соответствуют будущему титулу. И Хаскейны, и Сомерсби из старого дворянства. Их дочери прекрасно образованы, за ними стоят семейные кланы. Не морщи нос, Варден, – она чуть повысила голос, заставляя прислушаться к своим словам, – это важно. К сожалению, Эрнестина выбыла, придется довольствоваться кем-то поплоче.

– А я полагал, будто это конкурс, и всем руководит фортуна.

– Только глупцы слепо полагаются на судьбу, умные люди ей управляют, – назидательно заметила императрица. – Да, это состязание, но часть девушек заведомо вне игры. Они могут одерживать промежуточные победы – и только.

– В таком случае в этом конкурсе победит желтая лента, – надумав позлить, ухватился за ее фразу монарх. – Синей и оранжевой придется дожидаться финала, когда вы милостиво вручите одной из них корону.

– Хватит ерничать, Варден! – прикрикнула Алисия и осеклась, перехватив непривычно жесткий взгляд сына. – Хорошо, – она неохотно пошла на попятный, – ты примешь окончательное решение, мой голос совещательный.

Обиженная императрица поднялась и, сухо пожелав мужчинам спокойной ночи, удалилась в спальню.

– Ко мне? – озвучил общую мысль Варден.

Через пару минут друзья, избавившись от оков лишних условностей, устроились в другой гостиной, уже на половине императора. Шейные платки, сюртуки и жилеты испарились, а на столе возникло вино и строганина.

– Итак, – Ленар с бокалом вина оседлал подлокотник кресла, устало наблюдая за вертевшим в пальцах карточку Оливии приятелем, – с победительницей испытания гестфольцами мы определились. Я передам Эммануэлю. Ну а кому завтра с утра плакать и собирать вещи?

– Ой, выбери сам! – Император кинул карточку на стол и на мгновение прикрыл глаза. – Мне было не до того, чтобы следить за девицами.

– Но леди Дакен ты себе подыскал, – нанес укол граф.

– Отбил у принца: не стоит покушаться на чужое. Согласись, она хороша! Не такая, как Катарина...

Варден замолчал и покосился на друга, желая проверить, какую реакцию вызвали его слова, но обнаружил лишь равнодушие.

– Эй, Ленар, что с тобой? – забеспокоился император. – Где ревность, сжатые кулаки? Еще на балу ты готов был драться за милейшую Катарину.

– Прелесть не в обладании, а в мечте обладать, – философски заметил Ленар.

– То есть она тебе наскучила? Или матушка права, появился кто-то еще? Ну же! Ты слишком мрачен, задумчив.

Привстав, Варден шутливо толкнул приятеля в бок.

– Повод имеется. – А вот графу было не до веселья. – У нас под носом заговор, Варден, только чудом не отравили принца Ианима.

– Что?!

Император за считанные мгновения оказался на ногах и навис над Ленаром. Тот спокойно допил вино, отставил бокал и только потом заговорил. Варден выслушал, не перебивая, только желваки гуляли под кожей.

– Измена! – заскрежетал зубами монарх и со всей силы, рискуя сбить костяшки, ударил по спинке кресла. – Когда это все закончится,

Ленар, когда?!

– Собирались подставить меня. Я не говорил тебе, но накануне визита гестфольцев пришло анонимное письмо...

– Я велю их повесить, всех! – бесновался император. Только чудом бутылка и бокалы не пали жертвами его ярости. – Уничтожу, в этот раз не проявлю милосердия!

– Успокойся!

Встревоженный Ленар положил руку на его плечо. Граф боялся за Ефимию. Рассказывая о заговоре, он не упомянул ее имени и теперь опасался, что, ослепленный гневом венценосный друг казнит семьи прежних мятежников.

– Я разберусь, – убрав ладонь, заверил первый министр. – Не стоит поднимать шумиху. Теперь у меня есть помощница, шпион в женском царстве. Спокойно занимайся отбором, провожай принца, а мы найдем сообщницу.

Император шумно втянул воздух сквозь ноздри.

– Ты действительно полагаешь, будто я останусь в стороне, стану веселиться, флиртовать, в то время как моему другу угрожает опасность?

– Лично я собираюсь заняться именно этим. Спасибо за напоминание о Катарине. Да и какая опасность, Варден? Разве на меня устраивают засады, разве абигонцы снова подстрекают народ насадить на кол голову постельного любимчика императора?

– Кого?

Варден стал темнее тучи.

– А, ты не слышал? – Усмехнувшись, граф подобрал один из бокалов и наполнил его до краев. – Только ленивый не шептал о том, будто у нас особые отношения.

– Какая мерзость!

Император провел по лицу руками, словно желая смыть невидимую грязь.

– На войне все средства хороши. Виконт Ор ничем не гнушался. Фальшивые письма, скабрзные сплетни, подлог, шантаж – всего не перечислишь! Лишь бы ты остался один, без поддержки. Надо, меня бы твоей сводной сестрой изобразили.

– Но почему ему верили?!

Варден простер руки к потолку и зашагал из угла в угол.

– Виконт был очень хорошим оратором, говорил и обещал то, что каждый хотел услышать.

Ленар вздохнул и покачал головой. В свое время он начитался пасквилей, император не знал и половины того, что говорили о друге. Граф не считал нужным его посвящать. Гнев императора только бы сыграл на руку авторам слухов. Раз сердится, значит, все правда.

– Кто та девушка? – сменил тему Варден.

Теперь пришло время Ленара напрячься.

– Какая? – глухо спросил он, хотя прекрасно понимал, о ком речь.

– Твоя помощница. Нужно ее отблагодарить. Оливия потерпит, одержит победу как-нибудь в другой раз.

– Ефимия Феррир, – неохотно признался граф и хлебнул вина.

Вроде не о чем беспокоиться, просматривая списки претенденток, венценосный друг не связал фамилию Феррир с Броками, но сейчас, когда Варден взвинчен, мыслями обращен в прошлое, он мог вспомнить.

– Феррир... – оправдывая его подозрения, задумчиво повторил император. – Что-то смутно знакомое. Откуда она?

– А, из какой-то провинциальной дыры!

Пальцы Ленара сжали ножку бокала. Еще немного – и хрупкий хрусталь дал бы трещину. Он понимал, графство Орой не должно прозвучать. Ни при каких обстоятельствах!

Воистину, вот странности судьбы! Первый министр отчаянно защищал свою несостоявшуюся убийцу, дочь предателя, от которой не услышал и дюжины добрых слов.

– Если хочешь, – торопливо добавил Ленар, – я выясню.

– Не стоит! – отмахнулся Варден. – Присуди победу ей. Найди там способы...

Граф с облегчением выдохнул. Занесенный над головой Ефимии меч пропал.

– Сделаю, – кивнул он. – Обещаю держать в курсе. Ну а худшая? Понимаю, тебе сейчас не до конкурса...

– А ты бы кого выгнал: прелестницу или серую мышку?

– Если обе тебе одинаково безразличны...

Первый министр сделал паузу и вопросительно посмотрел на императора.

– Обе, – заверил тот. – Ни одна не в моем вкусе.

– Тогда я убрал бы серую мышку, а прелестницу уложил в постель, – улыбнулся Ленар. – Когда надоела бы, тоже выгнал.

Варден рассмеялся. Морщины на его лбу разгладились.

– Последую совету своего первого министра и завтра же опробую прелести владелицы красной ленты. Надеюсь, она не девственница или хотя бы раскрепощенная девственница и доставит мне немало приятных минут. Когда девушки на что-то надеются, они особенно ласковы.

– Вот и правильно. Должен же ты поймечь хоть что-то с этого отбора! – фыркнул граф, представив лицо вдовствующей императрицы, когда она узнает об амурных делах Валерии Орсе. Девушка ни на минуту во дворце не задержится, таким образом они безболезненно избавятся от обеих кандидаток. – А для жены баронесса действительно слишком глупа и вульгарна.

Варден отсалютовал приятелю бокалом, но не выпил ни капли. Проведя пальцем по ободку фужера, он принял неожиданное решение:

– Выгони Элис Сибелд. У нее мерзкий голос. Если я еще хоть раз услышу ее визг, у меня разыграется мигрень. А на неуклюжую я взгляну, приглашу после Оливии. По крайней мере она не раздражает одним своим присутствием. Несправедливо наказывать за одно неловкое движение, все мы люди.

Глава 20

Выстроившиеся в Зале одалисок девушки переминались с ноги на ногу. Временами тишину нарушали шепотки, но большинство хранило нервное молчание.

Эммануэль задерживался. Означало ли это, что император колебался, еще не принял решение?

Ефимии тоже было не по себе. Императрица гневалась на нее, никакое заступничество первого министра не поможет, если Алисия пожелает избавиться от дерзкой девицы. Вдобавок не давал покоя подслушанный в уборной разговор. Если бы Ефимия решилась, если бы подошла ближе, не пришлось бы гадать, кто собирался отравить гестфольского принца. Хотелось бы исключить из списка возможных преступниц подруг, но девушка не торопилась этого делать. Да, они сблизилась на отборе, однако что она знала о приятельницах? Та же Элизабет не раз говорила о своем нежелании стать императрицей. Мирабель казалась еще более подозрительной. Застенчивая, не бог весть какой красоты, незнатного происхождения – все слишком походило на историю самой Ефимии. Может, подругу тоже протолкнули на отбор? Ефимия покосилась на стоявших рядом приятельниц. Да нет, не могли они! Элизабет слишком честна и независима, Мирабель – просто порядочна. Последняя стояла белее снега. Ее можно понять – так оконфузиться!

– Да все давно забыли! – успокаивала ее Элизабет. – Гестфолец отшутился, улыбнулся.

– Ох, – Мирабель вцепилась в ее предплечье, – отец меня убьет!

– Полно! – отмахнулась подруга. – Даже мой бухтеть не станет. Это конкурс, игра.

– Ты моего отца не знаешь, – покачала головой Мирабель. – Он... он сына хотел, а тут я. Из меня должен выйти толк, я должна его возвысить, иначе зря появилась на свет, обуза.

– Вот гад! Я ему такой толк устрою, вовек не забудет! – в сердцах пообещала Элизабет.

Ефимия улыбнулась. Былые сомнения улетучились. Искать нужно среди других.

Пожалуй, только Оливия чувствовала себя спокойно. Она стояла у фонтана и демонстративно вертела ленту на запястье. Леди Дакен позаботилась о том, чтобы весь дворец знал: она приглашена к императору. Но не всем это понравилось. Альбина шипела о выскочках, Герда пророчествовала грандиозный провал свидания. Ее можно понять, внучка графа Пи обладала эффектной внешностью: платиновая блондинка с большими карими глазами – однако успеха пока ни снискала. А ведь она воплощала классические каноны красоты, образованна, музыкальна, – словом, воплощала плеяду талантов, которые не спешили оценить по достоинству. Но и на солнце водились пятна: Герда Мориз дружила с Валерией Орсе. Вот уж кого Ефимия выгнала бы без зазрения совести! Глупая мстительная девица, вдобавок вульгарная.

– Рыжая императрица! – Валерия презрительно фыркнула и покосилась на Оливию. – Она каждую весну станет покрываться веснушками с головы до ног!

Подружки устроились рядом, отдельно от всех, почти в дверях, будто подчеркивая разницу между собой и прочими участницами. Герда накручивала на палец нитку розового жемчуга, а Валерия сжимала свою красную карточку. Она втайне завидовала деньгам и лебединой шее подруги. Если бы Создатель наградил тем же Валерию, она бы смотрелась не хуже, даже лучше. И точно не выбрала бы скучное платье-футляр. Мужчин пленяет декольте. Если слишком рано, можно прикрыть его кружевом или сеткой, а не нацеплять строгий воротничок.

– Веснушки можно вывести, – заметила Герда. – Существует достаточно мазей. А вот от сомнительных манер избавиться сложнее.

Валерия на всякий случай прикусила язык. Может, подруга говорила об Оливии, а может, намекала на нее. Баронесса метнула очередной колкий взгляд на счастливую соперницу и поправила бюст в декольте. Ничего, белые начинают, но не выигрывают. Пусть на балу Валерия не успела вытащить свои козыри, а чужестранный принц не оправдал ожиданий, но впереди достаточно испытаний, чтобы показать себя во всей красе.

– Как думаешь, кого выгонят? – баронесса сменила тему.

Герда задумчиво провела пальцем по нижней губе. Очень хотелось ответить: «Тебя», но леди Мориз поднаторела в светскости и

избавилась от пагубной привычки говорить правду. Ее мать преподавала девушке отличный урок, в свое время с помощью хитрости женив на себе наследника графа Пи. Герда собиралась превзойти ее и стать императрицей. Для этого ей требовалась Валерия. Достойной соперницей Герда ее не считала, она отвела ей совсем другую роль.

– Сложно сказать... – Леди Мориз вновь обвела взглядом взволнованные лица участниц. – Но точно не нас.

Однако пора бы мажордому появиться!

Герда на всякий случай запрокинула голову, проверяя, нет ли когонибудь на галерее. Она не присутствовала при эпичном появлении Ленара, но много о нем слышала. Вроде никого, если только граф не прячется за колонной.

– Перестань! – недовольно пробормотала Герда, заметив, что Валерия кусает ногти.

Подруга ей точно не конкурентка. Больше всего Герда опасалась Эрнестины, но та теперь далеко. Раз так, дорога к трону свободна. Неважно, кого выгонят сейчас, важно, кто останется в самом конце.

Когда градус напряжения достиг предела, двери Зала одалисок наконец распахнулись, впустив двоих: Эммануэля Дидье и Эрнеста Хомоса. Их тут же пронзили десятки взглядов. Привстав на цыпочки, девушки пытались проникнуть сквозь кожаную обложку блокнота. Напрасно, секретарь императрицы сделал все, чтобы они не разглядели ни строчки.

У Ефимии пересохло во рту. А что, если выгонят ее?

Пальцы побелели и сжались до хруста. Бесчеловечно так томить!

Убедившись, что все в сборе, Эммануэль призвал к молчанию.

– Итак, – он будто специально делал большие паузы между словами, – пришло время объявить результаты третьего тура. – Как вы, наверное, знаете, его величество пожелал особо отметить леди Дакен, однако лучшей признана не она.

По рядам претенденток прокатился удивленный шепот. Раздосадованная Оливия топнула ногой и гордо вскинула подбородок, отвечая на многочисленные злорадные взгляды. Кто бы ни выиграл, на свидание с императором пойдет она.

– Но я предпочел бы огласить имя счастливицы в самом конце, – улыбнулся мажордом и на мгновение остановил взгляд на Ефимии. Он умел играть на нервах не хуже великосветских кумушек Йента. –

Сначала обратимся к тем, кому не повезло. Господин Хомос подтвердит, – секретарь кивнул, – по поводу проигравшей велись серьезные дебаты. Императрица предложила одну кандидатуру, первый министр – другую, а его величество... Император либо согласился с кем-то из них, либо выдвинул свою.

– Леди Арно, – Мирабель вздрогнула и, побелев как полотно, едва не упала в обморок, – уделяйте больше внимания грации и умению вести беседу. Вы оказались на волоске, но сохранили свое место на отборе. Баронесса Орсе, а вам бы я советовал уделять больше внимания образованию, а не собственным прелестям. Императрица крайне вами недовольна. Однако и вы остаетесь.

Нахмурившаяся Валерия выдохнула. В ней зрела обида на Алисию. Вот ведь старая карга! Да она просто завидует чужой красоте и молодости! Дряблые груди нужно прятать, а упругие – выставлять напоказ.

– Так кто же покинет отбор?

Эммануэль повернулся к спутнику, предоставляя ему право объявить имя неудачницы. Господин Хомос прокашлялся и бросил быстрый взгляд в блокнот, чтобы избежать ошибки.

– Его величество с прискорбием сообщает, что конкурс завершен для леди Элис Сибелд. Он приносит свои глубочайшие извинения и просит ее сегодня же покинуть дворец.

«О, писклю выгнали!» – успела едко прокомментировать Валерия до того, как Элис зашлась в истерике.

– Это какая-то ошибка! – взлетая до невероятных октав, возмущалась она. – Я понравилась гестфольцам, я не опрокинула на себя соусник и не вываливала груди из платья, почему меня?

– Решения его величества не обсуждаются, – покачал головой мажордом и мысленно добавил: «А в этом конкретном я с ним полностью солидарен. Редко какую женщину наделяют столь противным голосом. Да гестфольцы на все бы согласились, лишь бы вы замолчали».

Участницы отбора не пожелали даже сделать вид, будто им жалко бедняжку, и Элис в расстроенных чувствах убежала к себе.

Оставалось назвать имя лучшей. Оно поразило всех, в первую очередь самую победительницу. Ефимия недоверчиво уставилась на секретаря и повторила фразу предшественницы:

– Вероятно, здесь затесалась ошибка. На приеме было много более достойных девушек.

– Вашу карточку, леди Феррир, – непреклонно потребовал Эммануэль.

Поставленная отметка уничтожила последние сомнения. Император действительно признал ее лучшей. Невероятно! С другой стороны, Ефимия не раз повторяла себе, что ничуть не хуже остальных, почему вдруг она засмушалась?

– Ваша просьба также удовлетворена. Карета ждет, можете спускаться.

Ефимия поблагодарила императора за оказанную честь и сбежала от поздравлений и вопросов подруг.

Сегодня все решится! Сердце бешено колотилось в груди, конкурс отошел на второй план. Наконец-то она покончит с сомнениями и выяснит правду.

Герда посторонилась, пропуская счастливую победительницу. Дорого бы она дала, чтобы выяснить, куда собралась Ефимия! Она темная лошадка и явно что-то замышляет. Видимо, пора и Герде немного прогуляться, заодно позолотить кучеру ручку.

– Каланча! – фыркнула вслед Ефимии Валерия.

– Красивая, – возразила Герда.

Они с леди Брок полные противоположности: белое и черное, карее и небесно-голубое, но кое в чем похожи – ни в одной нет мягкости, обе по-зимнему выюжны.

– Как ее зовут? Откуда она?

Прежде леди Мориз не интересовалась Ефимией, пора исправить ошибку.

– Из Ороя, – презрительно скривилась баронесса. – Одну девицу оттуда уже попросили.

Герда пропустила ее ядовитое замечание мимо ушей. Палец вновь коснулся губ. Из Ороя, значит... Феррир... Ничего, она наведет справки.

– Ах, в комнатах ужасно душно! – пожаловалась Герда. – Вдобавок тебе нужно заработать немного очков перед императрицей. Переоденься, и спустимся в парк. Ее величество всегда гуляет в это время.

Валерия заглотила крючок. Герда знала, подруга станет долго крутиться перед зеркалом, значит, она успеет без свидетелей переговорить с кучером. Делать этого при баронессе по известной причине не хотелось. Валерия не тот человек, которому можно доверить сложную игру.

Убедившись, что остальные кандидатки разбрелись по крылу претенденток, Герда поспешила вниз. Она торопилась, не желая столкнуться с Ефимией или Эммануэлем, который сейчас успокаивал Элис. С бедняжкой случился нервный припадок. Занятий на сегодня не назначали, Герда не рисковала вызвать столь ненужное неудовольствие опозданием.

Ее ожидания оправдались, леди Мориз первой оказалась возле кареты под императорским гербом. Герда походя подумала, что она слишком шикарна для Ефимии. В такой не зазорно отправиться в город Вардену.

Подле экипажа скучали лакеи. Кучер поправлял сбрую и проверял подпруги четверки гнедых лошадей. Шерсть их лоснилась, волосок к волоску.

– Миледи?

При виде Герды слуги встрепенулись и, приняв за Ефимию, опустили подножку, распахнули дверцу.

– Благодарю, но я всего лишь провожаю подругу, – улыбнулась леди Мориз и, вытащив кошелек из потайного кармана платья, вручила каждому по хрустящей ассигнации. – Она такая скрытная, не пожелала сказать, куда направляется!

– Так в столицу, – живо отозвался кучер.

Ему тоже хотелось получить вознаграждение. И Герда не обидела, вложила в его ладонь заветную бумажку, взамен попросив удовлетворить женское любопытство, после рассказать, кого навещала мнимая подруга. Слуга пообещал и тут же принял важный вид. Обернувшись, Герда увидела первого министра с хлыстом в руке.

– Доброе утро, милорд.

Герда склонилась в почтительном поклоне, гадая, что ему здесь понадобилось. Взгляд скользнул по высоким сапогам для верховой езды. Похоже, не только Ефимия надумала прогуляться.

– Доброе, – эхом отозвался Ленар. – Дышите свежим воздухом?

– Да, раз выдалась возможность. Но я уже собиралась уходить.

Герда скользнула обратно на крыльцо. Ей не хотелось объясняться. Граф проводил ее пристальным взглядом. Он ни на минуту не сомневался, что Герда врала, явно что-то вынюхивала. Но думать о ней было некогда: в дверях появилась Ефимия. Она весенним ветерком слетела по ступенькам и, только сейчас заметив Ленара, замерла как каменная.

– Я решил составить вам компанию, – улыбнулся граф. – Прослежу, чтобы вас беспрепятственно пропустили в нужные отделы. Не беспокойтесь, мы вернемся порознь: вы – в карете, а я – верхом. И в разное время. У меня тоже дела в столице.

Ефимия без особого энтузиазма кивнула и подошла к настежь распахнутой дверце. Она ожидала увидеть скромную карету, а тут каждая деталь кричала о высоком статусе и богатстве владельца. Куда там экипажу Агнешки Блеккуок! По сравнению с этой каретой он казался деревенской таратайкой.

– Позвольте?

От прикосновения Ленара по коже пробежал разряд молнии. Ефимию бросило сначала в жар, потом в холод. Одеревеневшая, переставшая дышать, она ощущала только его пальцы на своей ладони. Окружающий мир временно перестал существовать. Перед глазами все плыло. Как же нестерпимо горячо под его пальцами! Когда он отнял руку, девушка испытала смешанные чувства: смесь облегчения и желания все повторить, задержать мгновение.

Ефимия устроилась в дальнем углу экипажа, нарочито не замечая присутствия Ленара. Он не спешил садиться и беседовал с кучером. Но вот хлопнула дверца, набитое конским волосом сиденье прогнулось под весом графа. Он посмел сесть рядом с Ефимией. Возмущенная, она взглядом окатила его ледяной водой. Однако Ленар не собирался пересаживаться.

Экипаж дернулся и покатил по брусчатке двора.

Прикрыв глаза, первый министр откинулся на спинку сиденья. Ефимия ожидала, он что-нибудь скажет, но Ленар молчал. Это раздражало, и девушка первой нарушила тишину.

– С чего вдруг такая забота, милорд? – максимально сдержанно осведомилась она. – Пропуска за вашей подписью вполне достаточно.

– Потому что я так хочу, – привел убийственный аргумент граф и наконец посмотрел на нее. – А еще потому, что нам нужно поговорить.

– О чем? – приподняла брови Ефимия. – Кажется, мы все уже обсудили.

– Нет.

Он вновь замолчал и перевел взгляд на свои руки. Вопрос деликатный, нужно правильно к нему подступиться. Вдобавок ему нравилось смотреть на Ефимию. Врать себе – неблагодарное дело. Ефимия Брок сразу произвела на него впечатление, а после лишь укрепила его. Единственная, из кого бы вышла достойная императрица и кто никогда ею не станет.

– Мне требуется ваша помощь.

– С заговором? – догадалась Ефимия и, немного расслабившись, кивнула. – С удовольствием! Я присягала императору и всецело на его стороне. Или вы считаете иначе?

Короткий взгляд, брошенный на Ленара, убедил: она ждала обвинений. Но графу не хотелось ворошить прошлое, наоборот, он желал навечно его похоронить.

– Архивариус все подготовил. Папки с делом барона Брока ждут в особом кабинете.

Ефимия часто-часто заморгала.

Эта непривычная забота, сменившаяся холодной официальностью, надтреснутый голос... Ленар пытался ее запутать? Его мучила совесть?

– Благодарю.

Девушка не понимала, почему до сих пор не пересела. Соседство с Ленаром будоражило кровь. На каждом ухабе они оказывались чуть-чуть ближе друг к другу, но их тела не соприкасались. На грани. Вечно на грани во всем. Ей нравилось это упоительное чувство. Настоящая магия!

До города добрались быстро. Или увлеченной собственными эмоциями Ефимии так показалось?

Здание императорского архива напоминало тюрьму: такое же мрачное, с зарешеченными окнами первого этажа и часовыми на посту. Карету беспрепятственно пропустили во двор: императорский герб с успехом заменял пропуск. Когда экипаж затормозил возле входа, Ленар не вышел вместе с девушкой. В итоге ей пришлось пройти мимо него, неминуемо соприкоснувшись юбками с его ногами. Очередной разряд пронзил тело Ефимии, огонь опалил щеки. Заметил ли граф? Вряд ли.

Погруженный в тяжкие думы, он не смотрел на нее. Тем неожиданнее прозвучало брошенное в спину обещание:

– Я загляну к вам вечером. Уверен, у нас найдется много тем для разговора.

Ефимия не удостоила его ответом. Пусть приходит, отпираться она не собиралась.

Бесконечные полки тянулись по обеим сторонам хранилища. Ее провожатый, вертлявый мужчина в очках с роговой оправой, не позволял Ефимии останавливаться и раз десять проверил ее пропуск до того, как вообще сюда впустил. Вдобавок по пятам, словно конвойный, следовал солдат. Архивариус попросил его сопровождать себя, не иначе, опасаясь, что девушка сбежит или украдет секретные документы. Однако кое-что Ефимия все же успела рассмотреть: нумерации секций. Каждая двойная: буква и цифра. Цифр больше, к примеру, в секции «Д» мелькнуло число «1083».

– Сюда, пожалуйста!

Архивариус почтительно распахнул неприметную дверь. За ней оказалось небольшое помещение без окон, снабженное большим столом, одиноким стулом и достаточным запасом свечей.

– Напоминаю, выносить документы запрещено, копировать тоже. Как закончите, постучите, вас проводят.

И он удалился, оставив Ефимию в кабинете, больше походившем на камеру. Она огляделась и направилась к столу. На нем высились груды пухлых папок. Дверь за спиной захлопнулась, в замке повернулся ключ. Да, императорский архив заботился о секретности! Стараясь не думать о том, что ее могут не выпустить, девушка углубилась в чтение. Все папки относились к абигонскому делу. Ефимия пролистывала одну за другой, выискивая имя отца. Показания, сухие справки, протоколы допросов. Никаких сантиментов, только факты и голоса давно ушедших людей.

Ефимия потеряла счет времени. Она могла сидеть здесь час, а могла и сутки. Обхватив голову руками, девушка постепенно восстанавливала события двенадцатилетней давности. Сначала она противилась, не желала верить, но против нее была сотня контраргументов. Одного свидетеля можно подкупить, даже пятерых, но заставить людей разных сословий из разных мест говорить одно и то же... Вот показания адъютанта барона Брока. Он утверждал, что

командир укрывал виконта Ора, подолгу беседовал с ним. О чем? Кто теперь знает! После тех встреч Эван повторно нарушил приказ, увел свои полки. Однако на стороне мятежников они не сражались, держали нейтралитет.

– Виконт подставил отца! – Палец Ефимии ткнулся в имя Гилмора Ора. – Почему никто не поверил, что отец не отдавал того приказа! Он приютил Гилмора, а мерзавец украл его печатку. Отец сотни раз говорил об этом, почему, почему они не пожелали слушать?!

Но она и сама понимала почему: слишком по-детски звучало.

Укрывательство, неповиновение приказу – достаточно для смертной казни в военное время. Однако ряд приближенных к императору лиц выступал за помилование генерала, напирал на его опыт и искреннее раскаяние. Эван Брок действительно сожалел о содеянном, корил себя, что поверил сладким речам виконта Ора. Он слишком поздно понял, что стояло за его жаждой справедливости. Генерал Брок мечтал остановить обогащение родственников императорской семьи за счет простого люда, добивался пенсий для солдат и солдатских вдов, ратовал против очередной кровопролитной войны из-за алмазных копий. Все это обещал исполнить лидер абигонцев взамен на поддержку.

Сжав голову руками, Ефимия вновь и вновь перечитывала строки: «Виконт Ор не собирался свергать действующую династию, он всего лишь намеревался очистить министерства от лишних людей и напомнить императору о долге перед народом». Ребенок, сущий ребенок! Как можно громить врага, рушить хитроумные планы наступлений и поверить в подобную чушь!

В списке ходатайствовавших за победоносного генерала на первом месте значилось имя Ленара Горзена. А ведь барон Брок так дурно отзывался о нем в кругу сослуживцев! Называл сосунком, очередным никчемным дворянчиком, которого вовремя протолкнули к трону родители. И если бы только о нем! Несправедливо винить в трагедии только изворотливого виконта Ора – вот они, записи разговоров барона Брока с офицерами его корпуса. Он высоко ставил родину, боготворил Рдож, но считал покойного императора пьяницей, погрязшим в женских постелях. Мол, им не пришлось бы воевать, если бы очередной любовнице его величества не потребовалось ожерелье. Говорилось все это после боев, разумеется, за кружечкой. Кто-то

забыл, а кто-то запомнил. Генералу следовало сдерживаться, помнить, что даже в самом узком кругу всегда найдутся завистливые уши.

С трудом поднявшись, пошатываясь под грузом рухнувших иллюзий, Ефимия постучала в дверь. Ей хотелось выбраться на улицу, хлебнуть свежего воздуха и подумать, как жить дальше.

Глава 21

Тяжело принять новую реальность.

Прижавшись щекой к гладкой обивке сиденья, Ефимия снова и снова мысленно прокручивала перед глазами скупые строки из дела барона Брока. Первым желанием было прокричать: «Не верю, бумаги сфабриковали!» – но она видела письма отца к виконту Ору. Почерк его, не фальшивка. Пусть барон медлил, не желал вступать в открытую конфронтацию, проливать кровь бывших соратников, но точно так же он не спешил сдать лидера мятежников властям.

Ефимия до крови впиалась пальцами в кожу. «Предатель! Дочь предателя!» – эхом звучало в ушах.

Отец оказался вовсе не эталоном, не безупречным героем. Он как рыба в воде чувствовал себя в бою, но становился совершенно беспомощным в мирной жизни. Виконт провел его как ребенка! Девушка не могла поверить, что отец оказался настолько глуп, настолько легковерен, ослеплен бесплотными идеалами. Без доказательств поверить всем сплетням, решить, будто виконт Ор восстановит справедливость, построит райские кущи на земле! Ефимия расхохоталась. словно бесноватая, она билась головой о спинку кареты и смеялась, смеялась, пока не кончился воздух в легких.

Мать утверждала, будто Ефимия пошла в отца. Неправда, в него уродилась Анна. Она росла точно такой же: наивной, романтической, верящей в высокие идеалы, в то, что жизнь подстроится под нее, что ее заслуги оценят.

Бедные братья!

До Ефимии вдруг дошло, что отца не собирались казнить. В записях фигурировал дневник отца, найденный Ленаром Горзеном. Якобы в нем содержались записи, смягчающую вину генерала. А еще был приказ Эвана Брока, самый последний, отданный незадолго до ареста. Он понял, что стал пешкой в чужих руках, и отрядил людей для поимки Гилмора Ора. Назначил ему встречу, подготовил ловушку, только не успел. Вдобавок барон не сопротивлялся при аресте, добровольно отдал оружие. Может, император сжалился бы над ним? Не отправил же он на рудники его семью! Опять же, барона не

перевезли в столицу для показательной казни, держали в Берже, в обычной тюрьме.

Увы, у истории нет сослагательного наклонения, правды Ефимия никогда не узнает. Одно она понимала: если бы братья не оказались такими же максималистами-холериками, как отец, сейчас бы они обзавелись семьями, помогали матери. Ни Алан, ни Ролан с виконтом Ором не общались, даже не служили под командованием отца. Алан только-только заступил на службу в гвардейский полк, традиционно базировавшийся в столице, Ролан готовился к вступительным экзаменам в университет, планировал изучать право.

Глупые мальчишки! И не менее глупая Ефимия, которая двенадцать лет ненавидела не того человека. Если кто и повинен в трагедии их семьи, то только виконт Ор.

– С вами все в порядке, миледи?

Встревоженный кучер натянул вожжи и приоткрыл смотровое окошечко.

– Да, в полном.

Ефимия выпрямилась, села нормально и, смахнув выступившие на глазах слезы, улыбнулась.

– Не могли бы вы сделать круг по столице? – попросила она. – Я хочу взглянуть на Старый дворец и прочие достопримечательности. Или это запрещено?

– Конечно, можно, миледи, только скоро стемнеет...

– Тогда посмотрим то, что по дороге.

Окошечко захлопнулось, девушка вновь осталась наедине с собой. Ее вовсе не волновали достопримечательности Йента, Ефимия просто пока не была готова предстать перед подругами и другими участницами отбора. Она должна успокоиться, снова надеть маску.

За окном мелькали тонущие в сумеречном свете здания, спешили куда-то люди. Они казались Ефимии тенями далекого прошлого.

Голова раскалывалась от вопросов. Как теперь жить, во что верить? Одно девушка понимала точно: ей придется извиниться перед Ленаром. А еще она просто обязана отыскать пропавший дневник отца. Почему его не оказалось в архиве, кто его изъял, как пронес мимо бдительной охраны? Ефимия на собственном опыте убедилась: сделать это практически невозможно. А если бы и удалось, непременно подняли бы тревогу, вора быстро бы схватили. Однако

факт оставался фактом: дневник фигурировал в материалах дела, но отсутствовал в описи. Более того, у Ефимии сложилось впечатление, будто саму опись заменили: печать явно взломали, а потом аккуратно подправили. Возможно, это сделали по приказу императора. Если так, дневник давно сгорел в топке камина.

Как Ефимия ни старалась оттянуть возвращение в Новый дворец, оно все же состоялось. Будто сомнамбула девушка сошла на освещенный факелами двор, поднялась по лестнице. Она не желала ни с кем говорить, никого видеть. Хотелось скорее запереться у себя, принять ванну, но Ефимия подозревала, что в спальне караулят подруги. Нужно выбрать другое место для уединения. И тут она вспомнила о втором этаже Зала одалисок. Осталось понять, как туда попасть.

Традиционное место сбора императорских невест встретило девушку полумраком и тишиной, только мерно журчал небольшой фонтанчик. Свет проникал лишь через окна, пришлось взять канделябр и затеплить свечу от факела на лестнице. Крепко сжимая в пальцах медную ножку, Ефимия двинулась вдоль стен, надеясь отыскать потайной лаз, но быстро убедилась, что вход надлежало искать снаружи. Жаль! Даже если она его разыщет, без ключей внутрь все равно не попасть. Девушка сомневалась, что их выдают по первому требованию. Раз так, оставалось проверенное средство привести мысли в порядок: ночная прогулка по парку.

Радуясь тому, что прихватила в дорогу накидку – она защитит от прохлады, – Ефимия потушила свечу и выскользнула за дверь. Однако не успела она миновать и половину лестничного пролета, как кто-то схватил ее за руку, понуждая остановиться. Обернувшись, девушка увидела Идриса Блеккуока. Даже скудного света факелов хватало, чтобы понять: он в бешенстве. И объект его недовольства – Ефимия.

– Наконец-то я поймал вас, миледи!

Девушка дернула плечом, надеясь, что Идрис ее отпустит, но маршал, наоборот, усилил хватку, завладел второй рукой.

– Вы только просите, однако не стремитесь что-либо давать взамен. Складывается впечатление, будто вы водите меня за нос.

Не иначе, небеса решили ее добить! Какая-то пара минут, и Ефимия успешно избежала бы встречи с Идрисом. Однако она случилась, и предстояло как-то выкручиваться.

– У кого складывается? У вас?

Ефимия стойко выдержала грозный взгляд собеседника. Вот так, спокойно. Маршал не должен почувствовать ее нервозность, видеть, что ей хочется сбежать и никогда с ним больше не встречаться.

– Не заговаривайте мне зубы! – прошипел Идрис. – Или вы решили прогуляться во дворец за мой счет?

– Вашей матушки – именно она оплатила наряды. Однако ваши претензии беспочвенны. Взгляните в мою карточку и убедитесь. Его величество один раз уже звал меня на свидание, а сегодня утром сделал победительницей очередного конкурса.

– Этого мало! – покачал головой маршал, но убрал одну руку. Теперь он удерживал Ефимию только за запястье.

– Достаточно, – отрезала девушка. – Или вы полагаете, будто в перерыве между благодарностями и поеданием пирожных я должна была требовать?..

Она не договорила и выразительно глянула на Идриса.

– Не беспокойтесь, милорд, я выполню условия сделки. Большие дела делаются маленькими шажками.

Ефимия с досадой покосилась на двери на половину претенденток. Когда нужно, на часах никого, ни слуг, ни солдат! При них маршал не посмел бы вести себя столь дерзко. И ведь никому не пожалуешься...

– Учтите, – пригрозил Идрис, – я не потерплю обмана!

Девушка уже это поняла и гадала, как выпутаться из щекотливой ситуации. Прежде ее планы совпадали с планами Блеккуоков, но архив изменил все. Отныне она не желала зла Ленару, наоборот, преисполнилась чувством вины перед ним.

– Руку, милорд! – Ефимия сделала вид, будто не расслышала его слов.

– Э, нет, не так быстро! – покачал головой Идрис. – Я не дам вам ускользнуть до того, как получу гарантии.

– Кажется, девушка ясно выразилась, что не желает иметь с вами дела! – прогремел над их головами голос Ленара. – Советую немедленно оставить ее в покое.

Оба, и маршал и Ефимия – синхронно задрали головы, чтобы в просвете балюстрады этажом выше увидеть первого министра. Он успел не только вернуться в загородную резиденцию, но и переодеться

в парадный мундир. Серебряное шитье последнего таинственно поблескивало в мигающем свете факелов.

– Отпустите ее! – повторил Ленар.

Голос его не допускал возражений, и маршал покорно отступил. Теперь между ним и Ефимией пара ступеней. Девушка бросила быстрый взгляд за спину. Она могла бы сбежать, вряд ли кто-то из мужчин стал бы ее преследовать, но предпочла остаться.

За считанные мгновения первый министр поравнялся с обидчиком леди Брок. Идрис отвесил ему фальшивый почтительный поклон, но удостоился лишь сурового взгляда из-под насупленных бровей.

– Надеюсь, проблема решена? – сухо осведомился Ленар.

Ефимия запоздало сообразила, почему он в мундире: провожал гестфольцев. Но зачем было сопровождать ее в город, не лучше ли было бы остаться и спокойно подготовиться к торжественным проводам?

– Безусловно, – кивнул Идрис.

Брошенный вскользь взгляд недвусмысленно намекал, что для Ефимии точка еще не поставлена, они договорят после.

– У вас какое-то дело к участнице отбора его величества? – не унимался первый министр.

Он видел, Ефимии некомфортно в обществе маршала, и желал оградить ее от неприятного разговора.

– Я всего лишь передавал привет от матушки. – От мнимой вежливости у Идриса сводило скулы. – Она беспокоится за леди Феррир. Вы ведь в курсе, они из одного графства, и их матери...

– В курсе! – оборвал поток лжи Ленар. – Я желаю с вами побеседовать. Скажем, завтра в одиннадцать утра. Доложите, как обстоят дела в графстве, выполняются ли все указания его величества. Доброй ночи, милорд! Я вас больше не задерживаю.

Маршалу ничего не оставалось, как откланяться. Ефимия полагала, первый министр уйдет вслед за ним, но Ленар задержался. От его пристального взгляда на щеках проступили алые пятна.

– Прогуляемся? – предложил Ленар и подал ей руку.

Ефимия обреченно согласилась. На его месте у нее тоже возникло бы множество вопросов.

– Я предлагаю пройтись до пруда. Это далеко, но вид того стоит. К тому же со мной вам нечего бояться.

Девушка кивнула, уловив подтекст его слов. Долгая прогулка означала долгий разговор подальше от чужих ушей. Благородно со стороны Ленара – он мог бы допросить ее прямо здесь, потребовать рассказать, что связывает Ефимию с Идрисом Блеккуоком. Уж явно не его матушка!

– Я... я должна вас поблагодарить, – пробормотала девушка, когда они вышли на свежий воздух.

Вокруг сгущалась мгла, разгоняемая светом фа-келов.

– После! – шепнул Ленар и повел ее ко входу в парк.

Стоявшие на часах солдаты подобрались и отдали честь второму человеку в империи.

Несмотря на относительно поздний час, парк не обезлюдел. До Ефимии доносились звуки голосов, женский смех. На главной аллее несколько юных фрейлин играли в мяч. Они не столько хотели выиграть, сколько произвести впечатление на кавалеров.

– Тшш!

Приложив палец к губам, Ленар увлек спутницу на одну из боковых дорожек. На краткий миг его рука легла ей на плечи. Словно испугавшись невиданной дерзости, граф тут же убрал ее, вновь отдав кожу девушки во власть ночной прохлады. Ефимия не возражала бы, верни он ладонь обратно, но она промолчала. Поздно, момент упущен, теперь ей осталось только смотреть на его спину.

Голоса играющих постепенно стихали, потом и вовсе пропали. Только хрустел песок под ногами и выводили свои трели цикады.

– Я ужасно виновата перед вами. – Лучше сказать сейчас, когда он идет впереди и не смотрит на нее. – Мне сложно подобрать слова... Словом, я прочитала дело отца.

Ленар ничего не ответил, только чуть сбился с шага. Ободренная его молчаливым прощением, прокашлявшись – от волнения пересохло в горле, – Ефимия продолжила:

– Я была ребенком, ничего не смыслила в политике. Вдобавок детям свойственно боготворить родителей...

– Вряд ли даже ваша мать знала правду. Я бы предпочел, чтобы она и сейчас думала, будто я не принимал участия в ее судьбе.

Они наконец вышли на открытое пространство, и девушка сдавленно ахнула от открывшейся перед ней водной глади. Пруд казался точным отражением неба, с собственной луной и звездами.

Выполненный в форме дождевой капли, он манил легкой рябью, приглашал отвязать одну из лодок от причала и совершить прогулку к небольшому островку, где печально склонили головки ирисы.

– Хотите?

Словно прочитав ее мысли, Ленар направился к пристани.

– Нет, нет! – оправившись от первоначального восторга, замахала руками Ефимия.

– Почему?

Замерев на полпути, граф обернулся к ней.

Девушка кусала губы, не зная, что ответить. Точно не правду! Не говорить же, что прогулка слишком напоминает свидание, что она одновременно жаждет и страшится остаться с ним наедине, потерять голову и окончательно перечеркнуть свое будущее. Ефимия Брок – участница императорского отбора, ее мысли должны быть заняты только Варденом. А еще тем, как сохранить свое происхождение в тайне, но уж точно не любовью. Положим, сегодняшнего разговора не избежать, но вряд ли впредь они станут часто встречаться, да и то в официальной обстановке. Ефимия быстро задушит в себе огонек запретного чувства.

– Значит, никаких возражений? – усмехнулся Ленар и отвязал одну из лодок. – Или у вас остались какие-то претензии? Кого я еще убил, предал?

– Никого, – потупилась девушка и скороговоркой, отрубая пути к отступлению, с пылом добавила: – Я дура, и мне очень-очень стыдно! И мой отец тоже дурак. То, что с нами произошло, – исключительно наша вина.

– Больше никакой наперстянки? – строго глянул на нее первый министр.

Ефимия потупилась и покачала головой.

– И я готова искупить свою вину.

– Прекрасно! – довольно кивнул Ленар и запрыгнул в лодку. – Тогда спускайтесь на причал, миледи.

Девушка устроилась на корме и напряженно наблюдала за оставляемыми веслами кругами на воде. Она по-прежнему избегала смотреть на спутника, остро ощущала даже сквозь юбки шершавость его сброшенного сюртука, представляла, как при каждом гребке напрягаются, перекачиваются мышцы Ленара под рубашкой. Зато он

не сводил с нее взгляда, отчего Ефимия лишь все ниже опускала голову.

– Чего от вас хотел Идрис Блеккуок?

Проверка.

Ефимия вздохнула, но лгать не стала:

– Вашей должности.

– Во как! – присвистнул Ленар. – Дайте угадаю? Вы попали на отбор за взятку?

– А как еще? – Девушка практически уронила голову на руки. – С моим происхождением нечего делать во дворце, обман с фамилией прабабки быстро бы вскрылся. Странно, что до сих пор...

– Ферриры не принадлежали к правящей аристократии, а большинство забивает голову лишь именами потенциальных конкурентов в борьбе за различные блага.

Первый министр продолжал мерно грести, и Ефимия осмелилась взглянуть на него. Как, разве он не в бешенстве, разве ему не хочется утопить ее? Лицо Ленара было спокойно, даже благожелательно. Его сейчас освещала луна, будто специально по такому случаю пустившая через лодку блестящую дорожку.

– Как понимаю, вы разорвали сделку с Блеккуоками?

– Да, – кивнула Ефимия и, скомкав ленту пояса, добавила: – Если угодно, я передам вам письма Агнешки Блеккуок.

– Не надо, я вам верю, – мягко возразил граф и, перестав грести, коснулся ее руки.

Лодка замерла посредине пути между сушей и островком. Залитая лунным светом, она делала окружающий мир нереальным, всего лишь сном, наверное, поэтому Ефимия отважилась накрыть ладонь Ленара своей, робко, каждый миг ожидая суровой отповеди. Но ее не последовало. Не выпуская ее руки, рискуя упасть в воду, первый министр перебрался ближе. Сердце девушки забило пойманной птичкой. Кожа пылала, грудная клетка ныла от страха и предвкушения.

– Какие у вас холодные пальцы!

Его шепот делал происходящее еще более запретным, разгонял мурашки по позвоночнику.

У Ефимии вдруг закончились слова. Одурманенная, она широко распахнутыми глазами наблюдала за Ленаром, тогда как желудок постепенно завязывался узлом, наливался жаром. Девушка жаждала

его близости, его прикосновений, чтобы граф перешел черту, но, когда его губы коснулись ее пальцев, все равно оказалась не готова и вскрикнула.

– Разве вам больно? – недоуменно спросил Ленар.

Она не видела выражения глаз спутника – лунный луч переместился на нос лодки, – а ей так требовалось его увидеть, именно теперь, в эту минуту!

– Сейчас – нет, больно станет потом, – едва размыкая губы, пробормотала Ефимия.

Почему рядом с ним она превращается в тягучую карамель? Почему не может ответить отказом, вырвать руку? Да потому, что грезила об этих прикосновениях с первой минуты, как только увидела Ленара на втором этаже Зала одалисок.

– Я не хочу причинять боль. Не вам.

Зачем, зачем он это сказал?!

Стало тяжело дышать. Ефимии не хватало воздуха. Облизав сухие губы, она отвернулась и опустила свободную ладонь в воду – может, хотя бы прохлада приведет ее в чувство.

Так нестерпимо горячо и одновременно холодно! Так хочется поверить, но разум твердит: все ложь, ты сама все придумала.

– Ефимия?

Если бы он только знал, как завораживал звук его голоса! Но Ленар никогда не узнает, девушка умрет, но не скажет.

– Простите! – Улыбка вышла кривой, неестественной. – Я задумалась. Столько всего навалилось! Не каждый день рушится жизнь.

По лицу первого министра скользнула тень. Он с видимой неохотой отпустил ее пальцы, поднялся, чтобы вернуться на нос, но в самый последний миг передумал. Лодка опасно накренилась, качнулась, когда Ленар резко шагнул к Ефимии. Она коротко вскрикнула, по инерции выставив руки для защиты, когда его губы коснулись ее губ, а пальцы сомкнулись на талии, привлекая к себе.

Огненный шар сердца разорвал грудную клетку, Ефимия обмякла в чужих руках, чтобы в ужасе буквально через мгновение оттолкнуть графа.

– Нет! Нельзя!

Она растерянно провела дрожащей рукой по губам и обернулась к берегу.

– Мы сейчас причалим обратно, – перехватив ее взгляд, деревянным, глухим голосом ответил Ленар.

Он сам не понимал, что на него нашло. Наверное, лунное затмение. Но Ленар не простил бы себе, если бы снова не ощутил тепло ее губ. Они не походили на губы других женщин, пробуждали в нем то, что граф считал давно похороненным в глубине души.

От Ефимии пахло яблоками и ванилью, невинностью, преданностью – всем тем, чего недоставало его любовницам. Они дарили наслаждение в постели, тешили эго, мастерски владели искусством поцелуя, но не шли ни в какое сравнение с Ефимией Брок.

– Я думала совсем о другом, милорд, – залившись румянцем, призналась в собственной порочности девушка. – Я боялась, что нас видели.

Ленар расхохотался, спугнув в прибрежных зарослях пару недовольных уток.

– Право, миледи, вы удивительная женщина! – покачал головой он. – Непредсказуемая и волшебная.

– Я совершенно обычная, милорд, – возразила Ефимия. Она немного пришла в себя, вернула трезвость суждений. – И мне известна ваша репутация.

– Репутация? – приподнял бровь граф. – Право, это интересно!

– У вас есть любовница, и вы явно не нуждаетесь в новой. Во всяком случае, так скоро. И уж точно не в моем лице. А теперь покажите мне этот демонов остров, скажите то, что собирались сказать, если только эта прогулка была задумана не с целью моего соблазнения.

Дерзость Ефимии поражала. Но именно она привлекала Ленара больше привычной женской мягкости. А еще блеск ее голубых глаз, сейчас грозных, как небо перед бурей. «Истинная императрица! – пронеслось в голове первого министра. – Только скорее Рдож провалится в преисподнюю, чем Варден получит Ефимию Брок. Она моя!».

Девушка снова бросила ему вызов, только на этот раз ей не выиграть.

Глава 22

– Как занятно!

Вечерело. Герда Мориз прошлась между стеллажей библиотеки, сжимая в пальцах томик стихов. Однако сюда ее привела не жажда знаний, даже не желание приятно провести время в мирах чужой фантазии. С утра Герда получила записку от маркизы Плее и сочла ее стоящей внимания. Похоже, Катарина обладала сведениями, которых ей не хватало. В свою очередь леди Мориз тоже могла поведать любовнице первого министра кое-что интересное. Кучер сполна отработал плату и подробно описал не только весь маршрут, но и странное поведение Ефимии. Добавить к этому внимание Ленара и таинственно обрывавшуюся историю рода... Герда чуяла: здесь что-то не так. Нужно лишь сделать шаг – и еще одной соперницей станет меньше.

Герда холодно улыбнулась:

– Сведения точные?

– Безусловно! – кивнула Катарина.

Ефимия беспокоила ее все больше. Вчера любовник прогнал маркизу, сославшись на усталость, но верные люди донесли, поздно вечером он гулял с девицей Феррир, может, даже уединился с ней. Этого Катарина уже стерпеть не могла. Она не трофей и сама выбирала мужчин. Пока маркиза не пресытится Ленаром и его деньгами, он обязан смотреть только на нее.

– В таком случае нужно устроить медицинское освидетельствование.

Уголок рта Герды снова дрогнул, пальцы с силой сжали корешок, рискуя его порвать.

– На основании чего?

Катарина нервным движением поправила прическу и опустилась в одно из кресел. Интуиция не подвела, из леди Мориз вышла отличная союзница. А ведь она колебалась, выбирая между ней и Альбиной Хаскейн – двумя ставленницами императрицы. Катарина не первый год жила при дворе и слишком хорошо понимала, что остальные девушки – статистки. Только недалекие люди верили, будто любая

конкурсантка, прошедшая сито первоначального отбора, может примерить корону. Сказка для простого люда! Все решала императрица. Она заставит сына выбирать между Альбиной и Гердой. Катарина примкнула к партии последней. Все равно не получилось бы сохранить нейтралитет, а так в случае выигрыша юная императрица щедро отблагодарит маркизу, и та перестанет нуждаться в покровителях.

Кто-то фыркнул бы, сказал, младшая дочь виконта без труда обскочет внучку графа, но Катарина не хуже молитв зазубрила родословные главных родов империи. Когда отец Герды, пусть не сейчас, а через десять лет, станет графом Пи, Альбине и ее отцу придется отвешивать ему поклоны. Власть не только в руках герцогов, хотя чутье подсказывало, что Пи скоро сменят корону на гербе.

Герда опустилась рядом с Катариной. Томик поэзии лег между ними словно меч из легенды о бессмертных возлюбленных.

– На основании того, что вскоре у императрицы найдется весомый повод сомневаться в девственности одной из претенденток.

Маркиза широко распахнула глаза.

– Вы осмелитесь послать ей анонимное письмо, в котором...

Леди Мориз покачала головой. У нее тоже имелся туз в рукаве, имя которому Валерия Орсе. Необремененная нравственностью подруга охотно заберется в постель короля, уж Герда позаботится навести ее на нужные мысли, а там... Никаких писем она писать не собиралась. Некоторые вещи сложно утаить. Слуги непременно доложат о грязных простынях и полуголой девице, скрывшейся на рассвете в крыле претенденток. Императрица придет в бешенство, устроит проверку, и в силок попадет Ефимия. Лишь бы только предположения Катарины оказались правдой, лишь бы первый министр вчера развлекался с новой пассией на лоне природы!

О Валерии Герда не думала. Та расходный материал. Дура. Вульгарная дура. Она и без Герды вывалила бы на всеобщее обозрение свои прелести и вылетела с отбора.

– Все решится само собой, без нашего участия, маркиза.

Рука Герды накрыла пальцы Катарины. В карих глазах мелькнуло подобие теплой, дружеской улыбки, но собеседница верила ей не более, чем она сама.

– Теперь моя очередь. Полагаю, вам интересно будет узнать, что граф Митас лично провожал Ефимию Феррир до столицы. И ездила она в архив, где провела не один час, вернувшись понурой, чуть ли не в слезах.

Катарина прищурилась. Сведения действительно показались интересными. В отличие от той же Герды, маркизе ничего не мешало прогуляться в столицу и допросить архивариуса.

– Вы мне очень помогли. – Катарина поднялась и по-мужски протянула леди Мориз руку. Помедлив, та пожалала ее. – Теперь мы союзницы. Так ведь?

Маркиза склонила голову набок и заглянула в глаза Герды. Леди Мориз нахмурилась. Она рассчитывала найти очередное орудие, но Катарина явно претендовала на большее. Вряд ли подобную женщину устроит судьба вечной содержанки. Опять-таки, рукопожатие, уверенное, крепкое, огоньки пламени в зрачках... Они исчезли, стоило Катарине взмахнуть ресницами, но Герда умела подмечать детали.

– Безусловно, – кивнула она и отняла руку. – Обещаю навести справки о роде Феррир.

– Уж постарайтесь! – мурлыкала Катарина, в который раз за неполные полчаса сменив одну маску на другую. – Взамен поделюсь с вами планами ее величества. Хотите узнать суть следующего испытания?

Глаза Герды загорелись. Она наострила уши, всем корпусом подалась к собеседнице, но та не спешила продолжать. Подняв томик стихов, Катарина задумчиво прочитала название:

– «Ода любви».

Фыркнув, она вернула книгу владелице.

– Те, кто верит в любовь, проигрывают первыми, не находите? Но завтра вам предстоит ее источать. Чем больше и фальшивее, тем лучше. Какая разница, что у вас на душе, главное – видимость. Императрицы Рдожа традиционно покровительствуют богоугодным заведениям. В одно из них вы завтра и направитесь.

– К монашкам? – нахмурилась Герда.

Она унаследовала неприязнь ко всему, связанному с почитанием святых, от матери. Та не раз твердила, что молитвами и заступничеством небес жизнь не устроишь, только зря потратишь время и деньги.

– О, не беспокойтесь, – рассмеялась Катарина, – ее величество не настолько жестока! Речь о сиротском приюте.

Герда кивнула. Детей она кое-как вытерпит, ради короны готова читать им сказки и гладить по головке.

– Вам пора, – напомнила маркиза о времени. – Нас не должны видеть вместе.

Герда еще раз поблагодарила за ценные сведения и удалилась в крыло претенденток. Пожалуй, сегодня она сядет за клавикорды: за музыкой хорошо думается.

* * *

Пока одни женщины плели паутину интриг, другие пытались ее разрушить.

Ефимия успешно избегала встречи с подругами до самого вечера, но окончательно похоронить себя в собственных покоях девушка не могла и, словно привидение, выползла в Белый салон. Оттуда лились звуки печальной баллады – Герда Мориз упражнялась за клавикордами. Из всех кандидаток она лучше всех пела и музицировала.

Альбина пристроилась у окна с мольбертом и, закусив губу, быстрыми штрихами пастели пыталась перенести на бумагу краски уходящего дня. Остальные девушки занимались кто чем: читали, болтали, ждали своей очереди сесть за инструмент или просили Герду спеть с ними дуэтом. Леди Мориз обычно не отказывала. Снежная королева, как мысленно прозвала ее Ефимия.

Заметив подругу, Элизабет и Мирабель активно замахали ей, предлагая присоединиться к кружку у камина. Девушка задумалась и качнула головой. Не сейчас. Подхватив подушку со свободного кресла, она устроилась на подоконнике, затылком ко всем. Некоторые вещи нужно осмысливать в одиночестве.

Боль все еще жила в сердце Ефимии. Она не могла понять, почему отец так поступил, как он мог поверить кукловоду. Ко всему прибавилась новая тревога – Ленар Горзен. Его поведение не оставляло сомнений, граф задался целью соблазнить ее. Ефимия злилась. Неужели ему мало других женщин? Любовница первого

министра хороша собой, чего ему не хватает? Или это месть? Ленар хочет унижить, втоптать в грязь? Сложность заключалась в том, что Ефимии хотелось верить в искренность его чувств. Видеть его, слышать голос, чувствовать тепло губ. Все серьезно: за неполные сутки девушка трижды выводила инициалы Ленара на зеркале, постоянно думала о нем.

Тогда, на озере, все закончилось поцелуем. Ленар обратил его в шутку, списал на магию ночи и красоту Ефимии. Он сдержал слово и показал девушке остров. Там они говорили о самых приземленных вещах, но Ефимия не столько слушала, сколько вспоминала прикосновение его рук. Создатель, Ленар сводил ее с ума! Стоило ему пожелать, как Ефимия превращалась в податливую глину.

– Да что с тобой такое, Эффи!

Элизабет подошла первой, следом за ней – Мирабель.

– Ты сама не своя! – не унималась подруга и силой развернула Ефимию к себе, насупившись, заглянула ей в лицо. – Ты заболела? Служанка сказала, ты сегодня вообще не выходила...

– Я спала, – виновато улыбнулась девушка. Ей опять приходилось врать. – Разболелась голова, но уже почти в порядке.

– В порядке? – скептически хмыкнула Элизабет. – Да ты осунулась, глаза покраснели! Ты плакала, Эффи, не отпирайся, и ты немедленно расскажешь почему.

Однако Ефимия молчала и упрямо отводила взгляд. Она не могла сказать правду.

– Так, Ефимия Феррир, – Элизабет села рядом, невежливым тычком вынудив подругу подвинуться, – ну-ка выкладывай! Я не дура и не слепая, с тобой который раз неладно. Не хочешь здесь, при них, – она кивнула на остальных кандидаток, – найдем укромное местечко. Но ты сознаешься. Точка!

– Право, Эффи, – подала голос Мирабель и ласково взяла Ефимию за руку, – мы твои подруги, мы пойдем и не предадим. Я с вами самым сокровенным делилась, самым-самым стыдным. Вряд ли, – она слабо улыбнулась, – у тебя что-то хуже.

«Намного хуже!» – хотелось ответить девушке, но она сказала совсем другое:

– Ладно, с вами поделюсь. Только потом не жалейте!

Подружки переглянулись и кивнули.

– Ко мне? – предложила Элизабет.

Задумавшись, Ефимия качнула головой. Она помнила историю с наперстянкой. За покоем каждой следили. Может, через замочную скважину, может, через дырочку в стене. Лучше воздержаться от сокровенных бесед в крыле претенденток.

– Знаете, – лукаво подмигнула Ефимия, – я всегда мечтала побывать в тронном зале.

– Тронном зале? – нахмурившись, переспросила Элизабет.

– Тшш! – Леди Брок приложила палец к губам и бросила быстрый взгляд на Альбину.

Слышала или нет? Дочка виконта облюбовала соседнее окно, вроде полностью поглощена рисованием, но кто ее знает?

Право, какие подружки непонятливые! Ну не скажешь же им прямым текстом, что в тронном зале откровенничать можно, а тут – нежелательно?

– Разве тебе не любопытно взглянуть на трон? Если повезет, кто-то из нас сядет на соседний, для императрицы.

Элизабет бросила на Мирабель косой взгляд: «Она сошла с ума!» – но согласилась прогуляться в парадные покои. Однако ни в какой тронный зал Ефимия не собиралась. С некоторых пор она дула на воду. Вдруг шпионы подслушали их разговор и уже мчались занять удобные места? Решив не рисковать, она остановилась в одном из коридоров и знаком попросила подруг приблизиться вплотную.

– Голос не повышать, не охать, ничего не переспрашивать! – строгим шепотом приказала она. – Иначе мы все окажемся в тюрьме. В комнатах тоже держите язык за зубами: за нами следят.

Девушки синхронно кивнули и выжидающе уставились на Ефимию. Сделав глубокий вздох, она начала с относительно безобидного:

– Гестфольского принца пытались убить и свалить все на первого министра. Кто-то из наших. Я сама слышала. Те же люди отравили герцогиню.

Побледневшая Мирабель прислонилась к стене. Элизабет стала мрачнее тучи, но не проронила ни слова. Пришлось продолжать, перейти к тому, о чем говорить решительно не хотелось.

– Я... – глубокий вдох. – Я не та, за кого себя выдаю. Только первый министр знает.

– Он тебя шантажирует? – предположила Элизабет.

Ефимия покачала головой и, потупившись, при-зналась:

– Мне помогли попасть во дворец, чтобы я добилась опалы графа Митаса. У меня тоже имелся повод для мести. Я полагала, что по вине Ленара Горзена погибли мой отец и братья. Словом, – она будто со скалы в море прыгнула, – я Брок. Дочь того самого Эвана Брока.

В коридоре воцарилась оглушительная тишина. Слышно было шумное, прерывистое дыхание каждой; сердца стучали как кувалды.

– Я слышала о генерале Броке, – неожиданно первой прервала молчание Мирабель. – Но ты все равно моя подруга.

Она робко улыбнулась и обняла Ефимию.

Элизабет хмурилась и до сих пор колебалась. Ефимия бы поняла, если бы она развернулась и немедленно отправилась за Эммануэлем. Оставалось только ждать и надеяться на прощение.

– Это ты? – Никогда прежде голос Элизабет не звучал так сухо, отстраненно. – Ты хотела отравить графа, но перепутала бокалы? То есть тогда ты соврала, первый министр не зря обвинял тебя.

– Никакого яда у меня нет и не было.

Стало обидно, до полынной горечи во рту. Еще минуту назад Элизабет Сомерсби доверяла ей, а теперь считала убийцей.

– Чем докажешь? Прости, твое слово теперь ничего не значит.

– Не слушай ее! – с жаром выпалила Мирабель и заслонила собой Ефимию. Со стороны смотрелось потешно: маленькая леди Арно защищает подругу, которая почти на две головы выше ее. – Элизабет одумается, и ей станет стыдно. Стыдно, Бетси! – с небывалым напором повторила Мирабель. – Потому что Эффи не крыса. Совершенно неважно, кто ее отец. Она вдоволь настрадалась, хватит ее травить! Вдобавок если первый министр ей доверяет, то и ты обязана. Или считаешь себя умнее графа?

Монолог подруги произвел на Элизабет неизгладимое впечатление. Она несколько раз пыталась ее прервать, но всякий раз Мирабель не позволяла, наседала, не давая вставить ни слова. И Элизабет сдалась, неохотно согласилась поверить Ефимии и не сообщать мажордому.

– А почему тогда ты плакала? – Она по-прежнему смотрела с подозрением, но хотя бы не поджимала губы.

– Я побывала в архиве и стараниями графа почитала дело отца. Мой мир рухнул, Бетси, только и всего! – развела руками Ефимия. – Отец ввязался в заговор по собственной наивности, о чем потом сожалел, но поздно. Я тоже столько лет винила Ленара Горзена, а он... Он оказался нашим благодетелем.

Помолчав, она обвела взглядом подруг, может статься, уже бывших.

– Все, мне больше нечего сказать и нечего скрывать. Разве только возраст. Увы, но через пару месяцев мне исполнится двадцать четыре.

Мирабель снова обняла ее и, ухватив Элизабет за руку, заставила подругу тоже коснуться Ефимии.

– Ну вот, – довольно кивнула она, – теперь все как раньше!

Элизабет вырвалась и быстро зашагала в крыло претенденток.

Ефимия проводила ее тяжелым взглядом. Как – раньше точно не будет, зато она избавилась от груза лжи.

– Не переживай! – попыталась успокоить ее – Мирабель. – Она подуется, подумает и простит. Бетси ведь знает, какая ты хорошая, у нее просто ха-рактер.

Леди Брок невольно усмехнулась. Похоже, из них троих характером не обладала только Мирабель, хотя недавние события заставили в этом усомниться.

– Я тебе помогу. – Пальцы леди Арно надежно завладели ладонью Ефимии. – Мы найдем крысу. На меня точно не подумают. Я ведь неудачница, тихоня, раззява и плакса, – подмигнула она, желая вселить в сердце подруги уверенность. – Давай ты в точности вспомнишь все, что слышала и видела, а я...

Не договорив, Мирабель еще крепче сжала пальцы приятельницы и, привстав на носочки, чтобы дотянуться до ее уха, с надеждой шепнула:

– Ты ведь не солгала, Эффи, ты никому не желаешь зла?

– Теперь никому, – заверила Ефимия.

– И ты хочешь стать императрицей? – не унималась Мирабель. – Только честно?

– Честно? – задумалась девушка. – Нет. И вовсе не потому, что строю злодейские планы. Просто я не подхожу на роль императрицы. Я приехала, чтобы завести нужные связи, получить место гувернантки или кого-то в этом роде, потом загорелась мстью графу, а в итоге... В

итоге, Мирра, – виновато улыбнулась она, – я влюбилась, но никогда ему не признаюсь. Только Бетси не говори!

Глаза Мирабель округлились. Она поняла, о ком шла речь.

– Никому! – эхом пообещала Мирабель и лукаво добавила: – Хотя я бы за него поборолась. Если не за корону, хотя бы за графа.

Ефимия пригрозила ей кулаком. Мирабель только рассмеялась и предложила немного развеяться, дойти-таки до тронного зала.

– Заодно не обманем ожидания соглядатаев, если они существуют. Я тоже всегда мечтала взглянуть, где принимают послов и решают судьбы империи.

Глава 23

Ефимия с тоской вывела на листе линию. Она вышла острой, напоминавшей копьё. Или стрелу, которой пронзили ее сердце.

Голос преподавателя монотонным жужжанием звучал в ушах. Пока остальные девушки старались запомнить основные принципы политического – курса Рдожа, Ефимия рисовала бессмысленные фигуры и думала об Элизабет. После сделанного в порыве чувств признания подруга отказывалась с ней разговаривать, более того – избегала. Вот и теперь Элизабет нарочито отсела от бывшей приятельницы, переместилась ближе к Альбине. Ну да, у них больше общего: обе – представительницы высшей аристократии, а прошлое их семей кристально чисто.

Ефимия мечтала повернуть время вспять. Подруги застали ее в тяжелую минуту. И девушка не выдержала, решила поделиться своей тайной, снять груз с души. Как выяснилось, напрасно.

Почувствовав взгляд Ефимии, Элизабет отвернулась и шепотом обратилась с каким-то вопросом к Альбине. Леди Брок тяжело вздохнула и попыталась сосредоточиться на происходящем. Лекцию им читали не просто так, а чтобы облегчить очередное испытание. К утру кандидаткам предстояло представить на суд императора проект. Какой, не имело значения, лишь бы предложение могло принести пользу государству. Задание чрезвычайно сложное, наверняка многих отчислят. Это не улыбаться и раздавать конфеты детям в приютах. Хотя и там не обошлось без конфузов. Одна из участниц тайком, как она полагала, вытерла руки о юбку после поцелуев воспитанниц. Разумеется, об этом доложили императрице, и девушка покинула отбор. Императрица могла презирать бедняков и увечных, но на людях следует тщательно скрывать свои чувства.

На время отвлекшись от тяжких мук совести, Ефимия перенеслась на пару дней назад, когда вереница гербовых карет остановилась у неприметного здания в пригороде Йента. Двухэтажное, с покосившейся крышей и решетками на окнах, оно напоминало тюрьму. Зато стоявший неподалеку дом директрисы, где они пили чай в

обставленной с большим вкусом столовой, сошел бы за семейное гнездо провинциальных дворян средней руки.

По команде воспитателей дети выстроились в шеренги по возрастам. Девочки одинаково сложили руки на животе, потупили взор и по очереди присели в приветственном реверансе. Наряженные в казенные серые платья с белыми праздничными воротничками, сироты напоминали затравленных зверят. Даже в Мелрое дети выглядели счастливее. А как они обрадовались конфетам! Как неуклюже делали реверанс и сердечно благодарили благодетельниц, чтобы потом в нетерпении сжать жестяную коробку! Ефимия надеялась, после отъезда императрицы конфеты у них не отобрали.

Поездка в приют запомнилась леди Брок и по другой причине: в числе прочих придворных дам Алисию сопровождала Катарина. Разряженная в пух и прах, она лукаво улыбалась всякий раз, когда ее взгляд останавливался на Ефимии. Последнюю это тревожило и раздражало. Тайком рассматривая маркизу Плее, девушка гадала, как Ленар мог выбрать в любовницы столь сомнительную особу. Положим, Катарина обаятельна, хороша собой, но она немногим лучше Валерии. Или?.. При мысли о специфических достоинствах соперницы кончики ушей Ефимии неизменно краснели. Ну конечно, речь вовсе не о любви, а о постели. Там от женщины требовались качества, которыми Ефимия не обладала.

Двигаясь как в тумане, слушая нестройное пение воспитанниц приюта и с улыбкой бормоча ободряющие комплименты, леди Брок упорно гнала из мыслей одну и ту же картину: полутьма, острый запах пота, громкие стоны и два обнаженных тела. Создатель, почему ее волновало чужое удовольствие! Почему Ефимии была противна одна мысль, что Ленар улыбается другой, гладит ее по спутанным волосам, касается ее тела? Что он счастлив при виде лица Катарины, что она так близко, получает то, что никогда не достанется Ефимии. Может, маркиза именно этого и добивалась своими взглядами и ухмылкой – ревности? «Забудь! – вручив подарок очередной девочке, одернула себя Ефимия. – Ленар Горзен – лишь мимолетный сон. Тебе досталось не так мало – целых два поцелуя и волшебная прогулка на лодке. Наслаждайся дворцовой жизнью и начни наконец хлопотать о месте. До финала ты не дойдешь, когда выгонят, придется сразу уехать».

Девушка старалась не думать о том, как появится на пороге коттеджа, что скажет матери, как объяснит свой поступок Анне. Опыт показывал, чем больше планов она строила, чем больше все просчитывала, тем быстрее все рушилось.

Вдобавок оставались Блеккуоки. Ефимия надеялась, что после выволочки Ленара Идрис от нее отстанет, но возместить долг все равно придется. Поразмыслив, она решила немного схитрить и на следующем свидании с императором, если таковое состоится, завести разговор о своих благодетелях. Пусть Варден сам решит, стоит ли их поощрить. А деньги... Маршалу все равно не удастся доказать, что она не строила козней против Ленара. Ничего вдобавок к уплаченному Ефимия не попросит, о Блеккуоках обмолвится – договор выполнен.

Эх, вот бы еще придумать, как вернуть расположение Элизабет!

– Напиши ей записку, – перехватив очередной тоскливый взгляд подруги, посоветовала сидевшая рядом Мирабель. – Сделай первый шаг. Бетси гордая, ни за что сама руку не протянет, хотя, держу пари, мечтает воссоединить нашу троицу.

– Что-то незаметно! – скептически покачала головой Ефимия и покосилась на светлый затылок Элизабет. – У нее уже новая подруга.

– Кто? Альбина? – Мирабель прыснула в кулак, рискуя привлечь внимание преподавателя. – Она для тебя старается, а по вечерам, запершись, сидит у себя. Напиши ей, Эффи!

Подруга сунула ей в руку вырванный из тетради лист бумаги.

– Мне тоже тяжело, – посетовала она. – Разрываюсь между вами... А ведь ты ничего плохого не сделала, у Бетси всего лишь глупые предубеждения.

Ефимия прикусила кончик пера. Что же написать? Прости? Но Ефимия ни в чем не виновата. Нужные слова никак не находились, казались то глупыми, то холодными. Перебрав десятки вариантов и окончательно потеряв нить рассказа лектора, девушка наконец вывела на бумаге две строчки: «Скучаю и очень хочу тебя видеть. Эффи».

– Передашь? – попросила она Мирабель.

Нечего и думать посылать записку со слугой: Элизабет читать не станет, отошлет назад.

– Конечно! – улыбнулась подруга и спрятала бумажку за отворот манжета простенького платья в цветочек.

Вовремя: их возня заинтересовала преподавателя. Нахмурившись, он двинулся вдоль рядов импровизированных парт с твердым намерением прекратить беседы на отвлеченные темы.

Оставалось только ждать. Ефимия ненавидела это слово. Вечные мечты о будущем, о том, что когда-нибудь... А если не получится? Вдруг Элизабет действительно презирает ее за ошибку отца?

Чтобы не слоняться из угла в угол, сразу после занятий Ефимия взялась за выполнение задания. Скинув туфли, она с ногами забралась на кровать. Однако прошел час, другой, а в голову ничего не приходило. Во всяком случае, того, что устроило бы его величество. Требовалась некая пафосная идея, а девушка думала о куда более прозаичных вещах. Например, о предвзятости расследования некоторых дел, солидарной ответственности членов семьи за проступок родственника, пенсиях вдовам героев войны. Помнится, некогда отец хотел обратить внимание на бедственное положение тех, кто ценой своего здоровья, а порой и жизни ковал победы – Рдожа.

– После этого конкурса я все равно вылечу, – вздохнула Ефимия и обмакнула перо в чернильницу. – Почему бы не воспользоваться папиной идеей?

Подложив под поясницу подушку, девушка набросала черновик проекта. Несколько раз перечитала, внесла необходимые правки и встала, чтобы уже за секретером переписать на белом. Попутно она наконец-то сочинит весточку родным. Хватит отмалчиваться!

Ефимия промокнула написанное и потянулась за чистым листом, когда в дверь постучали. Не дождавшись нерасторопной девицы, неизвестный протолкнул в щель сложенную пополам бумагу. Судя по линовке, ее вырвали из тетради. Ефимия выглянула в коридор, но никого не застала, только хлопнула в отдалении дверь. Какая именно, сказать сложно. Заинтригованная Ефимия подняла и развернула послание. Сердце забило быстрее. Элизабет! Мирабель оказалась права: подруга согласилась на примирение и предлагала обсудить сложившуюся ситуацию. «Приходи в зимний сад к девяти вечера, – гласила записка. – До четверти десятого буду ждать тебя у фонтана. Только не бери с собой Мирабель! Я устала от ее увещаний».

Никогда прежде Ефимии не приходилось бывать в императорском зимнем саду. Она предпочитала прогулки на свежем воздухе и искренне не понимала, какую прелесть можно найти в созерцании

кадок с деревьями. Однако многие придворные не любили вечерней сырости и предпочитали проводить досуг под крышей. Впрочем, сегодня здесь было тихо. Сквозь стеклянную крышу и такие же прозрачные стены в оранжерею проникали последние закатные лучи. Они многократно преломлялись, затейливой радугой падали на ажурные листья. Многие растения Ефимия видела впервые и с интересом рассматривала пальмы и орхидеи, столь любимые ее величеством.

Где-то впереди мерно журчала вода. Ориентируясь на звук, то и дело отодвигая нависавшие над головой жесткие листья, девушка двинулась к месту встречи. Она заранее отрепетировала речь, все, что скажет Элизабет. Если та захочет ее понять, они помирятся, если нет, дальнейших попыток Ефимия предпринимать не станет.

– Бетси! – позвала она, намеренно употребив уменьшительную форму имени.

Ответа не последовало. То ли бывшая подруга еще не пришла, то ли ей не понравилось обращение.

– Элизабет! – встревоженно повторила Ефимия.

Фонтан журчал совсем рядом. Сквозь листву вечнозеленых растений девушка заметила женский – силуэт на скамейке. Выходит, Элизабет таки здесь, но по какой-то причине игнорирует бывшую подругу.

– Ну хватит уже! – недовольно буркнула Ефимия. – Довольно твоей графской гордости! У меня она тоже есть, могу поделиться.

Девушка сделала еще шаг и увидела чашу фонтана. Выполненный в форме раковины, он собирал вытекавшую изо рта мраморной рыбы воду. А вот и Элизабет. Она поднялась и стояла к ней спиной. Светлые волосы выбивались из-под шляпки. Выходит, Элизабет либо собиралась, либо недавно вернулась с конной прогулки – на скамейке валялся хлыст.

– Ну, я пришла. – Ефимия остановилась в паре шагов от нее. – И либо ты начнешь говорить, либо я немедленно уйду. Право, не веди себя как ребенок!

– Надеюсь, вы воспользуетесь собственным советом, – послышался знакомый голос сбоку.

Обернувшись, Ефимия увидела Идриса Блеккуока. Он кинул на девушку полный злой усмешки взгляд и остановился рядом с Элизабет.

Ефимия попятилась. Странности поведения подруги пугали, она начинала сомневаться, Элизабет Сомерсби ли перед ней.

– Мы заключили договор, миледи, – напомнил маршал, – и вы нарушили его условия.

– В чем же? – гордо подняла подбородок Ефимия.

Если он планировал ее запугать, то ошибся. Или?.. По коже пробежал холодок. Элизабет не могла ведь поведать ему ее тайну? Тогда Ефимия целиком во власти маршала.

– Судя по тому, как испуганно дрогнули ваши губы, я прав, – довольно констатировал Идрис. – Значит, наша прогулка станет для вас заслуженной платой.

Прежде, чем Ефимия успела что-либо сделать, на ее голову накинута мешок. Девушка отчаянно забрыкалась, пытаясь вырваться из душного плена, но нападающие превосходили ее числом и силой, и леди Брок проиграла. Словно куль с корнеплодами, ее перекинули через плечо и куда-то понесли.

Воздуха категорически не хватало. Ефимия отчаянно царапала мешковину, чтобы проковырять дырку и не задохнуться. Ее несли вниз головой, отчего в висках пульсировала кровь. Казалось, еще немного – и девушка потеряет сознание.

– Слишком шумно! – раздался над ухом голос Идриса.

В следующий миг Ефимию опустили на пол. С головы сняли мешок. Однако она рано радовалась. Позволив жертве сделать лишь пару жадных глотков свободы, один из похитителей прижал к ее лицу омерзительно пахнущую тряпку. Ефимия закашлялась. На нее накатила дурнота. Напрасно она пыталась убрать ветошь от своего носа, чем больше девушка сопротивлялась, тем сильнее ее прижимали к коже. Слабость постепенно усиливалась. Ефимию резко потянуло в сон, и вскоре она провалилась в черное безвременье.

* * *

Ленар Горзен снова задержался в кабинете допоздна. Однако мысли его занимали не государственные дела. Устроившись в глубоком кресле возле камина, он водил пальцем по небольшой книжице без названия. Кожаный корешок и обложка местами потрескались от

времени и небрежного обращения, часть листов скукожилась от влаги, но самое главное: две буквы на форзаце сохранились. Некогда их вывели уверенным крупным почерком – округлую «э» и чуть более резкую «б».

Когда на Ленара находили минуты серой меланхолии, он любил извлекать кожаную книжицу и перечитывать избранные записи. Дневнику Эвана Брока надлежало находиться в архиве, но первый министр изъял его вскоре после трагической гибели генерала, рассудив, что посторонним ни к чему читать откровения усопшего. Они ничего не изменят, зато способны навредить семье барона. Те же сторонники виконта Ора могли устроить на нее охоту, если бы прознали о предсмертных планах мнимого союзника. В остальном... Ленар сделал все, что мог.

Однако сегодня первый министр вытащил дневник из сейфа не просто так. Он пытался подобраться к неведомому врагу, отыскать зацепки в прошлом. Чем больше Ленар размышлял об угрозах, тем больше убеждался, что ненависть исходила от давних недоброжелателей. Самой подходящей кандидатурой виделся виконт Ор. Ради должности не пытаются убивать иноземных принцев, не подсыпают яд невесте императора. Сделавший это человек хотел не только избавиться от Ленара, но и навредить Вардену. Первый министр не удивился бы, если бы в следующий раз покусились на императрицу, при этом подставили его. Идеальная комбинация, чтобы потом нанести решающий удар и примерить корону. Война, междоусобная или с Гестфолом, тоже на руку Гилмору Ору.

Ленар сжал кулаки. Где же притаилась крыса, кто из девушек ему помогает? Он ненавидел прятки, ненавидел плясать под чужую дудку, однако пока именно враг дергал за ниточки. Складывалось впечатление, что он где-то рядом, потешается над первым министром и продумывает новые каверзы.

К сожалению, наблюдение за участницами отбора ничего не дало. Ленар специально сопровождал императрицу в приют, надеялся, что сообщница преступника занервничает, выдаст себя. В итоге он только убил день на развлечение Алисии. Даже близость Катарины не успокаивала. Хотя с некоторых пор граф охладел к ней, использовал лишь для удовлетворения мужских потребностей. А ведь не так давно он всерьез ревновал маркизу к Вардену!

Катарина ощущала перемены в их отношениях, обвиняла его в коварстве. Мол, все мужчины одинаковы, получив женщину, быстро ей пресыщаются, хотя прежде клялись в вечной любви. Может, и так. А может, дело в Ефимии Брок, которая прочно поселилась в его мыслях. Потеряла бы она для него интерес, если бы поступилась девичьей честью? Кто знает! Зато Ленар точно воспринимал ее иначе, не как красивую безделушку. Он жаждал ею обладать, но не мог купить или принудить. С Ефимией граф терял рассудок, не мог думать ни о чем, кроме ее губ, глаз, голоса. И если бы только он! Похоже, она понравилась Вардену, раз он велел передать ей повторное приглашение. Оно лежало на столе – граф перехватил слугу, сказал, что вручит сам. Глупо! Равно как глупо общаться со старым дневником, надеясь, что он способен решить проблемы.

Ленар поднялся и положил книжицу рядом с запиской на гербовой бумаге. Вместо имени счаст-ливицы Варден провел под своей подписью зеленую черту. Граф осторожно коснулся ее пальцем. Пастель. Жирная, маслянистая. Внутри заворчалось глухое раздражение. Когда император успел увлечься живописью? Мать безуспешно пыталась привить ему любовь к искусству, а тут вдруг приглашение на пленэр.

Взгляд Ленера обратился к камину. Кинуть туда записку, и все. Только ему не семнадцать, граф прекрасно понимал, что на месте одной уничтоженной бумажки возникнет вторая, третья. Нужно переключить внимание друга на другую девушку, хотя бы на одну ночь.

Первый министр усмехнулся. При желании он мог подделать почерк Вардена, да что там, порой, в исключительных случаях расписывался за него. – Пастель легко стереть, а имя адресата вывести буквами. Пленэр останется, но граф добавит еще одну строчку – о желании прежде показать девушке рассвет. Валерия, несомненно, уловит прозрачный намек. Только бы император принял ее! Если он не в духе, самоуправство дорого обойдется Ленару. Но если Варден заинтересуется прелестями Валерии и приятно развлечется, то лишь пожурит друга.

Граф позвонил в колокольчик и велел узнать, занят ли сейчас император. Лакей быстро вернулся и доложил, что его величество сейчас у матушки, желает ей спокойной ночи. Прекрасно, значит, он

пока ни с кем не уединился. Если Валерия поторопится, то встретит его во всеоружии.

Сказано – сделано.

Зеленая черта исчезла, на ее месте возникла приписка. Через пару минут записка полетела к Валерии Орсе, и Ленар немного успокоился. Хотя бы завтра друг не останется наедине с Ефимией, а дальше... Дальше он найдет способ задержать ее при дворе, когда императрица пожелает оставить на конкурсе заранее отобранных девушек. Когда Варден не сможет претендовать на Ефимию, у Ленара развяжутся руки. Нужно лишь немного подождать, потянуть время, от силы пару недель. Для этого придется постараться, возможно, подтасовать результаты.

Ленар прикрыл глаза. Перед глазами маячила – навязчивая картина, как рука Вардена касается пальцев Ефимии. Граф стиснул зубы в бессильной злобе и, шумно выдохнув, попытался успокоиться. Подумаешь, женщина! Сколько у него их было и сколько еще будет! Невесты императора неприкосновенны. Вдобавок не задача ли первого министра, единственного друга монарха, позаботиться о будущем страны? Супругой Вардена должна стать лучшая из лучших.

– Но не дочь предателя, – ухватился он за спасительную ниточку. – Алисия не допустит.

Ленар покосился на дневник Эвана Брока. Он мог обнародовать его, обелить имя отца Ефимии, а мог придержать, оставить девушку себе.

В дверь постучали.

Первый министр раздраженно глянул на часы: кто еще явился так поздно? Он торопливо спрятал дневник и кое-как вытер испачканную пастелью ладонь об обивку кресла.

– Войдите! – отрывисто приказал граф.

На пороге возникли двое: Эммануэль в сопровождении одной из участниц отбора. Ленар напряг память и припомнил ее имя: леди Мирабель Арно.

– Ефимия пропала! – без предисловий выпалила девушка. – Ее похитили!

Мир перед глазами перевернулся. Враг нанес новый удар.

Глава 24

– Я с вас голову сниму!

Ленар Горзен навис над Эммануэлем. Под побелевшей от ярости кожей гуляли желваки, мышцы на шее напряглись, четко обозначив кадык. Мажордом не в первый раз видел первого министра в гневе, но никогда еще граф не выказывал его столь открыто в присутствии коронованных особ. Казалось, Ленара не волновало, есть ли кто-нибудь еще в комнате. Его внимание сосредоточилось на Эммануэле. Сжимая кулаки, он наступал на мажордома, загоня того к стене.

– Ефимию Феррир украли из-под вашего носа! Одну из фавориток отбора! Вы, надеюсь, понимаете, чем для вас это обернется? – прошипел граф и, резко крутнувшись на каблуках, обернулся к Мирабель.

Съежившись, став еще ниже, несчастная девушка сглотнула. Однако к ней Ленар обратился иначе, вежливо и максимально спокойно:

– Леди Арно, не могли бы вы специально для их величеств еще раз повторить то, что сообщили мне. Не бойтесь, – первый министр выдавил из себя кривую улыбку, – вам ничего не грозит.

Мирабель кивнула, хотя в этот поздний час предпочла бы оказаться в постели. Она боялась императора и еще больше его матушку. Вдруг Алисия припомнит инцидент на приеме, когда неуклюжая претендентка едва не облила соусом иностранных гостей?

– Можно стакан воды? – робко попросила Мирабель, обращаясь одновременно ко всем и ни к кому конкретно.

– Стоять! – рявкнул Ленар, когда Эммануэль шагнул к двери. – Я сам. Вы останетесь здесь, пока все не прояснится.

Внутри первого министра разверзлась сама – Бездна. Он с трудом сдерживался, чтобы не вцепиться в ворот рубашки мажордома и не вытрясти из него правду. Эммануэль приставлен, чтобы заботиться, оберегать кандидатов, он в ответе за все, что произошло с Ефимией. Но кто мог столь дерзко ее похитить? Первое имя всплыло быстро – Идрис Блеккуок. Ленар знал подноготную его отношений с Ефимией, стал свидетелем конфликта на лестнице и уже распорядился

арестовать маршала. Да, в обход императора, но пока он станет вводить Вардена в суть дела, Идрис ускользнет, ляжет на дно. Даже если Ленар ошибся, он найдет, в чем обвинить маршала. Тот далек от белого и пушистого праведника.

Стукнула дверь.

Хранившая до той поры молчание императрица обернулась к сыну и, словно в комнате не было посторонних, сердито обронила:

– Столько шуму из-за одной девчонки! Меня подняли из постели, будто это не могло обождать до утра.

– Это не девчонка, как вы изволили выразиться, – отрезал Варден, заставив мать удивленно округлить брови, – а, возможно, моя будущая жена.

– Даже так?..

Алисия поджала губы и покосилась на Мирабель.

– Эммануэль, выведите ее на пару минут. Нам с его величеством нужно поговорить.

Мажордом колебался. Он очутился между двух огней и пока не определился, который обожжет сильнее. К счастью, вернувшийся Ленар положил конец его сомнениям.

– Возьмите! – Первый министр протянул Мирабель запотевший стакан. – Успокойтесь, вас никто не торопит.

Императрица закатила глаза, но спорить с превосходящим числом противников не решилась. Она сожалела об устроенном отборе. Да, идея блестящая, но слишком многое вышло из-под контроля! Следовало предварительно лично ознакомиться с биографией каждой и вычеркнуть неугодных. Но Алисия доверилась отборочным комиссиям, в итоге Варден увлекся совсем не той девушкой.

– Уже поздно. – Императрица поправила ленты чепца и украдкой взглянула на часы – без четверти час. Давно пора разойтись и отложить разговор до утра, на свежую голову. – Полагаю, необходимые меры уже предприняты, нет нужды лишать себя сна. Не беспокойтесь, милая, – вкрадчиво обратилась она к Мирабель, – леди Феррир обязательно найдется, а ее похитители понесут достойное наказание.

– Мы не задерживаем вас, матушка, – кивнул – Варден.

Ленар насторожился: слишком уж венценосный приятель обрадовался возможности выпроводить родительницу. Хотя, что греха таить, ему самому без Алисии дышалось легче.

– Эммануэль, позаботьтесь о ее величестве и леди Арно, – распорядился император. – И тоже можете быть свободны. Мы поговорим утром, – жестко добавил он, чтобы мажордом не думал, будто тучи над его головой рассеялись. – Испытание отмените: сейчас не время.

Все еще сжимая стакан в руках, Мирабель подскочила и присела в неуклюжем реверансе, когда императрица поднялась с кресла. Та лишь устало махнула рукой и неожиданно предложила:

– Леди Арно, можете составить мне компанию. У моих фрейлин отличные капли от бессонницы, они вам пригодятся.

Покровительственно улыбнувшись, Алисия оперлась о локоть Эммануэля и вместе с ним покинула кабинет первого министра. Следом увязалась Мирабель, едва не забыв должным образом попрощаться с мужчинами.

– Даже ночью матушка не появляется на людях без свиты, – пошутил Варден и, мгновенно став серьезным, приказал: – Запри дверь!

Ключ дважды повернулся в замке.

Император взъерошил волосы на затылке и напрямик спросил:

– Почему приглашение Ефимии Феррир оказалось у Валерии Орсе, да еще с пошлой припиской? И именно в тот вечер, когда леди пропала.

– На что ты намекаешь?

Ленар скрестил руки на груди и ушел в глухую оборону.

Варден усмехнулся:

– Ты едва не убил беднягу Эммануэля. Если бы не присутствие матушки, наставил бы ему синяков.

– И?

Первый министр по-прежнему делал вид, будто ничего не понимает.

– Валерия – твоих рук дело? Полно, Ленар, только ты умеешь писать моим почерком так, что не отличишь. Весь вопрос: зачем?

Испытующий взгляд императора остановился на приятеле. Тот и бровью не повел. Мысли графа витали далеко, гораздо дальше стен его кабинета.

– Тем не менее я не вызывал Валерию Орсе и уж точно не планировал проводить с ней вечер.

– А с кем планировал? – дерзко полюбопытствовал Ленар, вернувшись в реальность. – Ты не удосужился даже указать имени леди.

– То есть ты читал? – прищурился Варден.

– Да.

Император опешил. Друг смотрел на него так, – будто это его, а не Ленера должна была мучить совесть.

– Варден, – со вздохом продолжил первый министр, – я хорошо тебя знаю...

– ...и заподозрил в желании развлечься с добропорядочной девушкой? – с кислой миной закончил за него монарх.

Граф неприятно удивил. Он не походил на себя прежнего, за что-то тайно ненавидел Вардена, и, кажется, император начал догадываться о причине.

– Катарина, – прищурившись, произнес монарх имя любовницы друга. – Не знал, что она тебе так быстро надоест. Помнится, ты сходил с ума от одной мысли о том, что Катарина может предпочесть меня. И вот уже все, добыча поймана и потеряла смысл. Или тебя прельщает чужое?

Невысказанное обвинение повисло в воздухе.

Ленар шумно втянул воздух и отошел к окну, пряча от друга выражение лица. Варден загнал его в ловушку, напомнил об единственном аргументе, перечеркивавшем их возможные отношения с Ефимией. Она принадлежала императору, как и прочие претендентки. И пока монарх от нее не откажется, Ленар не имел права ее касаться. Правда, тут его лицо озарила мимолетная улыбка: в этом он преуспел больше. Ленар дважды поцеловал голубоглазую брюнетку, но не получил ни одной пощечины.

– Вот и займись похитителем чужого, а не сотрясай воздух нелепыми инсинуациями! – проворчал граф.

Он поймал себя на том, что снова вглядывается в ночь, надеется отыскать знакомый силуэт.

Пальцы стиснули подоконник, словно жаждали обрушить его на пол.

Ленар уничтожит тех, кто посмел покушаться на Ефимию. Анри Жерар уже ждал в потайной комнате. Как только император уйдет, граф пустит его по следу.

Шорох ткани за спиной подсказал, что Варден поднялся с кресла и остановился рядом, чуть подвинув портьеру.

– Ты сам указал на нее в первый день, Ленар, за что я безмерно тебе благодарен.

«Чтоб я язык проглотил в тот день!» – хотелось выкрикнуть графу, но он ответил совсем другое, с легкой усмешкой заметил:

– Зато твоя матушка вряд ли поминает меня в молитвах. Она прочит за тебя одну из блондинок и даже не скрывает облегчения по поводу исчезновения Ефимии Феррир.

Ленар должен усыпить подозрения приятеля, уверить: пропавшая девушка волновала его не более, чем остальные хорошенькие женщины. Он не мог открыть сиятельному другу тайну Ефимии, выходит, иного способа не позволить возложить на нее корону, нет. Варден упрям, с него станет пойти против матери. Повторное приглашение свидетельствовало: Ефимия прочно обосновалась в ряду фавориток отбора, оставалось только молиться, чтобы император не питал к ней чувств. Интерес – пустое, сегодня одна, завтра другая.

– О да! – согласно кивнул монарх и опустил ладонь на плечо друга, понуждая того обернуться. – И все же для чего ты это сделал?

– Хотел сделать тебе приятное и заодно на законных основаниях выставить эту дуру Орсе. Не могу поручиться, что во время следующего приема она не залезет кому-нибудь в штаны! – рассмеялся Ленар. – Надеюсь, ты не в обиде на мою шалость? Выпишешь леди Феррир новое приглашение. Главное, ее найти, – помрачнев, добавил он.

– Найдем, – эхом отозвался Варден. – Пора спалить осиное гнездо. Девушку выманили запиской от подруги... Выходит, либо она сама замешана, либо кто-то подделал ее почерк. Тот, кто знал, что они в ссоре, кто отлично изучил манеру поведения обеих.

До прихода императрицы приятель успел кратко посвятить его в детали похищения.

Варден умел наносить удары. Когда Ленар немного успокоился и по его просьбе достал бокалы, монарх укоризненно заметил:

– И все же она тебе дорога.

Рука графа замерла. Моргнув, он все же наполнил фужеры и напомнил:

– Леди Феррир – твоя невеста, твои предположения нелепы.

– Только вся проблема в том, – словно не расслышав ответа, продолжил император, – что она мне тоже нравится. Как делить станем?

Он потер виски и остановился против друга, опершись обеими руками о стол. Одного взгляда на Вардена хватило, чтобы убрать бутылку и искренне, от всего сердца посоветовать:

– Иди спать. Я все сделаю.

Император покачал головой и по-мальчишечьи, совсем не так, как положено венценосной особе, опустил на край стола боком к Ленару. Рука стиснула руку министра, прижала ее к лакированной деревянной поверхности.

– Ты и так слишком много делаешь, ограждаешь. Пора и мне немного поработать, рискнуть заработать чье-то неудовольствие. Ты прав, Ефимия моя невеста, потенциальная невеста, – поправился Варден, – и именно мне нужно подсуетиться. Хватит того, что тебя звали вешателем, хотя приказы отдавал я.

– Перестань! – Граф мягко отвел его руку и вложил в пальцы императора фужер. – Выпей, полегчает. А вешатель... Народ должен любить своего императора, но одновременно он должен кого-то ненавидеть. Для этого и нужен я.

В кабинете повисло тягостное молчание. Друзья не двигались. Перед глазами каждого стояли одни и те же картины. В кабинете пахло фантомным дымом, в ушах звучали давно стихшие проклятия.

Ленар вдруг ощутил резкую потребность открыть сейф и показать Вардену книжицу в кожаном переплете. Но вторая его половина, та, которой руководил разум, шептала, что ничего не изменишь, разворошив прошлое, он сделает только хуже.

Юный император особо остро воспринял предательство Эвана Брока, как нож в спину. Именно поэтому он не желал ничего слушать, вынес максимально строгий приговор. Еще бы, человек, на которого Варден смотрел с восхищением, который ставил ему удары, учил коварным финтам, но вдруг переметнулся к абигонцам, облил грязью его и его отца. Ленар помнил, как до хрипоты, угрозы сложить с себя полномочия, умолял не рубить сплеча, чуть ли не силой вырвал у приятеля приказ об отправке семейства Брок в полном составе на рудники, как выторговал для них сохранение дворянского сословия. Для чего? Он чувствовал: так нужно. Справедливость должна быть

справедливой, наказание – соразмерно преступлению. Ленар Горзен, увы, не соответствовал навязанному ему образу, оказался не чужд сентиментальности и пожалел вдову. Сейчас, по прошествии стольких лет, он вспомнил девочку-подростка, проводившую его тяжелым взрослым взглядом. Она не плакала, поджав губы, мысленно прокляла вестника смерти. Ирония судьбы – та же девочка спустя двенадцать лет снова проникла в его сердце.

Нет, дневник генерала Брока останется в сейфе. Обнародовав его, Ленар только навредит Ефимии. Пусть она и дальше остается для императора леди Феррир. Нехорошо так думать о друзьях, но граф догадывался, Варден немедленно свернет поиски, едва услышит настоящую фамилию девушки.

Картины прошлого погасли, вновь уступив место настоящему.

– Дороги перекрыли, им далеко не уйти. Я осмелился отдать распоряжение, не поставив тебя в известность.

Император кивнул и стиснул в пальцах фужер. Знаком остановив потянувшегося за бутылкой приятеля, Варден попросил показать записку, которую обнаружили в комнате Ефимии.

– Хм!

Монарх повертел в руках листок, даже понюхал. Последнее натолкнуло Ленара на нервную шутку:

– Увы, отправитель не пользовался специфическими духами.

Ему хотелось действия, вскочить на коня и гнать его прочь, по следу преступников, только первого министра по рукам и ногам связывали обязательства.

– И это тоже многое говорит об этой женщине, – заметил Варден и положил записку на стол.

– А ведь ты прав! – хлопнул себя по лбу Ленар.

Даже у Ефимии был свой запах, легкий, ненавязчивый, природный, а тут ничего, чистота. То ли сообщница преступников слишком умна, то ли и в обыденной жизни не жаловала духи и ароматические масла.

– Прислуга? – поднял бровь монарх.

– Возможно, – качнул головой граф, – но я бы присмотрелся к твоим невестам. Записку отправила та же девица, которая пыталась отравить принца Ианима. Вряд ли во дворце завелось две команды

первоклассных злодеев. Напоминаю, леди Феррир благополучно пронесли мимо всех постов, никто ничего не видел.

– Тайный ход? – Варден озвучил очевидное.

– Или солдаты молчат по чьему-то приказу. Очень весомому приказу, не обычного офицера. Я склоняюсь ко второму, потому как из конюшни пропали три лошади.

– Как это – пропали? – встрепнулся император.

– А вот так, – криво усмехнулся Ленар. – Стояли и пропали. Конюх их не седлал, его помощник тоже.

Зрачки монарха расширились. Стиснув зубы, он потребовал:

– Кто бы это ни сделал, он должен понести наказание. И все причастные лица тоже.

Всем корпусом повернувшись к Вардену, Ленар заверил:

– В этом наши желания схожи. Но, – тут он сделал паузу и поморщился, – возможно, придется...

– Допрашивай всех, как и где считаешь нужным, – разрешил император и ворчливо поинтересовался: – Кто рассказал моей матери? Ты? Я предпочел бы, чтобы она не совала нос в мои дела.

Граф нахмурился и перенесся на полчаса назад, когда в его кабинет пожаловала Алисия. Первый министр едва успел обрисовать Вардену сложившуюся ситуацию, собирался нажать на Эммануэля и еще раз допросить Мирабель. Ее величество выглядела крайне раздраженной, пришлось прерваться, чтобы немного ее успокоить. Ленар полагал, императрицу известил сын, ведь она явилась вслед за ним, и вот теперь занятый поворот...

– Помилуй, – медленно произнес граф, – по доброй воле я бы к твоей матушке не сунулся. Только если бы хотел добавить очков в копилку ее неприязни ко мне. А вот...

Не договорив, он метнулся к двери и провернул ключ в замке. Не успел – распахнув дверь, Ленар услышал лишь удаляющийся топот ног, заметил промельк юбок.

– Вот и разгадка! – Граф указал на спину удаляющейся женщины. – Фрейлины твоей матушки охотно шпионят для нее. Они же разбудили госпожу, чтобы с придыханием сообщить о несостоявшемся свидании. С Валерией ты хотя бы успел?

Варден не ответил, но выражение его лица подсказало: баронесса оказалась сговорчивой.

– Знаешь, а она ведь не девственница. – Когда дверь вновь закрылась, император посвятил друга в подробности чужой интимной жизни. – Клялась, что спала только с одним. Якобы он ее соблазнил, изнасиловал, и она, сгорая от стыда, скрыла все от родителей. В постели так себе, хотя быстро учится, зато до того, как задрала ножки... Меня так удовлетворяла только леди Орис. Именно поэтому я не сержусь, Ленар, хотя следовало бы хорошенько тебя проучить. Подделка моего почерка – серьезное преступление. Вряд ли ты пошел на него просто так, поэтому, – лукаво подмигнул Варден, – перестань врать и признай, что голубоглазая красотка запала в твое сердце.

Граф не позволил беззаботному тону друга себя обмануть. Он уловил оба предупреждения, но как минимум одно собирался проигнорировать.

Глава 25

Несмотря на похищение одной из участниц, отбор продолжался. Императрица настаивала на необходимости сохранить лицо. А пропавшая девушка... Объявят, что она отправилась домой, не оправдала ожиданий.

– Можно подумать, такого не случалось прежде? – размешивая сахар в кофе, равнодушно заметила Алисия. – Помнится, вы сами спешно выставили одну недостойную особу.

Обе левретки возлежали неподалеку от хозяйки на шелковых подушках. Глупые дрожащие твари! Хотелось ухватить их за инкрустированные бриллиантами ошейники и вышвырнуть вон. Но Ленар догадывался, что дело не в собаках, а в императрице. Ее слова привели его в ярость. Назвать Ефимию недостойной, сравнить ее с той виконтессой, или как там ее? Приклеенная почтительная улыбка застыла на лице первого министра, в то время как в душе бушевала буря.

И еще этот пропахший нафталином и духами Алисии будуар! Прежде он понятия не имел, как ненавидит ее запах.

– Однако, – вежливо напомнил Ленар, – девушку вторично пригласил на свидание император. Это факт, о нем известно в крыле претенденток.

– И что же? – недоуменно перевела на него взор Алисия и поставила изящную чашечку с изображением пастушки на туалетный столик. – Мой сын волен изменить свое решение в любую минуту. Девушка привлекла его внимание, но точно так же оттолкнула глупой ошибкой или непомерной гордыней.

Граф порадовался, что спрятал руки за спиной. Только левретки видели, как его пальцы сжались в кулаки.

Императрица не терпела «постельных аудиенций», однако приняла его в будуаре, за утренней чашкой кофе, которую неизменно выпивала перед завтраком. Вряд ли случайно. Что-то изменилось, раз Алисия отважилась показаться перед ним без шиньона, с папильотками в редящих волосах и в бледно-розовом пеньюаре. Мягкий утренний свет безжалостно подчеркнул все морщины и

возрастные изменения, однако, надо отдать ей должное, мать Вардена смотрелась достойно. А еще уверенно. Даже слишком уверенно, из чего Ленар сделал простой вывод: она удостоверилась в своей власти. Странно говорить такое об особе ее положения, но Алисия действительно вела себя так, будто устранила некую угрозу и теперь могла с чистой совестью расслабиться. Все это наводило на определенные мысли.

– Однако мы с вами знаем, это не так, – покачал головой граф.

Его глаза впилась в лицо императрицы, и, странное дело, она отвела взор. Разумеется, Алисия попыталась замаскировать мимолетное смущение равнодушием, сделала очередной неспешный глоток, но поздно. Укрепившись в смутных подозрениях, первый министр продолжил наступление.

– Ваше величество, – он осмелился остановиться за спинкой ее кресла и наблюдал за отражением Алисии в зеркале, – нам не нужен очередной скандал. Сами понимаете, если вдруг всплывут некие факты...

– Факты? – недоуменно переспросила императрица и взмахнула рукой, словно отгоняла досужие домыслы. – Право, граф, на что вы намекаете? И сядьте, пожалуйста, а то у меня заболит шея.

Ленар почтительно склонил голову, пряча довольную улыбку. Он сумел пошатнуть душевное равновесие противницы, не зря Алисия стремится избежать близкого контакта. Когда собеседник далеко, не дышит тебе в спину, проще контролировать свои слова и эмоции.

– Да, да, присядьте! – уже другим, благожелательным, даже заботливым тоном повторила Алисия. – Мы не на официальном приеме. Вон там, рядом с Великаном.

Она предлагала ему устроиться подле собак?! Алисия в своем репертуаре! Императрица всегда недолюбливала Ленара, предпочла бы, чтобы сын секретничал с ней и не водил дружбу с каким-то графом. Для нее подданные – расходный материал, средство исполнения воли, не более. Но если Алисия рассчитывала на возмущение, она просчиталась. Ленар спокойно скинул на пол одну из подушек и устроился между подлокотником и подрагивавшим от постоянного нервного напряжения Великаном, даже потрепал его по голове, словно любимого питомца. Персиваль, вторая левретка,

видимо, испугавшись той же участи, предпочла ретироваться под кресло хозяйки.

– Они вас боятся.

Алисия свесила руку и успокаивающе похлопала собаку по спине. Та мигом прилегла и затихла. Своих собак императрица любила. А сына?

– Совершенно напрасно. За всю свою жизнь я не причинил вреда ни единому живому существу.

– А как же охота? – Губы Алисии брезгливо скривились.

– Каждый из нас хоть немного охотник, – с полуулыбкой заметил граф.

Императрица отвернулась. Она прекрасно понимала, о чем он.

– Кстати об охоте. – В то время как Алисия постепенно теряла былую уверенность и спокойствие, первый министр, наоборот, их обретал. – Анри Жерар готовит для нас что-то грандиозное. Не желаете принять участие?

Ее величество промолчала. Теперь Ленар видел в зеркале только часть ее лица, но и этого хватило для того, чтобы понять: удар попал в «десятку». Оставалось только разобраться в деталях, понять, какие именно факты желала бы скрыть императрица.

– Хорошо, я передам его величеству ваш ответ, – как ни в чем не бывало продолжил Ленар. Однако теперь он точно знал: к Алисии необходимо присмотреться. – Уверен, часть претенденток разделяют ваши убеждения и составят вам компанию во дворце.

– И на какой же день намечена охота?

Императрица неожиданно резко обернулась, заставив графа вздрогнуть.

– Пока еще не решено. Спросите его величество.

Воздух в будуаре сгустился. Еще немного, и под потолком образуются грозовые тучи. Однако, спохватившись, Алисия поспешила разрядить атмосферу.

– Такова уж суть женщин, – с мнимой мягкостью заметила она и потянулась к колокольчику. – Мы ненавидим убийства. Как представляю себе бедных зверушек!.. Но мы отвлеклись от отбора. Сыну сейчас не до него, поэтому я хотела обсудить некоторые детали с вами. Вы ведь не откажетесь от чашечки кофе?

Ленар, поколебавшись, кивнул.

– Как можно, ваше величество! Вы нечасто балуете меня своим вниманием.

Алисия не удостоила его ответом и позвонила в колокольчик. Не прошло и пары минут, как служанка вкатила столик с дымящимся кофейником и вазочкой с печеньем.

– Только после вас, ваше величество!

За предупредительностью графа скрывалось желание убедиться, что в напиток не подмешали яда. Он даже вызвался поухаживать за императрицей, заботливо наполнил ее чашку и выбрал для нее самое симпатичное печенье. Алисия молчаливо наблюдала за его действиями, отлично понимая, что скрывалось за нежданной галантностью.

– Полноте, граф! – укоризненно заметила она, когда служанка удалилась. – Вы подозреваете меня в ужасных вещах!

«Вы даже не представляете в каких!» – мысленно ответил Ленар. Он не спешил пить кофе, грел пальцы о тонкие фарфоровые стенки.

– Итак, отбор. – Первый министр вернулся к первоначальной теме разговора. – Мы замнем исчезновение леди Феррир. Уверен, она скоро вернется...

– Но будет ли леди все еще пригодна для столь высокого статуса? – покачав головой, вздохнула Алисия. – Страшно представить, что могут сотворить с бедняжкой!

Мышцы на шее Ленара напряглись. Он с трудом удерживал чашку. Все внутри звенело от ярости. Императрица призналась! Если с Ефимии упадет хотя бы волосок!..

Однако не только Алисия умела угрожать.

– Кто бы ни были похитители, им лучше поостеречься. – Ленар усилием воли расслабил мышцы и сделал глоток ароматного напитка. – Гнев его величества не заставит себя ждать.

Чашка в пальцах императрицы дрогнула, и она поспешила поставить ее на блюдце. Неужели Алисия чего-то боится? Интересно, как бы отреагировала императрица, если бы он открыто обвинил ее в похищении Ефимии? У Ленара не было никаких доказательств, но с каждой минутой граф убеждался: без ее величества не обошлось.

– Бедная девочка! – Сколько фальшивого сострадания! – Но она бы все равно не выиграла. Давайте говорить начистоту, Ленар.

Первый министр удивленно поднял брови: Алисия едва ли не в первый раз обратилась к нему по имени.

– Мы оба понимаем, кто должен стать матерью наследника престола. Вернее, какими качествами и происхождением должна обладать данная особа. Ефимия Феррир их лишена. Похитители оказали большую услугу империи, удалив ее от двора. Интерес сына к ней недопустим. В детали вдаваться не стану, но я искренне рада, что она нам больше не угрожает.

– И в чем же, если не секрет, леди Феррир проигрывает остальным?

– Поинтересуйтесь у маркизы Плее. Мне прекрасно известно о вашей связи, – покровительственно улыбнулась императрица.

Упоминание Катарины вызывало лишь глухое раздражение. Даже ее тело, некогда предмет грез, не вызывало больше сладостного томления.

– Но я не желаю бедняжке зла, – поспешила добавить Алисия, – надеюсь, леди Феррир не пострадает. И закроем тему с похищением, поговорим лучше о фейерверке. Скоро годовщина моей коронации. Понимаю, это событие давно забыто, никто и не вспомнит...

Лиса! Она прекрасно знает: весь двор наизусть зазубрил каждый факт ее биографии.

– Так вот, – продолжала императрица, чуть покачивая ногой в домашней туфле на каблучке, – я намерена устроить маскарад. Ничто так не раскрепощает, как анонимность. Мне важно выяснить нравственные устои участниц. Окажите услугу, увы, подобных знакомств я не вожу, отыщите десяток симпатичных молодых людей, которые согласились бы поухаживать за кандидатками. За теми, чья репутация вызывает сомнения. Я не желаю, чтобы после свадьбы у сына выросли рога, нужно избавиться от гулящих заранее.

– Я постараюсь помочь, ваше величество, хотя тоже не вхож в подобные компании.

Алисия кивнула и протянула руку для поцелуя – аудиенция окончена. Ленар почтительно склонился над ней. В голове крутилось: «Я тебя выведу на чистую воду!»

Отчего-то граф не удивился, обнаружив среди своей почты черный конверт. Анонимное послание казалось логичным продолжением цепочки событий. Он вскрыл его. Очередная угроза

гласила: «Это последнее предупреждение. Уйди сам, или отправишься на плаху». Неизвестный превзошел самого себя, но между строк читалось то, что враг тщательно скрывал: страх.

Убрав лист бумаги обратно в конверт, Ленар вызвал секретаря: хотелось проверить одно предположение.

– Это доставили с прочей почтой? – Он указал на черный прямоугольник на столе. – Кто его принес?

Секретарь осторожно приблизился и двумя пальцами взялся за конверт.

– Простите, милорд, но я не помню этого письма, – сокрушенно покачал головой он. – Я бы точно заметил.

– Прекрасно! – широко улыбнулся Ленар. – Выходит, когда вы перебирали почту, никакого письма не было?

– Разве только я его проглядел. Мне надлежит найти отправителя, принять какие-то меры?

Граф покачал головой и успокоил покрывшегося пятнами в ожидании выволочки подчиненного:

– Не нужно, мне он известен. Никаких поводов для беспокойства. Лучше позовите милорда Дидье. Ее величество дала ряд распоряжений насчет отбора, мне нужно их обсудить. Иногда мне кажется, – с ироничной усмешкой пожаловался Ленар, – что я больше не первый министр, а сваха.

Стоило секретарю уйти, как граф уничтожил анонимку. На время выкинув из головы Ефимию – Анри Жерар шел по следу и скоро порадует результатами, – он погрузился в водоворот обязанностей. Сначала отбор, потом записки императора, письма, прошения – не осталось ни одной свободной минутки. Однако засевшие в голове подозрения никуда не делись. Ленар понимал: враги осторожны, даже если он открыто обвинит их, останется в дураках. Его – слово против их слова. Нет, требовались доказательства.

– Пора мне превратиться в вешателя! – чуть слышно прошептал первый министр и покосился на окно. День подходил к концу, косые лучи заходящего солнца играли на подоконнике. – Я тоже умею мстить и заработал свою должность потом и кровью.

Ну что ж, – он откинулся на спинку кресла; по губам гуляла улыбка, – маскарад так маскарад! Я люблю игры.

Никто не обратил внимания на человека в черном с пустым подносом в руках, вышедшего из покоев Ленара. Граф превратился в невидимку, в одного из многочисленных слуг, которыми полнился дворец. Пару часов назад он разговаривал с Анри Жераром и планировал выйти на главного преступника через сообщницу из числа кандидаток. Под подозрение попали две, Ленар понаблюдает за каждой и на грядущем маскараде произведет арест.

Потайная комната рядом с Залом одалисок хранила много секретов. Убедившись, что за ним не следят, Ленар скользнул внутрь и запер дверь изнутри. Не зажигая света, он пошарил рукой по гладкой штукатурке и надавил на едва заметный выступ. Стена дрогнула и отъехала в сторону. На графа повеяло затхлой прохладой. Чиркнув огнивом, он смело шагнул в зев потайного хода и мысленно развернул перед глазами план комнат крыла претенденток. Некогда Ленар через зеркало наблюдал за Ефимией, теперь проделает то же с другими девушками. Он ступал максимально осторожно. Огонек свечи в его руке дрожал, готовый в любой момент погаснуть. Но вот и первая комната – общая гостиная. Следует проверить, здесь ли нужные конкурсантки.

Никто из девушек не заметил, как мигнула дама на шпалере.

Прильнув к стене, Ленар через два небольших отверстия обвел взглядом комнату – почти все в сборе. Ведут скучные девичьи разговоры, читают, играют в настольные игры.

– А вот и ты! – довольно улыбнулся граф при виде Элизабет. – И в новой компании. А где же леди Арно? Помнится, вы вечно ходили вместе.

Постояв еще немного и убедившись, что дочь графа Экта увлечена беседой с Альбиной Хаскейн, первый министр двинулся дальше.

А это уже интересно!

Ленар привел в действие специальный механизм и теперь без помех наблюдал через зеркало за Мирабель Арно. Она хаотично металась по комнате, собирала какие-то бумаги. Все они полетели в камин. Огонь мгновенно поглотил их, уничтожая чужие секреты. Поворошив бумаги кочергой, Мирабель выпрямилась и неожиданно бросила взгляд в зеркало. Неужели почувствовала, что за ней следят? Но нет, девушка всего лишь проверяла, в порядке ли ее прическа. Подхватив с дивана накидку, она вызвала горничную и потребовала:

– Прибери тут! Я прогуляюсь, вернусь через полчаса. Чтобы ни соринки не осталось! В прошлый раз я обнаружила волос на одеяле. Если хочешь сохранить место, работай лучше.

Кто бы мог подумать, что у этой хрупкой забитой девушки прорежется голос, да еще какой! Создавалось впечатление, будто Мирабель с детства привыкла командовать. Опять же ее осанка, движения. За пределами своих покоев она ходила иначе. Нужно бы проследить за тихоней. Сдается, она еще тот кладезь секретов!

Зеркало в комнате Мирабель вновь стало непрозрачным, и Ленар прежним путем вернулся в комнатушку возле Зала одалисок. Девушка чуть опередила его – выйдя на лестничную площадку, он заметил промельк накидки ниже пролетом. Выходит, Мирабель спешила в парк. И то верно, где еще под покровом сумерек можно спокойно поговорить?

Ленар следовал за Мирабель на некотором отдалении. Она пару раз останавливалась, оборачивалась, но граф успевал затаиться. «Глупая девочка! – вертелось в его голове. – Ты воображала себя заговорщицей, но совершенно не разбиралась в людях. Это не твоя вина, Мирабель Арно играла безупречно, задела нужные струны. Даже я не заподозрил ее, грешил на Элизабет Сомерсби. Той ничего не стоило выманить Ефимию, чтобы якобы помириться. Слуги докладывали, между ними кошка пробежала. Интересно, по какой причине? А потом я вдруг задумался: почему леди Арно так быстро хватилась подруги? Ефимия частенько гуляла по ночам, не стоило бить тревогу до утра». С этого маленького вопроса и потянулась ниточка, которая в итоге привела первого министра в парк.

Мирабель старалась держаться в тени, избегала открытых пространств. Судя по всему, она направлялась к Розовой беседке. Усмехнувшись, Ленар нырнул на одну из боковых дорожек. Он знал парк как свои пять пальцев и без труда подобрался к беседке с тылу, заняв удобную наблюдательную позицию.

Сообщник Мирабель дожидался ее у ступенек. Он прятался в тени навеса, но первый министр и так догадывался, кто перед ним. Когда мужчина нетерпеливо шагнул навстречу леди Арно, граф убедился, что его предположения верны.

– Доброй ночи! – Ленар смело шагнул из темноты на свет.

Парочка вздрогнула и синхронно обернулась. На лицах обоих застыл страх.

– Право, – смакуя момент, продолжил граф, – мне интересно, сколько ее величество вам заплатила. И сколько посулил герцог Парский лично вам за мою опалу. Всем известно, Парские всегда выступали против союза с Гестфолом, а тут удалось бы одним ударом сразу убить двух зайцев. И, наконец, кто скрывается под именем Мирабель Арно? Ведь если я все правильно понял, именно вы должны в итоге примерить корону, а не кто-то из ставленниц императрицы, как она наивно полагает.

Глава 26

Мирабель среагировала первой. Подхватив юбки, она ринулась в темноту. Не разбирая дороги, царапая кожу о кустарник.

– Стража, ко мне! – полетел вслед крик Ленара.

Гнев придавал ему сил, вырвал из горла самый настоящий рык.

Ничего, леди Арно никуда не денется. Ее найдут, не сейчас, так наутро, и вытрясут всю правду. Побег подтвердил ее виновность. Но все равно неприятно, что девчонка ушла.

Первый министр перевел тяжелый взгляд на Эммануэля. В отличие от сообщницы мажордом не предпринимал попыток к бегству. То ли понимал, что они бесполезны, то слишком уверен в себе, надеется откреститься от всех обвинений.

– Вы хотя бы понимаете, что вам грозит? – Ленар шагнул к нему, с трудом подавив желание схватить Эммануэля за грудки и хорошенько встряхнуть. – Не ожидал от вас! Через столько лет преданного служения трону!

Граф различил топот ног и бряцанье оружия. Прекрасно, вот и стража.

– Я выполнял поручение ее величества, – невозмутимо ответил Эммануэль.

– И только? – не поверил Ленар.

Предательство мажордома кровавой раной пульсировало в сердце. Первый министр тщательно следил за окружением императора, и тут такая осечка! Эммануэль Дидье заступил на службу еще при Даймоне Первом и исправно исполнял свои обязанности. Прежде он не интересовался политикой, сторонился любых интриг. Неужели притворялся?

Эммануэль высоко поднял подбородок и с чувством собственного достоинства ответил:

– Я готов подтвердить то же перед судом, императором или Создателем – кем угодно. Я ничего не знаю о планах герцога...

– Довольно! – взмахом руки остановил его Ленар и потер гудевшие от напряжения виски. – Я устал от лжи. Лорд Дидье, вы

отстраняетесь от должности и заключаетесь под стражу до выяснения обстоятельств. В ваших же интересах говорить правду.

На песчаную дорожку легли отсветы факелов.

Не оборачиваясь, граф приказал:

– Взять его! До утра держать под домашним арестом. Девуцу, называющую себя леди Мирабель Арно, найти и бросить в одиночную камеру.

– Помилосердствуйте, граф! – заступился за сообщницу мажордом. – Она же девушка, несправедливо помещать ее в тюрьму, а меня просто держать под арестом.

Ленар остался глух к его мольбам. Мирабель предала подругу и заслуживала куда более худшей участи.

Раздраженно махнув рукой, первый министр быстрым шагом вернулся во дворец. Когда он, словно ураган, ворвался в крыло претенденток, девушки не на шутку перепугались. Они уже готовились ко сну, разбрелись по комнатам, многие встревоженно выглядывали из дверей в пеньюарах поверх ночных рубашек.

По коридорам гуляли шепотки. Неужели отбор отменили и их всех выгонят? Слишком уж мрачен Ленар Горзен, слишком сильно заострились его скулы, сурово, даже жестоко выражение лица.

– Где комната Мирабель Арно? – не удосужившись извиниться за вторжение в столь поздний час или хотя бы поздороваться, осведомился граф.

– Там, – робко указала нужную дверь одна из претенденток.

Ленар кивнул и приказал Элизабет одеться и проследовать в его кабинет.

– Остальным запрещено покидать свои комнаты до особого распоряжения.

Девушки притихли, побледнели. Только одна из них отважилась спросить, что происходит. Ленар не удостоил ее ответом. Он был слишком зол и сосредоточен, чтобы тратить время на пустяки.

Первым делом граф в присутствии офицера стражи и своего секретаря, по такому случаю выдернутому из постели прекрасной дамы, осмотрел камин. Мирабель проявила халатную беспечность, не проверила, до конца ли сгорели бумаги. Ленару удалось выудить пару клочков. Сами по себе обрывки ценности не представляли, зато почерк... Довольно ослабившись, граф убрал улики в карман. Герцогу

Парскому придется изрядно постараться, чтобы выдумать убедительную ложь насчет неведомого врага, посылавшего Мирабель письма от его имени. Дальше слуги по приказу первого министра перерыли комнату леди Арно. Они не погнушались даже вспороть подушку, заглянули в каждый флакончик в ванной комнате. Увы, никаких улик. Однако Ленар не отчаивался. Он не сомневался: Мирабель получила солидное вознаграждение, которое дожидалось хозяйку на счете в банке. Герцог узнает об аресте сообщницы только утром, может, даже к полудню, у них целых двенадцать часов, для того – чтобы заблокировать подозрительные счета.

– Что здесь происходит?

В самый разгар обыска в апартаменты Мирабель Арно ворвался император. Подданные дружно склонили головы перед всклокоченным и крайне грозным монархом. Тот в свою очередь направился напрямиком к Ленару и потребовал объяснений.

– Я только что раскрыл заговор. Сейчас собираю улики, решаю, кого еще надлежит арестовать. Если угодно, пройдемте ко мне. Там уже дожидается леди Сомерсби, допросим ее вместе.

– Так это она?! – изумился Варден. – Дочь графа Экта, одна из тех, кого моя матушка...

Он не договорил, вспомнив о посторонних, и, взмахнув полами шлафрока, кинул через плечо:

– Поговорим у меня! Сначала без леди.

За окном давно сгустилась ночь, а двое мужчин все сидели за столом. Тускло мерцали свечи, грозя скоро погрузить кабинет императора во тьму.

– Я не верю! – сокрушенно качал головой Варден. – Кто угодно, только не Эммануэль! И та девушка... Такая тихая, незаметная.

– В тихом омуте дна не видать, – озвучил народную мудрость Ленар. – Следовало сразу обратить на нее внимание. Попасть на отбор без протекции, без солидной родословной...

– Однако леди Феррир же попала. Далеко не все комиссии куплены, – усмехнулся император и тайком зевнул. – Полагаю, матушка велела допустить на конкурс пару девушек скромного происхождения. Так отбор выглядел достовернее.

– А затем умело избавилась от одной из них, – безжалостно напомнил граф.

– Зачем? Может, хотя бы ты мне объяснишь?

Первый министр крепко задумался. Пальцы сами собой сцепились в «замок». Если он скажет, друг не станет искать Ефимию, наоборот, сочтет ее похищение справедливой карой. Не лучше ли промолчать? Императрица себя оговаривать не станет, а слово того же Эммануэля против ее слова...

– Так, – нахмурился Варден и щелчком пальцев заставил друга посмотреть на себя, – ты чего-то не договариваешь! В глаза не смотришь, подозрительно молчишь.

Граф тяжело вздохнул и потребовал:

– Дай слово, что об этом никто не узнает! Что ты не сделаешь ничего, что могло бы нанести кому-то даже теоретический вред.

Монарх удивленно взглянул на него. Прежде Ленар никогда не выдвигал ему условий.

– Я император, – напомнил Варден, – меня можно только просить.

– Хорошо, – заскрежетал зубами граф и, не в силах сидеть, поднялся, – я прошу. Полагаю, за столько лет безупречной службы я заслужил право на одну крохотную милость?

– Так вот, – он отвернулся, не желая видеть выражения лица венценосного друга, – твоя матушка устранила леди Феррир, потому что испугалась ее сближения с тобой. Императрице донесли об ее истинной фамилии, возможно, о тех, кто помог Ефимии попасть на отбор. Не хочу тебя разочаровывать, но даже у самой прелестной и образованной провинциалки без связей и титула не было шансов. Но перед тем как открыть тебе правду, – голос его окреп и с каждой минутой звучал все громче, решительнее, – знай, мы говорим о девушке, которая дорога мне.

В кабинете повисло вязкое молчание. Склонив голову набок, император пристально изучал приятеля. Тот тоже обернулся и без страха взирал на Вардена.

– Однако! – наконец хмыкнул монарх. Глаза его заледенели, предвещая бурю. – Только я, кажется, говорил тебе, что Ефимия Феррир – прежде всего моя невеста. Другим разрешено смотреть в ее сторону, только если я женюсь на другой. Даже тебе, Ленар.

– Так освободи Эммануэля и отмени приказ о поимке леди Арно. – Граф и бровью не повел. – Уверен, сообщая они быстро избавят тебя от неудобного первого министра. Может, отравят, может,

состряпают обвинение в измене. Ты подпишешь указ о моей казни, вернешь долг. Помнится, в свое время я помешал тебе лишить головы отца Ефимии, надо восполнить пробел.

– Что?!

Лицо Вардена окаменело. Он пошарил пальцами по столу и, ухватившись за пресс-папье, сжал его. Просто потому, что нужно было как-то привести себя в чувство, вновь обрести связь с реальностью.

– Ее настоящая фамилия Брок, – мертвенным голосом продолжил Ленар. – Леди Ефимия Брок. Она старшая дочь барона Эвана Брока, героя войны и предателя. Только, – губы его тронула кривая усмешка, – барон никого не предавал. Да, он совершил ошибку, но жестоко раскаивался в помощи виконту Ору.

– Но...

– Дневник, Варден. – Окончательно позабыв о статусе подданного, граф не позволил императору вставить ни слова. В горле пересохло. Ленар ощущал лезвие меча палача, царапающее кожу, но собирался дойти до конца, сказать правду и восстановить справедливость.

– Он у меня, и там приведены железные доказательства. Ефимия Брок попала на отбор по протекции одной семьи. Их связывала ненависть ко мне. Откуда бедняжке было знать, что это ты жаждал крови? Но она даже не попыталась меня убить и никогда не попытается, слышишь, Варден?! Поэтому не смей ей мстить, оставь в покое.

Вот и все. Теперь император либо его растерзает, либо Ефимия навсегда вздохнет спокойно. Ленар надеялся на здравомыслие Вардена. Не мог друг, которого граф знал практически всю жизнь, вдруг оказаться злобным мстительным человеком.

– Смело, очень смело! – покачал головой император, не спеша выносить вердикт. – На моей памяти мы серьезно спорили лишь дважды, и оба раза речь шла о Броках. Какое-то проклятое семейство!

Монарх поднялся. Нервы Ленара натянулись до предела. Позвонит в колокольчик? Да уж, вот подарок недоброжелателям! Ленар Горзен сам лишил себя поста! Рука Вардена действительно потянулась к колокольчику для вызова слуг, но в последний момент он раздумал и перевел задумчивый взгляд на друга.

– Ты так ее защищаешь... Готов пойти против меня, схлестнуться с моей матушкой. Из нее выйдет хорошая императрица.

– Что? – Граф не поверил собственным ушам.

– Я доверяю твоему вкусу, Ленар, – победоносно улыбнулся Варден. – В отношении женщин тоже. Если Ефимия Брок свела тебя с ума, она достойна короны.

– Ты хочешь сказать?.. – нахмурился первый министр.

На такой исход дела он не рассчитывал. Все, что угодно, только не это.

– Я намерен отомстить матушке. Согласись, ее поступок заслуживает наказания. По известным причинам я не могу придать это дело огласке: репутация императорского рода превыше всего. Но отныне конкурс пойдет по моему сценарию. Я выберу ту, которую сам посчитаю нужным. Если матушка попытается протестовать, у меня появится весомый повод сослать ее в Старый дворец.

«Не все еще потеряно!» – промелькнуло в голове Ленара. Если Варден намерен продолжить конкурс, у него есть шанс обратить высочайшее внимание на другую особу.

Граф досадовал на себя. Не стоило открыто благоволить к Ефимии! Варден охотник, он непременно захочет отбить чужую добычу. Ничего, Ленар умел одерживать победы, справился с гестфольцами, настоит на своем и теперь.

– Как угодно вашему величеству, – с верноподданнической вежливостью, абсолютно спокойно согласился Ленар и склонил голову в учтивом поклоне. – Рад, что здравый смысл возобладал над старыми обидами.

Варден подозрительно покосился на друга. Слишком быстро он сдался! С той же Катариной Ленар взрывался, болезненно реагировал на любые намеки о сближении с фавориткой.

– Что у тебя с леди Брок? – напрямую спросил император.

– Ничего, – глядя ему прямо в глаза, ответил граф. – Мы не состоим ни в какой связи, если тебя это, – он выделил последнее слово, – интересует.

Варден промолчал и с тяжким вздохом прикрыл глаза.

– Мне очень нужны союзники, Ленар, особенно теперь.

– Я не собираюсь переходить ни на чью другую сторону, – заверил граф и протянул руку.

Он терпеливо ждал, пока монарх откроет глаза и пожмет ее. Ждал и втайне боялся, что Варден этого не сделает. Но нет, рукопожатие вышло крепким и искренним. Старая дружба была восстановлена.

– Тогда давай вместе допросим Эммануэля, – предложил император. – Чем скорее мы выясним, где прячут Ефимию Брок, тем лучше. Заодно определим степень вины лорда Дидье. Ты полагаешь, именно он подкладывал тебе анонимные письма?

– Скорее всего. Их явно приносили не с нарочными. Однако я могу ошибаться. Не хотелось бы верить, – Ленар поморщился, словно от зубной боли, – что он предатель. Лучше пусть окажется слишком верным слугой императрицы.

– А вторая девушка? Дочь графа Экта?

Граф бросил короткий взгляд в окно, на безлунное небо. Быстро же набежали тучи!

– Невиновна.

– Не стоило так на нее давить! – укорил Варден. – Бедняжку теперь отпаивают настойкой валерьяны.

– Тут не до сантиментов, – упрямо мотнул головой Ленар. – Нет времени на деликатность. Напоминаю, если план бы удался, мы оказались бы в состоянии войны с Гестфолом.

Он чувствовал себя опустошенным, словно внутри образовалась гигантская дыра. Не осталось ни – эмоций, ни сил, только по-прежнему, пусть и со скрипом крутились шестеренки разума. Отодвинув кресло, первый министр устало опустился в него, сгорбился над столом. Сколько времени? Четвертый час ночи.

– Отложим до утра? – заботливо предложил Варден.

Император сам мечтал скорее оказаться в постели.

– Сейчас, Варден, нужно сейчас, – вздохнул Ленар и усилием воли распрямил плечи. – В некоторых случаях важна каждая минута.

Несмотря на связанные за спиной руки, Эммануэль Дидье вошел в кабинет императора с прежним достоинством. Вежливо поприветствовав монарха, он терпеливо замер перед столом в ожидании вопросов. Однако Варден предоставил ему шанс поведать все самому:

– Вряд ли слепая преданность ее величеству стоит жизни.

Эммануэль опустил голову. Император не торопил его, даже велел Ленару пересесть, чтобы не давить на мажордома. Он должен сам все

понять, осознать и раскаяться. Не далее как полчаса назад, друг напоминал Вардену об ошибках прошлого. Он не намерен их повторять, не станет рубить сплеча, как в случае с Эваном Броком.

– Ваше величество, – наконец заговорил Эммануэль и слегка пошевелил пальцами, – могу я попросить вас об одолжении? Я никуда не собираюсь сбегать и тем более не причиню вам вреда. Прошу, велите развязать мне руки.

– Хорошо, – кивнул монарх.

Возможно, он поплатится за свою ошибку, но, если уж решил вести себя иначе, нужно идти до конца. Монарх покосился на Ленара, и тот ножом перерезал веревки. Эммануэль сердечно поблагодарил его и растер затекшие запястья.

– Вы совершенно правы, – без предисловий начал он, – я организовал похищение леди Феррир по поручению императрицы. Хотя правильнее будет именовать конкурсантку леди Брок. Видите ли...

– Я в курсе, – сухо оборвал его Варден. – Мне – известно все о прошлом и настоящем Ефимии Брок.

На лице мажордома мелькнуло удивление, быстро сменившееся привычной маской невозмутимости.

– В таком случае нет нужды объяснять, почему ее величество посчитала девушку опасной. Вы слишком выделяли ее, это могло привести к трагедии.

– У меня вопрос, – поднял палец Ленар, – кто поведал настоящую фамилию леди. Катарина Плее?

– Милорду и так все известно, – чуть склонил голову Эммануэль.

Однако граф не желал отступать. Он не верил, что любовница случайно узнала тайну. Либо кто-то сообщил ей, либо подтолкнул покопаться в архивах.

– Вовсе нет. – Первый министр прошелся от стены до стены и остановился против обвиняемого. – Мне нужен первоисточник. Это явно не маркиза Плее. Так кто же? Идрис Блеккуок? Его мать Агнешка?

Эммануэль промолчал.

– Не знаете или не хотите говорить? – нахмурился Варден.

– Леди Арно. Прежде другая кандидатка посеяла в маркизе сомнения относительно личности Ефимии Феррир, а Мирабель Арно

подтвердила, что она урожденная Брок, и очень просила довести все до сведения ее величества.

– Прекрасно! – процедил Ленар.

Он с нетерпением ждал минуты, когда мнимая скромница окажется в его руках.

Лгунья, заправская актриса! Немудрено, что Ефимия не признала подругу в уборной. Мирабель умела маскировать не только свою сущность, но и менять голос. Кто бы подумал, что она способна не только шептать!

– Она поделилась секретом с вами?

– Нет, с маркизой. Извините, граф, но леди Арно знала о ваших отношениях с леди Катариной...

– ...и желала сделать ей приятное, сообщив о возможной сопернице? – став темнее ночи, закончил за него Ленар. – Хитрая тварь! Ни минуты не сомневаюсь, никакая она не Арно. Так ловко играть на слабостях людей ради собственных целей! И на ваших тоже, Эммануэль. Леди Арно одурачила вас, чужими руками убрала ту, которая могла ей помешать. Да что там, она провела императрицу.

– О чем вы? – недоуменно переспросил мажордом.

Первый министр начал по очереди загибать пальцы:

– Леди Арно отравила герцогиню Ласси. Затем она покушалась на жизнь наследника Гестфола. Ее план провалился только из-за Ефимии Брок, которая подслушала ее разговор с сообщником. Уж не с вами ли?

Эммануэль гулко сглотнул.

– Я все время был на виду... О Создатель!

Он закрыл лицо руками и сокрушенно замотал головой.

– Как вы правы, милорд, какой же я идиот! Поверил ангельскому личику и даже не задался вопросом, почему вдруг леди проявила такую активность, вызвалась написать письмо от имени Элизабет Сомерсби и сыграть ее в зимнем саду. Я думал только о благе империи, а, оказалось, едва не погубил ее.

– Хватит причитать, словно баба! – прикрикнул Варден и, чтобы окончательно привести подданного в чувство, ударил кулаком по столу. – Только факты, Эммануэль: что, где, когда и как. Заодно назовите место, в котором держат Ефимию Брок. Надеюсь, – насупил брови он, – она жива?

Мажордом кивнул:

– Жива и невредима, ваше величество. Я не убийца.
У Ленара отлегло от сердца. Это главное, что он хотел услышать.

Глава 27

У Ефимии ныло все тело. Руки затекли и потеряли чувствительность. Поначалу девушка испугалась, на месте ли они, – так сильно веревки впились в кожу. Ее подташнивало. По полу гулял сквозняк, неприятным холодком проникая под одежду. Ефимия с трудом распахнула глаза и пару раз моргнула, привыкая к скудному освещению. Куда она попала? Похоже на сарай: ни единого окна, голые каменные стены, открытые стропила над головой. Похитители бросили на пол охапку соломы и поставили миску с водой – этим их забота и ограничилась.

Где она, сколько времени пробыла без сознания?

С четвертой попытки Ефимия сумела сесть. Пришлось снова пережить пару неприятных минут: от резкой смены положения туловища накатила волна дурноты.

Действительно, деревенский амбар, и старый. Швы законопачены мхом, сквозь прорехи в кровле проникал солнечный свет. Значит, сейчас день.

– Да что же это такое?!

Ефимия в сердцах ударила связанными ладонями по земляному полу. Боль немного отрезвила, заодно порадовала. Если Ефимия ее чувствует, с руками не все так плохо. Нужно скорее избавиться от веревок и выбираться отсюда.

Перед глазами пронеслись последние минуты перед тем, как она потеряла сознание. Вот девушка видит Элизабет, окликает ее. Подруга стоит к ней спиной, не желает поворачиваться. Затем приглушенные голоса... И вроде все понятно, предельно ясно, только Ефимия не могла отделаться от ощущения, что упустила что-то важное. Вонзившись зубами в веревки – ничего острого поблизости не нашлось, – она снова и снова мысленно переносилась в зимний сад, пока не ухватила за ниточку. Тогда, взволнованная предстоящим примирением с подругой, девушка не обратила на это внимания. Следовало насторожиться, когда Элизабет назначила встречу в непривычном месте. Удобнее поговорить у себя в комнате, а не тащиться куда-то по пустым коридорам. Подмывало назвать Элизабет

предательницей, но чем больше прояснялось сознание, тем сильнее Ефимия сомневалась, она ли была в саду. Разве бывшая подруга не захотела бы поглумиться над глупенькой леди Брок, посмеяться ей в лицо? Но Элизабет из зимнего сада упорно молчала и избегала зрительного контакта. Напрашивался простой вывод: кто-то выдавал себя за нее, подделал ее почерк и заманил Ефимию в ловушку. При этом он хотел сохранить инкогнито. Для чего?

Девушка сокрушенно покачала головой. Ну конечно, сообщница преступника! Если предположить, что за похищением стоит именно она, вопросы отпадают. Элизабет – отличный ложный след. Только... Ефимия старалась об этом не думать, но живой она похитителям не нужна.

Скрипнула дверь. Девушка поспешно плюхнулась на спину и прикрыла глаза. Пусть и дальше думают, будто она без сознания.

Земляной пол приглушал шум шагов, но позвякивавшие шпоры помогали определить, что визитеров двое.

Похитители остановились рядом с Ефимией. Она задержала дыхание. Только бы не моргнуть!

– Императрица слишком привередничает! – заметил незнакомый низкий голос. – Волосы, лицо, фигура – все при ней. Происхождение тоже подходящее. Обычно дочери предателей покорны, готовы на все, лишь бы спасти родных. Надо было разыграть эту карту, а не заниматься благотворительностью. Милашка и в постель Ленара бы легла, и сейф взломала, лишь бы только сестренка не угодила на рудники.

– Анне Брок шестнадцать, – напомнил собеседник, в котором Ефимия признала Идриса Блеккуока. – При всем желании не удалось бы доказать ее причастность к делам отца.

– Ну так живы мать, тетка, наконец! – раздраженно отмахнулся первый мужчина и опустился на корточки подле Ефимии. – Да и сама девица вполне могла носить письма предателю. Ей ведь не двадцать, надеюсь, хотя бы это вы знаете?

Вопрос хлестнул ударом бича. Выходит, маршал в чем-то провинился, допустил серьезную оплошность, и вряд ли она связана с Ефимией.

– Знаю, милорд.

Ненадолго наступила тишина. Ефимия ощущала на себе пристальный взгляд незнакомца. С каждой минутой становилось все сложнее дышать ровно, не выдать себя.

– Что же с ней делать? – снова заговорил первый мужчина, судя по почтительному обращению Идриса, знатный вельможа.

– Полагаю, никто не расстроится, милорд, если обещанная фаворитка отбора с горя утопится.

От злого предложения Идриса мороз пробежал по коже. Неужели они собираются?.. Их двое, руки связаны, никто не помешает.

– Разумеется, – подобострастно добавил маршал, – милорд возьмет ее первым.

По спине Ефимии скатилась капелька пота, когда чья-то рука – сложно понять, кого из двоих, – скользнула ей под юбки, поползла по чулку.

– Потом, Идрис! – Выходит, пальцы принадлежали Блеккуоку. – Понимаю, у вас личное, но потерпите. Я целиком и полностью уступлю вам девицу для мести, но сейчас нам нужно ее допросить. Я хочу знать планы Ленара Горзена. Уверен, леди Брок поведаст много интересного. Так ведь, Ефимия?

От неожиданности девушка вздрогнула и моргнула.

– Вы ведь все слышите, поэтому хватит паясничать!

Открыв глаза, Ефимия первым делом плюнула под ноги Идрису Блеккуоку и наградила его полным ненависти взглядом.

– С характером! – прокомментировал незнакомый мужчина и снова склонился над пленницей. – Ну, узнаете меня или представиться?

Ефимия нахмурилась и, чуть приподнявшись, опершись на локти, уставилась на собеседника. Широкоплечий, высокий, он держался с присущей только аристократам уверенностью. Серые глаза, небольшая бородка, острый подбородок. Вроде бы они никогда не встречались, но вопрос шатена свидетельствовал об обратном. Вдобавок Ефимию упорно преследовал чей-то знакомый образ. У кого такой же нос с горбинкой, тонкий изогнутый рот, пушистые ресницы? Святые угодники, Мирабель! Они очень похожи, но вряд ли перед Ефимией лорд Арно.

– Бал, – услужливо подсказал аристократ. – Или вы так переволновались, что не запомнили никого, кроме императрицы-

матери? Меня тоже представили конкурсанткам.

– Герцог Парский! – выдохнула Ефимия.

– Верно, – довольно кивнул собеседник. – Рад, что память вас не подвела. Энрике Имериз, глава Парского герцогского дома.

Сердце девушки пропустило удар. Она угодила в руки ближайшего родственника императора! Зачем, и так понятно. Энрике наверняка устал стоять в тени трона и мечтал примерить корону, вот и плел интриги против кузена. И как ловко! Его имя ни разу не прозвучало, Ефимия подозревала кого угодно, но не Парских.

– Развяжите гостье руки. – Герцог указал маршалу на веревки, впившиеся в кожу Ефимии. – Сомневаюсь, что леди сбежит. Вы ведь дадите слово не совершать подобных глупостей?

– После разрешения на мое изнасилование, милорд? – усмехнулась Ефимия, но требовательно вытянула руки.

С моральным обликом Энрике разберемся потом, сейчас главное – сделать шаг к свободе.

Ефимии по-прежнему не давало покоя сходство герцога с Мирабель Арно. Оно то пропадало, то появлялось, когда Энрике поворачивался к ней в профиль. Положим, у Мирабель волнистые волосы, мягкие черты и другая линия челюсти, но... Да нет, бред, нет никакого сходства! Сейчас герцог смотрел прямо на нее, и Ефимия ничего не видела.

– Скажем так, меня мало волнует ваша судьба. Если граф захочет с вами позабавиться, пускай. В конце концов, – губы Энрике тронула жесткая улыбка, – глупо умирать девственницей. Заодно отработаете вложенные в вас деньги.

Как цинично! Ефимию даже передернуло. Он говорил о ней как о куске мяса!

– Не двигайтесь! – приказал Идрис и, вытащив охотничий нож, освободил девичьи запястья.

Ефимия зашипела и принялась растирать бледную кожу, попутно исподлобья следя за мужчинами. Неужели они ее убьют? Сначала развлекутся, а потом утопят. И никто не найдет...

– Итак, – ноготь Энрике коснулся ее подбородка, понуждая поднять голову, – я слушаю. Постарайтесь выторговать себе быструю и легкую смерть.

– Я не связываюсь с предателями, – дерзко ответила девушка.

Ответом стал короткий смешок и колкое замечание:

– Удивительно слышать подобное от дочери генерала Брока!

– Идрис, – герцог поднялся и отошел в сторону, – прошу, займитесь девицей. После вас она станет покладистой, растеряет свой гонор.

Как, он только что приказал?.. И собирался смотреть?..

Ефимия перевела неверящий взгляд с одного на другого.

– Я, конечно, не император, – Идрис с усмешкой положил ладонь на застежку брюк, – но постарайтесь расслабиться и получить удовольствие.

Расслабиться? Как же! Если маршал ожидал покорности, ему следовало выбрать другую девушку.

Ефимия действовала быстро, как в свое время учил старший брат. Когда Алан приезжал на каникулы из закрытого пансиона, девушка хвостиком таскалась за ним. Сначала малявка жутко злила брата, но потом он смирился, разрешил наблюдать за своими тренировками, даже показал пару приемов. Один из них испытал на своей шкуре Идрис Блеккуок. Взыв подстреленным зверем, он согнулся пополам, проклиная стерву. Воспользовавшись смятением герцога, не ожидавшего такой прыти от пленницы, Ефимия проскользнула мимо него и ринулась к двери. Увы, попытка бегства провалилась: девушка налетела на приспешника похитителей. Он ухватил Ефимию за шиворот и вернул обратно пред грозные очи патрона. Откуда только взялся? Прямо злость брала. Возник на пороге в самый неподходящий момент.

– Чего тебе? – буркнул герцог, покосившись на слугу.

– Срочное донесение, ваша светлость, – с поклоном произнес верзила и наконец отпустил девушку. – Из столицы.

Энрике вырвал конверт из его рук и взломал печать. Лицо его потемнело. Показалось или герцог произнес: «Бесово отродье!»? Оттолкнув оказавшуюся на пути Ефимию, он скомандовал Идрису: «За мной! Девчонку оставите на потом» – и стремительно вышел вон. За ним увязались остальные. Ефимия вновь осталась одна.

Девушка старательно гнала от себя образ первого министра. Что толку вздыхать о том, кого никогда не получишь? Лучше бы ее не пустили на императорский отбор! Тогда бы она не познакомилась с Ленаром, не узнала бы правду об отце, варила бы варенье и рожала

Льюису Бару детей, зато осталась бы жива. А, к бесам! Лучше закончить свои дни на дне реки, чем влачить жалкое существование с постылым мужем. Ефимия бы через пару месяцев повесилась. Да и разве все кончено? Что-то в плане герцога пошло не так, а любой его промах – благо для нее.

Ефимия расхаживала по амбару, постепенно приводя руки в порядок. Она не собиралась терпеливо ждать смерти и, вернув былую чувствительность пальцев, для порядка подергала дверь. Та ожидаемо оказалась заперта, однако Ефимия не унывала. Она осмотрела амбар и обнаружила путь к свободе. Может, стены и каменные, зато крыша соломенная. Нужно умудриться забраться наверх, не упасть со стропил и проделать дыру. И Ефимия энергично принялась за дело. Она как раз, задыхаясь с непривычки, катила очередной бочонок для самодельной лестницы, когда услышала возню снаружи. Неужели похитители вернулись? Ефимия выпрямилась, готовая с высоко поднятой головой встретить свой конец. Ни герцог, ни былой покровитель не услышат просьб о пощаде. Однако геройствовать не пришлось: вместо Энрике и его приспешников на пороге возник офицер императорской гвардии.

– Леди Феррир?

Он склонился перед ней в почтительном полупоклоне.

– Да, – недоуменно подтвердила девушка.

Руки безвольно скользнули вдоль тела. Неужели спасена?

– Успокойтесь, миледи, вам больше ничего не угрожает. Его величество распорядился со всем возможным комфортом и почтением к вашей особе доставить вас во дворец. Похитившие вас люди схвачены и вскоре предстанут перед судом.

Его величество? Ефимия испытала легкое разочарование. Она надеялась, что приказ отдал Ленар. Ефимия понимала, он не мог, как в любовных романах, бросить дела и примчаться ей на помощь, но мог хотя бы послать других.

– Прошу, миледи! – Офицер галантно подал ей руку. – Я провожу вас в ближайшую гостиницу, где вы сможете отдохнуть перед дальней дорогой.

Ефимия чуть помедлила, но положила ладонь ему на локоть. Может, офицер – обманщик, но проверить это можно только одним способом – доверившись ему.

После полутьмы амбара яркий солнечный свет ослепил.

Ефимия замерла у входа в сарай, недоуменно озираясь. Ни одного деревца, только камни и кустарники. Да еще овцы, неспешно жующие траву на склонах холмов. А на горизонте – горы. Подумать только, как далеко она от Йента! Со времени ее похищения наверняка прошел не один день: при всем желании невозможно проделать столь длинный путь за сутки.

– Если угодно, обопритесь на меня, – заботливо предложил офицер.

– Нет, благодарю, – пробормотала девушка, продолжая удивленно разглядывать пейзаж.

Немудрено, что похитители вели себя так нагло! Вокруг ни души, зато рядом река, в которой предлагал ее утопить Идрис Блеккуок. Через воду переброшен горбатый мостик. У съезда с него рассредоточился конный отряд, охранявший пленных. Ефимия привстала на носочки, желая убедиться, что среди них мелькнут знакомые лица. Увы, главным злодеям удалось ускользнуть, их вовремя предупредили. Обидно, они разминулись с правосудием от силы на полчаса.

– Простите, миледи, – вновь привлек ее внимание офицер, – нам лучше поторопиться. До ближайшей гостиницы путь неблизкий. К сожалению, вам придется проделать его в седле.

– Ничего страшного, – улыбнулась Ефимия и мысленно добавила: «Зато на свободе».

– И вот еще что...

Офицер замялся, воровато огляделся по сторонам, после чего сунул руку в карман и извлек конверт без именной печати.

– Просили передать.

Отойдя в сторонку, к стене амбара, Ефимия взломала сургуч и извлекла сложенный пополам лист бумаги. Сердце забилось чуть чаще, когда взгляд упал на подпись – Ленар. Ни титула, ни фамилии, но они и не требовались, для Ефимии Брок существовал всего один мужчина с таким именем.

«Не бойтесь, – гласило послание, – вас сопровождают верные люди. Надеюсь, вы в порядке. К сожалению, император не отказался от идеи с отбором и настоятельно требует вашего возвращения. Сообщники известной вам персоны схвачены и дают признательные

показания. Скоро мы арестуем и его самого. Остальные подробности при личной встрече».

Дальше первый министр пропустил строку и добавил: «Надеюсь, вы не желаете становиться императрицей, иначе герцог выиграл». Ефимия несколько раз перечитала эту фразу, но так и не поняла ее сути. Ничего, потом спросит.

Улыбнувшись солнцу, девушка спрятала письмо на груди и крикнула терпеливо ожидавшемуся ее офицеру:

– Я готова, можем ехать!

Глава 28

Ленар расхаживал по комнате, репетируя речь. Следовало точно выверить каждое слово, но прежде... Прежде он разберется с Катариной. Радость от обладания красоткой окончательно улетучилась, Ленара тошнило от ее фальшивой скромности и неприступности. В постели граф делал все грубо и быстро, теперь исключительно под покровом темноты, хотя с некоторых пор и вовсе не желал видеть маркизу в спальне. Ленару стоило большого труда притворяться, молчать о том, что ему все известно. Но сегодня он собирался поставить точку в затянувшемся романе.

Ленар заранее приготовил прощальный подарок – откупные. Катарина быстро утешится, когда обнаружит чек на солидную сумму. Интересно, к кому она направится? После статусного любовника ей нельзя снижать планку. Напрашивалось имя императора, но, насколько было известно Ленару, Варден упоенно развлекался с Валерией Орсе. Пусть той не выиграть свадебный отбор, зато в постельном она победила. Венценосный друг без смущения делился деталями своего досуга, описывал пикантные приметы, удачи и фиаско баронессы. Бедняжка искренне надеялась стать императрицей. Матушке следовало объяснить ей разницу между доступностью и желанностью.

В дверь постучали.

Ленар улыбнулся и спокойным, подчеркнуто вежливым голосом отозвался:

– Войдите!

Он отменил все встречи, сказался больным и велел никого не пускать, кроме Катарины Плее. Интересно, она хотя бы справится о состоянии его здоровья?

Дверь отворилась. Первыми в спальню вплыли духи любовницы, и только потом она сама. Сегодня Катарина не стала укладывать волосы в сложную прическу и волнами распустила по плечам. Между прядей блистали жемчужные нити. Бордовое платье из тяжелого бархата плотно облегло грудь, чуть приоткрытую квадратным вырезом. В руках маркиза держала книгу. Ленар удивленно поднял брови. На его памяти любовница ничего не читала.

– Ох, милый, я полагала, что ты в кровати!

Катарина плотно закрыла за собой дверь и подошла к Ленару, чтобы, привстав на носочки, поцеловать. Он не стал отстраняться, позволил пахнущим медом губам коснуться щеки.

Маркиза Плее умудрялась сочетать несочетаемое, чем некогда и привлекла внимание графа. Страстная в постели, расчетливая в любви, она никогда не выглядела вульгарно, даже когда выбирала откровенные наряды. Вот и теперь Катарина уравнивала сочный цвет платья скромным, едва заметным макияжем и ограничилась золотой цепочкой без кулона на шее.

– Что с тобой?

Любовница потянулась к его лбу. Сложно сказать, играла или действительно беспокоилась.

– Всего лишь мигрень. Уже прошло.

Ленар отвел ее руку и отошел к окну. С часу на час вернется Ефимия – он получил весточку от офицера на подъезде к столице. К тому моменту, как леди Брок ступит во дворец, с Катариной должно быть покончено.

– Ты сам на себя не похож! – покачала головой маркиза и положила книгу на тумбочку возле кровати. – Словно и не здесь вовсе.

Если бы она знала, насколько права!

– Я принесла тебе роман, думала, ты скучаешь... Сегодня на редкость хорошая погода, если тебе уже лучше, мы могли бы сплавить на остров. Я так соскучилась, Ленар!

Руки Катаринины обвили его со спины, нос уперся в лопатки. Граф раздраженно дернул плечом, понуждая любовницу отступить. Его мутило от одной мысли, что маркиза собиралась туда же, где они с Ефимией провели свое тайное свидание.

– Да что с тобой?! – нахмурилась Катарина. – Прежде ты так себя не вел.

– Прежде я видел тебя другой, – парировал Ленар и обернулся: объясняться нужно лицом к лицу. – Совсем другой, Катарина.

– Какой же? – беззаботно поинтересовалась любовница и без разрешения уселась на кровать.

Из-под юбок мелькнула черная бархатная туфелька с костяной пряжкой.

– Неважно. – Он не собирался пускать ее в душу. – Мы неплохо проводили время, особенно ты. Хотя и мне не на что жаловаться, секс отменный.

– Ленар?

Почувяв беду, Катарина напряглась. Спина ее стала неестественно прямой, пальцы впились в покрывало.

– Но всему когда-то приходит конец, – ледяным тоном зачитал приговор граф. – Ты мне надоела. Понимаю, ты понесла некоторые убытки...

Он подошел к секретеру и достал запечатанный сургучом конверт.

– Тут достаточно, чтобы компенсировать твои расходы, пока не найдется новый ценитель прекрасного.

– Ты?.. Ты меня бросаешь? – не веря, переспросила Катарина.

Лицо ее вытянулось, кожа побледнела. На мгновение Ленару стало ее жалко, но лишь на мгновение.

– Именно так, мы расстаемся.

Он положил конверт на колени окаменевшей любовницы и вновь запер секретер.

– Я готов дать тебе отличные рекомендации.

– Рекомендации?! – взорвалась Катарина и рывком поднялась с кровати.

Конверт полетел на пол.

– Я что, уличная девка? – Лицо Катарины покраснело от гнева, Ленар даже испугался, что маркизу хватит удар. – Решил, будто можешь купить или продать меня?

– А разве не этим ты занималась, Катарина? – зло усмехнулся первый министр. – Продавала себя, раздвигала ноги за бриллиантовые колье. Хорошо раздвигала, не спорю, тут жаловаться не на что.

– Ты!..

Глаза Катарины сверкали. Поджав губы, она вlepила Ленару звонкую пощечину и, чуть подумав, оставила такой же красный след на второй щеке.

– Ты еще пожалеешь, Ленар Горзен! – прошипела маркиза. – Нашел себе новую девку, менее требовательную, верно? Только брюнетка утащит тебя на плаху. Думаешь, ей нужен ты, твои деньги? Да она хуже шлюхи!

– Замолчи, иначе я нарушу правило и ударю женщину, – предостерег граф и, подняв конверт, насильно всучил его метавшей молнии Катарине. – Умей достойно проигрывать и не изображай невинную девочку. Ты продаешь свою благосклонность, никого из любовников ты никогда не любила. И мне известно, кто рассказал императрице о Ефимии Брок. Так что еще вопрос, кому из нас следует опасаться больше.

– На что ты намекаешь? – Маркиза верно почуяла, бывший покровитель чего-то не договаривал.

– На то, что плаха ждет именно тебя. Эммануэль Дидье дал показания, подтвердил, ты тоже замешана в заговоре. И если бы он был против участницы отбора!.. Ты с твоей алчной ревностью угодила по уши в политику.

Ошеломленная Катарина безмолвствовала, переваривая его слова. Ленар не мешал ей. При всех недостатках маркиза Плее отличалась умом, иначе бы прозябала в содержанках у дворян средней руки. Граф не сомневался, она сделает правильные выводы и больше не приблизится к Ефимии. Взамен первый министр пощадит ее, не отправит на скамью подсудимых. В конце концов, Катарина действительно не подозревала о планах герцога Парского, преследовала сугубо свои мелочные цели и уж точно не желала низвержения Ленара. Зачем рубить сук, на котором сидишь?

– Ладно, я уйду, – с видом оскорбленного достоинства, согласилась маркиза, – но ты действительно еще пожалеешь! Обратно я не вернусь, будешь локти кусать.

Граф с трудом сдержал улыбку. Вот чего он точно не собирался делать, так это сожалеть о любовнице.

– Руки на прощание не даю: не достоин. Прощай, Ленар Горзен!

Катарина удалилась с высоко поднятой головой.

Ну вот, одно дело сделано. Предстояло самое сложное – переговорить с Ефимией. И не просто переговорить, а не подставить ни себя, ни девушку.

Граф нечасто испытывал затруднения. Он с легкостью выходил победителем почти из каждого спора, а теперь волновался как мальчишка. Варден прав, Ефимия вызывала в нем чувство, схожее с тем, что некогда пробудила Диана. Тогда Ленар потерпел сокрушительное фиаско. Красавица с удивительными льняными

локонами и васильковыми глазами осталась холодна к придворному из свиты наследного принца. С тех пор минуло много лет, граф давно уже не паж, не восторженный мальчик, но внутри остался полынный привкус унижения. Он слишком хорошо помнил, как ранит вежливый отказ, и с тех пор дал себе зарок не влюбляться. И вот все полетело в тартарары.

В дверь снова постучали. Не дождавшись ответа, слуга отважился просунуть голову в щелку и доложил:

– Карета въехала в парк, милорд.

Ленар кивнул и, выбросив из головы посторонние мысли, направился в Зал одалисок. Он шел привычным шагом, ни разу не подошел к окну взглянуть на подъездную аллею, создавая видимость, что ему вовсе не интересна леди Брок.

* * *

Ефимия хорошо помнила свой восторг при виде императорской резиденции, когда карета доставила ее сюда в первый день отбора. Сейчас все переменялось, и она равнодушно взирала на причудливо постриженные деревья. Ефимия гадала, как ее встретят. Наверняка остальные кандидатки расстроятся: они ведь списали соперницу со счетов. Но больше всего ей хотелось увидеться с подругами. Бедняжки провели столько дней в неведении!

Возле знакомого крыльца вместо Эммануэля карету встречал незнакомый мужчина.

– А где же лорд Дидье? – растерянно поинтересовалась Ефимия.

Она не рассчитывала на торжественную встречу, но мажордом опекал участниц конкурса и обязательно вышел бы к ней.

– Лорд утратил доверие императора, – коротко, дав понять, что не намерен развивать тему, ответил мужчина. – Отныне я исполняю его обязанности. Рогир Совей к вашим услугам.

– Очень приятно познакомиться, майстер, – пробормотала окончательно сбита с толку Ефимия.

Похоже, за время ее отсутствия многое переменялось.

– Обед подадут через час, – предупредил Рогир. – После состоится очередной отборочный тур. Ваш костюм для верховой езды

уже подготовили.

Испытание? Прямо сегодня? Ефимия покачала головой. Стоило ли возвращаться на конкурс, чтобы тем же вечером отбыть домой. В Мелрое Броки лошадей не держали – денег едва хватало на жалованье Труды. Графиня Малжбетен, безусловно, много сделала для них с Анной, но любой доброте есть предел. Занятие танцами – вклад в будущее удачное замужество, а верховая езда – дорогое развлечение аристократов. В последний раз Ефимия сидела в седле больше десяти лет назад, еще маленькой девочкой. Помнится, у нее был лохматый пони по кличке Морковка. После девушка передвигалась исключительно пешком или в почтовой карете. Вряд ли давних уроков езды по кругу хватит, чтобы достойно выдержать испытание.

Как и ожидала Ефимия, ее возвращение не прошло незамеченным. Позабыв о делах, участницы отбора собрались в Зале одалисок. Каждая хотела взглянуть на дочь Эвана Брока, вопреки ожиданиям, триумфально вернувшуюся на отбор. Увы, после похищения настоящая фамилия Ефимии перестала быть тайной и наделала много шума. Но категоричное заявление его величества поставило точку в правомерности участия девушки в конкурсе. Большинство участниц не скрывало досады, вот и теперь они злобно, завистливо посматривали на взлетевшую столь высоко дочь предателя. Однако их стрелы не достигали цели. Ефимия игнорировала злобные шепотки. В детстве она наслушалась не такого, давно отрастила броню. Взгляд искал в толпе подруг. Элизабет Ефимия заметила сразу и приветливо помахала ей, а вот Мирабель куда-то пропала. Неужели подруга действительно оказалась вовсе не подружкой?

– С возвращением, миледи!

Ефимия подняла голову и увидела Ленара. Губы тронула улыбка. Ну конечно, Ленар не опустится до простых смертных! Девушка тут же отвернулась. Если она продолжит смотреть на графа, то с головой выдаст себя. Хватит того, что сердце и так ухало в груди набатным колоколом.

– От имени его величества рад снова приветствовать вас во дворце. Рад, что вам больше ничего не угрожает. Полагаю, Рогир уже известил вас о будущем испытании?

Ефимия кивнула и бросила косой взгляд на Элизабет. Та всячески пыталась привлечь ее внимание, утянуть в укромный уголок.

Интересно, что такого важного и срочного хотела сообщить подруга?

– Прекрасно! Отдыхайте, спокойно готовьтесь. После мы обсудим некоторые детали вашей... м-м-м... прогулки. Все нужно детально запротоколировать. Надеюсь, вы не откажетесь побеседовать со мной и другими членами комиссии?

– Конечно, милорд, – кивнула девушка. – Я все понимаю.

Пусть вспоминать о таком тяжело, она обязана если не ради себя, то во имя государства.

– В таком случае я пришлю за вами.

И первый министр скрылся за полуколоннами.

Ленар снова и снова прокручивал в голове сказанное. Вроде он не допустил ошибок, говорил холодно и официально. Ленар понимал, отныне каждое сказанное Ефимии прилюдно слово немедленно передадут императору. Да и вряд ли Вардену понравилось бы, надумай друг под любым предлогом остаться с леди Брок наедине. Именно поэтому он упомянул комиссию, тогда как на самом деле планировал откровенно поговорить с Ефимией один на один. Он должен выяснить, какие чувства питает к нему девушка. Если у него есть хотя бы крошечный шанс, Ленар его не упустит. Дружба дружбой, но каждый кузнец своего счастья. Ненадолго выставить следователя под благовидным предлогом не так уж сложно, для частного разговора хватит пары минут.

Стоило Ленару скрыться из виду, как Элизабет ухватила Ефимию за руку и, презрев условности, потащила сквозь живой строй конкурсанток.

– Мирабель арестовали! – едва они оказались одни, выпалила графиня Сомерсби.

Не дав подруге вставить ни слова, она крепко стиснула ее ладони и виновато запричитала:

– Я так виновата перед тобой, Эффи! Я глупая снобка, круглая дура! Это из-за меня Мирабель заманила тебя в ловушку!

– Что?! – Ефимия осела на ближайший диванчик. – О чем ты? Что с Мирабель?

– Мерзавка ловко притворялась, обвела нас вокруг пальца, – сжала кулаки Элизабет. – Она подделала мой почерк и написала ту записку. Я не звала тебя в зимний сад, Эффи!

– Это я уже поняла, – медленно переваривая услышанное, кивнула девушка. – Но почему именно Мирабель?

– Не удивлюсь, если она даже не Мирабель вовсе.

Опустившись рядом с подругой, Элизабет тяжело вздохнула. Она считала себя опытной дамой, покровительствовала «малышке Арно» – и тут словно гром среди ясного неба – известие о ее аресте.

– Выходит, заговорщикам помогала Мирабель, – после затянувшегося тяжелого молчания подвела итог Ефимия.

Факты упорно не желали укладываться в ее голове. Мирабель такая тихая, скромная, неуклюжая... Слишком скромная, слишком тихая, слишком неуклюжая. Недаром после фуршета Ефимия впервые задумалась, не переигрывает ли подруга. А как она оживилась, какой непривычный напор проявила в желании помирить ее с Элизабет. И поразительно спокойно отреагировала на признание Ефимии. Боявшаяся отца, забитая леди Арно пришла бы в ужас от общения с дочерью мятежного генерала – это могло повредить ее репутации, лишит и без того мизерных шансов на победу. А вот сообщница заговорщиков, наоборот, только порадовалась бы такой удаче. Еще бы, помощница первого министра оказалась «с душком», появился шанс без труда от нее избавиться.

И голос... Теперь понятно, почему он казался одновременно знакомым и незнакомым. Мирабель никогда не говорила властно, уверенно.

– Только я тебе ничего не говорила! – торопливо шепнула Элизабет. – Это большая тайна! Девчонки думают, Мирабель покинула конкурс по личным причинам.

– А ты-то откуда знаешь? – прищурилась Ефимия. – Связи?

– Какое там! – вздохнула подруга. – Нам очную ставку устроили.

Помолчав, она с надеждой спросила:

– Ты ведь меня прощаешь, мы снова подруги?

Ефимия кивнула и поднялась с дивана. Она должна немедленно найти Ленара, расспросить его о Мирабель. Пусть у Ефимии не было оснований не доверять Элизабет, она хотела убедиться. Вдобавок ей как воздух требовалось еще раз увидеть его, услышать его голос. Сказанная при всех пара слов – слишком мало, Ленар даже толком не взглянул на нее. Увы, скоро у Ефимии не останется поводов побыть с ним наедине. Может, и к лучшему. В ее же интересах скорее забыть

Ленара. Он наверняка уже не думает о ней. Право, зачем ему девица сомнительного происхождения, когда под боком та же Катарина Плее? Она могла сколь угодно не нравиться Ефимии, зато Ленар целовал ее, обнимал, шептал нежные слова на ушко. С ним она появлялась в свете, делала то, что навсегда останется недоступным леди Брок.

– Ты куда? – недоуменно спросила Элизабет, когда подруга направилась не к себе, а к выходу. – Испытание через три часа, тебе лучше отдохнуть...

– Я все равно вылечу, Бетси, – обернувшись, устало улыбнулась Ефимия, – нужно успеть доделать дела.

Элизабет покачала головой, но останавливать ее не стала. Как и говорить о том, что подруга недооценивает себя. С некоторых пор Ефимия входила в число негласных фавориток отбора, а уж после вчерашнего разговора императора с матерью на повышенных тонах (он состоялся за закрытыми дверьми, но фрейлины сумели кое-что подслушать) ставки леди Брок и вовсе скакнули до небес.

Глава 29

– Нет, я не верю! – сокрушенно покачала головой Ефимия.

У нее не было оснований не доверять Ленару, равно как суровому мужчине в строгом, застегнутом на все пуговицы мундире, да и собственный внутренний голос шептал: «Ты давно догадалась!» – но сердце отказывалось принять предательство Мирабель. Она не могла, это какая-то ошибка!

Дрожащей рукой Ефимия потянулась к стакану с водой и выпила его залпом. Однако горечь и сухость в горле никуда не делись.

– Увы, но это так, – развел руками следователь.

Создавалось впечатление, будто его голова росла прямо из воротника-стойки. Ефимия не выдержала бы в таком и минуты, а мужчина за полтора часа к нему даже не прикоснулся. Целых полтора часа! А ведь казалось, прошла от силы пара минут. Нужно вернуться к себе, поесть, одеться – времени в обрез.

– А Эммануэль Дидье, он тоже?..

Самый главный вопрос: почему подруга так с ней поступила, девушка приберегла на потом. Она страшилась ответа, старалась о нем не думать. В сущности, какая разница, почему тебя предали, легче не станет.

Следователь покосился на Ленара. Он кивнул, заново наполнил стакан и пододвинул Ефимии.

– Леди Брок, – настоящая фамилия заставила девушку испуганно вздрогнуть, – надеюсь, вы понимаете, все сказанное не должно покинуть пределов этой комнаты.

Не понимая, к чему клонит Ленар, Ефимия кивнула и сделала очередной глоток, пытаясь унять дрожь в коленях. Может, ее позвали сюда не только ради дачи свидетельских показаний? Недаром Ленар так суров с ней. Да, он вежлив, обходителен, но не более. А ведь ей казалось... Ефимия грустно усмехнулась. Возмнив себя опытной интриганкой, девушка раз за разом позволяла себя обманывать.

Когда она пришла сюда, ворвалась в приемную первого министра, секретарь не желал ее пускать. Однако Ефимия настаивала, препиралась, да так громко, что помешала разговору Ленара с важным,

надутым следователем. В итоге девушка добила своего, проникла в кабинет, но вожделенного разговора наедине не получилось.

– Я полагаю, разъяснение некоторых вопросов нужно отложить, – внес предложение чиновник и чиркнул взглядом по циферблату напольных часов с боем. – Скоро начнется очередной конкурс, миледи в нем участвует...

Ефимии крайне не понравился взгляд, которым он ее одарил. Словно застегнутый на все пуговицы человек недоумевал, почему она еще во дворце. Ах да, теперь всем известна ее настоящая фамилия. Но добровольно складывать с себя звание участницы отбора Ефимия не собиралась. Одно дело – проиграть испытание, другое – уйти вот так, без боя. В конце концов, если его величество пожелал ее вернуть, остальным придется смириться с этим фактом.

– Да, вы правы, – кивнул Ленар и поднялся из-за стола.

Следом за ним встал и занявший гостевое кресло чиновник. Примостившаяся на диванчике Ефимия пока не двигалась, напряженно переводила взгляд с одного на второго.

– Миледи, я провожу вас.

Граф галантно подал ей руку и, обернувшись к следователю, добавил:

– Подготовьте необходимые бумаги. Я намерен посвятить леди Брок во все детали дела.

– Вы уверены? – в сомнении покачал головой собеседник. – Замешаны слишком высокопоставленные лица, я полагаю неуместным...

– Вы – полагаете? – одним вопросом Ленар расставил все по местам.

Стиснув зубы, чиновник поклонился. Он не посмел перечить первому министру.

– Жду вас к семи. И скажите остальным членам комиссии, чтобы говорили только по делу. Прогулка утомит леди Брок, да и несправедливо лишать ее ужина.

Ефимия с усмешкой подумала, что вряд ли сегодня проглотит хоть кусочек.

Пальцы Ленара обжигали. Девушка искренне надеялась, что он не видел мурашек на ее коже, не замечал, как рядом с ним чаще бьется ее сердце. Слишком часто для того, кому она не нужна. «Я забуду его, –

упрямо повторяла Ефимия. – Это не так сложно, достаточно пары месяцев в глуши». Пока не получилось, и в страхе выдать себя она шла и смотрела куда угодно, только не на спутника. Опустошенная и раздавленная – так бы в двух словах девушка описала свое состояние. Срочно требовалось отыскать новую цель, хоть что-нибудь, чтобы вытащить себя из болота боли.

– Не нужно! – ворвался в сознание вкрадчивый шепот Ленара.

В следующий миг его пальцы крепко сжали ее ладонь, запустив в сердце десятки бабочек.

Покусывая губы, Ефимия отвернулась и вырвала руку. Она должна закончить игру, а не начинать ее снова. Однако Ленар придерживался другого мнения. Убедившись, что они ненадолго остались одни, он быстро увлек Ефимию за портьеру в одном из многочисленных переходов и строго поинтересовался:

– Что случилось? Еще недавно вы мне улыбались, а теперь холоднее льда.

Из груди Ефимии вырвался приглушенный смешок. Знал бы он, какое пламя в ней бушует!

Близость Ленара пьянила. Ефимия боролась с искушением прикоснуться к нему, ощутить тепло его кожи, губ. Сердце стучало так часто, что, казалось, еще немного – и разорвется. Тонкий аромат одеколona медленно, но верно вытеснял воздух из легких. Она хотела и боялась поднять голову, заглянуть в его глаза. Вдруг в них тот самый лед, о котором говорил Ленар?

– Милорд, похоже, совсем не рад моему возвращению, – покачав головой, глухо пробормотала Ефимия и заерзала, пытаясь вырваться из ловушки, как-то обойти Ленара. – Мне пора, милорд, невежливо заставлять императора ждать.

– Так вам нравится Варден?

Руки графа отрезали пути к отступлению. Он склонился над задержавшей дыхание Ефимией. Девушка закрыла глаза. Веки ее трепетали словно крылья бабочки.

– Вам нравится император? – настойчивее, дав понять, что не уйдет без ответа, повторил Ленар.

Как же ему хотелось поцеловать ее! Осыпать – поцелуями густые ресницы, чуть покрасневшие щеки, сухие губы. Усталая, без грамма макияжа, Ефимия казалась ему самой прекрасной женщиной на свете.

– Я не знаю правильного ответа, милорд, – сокрушенно пробормотала девушка и опустила голову еще ниже.

– Его не существует, есть только ваше сердце.

Убрав руки с оконного откоса, Ленар заключил ее холодные пальцы между ладоней и поцеловал. Ефимия широко распахнула глаза и отважилась взглянуть на него. Как же Ленар многолик! Суровость исчезла, но девушка не торопилась с ответом, опасалась угодить в ловушку.

– Вы получили мою записку? – Ленар начал издалека.

Он то и дело прислушивался, понимая: скоро какой-нибудь слуга или придворный появится в конце анфилады, и им придется покинуть укрытие, снова стать чужими.

Ефимия кивнула.

– Тогда вы все поймете. Не теперь, так потом.

Заслышав шаги, первый министр быстро выскользнул из укрытия, оставив девушку в полном смятении. Она окончательно запуталась. Голова шла кругом от намеков, читавшихся между строк обещаний.

Мимо со смехом прошла какая-то женщина. Чуть погодя Ефимия услышала бряцанье шпор и тяжелую поступь солдат – смена караула. Выждав, пока стражники скроются из виду, леди Брок осмелилась выйти. Разумеется, Ленара и след простыл, зато в том конце перехода замерли две кумушки. Они шушукались и с интересом посматривали на Ефимию. Наверняка решили, будто застукали ее во время тайного свидания. Они были недалеко от истины, только любовник давно испарился и не подарил на прощание даже ласкового слова.

Ефимия прошествовала мимо сплетниц с высоко поднятой головой. Пускай обсуждают! Судя по одежде, они даже не фрейлины, так, дворянки средней руки, околачивающиеся во дворце в надежде на лучшую долю. Такие попадали сюда вместе с родными. Пока отцы и дяди решали дела, их дочери и племянницы слонялись возле приемных, строили глазки кавалерам.

Стоило Ефимии переступить порог своих покоев, как на нее обрушился поток упреков.

– Ну где же вы ходите, миледи! – всплеснула руками горничная. – Право, не знаю, как я успею уложить вам волосы.

Приглядевшись к ней, Ефимия, поняла, что это не Жанетта. Интересно, куда подевалась прежняя служанка? Неужели тоже

замешана в заговоре? Новая горничная – ее звали Лорой – ничего о судьбе предшественницы не знала.

– С нами не откровенничают, миледи. И вы уж простите меня за дерзость, – смутилась она. – Майстер Совей сказал, что голову оторвет, ежели с вашей прической или гардеробом что будет не так. А тут времени все меньше, чувствую: не успеваю...

Накрытый в гостинной обед успел остыть, и Ефимия ограничилась ломтиком ветчины и салатом. Она поела совсем немного, только чтобы не упасть в голодный обморок, а после отдалась в руки служанки. Лора, охая и причитая, принялась колдовать над Ефимией. Оставалось только поражаться быстроте и сноровке горничной – они почти уложились к сроку.

Пошитая по снятым для бала меркам амазонка сидела великолепно. Насыщенный синий цвет идеально подходил к глазам Ефимии. Бархатная, переливчатая, она превратила девушку в подобие экзотической птицы. Лора густо подвела ей глаза и практически не тронула помадой губы, создав одновременно роковой и невинный образ. Довершала его шляпка с фазаньим пером и крошечной вуалеткой, крепившаяся к волосам при помощи множества шпилек.

Судя по косым взглядам соперниц, они списали опоздание Ефимии на желание показать свою значимость. Мол, последней приходит будущая королева. Девушку мало волновали их домыслы. Она буравила взглядом серую кобылку, гадая, с какой стороны к ней подойти. И надо же было такому случиться, что, когда Ефимия наконец решилась, занесла ногу на специальную табуретку, за спиной раздался голос императора:

– Не бойтесь, она смирная.

Девушка покачнулась от неожиданности и ухватила за плечо лакея. Щеки стремительно заливала краска стыда. Вряд ли можно опозориться сильнее, разве только упасть. Почему Варден не послал вместо себя того же мажордома или, если императору так хотелось самому наблюдать за участницами, почему он появился именно теперь?

– Похоже, вы не слишком умелая наездница, – заметил монарх.

Одного его взгляда хватило, чтобы слуга с поклоном отошел, уступив место правителю.

– Боюсь, я никудышная наездница, ваше величество.

Ефимия через силу выдавила улыбку и смиренно приняла помощь Вардена. Он помог ей устроиться в седле, дал несколько советов и даже расправил длинный подол амазонки – слишком откровенное выражение симпатии. Ефимия не на шутку перепугалась. А вдруг она действительно станет императрицей? С одной стороны, не об этом ли Ефимия втайне мечтала? С другой – тогда у нее не будет Ленара. Увы, нетрудно догадаться, кто проиграет в споре за девичью руку.

– Я так рад снова вас видеть.

Варден продолжал стоять подле Ефимии, будто затеял испытание только ради нее одной.

– Я тоже, ваше величество, – вежливо ответила девушка.

С каждой минутой беличье колесо беспокойства вертелось все быстрее. С чего вдруг столько внимания? Положим, до похищения император пригласил ее на свидание, но в его покоях побывала не только Ефимия. Да и ему ли не знать, какую фамилию она носит. Это перечеркивало все, но, как оказалось, не для Вардена.

– Удачи! – после чересчур затянувшегося молчания сердечно пожелал император и наконец обратил внимание на остальных претенденток.

Ефимия с облегчением перевела дух. Она оказалась в западне, куда угодила по собственной воле. Разве участницы отбора не мечтали коснуться императора, не грезили очутиться с ним наедине? И вот оно, сбылось, только... «Только мне нужен другой», – с горечью подумала девушка.

Элизабет вызвалась опекать подругу. Она напоминала пристыженного котенка, слишком активно предлагала свою заботу, не в силах избавиться от гложущего чувства вины. В конце концов Ефимии пришлось на нее шикнуть. Старания Элизабет только мешали. Какие там разговоры, когда, отчаянно вцепившись в поводья, пытаешься элегантно балансировать в дамском седле!

Однако в чем заключалось испытание? Пока лошади неспешно трусили по подъездной аллее. Император беседовал то с одной, то с другой кандидаткой, словно на обычной светской прогулке. Все начало проясняться, когда они миновали ворота.

– Смотри!

Элизабет привлекла внимание подруги к двум точкам в небе. Сначала они казались помаркой зрения, но затем, стремительно

увеличившись в размерах, обернулись птицами.

– Соколы! – не скрывая восторга, прошептала Элизабет.

Ефимия тягостно вздохнула. Только птиц ей не хватало! И дело вовсе не в страхе перед пернатыми охотниками, а в лошади. Она прядала ушами, Ефимия опасалась, что не сумеет совладать с ней.

Хищные птицы между тем опустились на специальный воткнутый в землю насест и получили от сокольников вознаграждение – по маленькому куску мяса. Глаза-пуговицы буравили всадников. Участницы отбора явно пришлись соколам не по нраву.

– Дамы, – император остановился и поднял руку, – я хочу познакомить вас с моими питомцами. Я специально велел вывезти их в поле, чтобы мы совместили приятное с полезным. Возле дворца развелось много воробьев, мы на них поохотимся. Заодно вы получите шанс продемонстрировать умение достойно выходить из непредвиденных ситуаций. Постарайтесь наладить контакт с птицами и их сокольничими.

Девушки переглянулись. Испытание казалось нелепым. С соколами – на воробьев? С тем же успехом можно было носить воду в фарфоровой супнице. Однако Элизабет и Ефимия быстро смекнули, в чем дело. Во-первых, птиц мало. Вряд ли на настоящей охоте кандидатки по очереди запускали бы одного и того же сокола в небо. Во-вторых, никто из них прежде не имел дела с хищными птицами. Выходит, смысл испытания совсем в другом. На фуршете участницы конкурса общались с теми, кто был выше их по положению, теперь им надлежало говорить с нижестоящими. Вдобавок воробьев что-то не видно, охотиться не на кого.

– Придержи мою кобылу, и я устрою так, чтобы мы не вылетели, – шепнула Ефимия.

Для нее разговоры с простолюдинами – дело привычное. Первым делом нужно поздороваться и познакомиться: так легче расположить собеседника к себе. Затем следует проявить интерес к человеку, к примеру, восхититься его работой или сделать еще какой-нибудь комплимент. После теплых слов даже суровый мясник соглашался продать лопатку чуть дешевле, сработает и с сокольничими. Главное – одновременно держать дистанцию и не скатываться в высокомерие. Однако не только Ефимия усвоила эту науку, Элизабет тоже отлично справлялась.

Тактика подруг принесла плоды. Сокольничие проболтались, что охотиться сегодня действительно не придется. На этом испытание для подруг и закончилось. Варден велел уступить место другим.

– Что это было? – Ефимия недоуменно проводила взглядом спину императора.

– Хитрость, Эффи. Нам намеренно не озвучили условия задачи, чтобы мы не смогли подготовиться.

– Да, воистину сложный конкурс!

– И кое-кто с ним не справился. – Элизабет покосилась на Оливию. – Наша рыжая фаворитка топает ножкой и ругается как базарная торговка. В ее хорошенькую головку даже не закралась мысль, что все – фарс. Соколов-то всего пять! Как каждая могла бы с ними полноценно охотиться?

– Вот и я об этом сразу подумала, – кивнула Ефимия, искоса наблюдая за остальными.

Мало кто догадался об истинной сути испытания, большинство упорно продолжали спорить, что уничтожать воробьев не господское дело.

– Ой, дуры! – сокрушалась Элизабет. – Той же Оливии положено знать, что на воробьев охотятся только мальчишки с рогаткой. А она стоит и возмущается, что сокол попортит ее амазонку. Знаешь, теперь я еще больше заужала императора. Выдумать испытание три в одном! Намеренно дезориентировать, чтобы получить максимально естественную реакцию – раз. Проверить, как мы реагируем на неожиданности, – два. Наконец его величество отныне знает, кто непомерно задирает нос и вежлив только с равными.

Ефимия осторожно обернулась к Оливии, прислушалась к долетавшим обрывкам разговора и укоризненно покачала головой. Леди полагалось оставаться леди даже на кухне.

– Как думаешь, – не унималась Элизабет, – ее выгонят?

Насчет себя она не боялась. Элизабет не корчила презрительных гримас и не кичилась своим происхождением.

– Не нам решать, – осторожно ответила Ефимия.

Ее мысли витали далеко отсюда. Сердце замирало в предвкушении обещанного разговора. Если с сокольничим все понятно, то с Ленаром пока одни знаки вопроса. И самый главный: открыть ли ему свое сердце?

Глава 30

Еще целых два часа!

Сложив руки на коленях, девушка одиноко пристроилась на краешке дивана и пыталась читать. Она ощущала себя прокаженной: отныне другие участницы отбора предпочитали с ней не общаться. Спасибо, открыто не оскорбляли, хотя некоторым, особенно Валерии Орсе, явно хотелось высказать Ефимии пару «добрых» слов. Останавливал ее статус. Несмотря на все ожидания, девушка оставалась в фаворе. Вот и сегодня его величество намекнул, что среди претенденток на отчисление Ефимии нет. Зато там значилась Валерия, отчего она бесилась еще больше. Баронесса не могла взять в толк, где ошиблась. Еще вчера император шептал на ушко ласковые слова, любил ее в помпезной опочивальне, а сегодня даже не ответил на улыбку. Уж не ведьма ли эта Ефимия Брок, иначе почему она еще здесь?

– Графиня сделала ставку. – Герда сложенным веером указала на Элизабет, которая уселась рядом с подругой.

Леди Мориз неслышно подошла к Валерии и стала у нее за спиной. Герда тоже недоумевала, почему Ефимию не изгнали с позором. Она достаточно постаралась, чтобы темное происхождение леди Брок стало достоянием общественности, но все напрасно. Карта Катарины Плее тоже не сыграла, в противостоянии сына и матери первый одержал победу. Хотя на месте императрицы Герда бы поступила иначе. Зачем кого-то похищать, жертвовать верными слугами, когда можно просто выгнать девицу с отбора? Разве она не нарушила правила, назвавшись чужой фамилией? Разве ее отец не участвовал в абигонском мятеже? Каждого факта по отдельности достаточно, чтобы отослать Ефимию домой. Словом, Алисия разочаровала. Герда считала ее более дальновидной, хваткой женщиной. Опять же этот Рогир Совей, занявший место Эммануэля... Неотесанный мужлан! Став императрицей, Герда похлопочет за лорда Дидье. Для слаженной работы механизма важна каждая деталь. Дворец не исключение.

– Лучше бы она ставила на себя, – резонно заметила Валерия, хмуро наблюдая за Элизабет.

– Так она о себе и хлопочет, – уголками губ улыбнулась Герда и скрыла лицо за веером. – Ты заметила, кто нашептывал ей сегодня советы? Ефимия Брок – ценное приобретение. Пока она не потеряла девственность, не приелась его величеству, Элизабет будет вертеться рядом.

– Ты полагаешь, император видит ее в качестве любовницы?

Валерия напряглась. Внутри заворочалось глухое недовольство. Ефимия метила на ее место! Даже в случае проигрыша Валерия рассчитывала удержаться подле Вардена, она не собиралась никому отдавать его спальню.

Герда пожала плечами, всем своим видом показывая: а кем же еще? Подруга вызывала брезгливую жалость. С тех пор, как каждую ночь Валерию начал сопровождать в императорскую опочивальню лакей, леди Мориз окончательно вычеркнула ее из списка соперниц. Герда и раньше ставила себя выше Валерии, а теперь окончательно низвела ее до орудия в собственных руках. Вот и этот разговор Герда начала специально, просчитала каждое слово. Бедняжка Валерия так предсказуема! Она точно подстроит Ефимии Брок – какую-нибудь пакость, само собой, вместе с ней вылетит с отбора, открыв Герде дорогу к трону.

Жертва столь грандиозных планов пока ни о чем не догадывалась. Она вполголоса беседовала с Элизабет и с нетерпением посматривала на часы. Нервозность поведения Ефимии не укрылась от подруги. Убедившись, что их не подслушивают, она шепотом пригрозила:

– Смотри, нарвешься на неприятности!

– По-моему, я уже собрала весь возможный список, – усмехнулась Ефимия.

– Не шути так! – нахмурилась Элизабет. – Не гневи императора! Ведь ты не допроса ждешь, а свидания кое с кем.

– О чем ты?

Леди Брок практически идеально разыграла изумление.

– Сама знаешь! – прошипела подруга. – Я давно за тобой наблюдаю. Раньше списывала твои странности на разные причины, но сейчас точно знаю, рядом с кем ты расцветаешь и без кого грустишь.

– Пусть так, – вздохнула Ефимия и уставилась на собственные руки, – но он ничего не знает. Не беспокойся, я приехала в столицу не ради того, чтобы потерять голову и остаться ни с чем. Элизабет, – она заглянула подруге в глаза, – ты ведь дашь мне хорошие рекомендации? Скоро сказка кончится, мне придется задуматься о работе...

– Работе? – изумилась собеседница. – Почему ты не вернешься к родным?

Ефимия тяжело вздохнула и, пересилив собственную гордость, призналась:

– Потому что у нас нет денег, а мать видит меня женой соседского управляющего.

– Тебя – управляющего? – возмущенно зашипела Элизабет. – Даже не вздумай! Можешь пожить у меня, отец не будет против.

Ефимия издала короткий смешок.

– Я ценю твое благородство, но граф Экт меня точно не примет.

– Зато приму я, – отрезала подруга, поставив точку в пререканиях. – Никакой работы! Я найду тебе подходящего жениха.

Девушка благодарно улыбнулась и пожала руку Элизабет. Она не стала расстраивать ее, говорить, что не станет злоупотреблять чужим гостеприимством и уж точно не продаст себя богатому жениху. Особенно сейчас, когда в ее сердце поселился Ленар Горзен. И Ефимия приняла решение. Будь что будет, она откроется ему. Лучше услышать «нет», чем всю жизнь терзаться в неведении.

Внимание присутствующих привлек стук каблучков. Двери гостиной отворились, явив Катарину Плее в сопровождении чопорного слуги. Фрейлина держала на руках одну из левреток императрицы. Расставание с Ленаром, казалось, никак не отразилось на Катарине. Она по-прежнему излучала пленительную смесь красоты и недоступности, покоряла нарядами и мечтательной улыбкой. Однако при виде Ефимии на лице Катарины на миг проступили черты другой женщины – злобной, мстительной и уродливой в своей ненависти. Никто этого не заметил: маркиза Плее тут же снова надела маску.

– Ее величество сердечно просит леди Брок пожаловать на вечернюю чашку кофе, – важно передала чужую волю Катарина. – Мне велено сопровождать ее.

Ефимия занервничала и переглянулась с Элизабет. Как, прямо сейчас? И с чего вдруг? Ефимия Брок – последняя, кого бы желала

видеть императрица. Однако она не стала задавать вопросов и поднялась с дивана, спиной ощущая молчаливую поддержку подруги.

– Да, конечно. Мне надлежит переодеться?

– Нет, встреча неформальная. Прошу за мной, миледи.

С каким удовольствием Катарина бы оторвала ей голову! Будто маркизе неизвестно, по чьей милости она лишилась любовника! Девица строила из себя недотрогу, а сама мечтала скорее прыгнуть к Ленару в постель. Катарина не вчера родилась и не верила в целомудрие. Но ничего, сегодня зазнавшаяся старая дева получит ценный урок. Фрейлина краем уха подслушала интересную беседу, знала, кого еще императрица пригласила на кофе. О, Ефимии Брок, несомненно, понравится! Однако Катарина будет с ней сама любезность. Не хватало еще, чтобы девица нажаловалась Ленару! Катарина надеялась завлечь его величество, а они с первым министром друзья. Наличие Валерии маркизу не смущало: баронесса ей не конкурентка. Кто же сразу, по щелчку пальца прыгает в постель! Охотнику интереснее ускользающая добыча. Главное, не переборщить и вовремя щедро его наградить. В этом вопросе Катарина на голову выше Валерии. Та наверняка могла лишь лежать и томно стонать. Словом, пока маркиза не заполучила Вардена или пока леди Брок не попросили из дворца, она станет сладко улыбаться. Что, впрочем, не мешало оскалиться в спину.

Ступив на половину императрицы-матери, Ефимия мысленно приготовилась к худшему. Она пока не подозревала о роли, которую Алисия сыграла в ее судьбе, но и без этого знания поводов для беспокойства хватало.

Как же тут многолюдно! Словно Ефимия не в покоях императрицы-матери, а в приемный день забрела в какое-нибудь министерство. Катарина провела ее по анфиладам комнат во фрейлинскую и, попросив немного обождать, скрылась за двухстворчатыми дверьми. Не решившись присесть в свободное кресло, Ефимия пристроилась у гобелена с пастушками. Помимо нее в комнате находились еще четверо. Судя по шифру Алисии на плече, сплошь придворные дамы. Они с интересом посматривали на Ефимию. Одна из фрейлин вышивала, три другие вели праздные беседы в ожидании дребезжания колокольчика. Роль дежурной

придворной дамы сегодня выпала Катарине, поэтому она неотлучно находилась при ее величестве.

– Вас ждут.

Маркиза с фальшивой улыбкой предложила Ефимии войти.

Просторная комната за украшенными затейливой резьбой дверьми напоминала кондитерскую лавку: слишком много белоснежной лепнины, фарфоровых безделушек и натюрмортов. Преимущественно камерные, они занимали все свободное пространство, за исключением пары метров над камином и возле дверей. Обитые фисташковыми обоями стены лишь усиливали сходство комнаты с диковинным тортом.

Мебель четко делила пространство на три части. Первая – мягкий гарнитур у круглого стола на львиных лапах. Вторая – уголок возле низкой книжной полки. Третья у окна: небольшой круглый столик и кресла с гобеленовыми спинками. Императрица облюбовала диван в первой части и свысока поглядывала на Ефимию из вороха подушек. Рядом дремал Великан. По другую сторону стола, в кресле, сидела худощавая моложавая шатенка лет сорока. Если продать ее бриллианты, хватит на поместье. Определенно, Ефимия где-то уже видела незнакомку. Она не фрейлина, выходит, знатная дама.

– А вот и леди Брок, – с оттенком легкого пренебрежения прокомментировала Алисия и велела Катарине: – Налей нам кофе, и можешь быть свободна.

Судя по промелькнувшему на лице сожалению, маркиза рассчитывала остаться и подслушать разговор.

– Садитесь, не робейте!

Императрица указала Ефимии на придвинутое к столику третье кресло.

– Благодарю, ваше величество.

Девушка запоздало присела в реверансе и заняла предложенное ей место. Незнакомая женщина нарочито отвернулась от нее и, обращаясь исключительно к Алисии, сокрушенно заметила:

– Куда катится мир! Милостью его величества избежала рудников, а теперь помышляет о короне!

Императрица промолчала и раздраженно отослала Катарину. Беседа не предназначалась для чужих ушей. Особенно для ушей Вардена.

– Итак, – выждав, пока за фрейлиной закроется дверь, проговорила Алисия, – начнем с главного. Вы мне не нравитесь, милая. Можете обладать сколь угодно смазливый личиком, императрицей вам не стать.

Ефимия выбрала тактику молчания. Сжимая в пальцах тонкую ручку чашки костяного фарфора, она терпеливо ждала продолжения.

– Мой сын упрям, оставил вас на отборе исключительно, чтобы насолить мне, поэтому я надеюсь на ваше благоразумие. Уйдите сами.

Отмалчиваться дальше не вышло бы, и девушка выбрала обтекаемый ответ:

– На все воля его величества.

– Вы не поняли? – Алисия нахмурилась. – Я, кажется, ясно выразилась: вы должны уйти.

– Если я такова, какой меня считает ее величество, то скоро покину дворец.

– Дерзкая выскочка! – Потеряв контроль над собой, императрица едва не расплескала кофе. – Ты смеешь вставать между мной и сыном! Ты – дочь предателя, сестра предателей!

Ефимия сверкнула глазами. Поправ нормы этикета, рискуя навлечь на себя еще больший гнев, она дерзко бросила в лицо Алисии:

– Мой отец невиновен, и я могу это доказать.

– Отвратительные манеры! – поморщилась дама в бриллиантах. Увы, императрица так и не соблаговолила ее представить. – Но, самое печальное, император верит в ее рассказы. Это ведь вы оговорили моего мужа?

Взгляд незнакомки словно окатил Ефимию ледяной водой. В голове девушки щелкнуло. Если она все правильно поняла, перед ней сидела герцогиня Евгения Парская.

– И как, милочка, вы довольны? – ядовито осведомилась родственница императора. – Получили свою минуту славы? Вашему семейству не привыкать приносить людям горе.

– Славы? – с трудом сдерживая эмоции, переспросила Ефимия. – Вряд ли кто-нибудь из живущих согласился бы оказаться на моем месте.

– В том-то все и дело, что вы не на своем месте, – отрезала императрица. – Вас сослали в графство Орой.

Девушка шумно выдохнула, но нашла в себе силы ответить спокойно:

– Я не претендую на статус жены его величества, если вы это хотели услышать. Однако я не имею права идти против воли императора, в чем бы она ни заключалась.

– То есть вы не откажетесь от обвинений и не покинете столицу? – резюмировала Алисия и потянулась за колокольчиком. – Ну что ж, я предоставила вам выбор... Не беспокойтесь, дорогая, – потеплевшим тоном обратилась она к герцогине, – мы избавимся от этого недоразумения, равно как от той девицы, которая якобы действовала от имени вашего мужа.

– И как же? – прогремел за спинами женщин грозный голос Вардена. – Мне любопытно послушать.

Все три женщины, не сговариваясь, обернулись, поднялись с места.

Крайне рассерженный император стоял в проеме потайной двери, скрытой за фальшивой книжной полкой. Не желая, чтобы при семейных разборках присутствовали посторонние, Алисия попыталась выставить Ефимию, но Варден категорично заявил:

– Она останется. Евгения, вы тоже, – добавил он, заметив, что родственница направилась к выходу. – Полагаю, вас заинтересует пара фактов из биографии вашего мужа.

Женщины покорно опустили на свои места. Императрица в сердцах терзала веер. Она понятия не имела о существовании тайного хода, иначе давно бы велела его замуровать.

– Вы опять за старое, матушка? – Варден подошел к кофейному столику и забрал у Ефимии чашку, к которой она так и не притронулась. – Мы, кажется, все уже обсудили, я выразился предельно четко. Но раз вы хотите уединиться в одном из замков, не стану вам мешать. Ваши вещи соберут сегодня же.

– Но, Варден!

Алисия не на шутку встревожилась, однако надеялась, что сын не осуществит угрозу.

– Император здесь я. Вы моя мать, но не более, такая же подданная, как другие. Если вы полагали, будто выберете мне жену, станете вмешиваться в государственные дела, то жестоко просчитались. Пока я отошлю вас до осени. Образумитесь – вернетесь.

Какой удар! Лицо императрицы искривила судорога. Варден впервые открыто выказал свою силу, прежде он прислушивался к матери, уважал ее. Неужели влюбился в Ефимию, или Ленар Горзен таки добился своего? Он вечно вставал между ними, мешал Алисии стать негласным, теневым правителем при сыне. И если бы только это! Варден слепо верил другу, прислушивался к нему, даже когда остальные министры придерживались противоположной точки зрения. Взять хотя бы тот же Гестфол. Именно Ленар надоумил императора помириться с врагами, вместо того чтобы копить силы для мщения. Императрица бы только порадовалась, если первым министром сына стал муж Евгении. Власть – семейное дело, нечего делиться ей с бывшими пажам.

– Сын, ты не можешь!

Варден взглядом дал понять: может, еще как.

– Я просил вас оставить леди Брок в покое, заниматься своими левретками и играть в шары с виконтом Мальбео, а вы снова влезли в политику.

– Я извинюсь перед ней. – Скрипя зубами, императрица наступила на горло собственной гордости.

Что угодно, только остаться в Новом дворце! Алисия слишком хорошо понимала, если ее вышлют, сюда она больше не вернется. Она растеряет власть, превратится в одинокую старуху, коротающую дни в компании сиделки и пары придворных дам, мечтающих о ее скорой кончине.

– Я подумаю, мадам. – Император подарил ей надежду и повернулся к герцогине Парской. – Теперь вы, Евгения. Даже не знаю, с какой новости начать. Обе вам не понравятся.

Он глотнул кофе и поставил чашку на стол. После обошел столик и занял место кухни. Алисия на правах матери тоже опустилась на диван. Остальным полагалось стоять в присутствии императора.

– Мирабель Арно, от которой призывала избавиться ваша тетушка, вовсе не лгунья и не искательница приключений, а дочь Энрике.

Герцогиня издала приглушенный вздох и, побледнев, с трудом удержалась на ногах. Варден заботливо усадил ее, предложил воды и беспощадно продолжил:

– Он прижил ее от леди Юлии Арно. За энную сумму супруг женщины согласился дать девочке свою фамилию и воспитал как свою дочь. Ваш брак бездетен, кузина, поэтому именно Мирабель унаследует деньги и титулы семьи Имериз.

– Нет, это неправда! – закричала Евгения и, давась слезами, закрыла лицо руками.

Ефимия испугалась, что у нее случится припадок.

– Девушку, называвшую себя Мирабель Арно, доставили во дворец. Можете взглянуть и убедиться. Сходство с Энрике поразительное. И ей вовсе не шестнадцать, а семнадцать лет.

– Он... – Герцогиня всхлипнула, плечи ее поникли. По телу прокатилась волна дрожи. – Он развлекался, пока я оплакивала нашего первенца!

– Не просто развлекался, кузина, а сожительствовал с ней в Имериз-холле. Слуги подтвердили, Юлия Арно провела там год на правах хозяйки. Затем об их связи начали шептаться, да и вы пожелали на время удалиться от двора в родовое гнездо, и леди уехала. Все эти годы Энрике не терял с ней связи, через третьих лиц передавал письма и деньги.

Ефимии стало жалко побелевшую как полотно Евгению. Несмотря на бриллианты, напускную надменность, она была глубоко несчастна. Оставалось только гадать, почему никто из ее детей не выжил (раз Евгения упомянула первенца, были и другие) и сколько еще бастардов наплодил герцог Парский.

– Но это еще не все. Энрике собирался с вами развестись и жениться на Юлии Арно. Ну и приложить все усилия, чтобы его дочь выиграла отбор.

Варден не собирался щадить чужих чувств. Наоборот, он хотел, чтобы строившие козни родственники сполна ощутили то, что заставили пережить Ленара. Да что там – самого императора.

– Нет! – Утерев слезы, герцогиня вспомнила, кто она, высоко подняла подбородок. – Ложь! У Энрике были любовницы, множество любовниц, но ни на одной из них он бы не женился. И та девочка... Пускай она его дочь, но незаконнорожденная, каких десятки.

– Однако факты говорят иное. Вам предоставят копию завещания супруга, а вскоре вы познакомитесь и с Юлией Арно. Она уже на пути в столицу. Леди успела развестись с мужем и заказать баснословно

дорогое свадебное платье. Примечательно, что оплатил его ваш супруг. Вдобавок леди Юлия вновь беременна, уже на пятом месяце. Услуги врача, который ее пользует, тоже оплачивает Энрике. Поразительная щедрость по отношению к чужой женщине и чужому ребенку, не находите?

Мирабель – дочь герцога Парского! Ефимия до сих пор не могла в это поверить, хотя еще в сарае обратила внимание на сходство между ними. Однако леди Брок явно здесь третья лишняя. Она нервно оглянулась на двери, гадая, можно ли незаметно уйти или придется терпеливо дожидаться, когда монарх вспомнит о ней. Пока он увлечен разоблачением заговора, в результате которого Мирабель бы стала императрицей, а ее отец – первым министром.

Как же преступники все тонко просчитали, обвели вокруг пальца не только Ефимию, но и ее величество! Последняя, услышав о своей истинной роли, растеряла все сочувствие к чете Парских и потребовала прямо сейчас арестовать Энрике и его супругу.

В самый разгар эмоциональной беседы, император наконец отпустил Ефимию. Обрадованная, она присела в реверансе, с некоторых пор усвоив: чем дальше ты от чужих тайн, тем лучше.

Глава 31

Ефимия с трудом сдержала язвительный смешок. Ну конечно, подслушивали!

Позабыв о вышивании и своих чрезвычайно важных разговорах, фрейлины сгрудились у замочной скважины и едва успели отскочить, когда дверь распахнулась, явив леди Брок. Взгляд ее скользнул по сконфуженным лицам – придворным дамам не удалось сразу надеть маску светскости – и остановился на Катарине. Та выглядела рассерженной и раздосадованной. Ефимии не стоило большого труда угадать причину.

– Полагаю, вы ходатайствовали за меня перед ее величеством? – приторно вежливо поинтересовалась она.

Ефимия могла бы прямо сейчас уйти, сбежать из опасного места, но, раз уж маркиза Плее оказалась рядом, грех не засвидетельствовать ей свое почтение.

– Не понимаю, о чем вы! – Катарина высоко вздернула подбородок.

– О тех добрых словах, которые вы замолвили о дочери генерала Эвана Брока.

Она произнесла имя отца с вызовом, будто подталкивая фрейлин броситься в атаку. После истории с Мирабель кровь бурлила. Если сначала Ефимия пребывала в заторможенном состоянии, то теперь ее кипучая натура требовала действия. Нужно выплеснуть куда-то всю злость, всю обиду за предательство. Стайка напыщенных куриц из свиты императрицы идеально подойдет. Пусть Ефимии не под силу поквитаться с их госпожой, зато она отыграется на ее пособницах.

Во фрейлинской ненадолго воцарилась вязкая тишина, нарушаемая лишь долетавшими из-за дверей раскатами голоса императора. Варден гневался и на этот раз явно не собирался отделаться одними угрозами. Временами слово брала Алисия. Она не опускалась до крика, хотя тоже повысила звеневший от обиды голос. Императрица напоминала сыну о сыновьем долге, требовала немедленно удалить с отбора «ненадежную, даже опасную девицу» и прислушаться к доводам разума, то есть не наказывать кузена и

жениться на Альбине Хаскейн или Герде Мориз. Ответ монарха заставил всех дружно вздрогнуть и отпрянуть к противоположной стене.

– Ну и дела! – посетовала самая старшая из фрейлин, годившаяся Ефимии в матери. – В последний раз такое творилось во время абигонского мятежа, когда ваш батюшка принял сторону виконта Ора.

Последнюю фразу она адресовала леди Брок, но беззлобно, поэтому девушка не стала отвечать. Что толку сейчас отстаивать доброе имя отца? Официально он погиб изменником, а доказывавший невиновность генерала дневник хранился у Ленара. Да и не так уж Эван Брок безгрешен, он все же усомнился в императорской власти.

– Его величество необычайно добр, – мурлыкнула Катарина. Судя по сузившимся глазам, она задумала некую пакость. – Мне заранее жаль его, потому как на отборе нет ни одной достойной претендентки. Одна – преступница, вторая – с сомнительной репутацией, того и гляди тоже предаст, как ее отец... Леди Брок – чрезвычайно ветреная особа. Сегодня с одним, завтра с другим. Интересно, известно ли его величеству о сердечной привязанности той, которую он столь великодушно возвысил?

Сердце Ефимии пропустило удар. Маркиза откровенно намекала на ее симпатию к Ленару. Для конкурсанток это было равнозначно государственной измене.

– Вы побледнели, миледи, – упиваясь своей мезтью, продолжала Катарина. – Принести вам воды?

Девушка покачала головой. Ей нужно уйти отсюда, скорее найти первого министра и предупредить. Ефимия ни на мгновение не сомневалась, что уязвленная соперница пустит по дворцу гнусную сплетню. Император на взводе, в порыве эмоций может выместить зло на друге. За Ленара девушка боялась даже больше, чем за себя. Он ничего ей не обещал, она полюбила его сама, так за что его наказывать?

– И кому же подарила сердце леди Брок? – живо поинтересовалась чернявая фрейлина, та, которая прежде вышивала.

Не дождавшись ответа – Катарина приберегла его для более значимых особ, – она вздохнула:

– В любом случае вам придется немедленно порвать с ним.

– Обязательно последую вашему совету, – пробормотала Ефимия и стремительно, пока Катарина не сказала очередную гадость, покинула покои Алисии.

Опять-таки, не хотелось попасться на глаза императору. На взводе он мог запросто приказать казнить или отправить в ссылку любого, кто вовремя не посторонится или некстати усмехнется.

На лестнице, у самого входа в покои претенденток, Ефимию догнал слуга и вежливо попросил отдать ему карточку.

– Карточку?

Она недоуменно посмотрела на него, лихорадочно соображая, о чем идет речь. Мысли ее были заняты вновь открывшимися фактами и страхами за Ленара. Ефимия собиралась вернуться к себе и в тишине подумать, что и как нужно говорить на грядущей встрече. Отбор напрочь вылетел из ее головы.

– Карточку участницы отбора, миледи, – терпеливо пояснил лакей. – Его величество пожелал изъять ее до утра. Он желает видеть вас сегодня в девять.

Ефимия до боли стиснула пальцы. Почему именно сегодня? Однако отказаться она не могла и кивнула:

– Хорошо. Передайте его величеству, что я с радостью сама отдам ему карточку, потому как, к сожалению, сейчас у меня ее нет.

Слуга замешкался, гадая, не получит ли нагоняй за такой ответ, и наконец слегка склонил голову.

– Приятного вечера, миледи!

Планы стремительно летели в тартарары. Ефимия лихорадочно металась по комнате, спешно меняя наряд: нечего было и думать появиться перед Варденом в затрапезном виде. Злосчастное приглашение лежало на туалетном столике. Как там говорилось: «Его величество выказал желание провести ужин в приятной компании леди Брок». Ужин! В покоях императора! Ефимия слишком хорошо понимала, что это значило, искала, но не находила предлога отказаться.

Вариантов будущего тесного общения всего два. Первый – объявить, что она не прошла очередное испытание, и предложить ей статус любовницы. Второй – Варден собирался сделать ей предложение. Это даже еще хуже. Любовница – унижительно, но не навсегда, пока не найдется более привлекательная особа. А жена... Как

объяснить монарху, не подставив Ленара, почему она не желает становиться императрицей, однако все еще здесь, во дворце? Сейчас бы пригодился острый приступ головной боли!

Лора искренне поздравляла хозяйку и все твердила: мол, вернетесь императрицей. Она с особой тщательностью расчесывала волосы и натирала тело Ефимии ароматическими маслами. Приклеив к губам фальшивую улыбку, девушка наблюдала в зеркале за ее спорыми, умелыми движениями. На встречу с Ленаром она не успевала, придется передать ему записку. Вдруг ей повезет, и граф согласится коротко переговорить наедине до свидания с императором. Лора без лишних слов согласилась побыть в роли почтового голубя, и Ефимии оставалось только ждать. Она понимала, Ленар занят, но все же надеялась на успех. Завтра может оказаться уже поздно...

Ефимия назначила свидание в том самом зимнем саду, в котором некогда ее поджидала мнимая Элизабет. Пусть с ним связаны неприятные воспоминания, зато он идеально подходил по остальным параметрам. Во-первых, здесь найдется уединенный уголок. Во-вторых, сад по пути в императорские покои. Опаздывать категорически запрещено, нечего и думать, будто Ефимия успеет сбежать в парк и вернуться. К тому же ее странная прогулка вызовет нездоровый интерес, а заминку в зимнем саду спишут на обычное волнение. Подумаешь, девушка собирается с мыслями перед тем, как шагнуть навстречу своей судьбе. Тут и идти недалеко, минут десять, не больше.

Не в силах сидеть, Ефимия расхаживала по песчаным дорожкам, прислушиваясь к каждому звуку. Вдруг похотливая парочка вернется? Они появились так некстати, леди Брок едва успела затаиться. К счастью, кавалер быстро удовлетворил нехитрые потребности с хихикающей женщиной. Ни подробностей, ни лиц Ефимия не видела, но во рту остался прогорклый привкус гадливости.

Солнце неуклонно клонилось к закату. Через стеклянную крышу лился рассеянный теплый свет. Совсем скоро золотые лучи станут багряными и мир попрощается с еще одним днем.

Ефимия нервничала и комкала в руке зеленую карточку. Еще немного – и ей придется уйти.

– Миледи?

Она порывисто обернулась на звук желанного голоса, сделала пару шагов навстречу и смущенно замерла перед Ленаром. Отчего-то

стало трудно дышать, Ефимия даже потянулась к шнуровке корсажа, чтобы чуточку ее ослабить. Почему рядом с ним ей становится жарко? Почему сердцу вечно не хватает места и оно рвется из клетки ребер? Почему Ефимии хочется одновременно сбежать и остаться? Хотя она прекрасно знала причину.

– Вы хотели меня видеть?

Ленар шагнул к ней из темноты. Словно демон из преисподней – невольно пришло в голову сравнение. Если не повезет, граф действительно станет причиной ее падения.

– Вы даже не спросите, почему я не пришла в семь часов?

Однако внешне Ефимия сохраняла спокойствие, даже убрала карточку в потайной карман платья – ей больше не требовалось чем-то занять руки.

– Нет, не спрошу, – едва уловимо улыбнулся Ленар и до минимума сократил разделявшее их расстояние. – Его величество прислал вам приглашение, разумеется, вы готовились к свиданию.

– Это не свидание, – поджав губы, покачала головой девушка.

Они одни, совсем одни посередине дворца, где невозможно ничего утаить, и ей так хотелось прикоснуться к Ленару. Ничего такого, просто невинно дотронуться до воротничка его рубашки, можно даже до рукава сюртука или прохлады позолоченной цепочки часов, свисавшей из кармана. Останавливал официальный тон графа. Выходит, Ефимия ошиблась, и между ними ничего нет, только ее чувства. А ведь ей казалось... Неопытным девушкам свойственно ошибаться.

– Хорошо, – пожал плечами Ленар и жестом предложил пройти до фонтана, – назовем это иначе, только суть не меняется. Странное вы, однако, выбрали место для встречи! – проходя заметил он.

– Я не боюсь трудностей.

Фраза прозвучала двояко, и граф уловил ее подтекст, однако не торопился делиться своим открытием.

– Я заметил, – сухо обронил он. – И все же почему именно зимний сад?

– Потому что о нашем свидании никто не должен узнать.

– Свидании? – На дне зрачков Ленара мелькнули языки пламени. – Вы только что отказались считать свиданием романтический

ужин с его величеством, но без тени сомнения употребили это слово для тривиального общения.

Ефимия отвела глаза и сделала пару глубоких вдохов. Ей так много хотелось ему сказать, горячечно возразить, объяснить, что она не променяла бы на две дюжины букетов возможность поговорить с ним наедине, но Ленару это не нужно. Раз так, девушка тоже не перейдет черту.

– Я хотела предупредить вас. – Отныне ее лицо скрывала непроницаемая маска. – Одна из фрейлин императрицы-матери намерена вас уничтожить, пустив слух о наших встречах. Боюсь, свет не станет разбираться, какой именно характер они носили.

Граф тихо рассмеялся. Ефимия нахмурилась. Ему смешно, решил, будто она пошутила? Или угроза показалась Ленару нелепицей?

– Давайте-ка я угадаю. Маркиза Плее, верно? Ни минуты не сомневался, что любезная леди сделает мне прощальный подарок. Полагаю, до вас дошли слухи о нашем расставании?

Недоумение Ефимии лишь усилилось. Зачем он говорит ей об этом?

– Его причиной послужили вы.

Ленар нанес укол и теперь наблюдал за реакцией Ефимии. Сначала она не двигалась, затем мотнула головой: «Вздор!» – и посмотрела ему прямо в глаза.

– Тогда милорду следует опасаться вдвойне. Маркиза и прежде не питала ко мне любви, а теперь щедро распространит свою неприязнь на вас.

– И вы ни о чем не хотите меня спросить?

Граф сделал еще шаг. Их тела практически соприкасались. Достаточно приподнять руку... Однако оба не шевелились. Ленар смотрел на нее, а Ефимия – куда-то поверх его уха.

– Я не привык к женщинам такого роста, – с неожиданной сконфуженной улыбкой заметил первый министр. – Вы надели высокие каблуки, и ситуация стала почти катастрофической.

– Простите? – не поняла Ефимия.

– Мне приходится прилагать некоторые усилия для разговора на равных. И не только.

Его взгляд красноречиво остановился на ее губах, заставив их зачесаться.

– Вы ему не достанетесь, – утратив былую игривость, жестко добавил Ленар.

Ефимия широко распахнула глаза. Она, наверное, ослышалась? Еще минуту назад такой холодный и отстраненный, Ленар распахнул перед ней душу.

– Вы ему не достанетесь, потому что я этого не хочу, – тихо повторил граф.

– Кому – ему? – едва размыкая губы, уточнила девушка.

На нее вдруг накатила небывалая слабость. Если бы Ленар вовремя не подхватил, Ефимия бы упала. Его руки обвили ее талии, не стремясь отпустить. Такие горячие, обжигающие! Их прикосновение рождало мурашки. Они волнами разбегались по телу, превращая его в кисель. Ефимии хотелось закрыть глаза и стоять так вечно, может, даже больше, но этикет и приличия требовали иного.

– Отпустите меня, милорд, – тихо попросила она. – Мне пора!

– Успеете! Я не император и должен довольствоваться обедками. Так подарите мне еще хотя бы минуту! – взмолился граф.

Дыхание Ленара обожгло лицо. Не в силах сопротивляться нахлынувшим чувствам, Ефимия прикрыла глаза и подалась к нему. Ей не требовалось тянуться, вставать на носочки, чтобы ее руки робко опустились на плечи Ленара. В ответ его пальцы пустились в путешествие по закрытой спинке ее платья, пока наконец не зарылись в чуточку влажные локоны.

– Тебе это не идет, – выдохнул Ленар, дернув за упругую спираль. – Ты мне нравишься совсем другой, естественной.

Она ему нравится... Да за одно это Ефимия готова была заново пережить похищение!

– Открой глаза! – попросил Ленар, продолжая удерживать руки у основания ее шеи.

И она открыла, чтобы утонуть в омутах его глаз. Они затягивали, звали в бездну, но отныне Ефимия мечтала в нее упасть.

– Знаешь, – осторожно поглаживая ее ключицу, тихо продолжил Ленар, – не так давно у меня с императором состоялся неприятный разговор. И я сказал, что не намерен тебя уступать. Даже ему.

– Зачем я вам, милорд?

Ефимия наконец обрела дар речи. Реальность медленно просачивалась в ее разум, а вместе с ней осознание фантастичности

происходящего. Граф мог запросто одурманить ее словами, завлечь, чтобы сделать очередной любовницей. Разве он предъявил хотя бы одно доказательство серьезности своих намерений?

– Сам не знаю, – честно признался Ленар. – Просто внезапно стала очень нужна.

Он бережно, очень бережно, чтобы не спугнуть, коснулся пальцами ее подбородка, потом скользнул к губам. Ефимия не сопротивлялась, и, чуть сжав ее подбородок, Ленар приник к ним в поцелуе.

Кровь стучала в ушах. Графу хотелось большего: усилив напор, проникнуть языком в доверчиво приоткрывшийся рот, научить ее губы правильно двигаться, а потом уложить на постель... Но всего этого Ленар пока не мог, поэтому, в последний раз насладившись запахом Ефимии, жаром ее дыхания, отстранился и предупредительно отступил на пару шагов. Фаворитку отбора наверняка разыскивали, с минуту на минуту сюда заглянет какой-нибудь слуга, а то и мажордом.

– Я не откажусь от вас, если и вы не откажетесь от меня. Вы ведь любите меня, Ефимия?

Разделившее их расстояние разрушило хрупкое «ты», а вместе с холодным «вы» вернулось ощущение неловкости.

– Ефимия! – видя, что она не спешит отвечать, поторопил Ленар.

Он должен услышать, именно теперь, сейчас!

– Да, – виновато улыбнулась девушка и, дотронувшись до уголка верхней губы, посетовала: – Внешне я пошла в отца, глупо было надеяться, что вдобавок я не унаследую его недостатки.

Ленар с облегчением улыбнулся. Он и не предполагал, что когда-нибудь после отказа Дианы станет с трепетом ожидать решения другой женщины.

– Пока я вижу только одни достоинства. Разве только у вас чуточку размазалась помада, но это поправимо, я сейчас.

Он ловко стер темно-розовый след с кожи и заверил: теперь все хорошо.

– Ступайте с легким сердцем! Императрицу высылают, с маркизой Плее я разберусь сам, а больше вас никто не потревожит. Даже герцог Парский, которому предстоит давать крайне неприятные объяснения.

Заслышав шум шагов, Ленар, словно между ним и Ефимией только что не состоялось объяснение, невозмутимо обернулся к Рогиру:

– Я нашел миледи. Она переволновалась из-за выходки ее величества, но все уже прошло, забирайте.

И первый министр удалился, оставив девушку один на один с по-прежнему туманным будущим. Предложения он не сделал.

Глава 32

Ефимия тяжело дышала. Она сделала шаг, затем другой и наконец остановилась, не решаясь привлечь к себе внимание. Император стоял к ней спиной, то ли размышлял, то ли любовался ночным небом. Легкий ветерок колыхал занавески возле открытой настежь балконной двери. Ужин накрыли на свежем воздухе; девушка видела мерцание свечей, призванных создать уютную, интимную атмосферу.

Леди Брок ущипнула себя и покачала головой. Всего пару минут назад она целовалась с Ленаром, призналась ему в любви, и вот ей предстояло изобразить интерес к другому. Ефимия могла отказаться. Наверное, могла, хотя в свете недавних событий следовало остеречься.

Девушка прикрыла глаза и провела языком по пересохшим губам. Казалось, на них до сих пор сохранилось чужое дыхание.

Почему он не сказал, почему отдал ее?

«Потому что жизнь не любовный роман, – ответила сама себе Ефимия. – Потому что ты сомнительная партия».

В это время Варден обернулся, и девушка, присев в реверансе, поспешила укрыться за светской улыбкой. Секрет ее прост: улыбаются только губы, но не глаза.

– Рад, что вы приняли мое приглашение, – немного суше, чем следовало, проговорил император.

Внутри него все еще клокотала ярость. Пальцы подрагивали, но при прелестной особе он не станет сжимать их в кулаки. Думать о матери и кузене тоже. Не сегодня. Ефимия Брок – как глоток марочного вина, поможет забыться, снять груз с плеч.

– Это большая честь, ваше величество, – заученно повторила Ефимия и мельком глянула на часы.

Сколько продлится ужин и чем он закончится? Судя по началу, император не планировал ее задержать, но кто знает?

– Простите меня за холодность, миледи, – Варден протянул руку, и девушка покорно отдала ему карточку вместе с прямоугольником приглашения, – но государственные дела нередко накладывают отпечаток на наше настроение.

– И кто же посмел опечалить ваше величество?

Ефимия придерживалась выбранной роли светской глупышки. В конце концов, разве императора волнуют ее настоящие мысли и чувства? От нее ожидали вполне конкретных вещей: легкости и веселости.

– Хватит! – нахмурился монарх и в сердцах махнул рукой. – Вы прекрасно осведомлены обо всем. Лучше скажите, что вы об этом думаете.

Девушка недоуменно уставилась на него. Император спрашивал ее мнения?

– Ну же, – подначивал Варден, – не бойтесь! Вы далеко не глупая женщина, а будущая императрица должна не только позировать и улыбаться толпе.

– Я всего лишь дочь обвиненного в измене барона, я не имею права судить первых людей государства, – покачала головой Ефимия.

Юбки зашуршали, пришли в движение. Не дожидаясь разрешения, она подошла к балконной двери, оставив императора по левое плечо от себя. Свечи подсветили профиль Ефимии, придав ему сходство со старинными, выполненными в приглушенной, «дымчатой» технике портретами. Варден скользнул взглядом по абрису ее лица, от приподнятого подбородка до высокой линии лба. Отойдя к консольному столику, он сделал размашистую запись в карточке претендентки – необходимую формальность, о которой мог забыть после.

– Времена меняются. – Теперь голос его звучал иначе, спокойнее, ниже. – Вы можете стать гораздо выше их. Граф Митас передал мне дневник... У ваших врагов не осталось козырей.

Ефимия продолжала молчать. Она мечтала, чтобы пытка скорее закончилась, и они переместились за стол. Там всегда найдется, чем занять рот и руки.

– Хорошо, не хотите, не надо, – с легким раздражением сдался Варден. – Может, вы и правы, от политики портится аппетит. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Выбирайте тему.

На время избавившись от оков тягостных дум, император взял девушку под руку и подвел к стулу в торце небольшого овального стола, разумеется, напротив себя.

– Вам не холодно? – заботливо поинтересовался Варден, заметив, как по шее и обнаженному квадрату спины Ефимии прокатилась волна

мурашек. – Вам принесут шаль.

– Благодарю, но это всего лишь волнение, – покачала головой девушка.

Он слишком долго не отпускал ее руку, слишком долго смотрел, будто и вправду хотел вместе с последним глотком шампанского сделать предложение.

– Надеюсь, приятное?

Пальцы Вардена наконец разжались, и он галантно отодвинул для потенциальной невесты стул.

Ефимия промолчала и поблагодарила за заботу вымученной улыбкой.

Устроенный императором ужин слишком походил на тот, который некогда организовала тетка. Ефимия вновь ощущала себя товаром. Как и тогда, все ожидали от нее согласия, но сумеет ли она на этот раз перебороть себя?

– Понимаю, – император списал ее поведение на последствия пережитого днем сильного нервного напряжения, – моя мать бывает несдержанна и груба, но вам не придется с ней часто видеться. Может стать, любезная матушка больше не вернется в Новый дворец.

Сердце Ефимии на миг перестало биться. «Вам не придется с ней часто видеться» – предельно четкое обозначение ее дальнейшей роли при дворе.

– Можно мне воды?

Ефимия с мольбой взглянула на императора. Ей требовалось смочить горло и заодно привести мысли в порядок. Она полагала, Варден позовет слугу, но он сам налил гостье бокал прохладной воды.

– Я настоял на том, чтобы мы остались одни. Жутко устал и не желаю никого видеть! Надеюсь, вы не против, миледи?

Девушка медленно покачала головой и сделала глоток. Вода показалась ей ледяной, вдобавок попала не в то горло, и Ефимия закашлялась.

– Я не питаюсь кандидатками в жены, – похлопав ее по спине, пошутил император.

В отличие от Ефимии, он расслабился, искренне наслаждался поздним теплым вечером и обществом красивой девушки.

– Вам не кажется, что надо немного сократить расстояние? – заметил он, имея в виду расстановку мебели. – Складывается

впечатление, что мы на официальном приеме, а не на свидании. Вдобавок так нам не придется кричать, чтобы расслышать друг друга.

Заскрипел передвигаемый стул, и вскоре Варден оказался в опасной близости от Ефимии. Сделав глубокий вдох, она силой воли пригвоздила себя к месту, напомнила о своей роли на отборе. Если девушка все еще здесь, если не объявила о нежелании участвовать в дальнейших испытаниях, она должна радоваться знакам внимания монарха.

– Вы очень напряжены, Ефимия, – укоризненно покачал головой Варден и, сняв крышку с одного из блюд, положил ей немного салата.

– Это вполне естественно, ваше величество, – выкрутилась леди Брок. – Прежде мне не доводилось ужинать с особами императорской крови. Вдобавок я опасалась вашего гнева. Моя фамилия запятнана в крайне неприятной истории.

– Ни слова больше, миледи! – сверкнул глазами монарх. – Не сводите на нет свои усилия. Если я счел возможным пригласить вас, то вы достойны моего внимания.

На самом деле все было гораздо сложнее. Никакой дневник не мог мгновенно загладить прошлое. Варден немного смягчился, признал, что вина барона Брока меньше, нежели он полагал, и только. Однако родные генерала неповинны в его ошибках, посему ничто не мешало императору обратить взор на Ефимию. Если на то пошло, благоразумие предпишет ей до конца своих дней благодарить монарха и не устраивать против него заговоров. Впрочем, Варден не торопился с выбором жены. Ужин – очередное испытание. Он отлично понимал, какие мысли навевала созданная романтичная атмосфера, и внимательно следил за Ефимией, за каждым ее словом и жестом.

– Не стесняйтесь, считайте, что я обычный дворянин. – Наполнив тарелку гостыи, монарх занялся своей. – Обращайтесь ко мне «милорд» или вовсе по имени.

– Разве так можно? – искренне удивилась Ефимия.

Она со смесью страха и интереса посматривала на клешни омара в тарелке. Жутко хотелось их попробовать, но девушка боялась опозориться. Пусть клешни очистили, но наверняка их ели с помощью особого прибора. Не лучше ли ограничиться салатом?

– Если бы вы только знали, как иногда хочется стать обычным человеком! – пожаловался Варден и, заметив нерешительный, ищущий

взгляд Ефимии, на собственном примере научил ее пользоваться щипцами. – Видеть искренние улыбки, слышать искренние слова...

– Насколько мне известно, у вас есть человек, с которым вы можете позволить себе подобную роскошь.

Варден не ответил и снова устремил взгляд куда-то в сторону, мимо Ефимии. Она терпеливо ждала, а потом, наплевав на этикет, занялась омаром. Если император привык к подобным деликатесам, то девушка не упустит случая его попробовать. Вдруг монарх и вовсе после раздумий выставит ее вон?

– Знаете, а ведь именно Ленар вас выбрал, – задумчиво пробормотал монарх и перевел взгляд на собеседницу.

– Простите?

Ефимия не расслышала его бормотания, но, словно по команде, положила приборы и промокнула губы.

– Я сказал, что именно граф Митас впервые обратил на вас внимание. А вы?

Девушка сглотнула. Страх струйкой пота скатился по спине. Неужели ему известно, неужели их все-таки видели? Император может расценить все как государственную измену и, что хуже, обратить гнев на старого друга. Напрасно, ох напрасно Ефимия забылась и помянула Ленара! Она никогда себе не простит, если он пострадает по ее вине. Пусть не любит, пусть женится на другой, только сохранит пост!

– Вы побледнели, – заметил монарх и, не отрывая взгляда от девичьего лица, поднес бокал к губам.

Внутри заворочался клубок подозрений. Неужели сидевшая рядом с ним кандидатка предпочла другого? Ему – императору! Да он сотрет ее в порошок, окончательно уничтожит род Броков!

– Слишком тугий корсет, – попыталась загладить опасную ситуацию Ефимия. – Ко мне приставили новую горничную. Она чудесная женщина, но в стремлении к совершенству иногда забывает о существовании ребер.

Леди Брок улыбнулась, максимально искренне и широко, как могла. Нужно сделать вид, что она очарована его величеством, что ей безразличен первый министр.

– Ваше величество спрашивал меня о выборе. Полагаю, я его сделала, когда предстала перед отборочной комиссией.

У нее нет выхода, ради Ленара придется обворожить нелюбимого.

С той же страстью, с какой некогда желала графу смерти, Ефимия молилась о его благополучии. Надо выяснить, в день какого святого он появился на свет, и попросить сжечь в храме записочку.

Варден кивнул, сделав вид, что поверил, и провозгласил тост за прелестную спутницу. Ефимия понимала, он пристально наблюдает за ней, и боялась допустить ошибку. Она учла прошлый опыт, пила мелкими глотками, чтобы не подавиться, и не уставала нахваливать еду, создавая видимость беззаботности.

– Вы нравитесь графу, – забросил очередную приманку император.

Увы, на этот раз жертва не заглотила наживку.

– Я рискую показаться вашему величеству вздорной кокеткой, но он не первый мой поклонник. Понимаю, графство Орой не идет ни в какое сравнение с дворцом, однако мне частенько дарили цветы.

– Именно поэтому вы решили попытать счастье на отборе? – усмехнулся Варден.

Он успокоился и поигрывал ножкой пустого бокала.

– Если честно, – смущенно призналась девушка, – я не рассчитывала пройти так далеко.

В голове крутилось: «Знает ли он, что я заняла место сестры? И если знает, в курсе ли причины?»

– Но раз уж вы прошли и теперь здесь, – император обвел рукой балкон, – давайте познакомимся чуточку ближе. В прошлый раз я просил вас рассказать о себе, теперь пришла моя очередь. Если вы, конечно, не возражаете.

– Почту за честь, ваше величество. – Другого ответа от нее и не ждали.

Ефимия допила вино, и Варден вновь наполнил бокалы. После вздохнул, собираясь с мыслями, и заговорил о любимом хобби – охоте. Он желал, чтобы будущая спутница жизни разделяла его интересы. Девушка проявила вежливый интерес к собакам, даже задала пару вопросов, в частности поинтересовалась кличками его любимых сук. Затем перешли к литературе. Ефимия и подумать не могла, что такой занятой человек много читал. Забывшись, она не удержалась от удивленного возгласа:

– Я тоже зачитывалась этим автором в отрочестве! Брала книги в библиотеке...

Девушка осеклась, вовремя сообразила, какую ошибку допустила. Вроде император не рассердился, но перебивать его все равно запрещено.

Закат догорел, небо приобрело насыщенный – черничный оттенок. Одна за другой вспыхивали звезды.

– Я не намерен преследовать вас или вашу семью, Ефимия. – Ну вот, он снова стал монархом, а она – его подданной. – И не стану скрывать, что имею на вас некоторые планы. Проще говоря, вы входите в число двух-трех девушек, которых я рассматриваю в качестве финалисток. Испытание вы прошли достойно, в неформальной обстановке тоже повели себя одновременно вежливо и естественно, поэтому...

Варден немного замешкался и потянулся к карману брюк. Девушка перестала дышать, надеясь отсрочить страшную минуту. Однако рука императора безжалостно извлекла бархатную коробочку. Ефимия молитвенно сцепила пальцы на коленях, снова и снова мысленно обращаясь к святому покровителю. Лицо превратилось в маску.

Любая обрадуется, любая почтет за честь... Отказ – личное оскорбление. Ефимия не может рисковать жизнями близких, она должна думать не только о себе. А Ленар... Что ж, он останется лишь подернутым светлой грустью воспоминанием.

– Не помешаю?

Оба вздрогнули и синхронно обернулись на голос.

Ленар замер в дверном проеме. И как – слишком дерзко, даже не подумав поклониться или изобразить смущение!

Варден нахмурился и поднялся, опершись руками на спинку стула. Коробочка осталась лежать на столе. Закрытая.

– Я занят, поговорим после.

Всем своим видом император давал понять, что присутствие друга неуместно, но он не желал понимать намеков.

– Боюсь, сейчас.

Ленар шагнул на балкон. Ефимия запаниковала, в беспокойстве перевела взгляд с него на Вардена. Что он творит?! Неужели не понимает, чем обернется подобная беспрецедентная выходка? Она в отчаянии замотала головой, жестами пытаясь убедить графа остановиться, но тот уверенно прокладывал себе дорогу на эшафот. Не

обращая внимания на потемневшего, сдвинувшего брови Вардена, Ленар подошел к столу и потянулся за коробочкой. С усмешкой подбросив ее на ладони, он протянул вещицу императору:

– Заберите, ваше величество. К сожалению, кольцо вам сегодня не понадобится, потому как я намерен надеть свое на пальчик прелестной Ефимии.

Мир перед глазами девушки поплыл. Скрюченными пальцами вцепившись в скатерть, Ефимия в ужасе смотрела на Ленара. Разум требовал не двигаться, но сердце уже подняло ее на ноги. Видя, что монарх потянулся к колокольчику для вызова слуг, она упала перед ним на колени.

– Пожалуйста, – Ефимия молитвенно простерла руки к Вардену, – пощадите его! Он не ведает, что творит!

– Перестаньте!

Император попытался поднять ее на ноги, но девушка отказывалась вставать. Исхитрившись, она вырвала колокольчик из рук Вардена и прижала к груди.

– Я соглашусь, я на все соглашусь, – горячно шептала она, – только пощадите его!

– Ну уж нет! Я не позволю!

Ленар ухватил ее под мышки и силой вытолкнул с балкона, после чего захлопнул дверь. Напрасно Ефимия молотила по ней кулаками, граф подпер ее спиной и сделал все, чтобы не пустить любимую обратно. Убедившись в тщетности своих попыток, леди Брок прильнула к стеклу, силясь разобрать хоть слово. Однако и так понятно, Ленар только что похоронил свою карьеру.

Ефимия изнывала от бессилия. Ей хотелось стать между ними, предложить себя в качестве жертвы – сделать хоть что-нибудь! Но оставалось только ждать, смахивая слезы.

– Ну и как это понимать? – в тихой ярости любопытствовал Варден, когда дверь за девушкой захлопнулась.

– Все предельно просто. Я не намерен подчиняться твоему приказу и отходить в сторону. Я люблю ее, и мне плевать на твой отбор.

Убедившись, что Ефимия оставила попытки пробраться на балкон, Ленар налил себе вина и залпом выпил бокал. Он ощущал на себе морозный, пробирающий до костей взгляд друга, однако не

собирался отступить. Стоило ему услышать от мажордома о кольце, как Ленар понял: пора действовать. Войти в императорские покои не составило большого труда. Он прикрикнул на часовых, пригрозив гауптвахтой, и беспрепятственно проник внутрь. Сначала граф просто слушал, наблюдал, но, когда дело зашло слишком далеко, вмешался.

– Ты мой друг, Ленар, – медленно проговорил император, – однако ты забываешься. Даже ты обязан подчиняться моей воле.

Ленар покачал головой:

– Если ты намерен отнять у меня любимую женщину, то нет. Речь не об очередном развлечении, пора оставить глупое соперничество. Но выбор за тобой, Варден. Только не пожалей потом о том, чего не исправишь. Да и вряд ли она станет любить тебя после моей казни. Ты ведь прекрасно знаешь, никакими подарками ненависть и боль не заглушишь. Сердце Ефимии Брок принадлежит мне, со мной навсегда и останется.

Не дождавшись ответа, граф оставил друга наедине со своими мыслями. Пройдя мимо Ефимии, он не проронил ни слова, даже не взглянул на нее и стремительно скрылся за дверьми императорских покоев. Ленару Горзену предстояло подготовить дела для преемника. Разумеется, если гнев Вардена не настигнет его по дороге. Что ж, на этот случай у него имелось заверенное у нотариуса завещание – о своей смерти первый министр задумался еще в молодости, когда только стал правой рукой императора.

Глава 33

Ленар разгладил чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и задумался. Стоит ли писать? Все слова уже сказаны, объяснения не требуются. Попрощаться с ней? Пожалуй, не стоит. Граф достаточно скомпрометировал Ефимию Брок, не нужно давать Вардену еще один повод для мести. Памяти достаточно, а если нет, никакие слова не помогут.

Вроде все готово.

Первый министр обвел взором свой кабинет, проверяя, не осталось ли чего-то недоделанного или того, что не полагалось видеть его преемнику. Ленар Горзен не имел привычки хранить тайную переписку, а если вдруг, то прятал ее в надежном месте, поэтому спешно сжигать нечего. Оставалось только ждать.

Как встретить стражу: стоя или сидя?

Ленар убрал ненужный лист под пресс-папье и вернул перо в специальный держатель.

Жалел ли он? Нет. Иногда требовалось совершить поступок, даже заведомо зная о его последствиях. Если бы император надел на палец Ефимии кольцо, все было бы кончено. Она не могла отказаться, этого Ленар от нее и не ждал.

Граф усмехнулся. Вот и замкнулся круг! В некотором роде он отдал долг семейству Броков. Жизнь на жизнь. Только Ефимию жалко. Она не заслужила столько потерь.

– Пусть его гнев ограничится мной! – обращаясь к Создателю, прошептал Ленар. – Пусть он просто удалит ее с конкурса, никак не накажет.

Шум за дверью заставил его встать. Оправив воротник, Ленар приготовился достойно встретить свою участь. Он безропотно отдаст и перстень, и печать, и ключи от сейфа. Вот они, лежат под рукой. Однако при виде визитера решимость на лице Ленара сменилась недоумением. Он ждал офицера с нарядом, а вовсе не Вардена. Одного, даже без лакея! Хотя, возможно, до поры солдаты остались за дверью.

– Что ты устроил? – без всяких предисловий в лоб спросил император.

Владелец кабинета посторонился, и венценосный друг занял его кресло. Пока еще первый министр остался стоять, но не как провинившийся школьник. Граф держал голову поднятой, смотрел прямо в глаза императору.

Не ответив на вопрос, Ленар пододвинул к Вардену ключи от сейфа и Малую императорскую печать. Затем потянулся к перстню, но император перехватил его руку.

– Нет, сначала я хочу услышать твои объяснения. Тот Ленар Горзен, которого я знал всю жизнь, никогда бы не позволил себе так разговаривать со мной. Ты, случаем, не пьян?

В голосе Вардена сквозила надежда. Он надеялся найти хоть какое-то оправдание дерзости друга.

– Если только от девичьего поцелуя, – покачал головой граф и грустно улыбнулся. – Иногда случается, ваше величество, подданные бунтуют, забывают свое место. Особенно когда повелитель хочет отобрать у них счастье.

Лицо монарха потемнело. На миг он сжал кулаки, но потом абсолютно спокойно поинтересовался:

– Она тебя поцеловала? Где, когда?

Однако Ленар слишком хорошо понимал, какие эмоции скрывались под глыбой показного равнодушия. Император не желал сплетен, не собирался давать пищу для слухов и перешептываний, хватит омерзительного скандала с матерью, поэтому вряд ли – перейдет на крик. Но это вовсе не означало, что он остыл и простил.

– Не она, я. – Граф вывел любимую женщину из-под удара. – Когда и где, не имеет значения. Вы пришли лично объявить мне о наказании, так давайте покончим с формальностями. Леди Ефимия Брок вела себя достойно во всех отношениях, прошу вас ее сюда не впутывать.

– «Вас»! – с саркастическим смешком повторил Варден и, повертев в пальцах печать, убрал ее в незапертый верхний ящик стола. – То есть ты уже принял за меня решение?

– Я понимаю, что сделал. – Впервые за все время разговора Ленар отвел взгляд. – Других сурово наказывали за менее серьезные проступки.

– Это хорошо, что ты сознаешь степень своей вины. – Император поднялся и теперь нависал над графом. – И я зол, очень зол, Ленар. Ты даже не представляешь насколько!

Первый министр промолчал. Впрочем, ответа не требовалось.

– Самое простое – упечь тебя в тюрьму, лишит графского достоинства, должности, абсолютно всего. И я бы так поступил, если бы мне было двадцать пять. Проблема, что мне скоро сорок, на плечи давит груз былых ошибок. Некогда мы до хрипоты спорили насчет абигонцев. Я не послушал тебя, позволил эмоциям взять верх. В итоге мы долго не могли подавить мятеж, многие именитые роды затаили на меня обиду. Сейчас я снова на распутье, перед тем же выбором: – разум или эмоции.

Варден извлек из-под пресс-папье чистый лист. – Усмехнувшись, он потянулся за пером и перевел взгляд на Ленара. Тот не шелохнулся, терпеливо ждал, пока монарх напишет указ. Однако император не спешил. Словно издеваясь, он то подносил, то отводил перо от бумаги, потом и вовсе отшвырнул его. Всем корпусом развернувшись к другу, Варден с чувством произнес:

– Демоны преисподней, оправдывайся, скажи хоть что-нибудь, только не молчи! Не оставляй меня одного против кучки заговорщиков и лизоблюдов! Кого мне назначить вместо тебя, кому доверить свою спину? Неужели женщина стоит того, чтобы затевать из-за нее войну?

Серые глаза императора потемнели, стали практически ореховыми. Или виной всему освещение? – Ночью многие предметы меняют цвет.

Ленар покачал головой:

– Я никогда не воевал с тобой. Простите за фамильярность, но говорить о подобных вещах на «вы» невозможно. Ты знал о моих чувствах, я не скрывал их, однако решил воспользоваться правом императора. Только это не очередная любовница, Варден. Неужели ты думал, что я уступлю, вот так просто отдам ту, которая тебе безразлична? Или соврешь, что тоже любишь Ефимию Брок?

Монарх шумно выдохнул через нос и скомкал лист бумаги. Он стиснул пальцы так, что побелели фаланги, и спустя, казалось, целую вечность отрывисто произнес:

– Хорошо, прощаю.

– Что? – не веря своим ушам, переспросил Ленар.

– Я прощаю тебя! – рявкнул Варден и ударил по столу кулаком. – Но чтобы больше такого не повторялось! На девушке женишься до конца года. И только посмей развестись!

Граф расхохотался. Задыхаясь, согнувшись пополам, он дал выход переполнявшему его нервному напряжению. Сначала император наблюдал за ним с раздражением и тревогой, но затем тоже рассмеялся и хлопнул друга по плечу.

– А ведь ты был на волоске! Я едва не отдал приказ казнить тебя, – успокоившись, серьезно добавил он. – Остановили твои слова. Я задумался, как проснусь и не смогу ничего вернуть. И ладно бы убил друга из-за измены – так из-за желаний досадить матери! Ты прав, я не люблю Ефимию Брок. Если на то пошло, все эти курицы с отбора мне одинаково безразличны, посему выбирать будущую императрицу придется тебе. В качестве наказания, друг мой. Придумывай разные конкурсы, терпи капризы, а в конце предъяви самую достойную на блюдечке. Надеюсь, уж вторую-то девушку ты не присвоишь!

Варден снова от души рассмеялся. Морщины на его лбу разгладились, в ясных глазах не осталось гнева. Он снова хлопнул приятеля по плечу и, подмигнув, предложил откупорить бутылочку:

– Надо отпраздновать твое второе рождение!

– Даже не верится!

Ленар наконец-то выдохнул. Мышцы его расслабились; граф с готовностью достал два фужера и отпер потайной бар.

– Когда ты пришел, я подумал... Словом, уже последнюю молитву приготовил.

– А я взял и наказал иначе. – Варден сам налил себе янтарного напитка.

– О да, – усмехнулся граф, – ты знал, что я ненавижу этот отбор не меньше тебя. Невольно задумаешься, не лучше ли в петлю.

– Только попробуй! – пригрозил император и сделал неспешный глоток, чтобы окончательно потушить бушевавший недавно пожар. – И не смей халтурить! Не подойдет никто из этих девиц, устроишь новый отбор. Как хочешь, но жену мне достань! Взамен той, которую ты украл. И не абы какую, а самую лучшую.

Ленар пообещал стараться как для самого себя. Убедившись, что к Вардену вернулось благодушное настроение, он осмелился попросить за невинно пострадавшего:

– Дай мне в помощники Эммануэля. С Рогиром каши не сваришь. Бедняга Эммануэль пал жертвой императрицы-матери. Подумай, могли ли он ей отказать? Императрица бы его со свету сжила даже из ссылки.

– А ты наглеешь! – Монарх посмотрел на друга сквозь бокал. – И пяти минут не прошло, как счастливо сохранил пост и мое расположение, как уже – условия выдвигаешь!

– Всего лишь смиренно прошу и готов к отказу. – Ленар предпочел не нагнетать обстановку.

– Хорошо, я подумаю, – кивнул Варден.

Судя по его тону, удовлетворять просьбу он не собирался. Что ж, граф не собирался настаивать. Тут каждый сам за себя. Если бы хотел, Эммануэль подошел к Ленару, все честно бы рассказал, и сообща они бы нашли решение.

– Нужно пригласить леди Брок, не находишь? – сделав еще глоток, предложил император. – После твоего эффектного появления и не менее эффектного ухода бедняжка стала белее полотно и все просила тебя помиловать. Мол, не в себе, слишком много работаешь и тому подобное. За руки меня хватала, не давала проходу. С трудом удалось отослать ее к себе.

– Под арест? – нахмурился Ленар.

Напиток во рту потерял вкус, стал горьким.

– Если кого и следовало посадить под арест, то это тебя, – парировал монарх. – Для остротки. Леди Брок дали успокоительного и уложили спать, только и всего.

– Зная Ефимию, принимать она ничего не стала, – качнул головой граф и поставил фужер на стол: все равно пить не хотелось.

– Сейчас проверим. Я распоряджусь, чтобы ее привели, а мы пока обсудим дела. Заодно ты извинишься. Ты ведь собираешься извиняться?

Варден пристально посмотрел на приятеля. Тому не пришлось повторять дважды. Ленар принес свои глубочайшие извинения и клятвенно пообещал больше не испытывать терпения венценосного друга.

– Разве только в области политики, – расчетливо добавил он.

Император фыркнул:

– Вот лис! Спрашивается, где еще я найду такого изворотливого первого министра!

Откинувшись на спинку кресла владельца кабинета, он прищелкнул пальцами.

– Давай, предлагай, как поступить с герцогом Парским и его незаконнорожденной доченькой. Учти, – предупредил Варден, – я не стану скрывать, что это твое, а не мое решение, поэтому хорошо подумай, чтобы и себя обезопасить, и мне угодить. В случае мести защищать не стану.

Ленар скрыл легкую усмешку.

– Собственно, я всю жизнь этим занимаюсь: думаю и угождаю. Предлагаю начать с Идриса Блеккуока. Улик против него достаточно, можно спокойно отправить в застенки. Там любезный маршал даст нужные показания против вашего кузена. Тут уж волей-неволей придется его арестовать. С леди тоже все просто. Официально она Арно, никаких других ее отцов мы не знаем. Раз так, что мешает применить к ней обычные нормы закона? Сначала обвиним в похищении с целью устранения конкурентки, а там, глядишь, и маршал с показаниями подоспеет. Леди Брок советую до поры не вмешивать. У нее не самое лучшее происхождение, многие сочтут ее слова наветом. То ли дело граф Лемар! Он заткнет рот любым скептикам.

Император довольно кивнул. Даже после пережитого потрясения мозг друга работал четко и выдавал взвешенные решения.

– Я поступлю в точности по твоему совету. А теперь сядь наконец! Или ты тоже решил меня наказать, лишиться своей дружбы?

Ленар улыбнулся и протянул Вардену руку. Император без промедления пожал ее и, кивнув на свободное кресло, приказал:

– Садись! Будем пить и ждать твою спящую красавицу.

– Спасибо, давай ты один, – попытался отказаться граф, но взгляд Вардена убедил бы выпить и трезвенника.

* * *

Ленар неплохо изучил Ефимию. Она вылила успокоительное на пол и, снедаемая тревогой, бодрствовала в постели, когда к ней осторожно заглянула горничная.

– Ну, Лора?!

Ефимия подскочила, клещами вцепилась в оторопевшую служанку.

– Вас... Вас просили одеться, – не с первой попытки выговорила Лора.

Как и все во дворце, она знала о некоем скандале в покоях императора. Слуги слышали приглушенный разговор на повышенных тонах, после которого мрачный первый министр быстрым шагом удалился к себе, а Ефимию вывели в слезах.

Леди Брок мысленно подготовилась к самому страшному и приказала одеть и накрасить себя наилучшим образом: если умирать, то красивой. Перед уходом она написала короткое письмо матери, где повинулась за все свои проступки.

– Отправишь, если я не вернусь.

Запечатав конверт, Ефимия протянула его побледневшей Лоре и, глубоко вздохнув, кивнула:

– Я готова, можем идти.

Девушка полагала, ее проводят к закрытому экипажу, в крайнем случае к дверям императорского кабинета, но уж точно не ожидала очутиться в покоях Ленара. Сердце забило чаще. Ефимия практически задыхалась. Когда слуга доложил о ее приходе, она до боли стиснула пальцы. Кого она увидит за дверью, что с любимым?

– А вот и ваша невеста! – приветствовал Варден скованную страхом Ефимию.

Он успел чуточку захмелеть, но вместе с тем стал добродушнее.

Ничего не понимая, девушка перевела взгляд на второго мужчину и, покачнувшись, ухватилась за сердце. Ленар! Живой, без кандалов!

– Сядьте, пожалуйста.

Граф заботливо усадил Ефимию на диванчик и налил ей воды.

– Все улажено, – шепотом заверил он и под короткий смешок Вардена поцеловал девушке руку.

– Вы чуть нас не рассорили, леди Брок! – Развалившись в кресле, император пристально изучал ее лицо. – Роковая вы женщина! Даже маркиза Плее на такое не сподобилась. Кстати, – обернувшись к другу, полюбопытствовал он, – ты не в обиде, что я спровадил Катарину вместе с матушкой? Не скучать же ей в одиночестве!

– Я бы не отказался, если бы ваше величество и вовсе сослал ее на луну. Между нами давно все кончено. К тому же маркиза, скорее всего,

тоже предстанет перед судом.

– Вот как? – поднял брови император, однако ничего уточнять не стал.

Внимание его сосредоточилось на Ефимии. Она ерзала на диване под испытующим взглядом монарха. Еще недавно он метал гром и молнии, а сейчас спокоен. Подозрительно! Пусть Ленар утверждал, будто разногласия улажены, вряд ли Варден оставит без ответа болезненный укол по самолюбию.

– Напомните, пожалуйста, где вы проживаете и с кем? – неожиданно спросил император.

Девушка мельком глянула на стоявшего рядом Ленара. Тот не выказывал беспокойства, выходит, речь не об очередной ссылке или поездке на рудники. Но ком в горле не спешил рассасываться. Ефимия должна убедиться, что гроза миновала.

– Мы обосновались неподалеку от деревушки Мелрой в графстве Орой, ваше величество. Мы – это моя матушка, тетя, младшая сестра и я.

Варден кивнул своим мыслям и, выпрямившись, в который раз за ночь потянулся за бумагой.

– Ничего не бойтесь! – вновь шепотом успокоил любимую женщину Ленар и, поколебавшись, устроился рядом на диване, завладев рукой Ефимии.

Он мог только гадать, что задумал император, но раз Варден обещал, то не причинит вреда.

– Вы как голубки! – покосившись на парочку, хмыкнул монарх. – Надеюсь, леди Брок, вы не против, если я стану свидетелем на вашей свадьбе. Сыграем ее в сентябре: пусть Ленар подготовится, спокойно простится с холостяцкой жизнью. Она выдалась чрезвычайно долгой и разбилась об утес ваших прелестных глаз.

Ефимия зарделась и смущенно поблагодарила императора за оказанную честь. «Ты знал?» – взглядом спросила она у Ленара. Тот покачал головой. Вот тебе и опала!

– Я намерен назначить вашим близким ежемесячное содержание, – вернулся к более приземленным делам Варден. – К сожалению, завтра же вы покинете отбор, но, полагаю, не останетесь в накладе. Титул графини Митас не так почетен, как императорский, зато вам не придется ежедневно ловить косые взгляды. Вдобавок я

намерен пересмотреть дело вашего отца и братьев. Не обещаю, что вам вернут баронский титул, однако ваша сестра сможет выходить в свет и рассчитывать на достойную партию, а не на какого-нибудь пастуха. Выпишите ее в столицу, я хочу взглянуть на нее. Только взглянуть, безо всяких обещаний, – подчеркнул император. – Хотя если она столь же прекрасна, я готов рассмотреть ее в качестве одной из участниц матримониального конкурса.

Высвободив руку из пальцев любимого, Ефимия поднялась с дивана и присела в глубоком реверансе.

– Полно! – отмахнулся Варден. – Вы всегда мне нравились, даже когда выяснилось, что вы Брок. А теперь поцелуйтесь. – В глазах его мелькнула хитринка. – Хочу убедиться, что вы оба меня не обманываете.

Ленар широко улыбнулся и, поднявшись вслед за Ефимией, стиснул сконфуженную девушку в кольце объятий.

– О, целовать Ефимию станет одним из моих любимейших занятий! – со смешком заверил он венценосного друга и потянулся к девичьим губам.

Сначала Ефимия стеснялась: как можно целоваться при посторонних? Но вскоре она растаяла под жаром настойчивых и таких соблазнительных губ, со вздохом прильнула к груди Ленара и выкинула из головы наблюдавшего за ними Вардена. В конце концов, он сам приказал, пускай не жалуется на грубейшее попрание этикета. А если завидует, дверь не заперта, чужие чувства они щадить не станут.

– Верю! – кивнул император, когда покрасневшие влюбленные оторвались друг от друга. – А посему предлагаю тост за будущую графиню Митас. Девушка сядет, а мы с тобой, Ленар, стоя выпьем до дна. За вашу долгую счастливую жизнь! Хоть какой-то толк от глупейшего отбора! – вполголоса добавил он и, позвав слугу, велел принести игристого вина.

Воспользовавшись тем, что император не видит, Ленар еще раз поцеловал Ефимию и, спохватившись, опустился перед ней на одно колено. Перед тем, как пить за свадьбу, нужно сделать предложение.

– Леди Ефимия Брок, – торжественно начал он, – согласны ли вы?..

– Она давно сказала «да», – грубо оборвал его император.

Порывшись в кармане, он достал знакомую коробочку и протянул ее приятелю.

– От сердца отрываю! – пробурчал Варден. – Но какое обручение без кольца? Будете передавать из поколения в поколение как реликвию. И чтобы первым мальчик родился, в следующем же году! – шутливо пригрозил монарх.

Влюбленные переглянулись и дружно улыбнулись.

– Ну вот, – кивнул император, когда кольцо украсило палец Ефимии, – все формальности соблюдены, можно праздновать. Заодно игристое подоспело.

Слуга проворно откупорил бутылку, и собравшаяся в кабинете первого министра троица подняла бокалы за удачно завершившийся отбор. Правда, невеста досталась совсем другому мужчине, но это всего лишь детали.